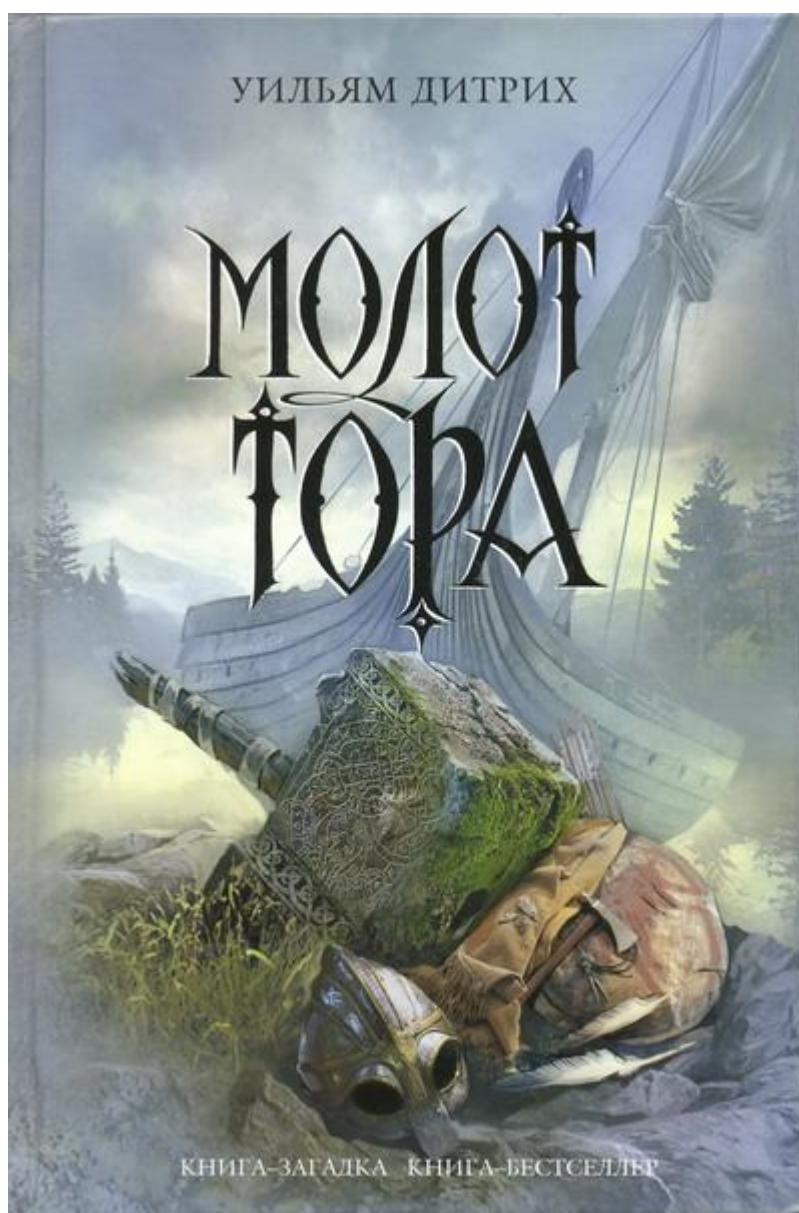

Уильям Дитрих Молот Тора

Итан Гейдж – 3

Scan - Alex1979. OCR & ReadCheck - Estel22 <http://oldmaglib.com>
«Уильям Дитрих "Молот Тора"»: Эксмо, Домино; Москва, СПб; 2010
ISBN 978-5-699-42752-9

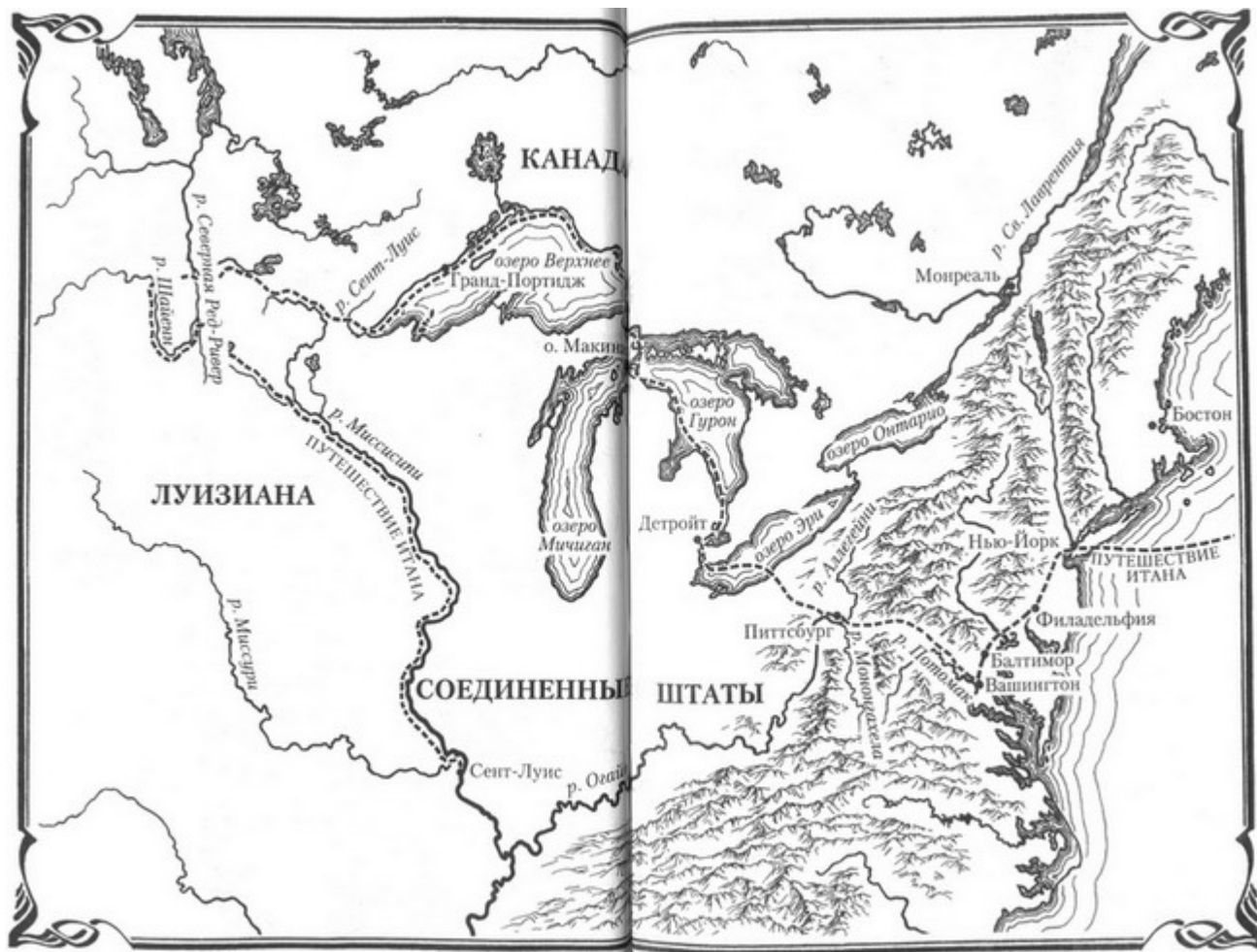
Аннотация

1800 год. Искатель приключений американец Итан Гейдж выполняет секретные поручения Наполеона Бонапарта, соблазняет его сестру и становится свидетелем битвы при Маренго в Италии. Познакомившись в Париже с таинственным норвежцем Магнусом Бладхаммером, Итан Гейдж отправляется вместе с ним в Америку на поиски доказательств пребывания там скандинавов в Средние века, главное из которых — молот Тора, могущественное оружие древнего скандинавского бога. На пути к цели их подстерегает множество опасностей: противоборство с дикой природой, схватки с

кровожадными индейцами, коварство и предательство последователей египетского масонства.

Уильям Дитрих «Молот Тора»

Карта

Глава 1

Посвящается моему зятю Себастьяну

Полагаю, я погрешил бы против истины, сказав, что только с моей помощью Наполеону удалось укрепить свою власть и изменить ход мировой истории. Я поддержал его план перехода через Альпы и подхода к австрийской армии с фланга, а позже повлиял на ситуацию в ходе битвы при Маренго — но, честно говоря, моя роль была отчасти случайной. Однако разве это так уж важно? Ведь легкое преувеличение чьей-либо роли позволяет порадовать дам интересной историей, и хотя я, Итан Гейдж, мог бы служить образцом откровенности, когда стремлюсь к достижению некоторых целей, но, безусловно, склонен к преувеличению собственных заслуг, ежели от этого зависит успех в делах альковных.

Правда заключается в том, что моя успешная и своевременная служба в Северной Италии вернула мне расположение Наполеона, мое учтивое и дружелюбное общение с

американскими дипломатами способствовало заключению Морфонтенского мирного договора, и при всей моей беспутной репутации мне довелось попасть в блестящее общество, собравшееся на празднование упомянутого соглашения. Там я умудрился вновь раскрутить судьбоносное колесо рулетки, польстившись на многообещающее свидание с замужней сестрой Наполеона, и в итоге едва не сгорел, как римская свеча на праздничном фейерверке. Ради женского внимания я порой готов прихвастнуть, но никто не сможет обвинить меня в бездеятельности и лени.

К несчастью, моя беспечная похвальба побудила одного полубезумного норвежца привлечь меня к сомнительным и таинственным поискам на весьма неблагоприятном континенте — очередное подтверждение того, что тщеславие чревато опасностями, а скромная сдержанность обеспечивает более разумный стиль жизни. Лучше держать язык за зубами и быть заподозренным в глупости, чем разболтаться и подтвердить эти подозрения.

Ах, но бюст Полины Бонапарт так соблазнительно, подобно двум белым подушечкам, вздымался над очаровательно смелым декольте ее платья, а винные погреба ее брата вкупе с влиятельными мужами, побуждающими поделиться рассказами о былых подвигах, настолько вскружили мне голову, что я практически не мог удержаться от признания сыгранной мною значительной роли в недавних исторических событиях. Тем более в окружении многочисленной публики карточного салона! Претендующий на важность и мудрость противник легче раскошеливается и смиряется с проигрышем. В общем, пока я заливался соловьем, внимавший моим трелям рыжебородый скандинав взирал на меня со все нарастающим интересом, а сам я ласкал взглядом кокетливую Полину, зная, что она верна своему супругу генералу Шарлю Леклерку почти так же, как гуляющая в полнолуние бездомная мартовская кошка. Эта распутница обладала красотой Венеры и разборчивостью матроса в портовом кабаке. Неудивительно, что она одарила меня своим благосклонным вниманием.

Сегодняшняя дата, тридцатое сентября 1800 года — или, по французскому революционному календарю, восьмой день вандемьера IX года, — оказалась весьма знаменательной. Взойдя на вершину власти благодаря революции, Наполеон заявил о ее окончании, и все мы надеялись, что вскоре он отменит надоевшую всем десятидневную календарную неделю, ибо ходили слухи о его переговорах с Папой по поводу возвращения католических священников. Никто, разумеется, не скучал особенно по субботним церковным службам, но всем нам не хватало разгульного, располагающего к лени воскресенья. Бонапарт, однако, вынашивал и личные планы. Минуло каких-то десять месяцев с тех пор, как он захватил власть (отчасти благодаря магической Книге Тота, найденной мною в одном затерянном городе), а совсем недавно с большим трудом одержал победу при Маренго. Необходимость урегулирования беспорядочных франко-американских отношений, осложнившихся тем, что мои соотечественники, американцы, также одержали несколько впечатляющих военных побед на море и, сведя счеты с французами, посеяли панику на французских кораблях, спровоцировала очередные шаги к объединению господствующих мировых сил. Наши враждующие страны были, в конце концов, двумя единственными в мире республиками, хотя диктаторский стиль Наполеона и подавлял во Франции эту прогрессивную форму правления. И вот стороны достигли мирного соглашения! Неслучайно на его празднование в Морфонтен прибыла вся французская элита. Никто из военачальников не мог превзойти Бонапарта в прославлении миротворческих деяний.

Морфонтен представлял собой живописное поместье с очаровательным замком километрах в тридцати пяти к северу от Парижа. Достаточное расстояние, иными словами, для новых французских лидеров, чтобы устроить великолепный прием подальше от глаз избравшего их народа. Это шикарное имение приобрел брат Бонапарта, Жозеф, и никто из собравшихся не осмелился даже помыслить о том, что наследникам революции следовало бы проявить чуточку больше скромности. Мне еще не приходилось встречать столь пронизательного знатока человеческих слабостей, как Наполеон, недавно отметивший тридцать первую годовщину своей бурной жизни, и потому ему без особого труда удалось

возродить во Франции некоторые из заманчивых роялистских церемоний, по которым народ успел соскучиться со времен падения с плеч короля Луи венценосной головы и гильотинирования вслед за тем среди прочих и «вязальщиц».¹ Богатство вновь стало позволительным. Поощрялись амбициозные стремления и изысканные наряды. Бархат, запрещенный в период террора, стал теперь не только разрешенным, но и модным. Парики могли считаться пережитками прошлого века, но современная мода диктовала важность золотых армейских галунов. В этих изысканных владениях собралось множество новых влиятельных политиков и по-новому соблазнительных дам, чьи шелковые и парчовые наряды внесли радостную живую струю в деятельность парижских галантерейщиков, быстро освоившихся с более классическим республиканским стилем. Лафайет и Ларошфуко пригласили в Париж всех выдающихся американцев, не обошли вниманием даже меня. В общей сложности на приеме веселилась пара сотен американских гостей, и все мы опьянели от нашего триумфа и французского вина.

Бонапарт потребовал, чтобы распорядитель его праздничных торжеств, Жан Этьен Депо, в кратчайшие сроки устроил великолепное зрелище. В связи с чем сей прославленный маршал увеселений нанял архитектора Селлерье для восстановления здания театра, подрядил труппу Комеди Франсез, чтобы она сыграла фривольную пьесу на тему трансатлантических отношений, и подготовил роскошную феерию, с огненной мощью которой мне довелось познакомиться излишне близко.

В трех смежных залах оранжереи накрыли три огромных стола. Главным стал зал Мирного Соглашения, его центральную стену украшал свиток с изображением Филадельфии и Гавра по разные стороны Атлантики, а промежуточное водное пространство увенчивала полуобнаженная дева, которая символизировала мир, держа в руке оливковую ветвь. Не знаю, почему европейские художники обычно стремятся срывать девичьи одежды, но должен заметить, что этой традиции стали подражать и более степенные американцы. Листвы, цветов и гирлянд, окружавших сию мирную фреску, с лихвой хватило бы для начала лесного пожара.

В двух соседних помещениях соответственно стояли бюсты моего покойного наставника Бенджамина Франклина и недавно умершего Джорджа Вашингтона. В парке соорудилиobelisk с аллегорическими фигурами Франции и Америки, задрапированными трехцветными полотнищами. В прудах и фонтанах плавали розовые лепестки, по газонам важно расхаживали срочно завезенные павлины, а пушки то и дело извергали залпы праздничного салюта. Судя по всему, Депо не зря потратил деньги, а я наконец попал в дружелюбное общество.

По просьбе Жозефа Бонапарта я захватил на праздник винтовку, которую сам помогал делать в Иерусалиме. Гнусный негодяй Нажак обращался с ней очень грубо, но я отправил его в преисподнюю, проткнув шомполом кровожадное сердце, а позднее заплатил двадцать франков за ремонт ружейной ложи. На сегодняшнем празднике мне удалось продемонстрировать точность стрельбы этого оружия. С сотни шагов я разбил выстрелом чайную чашку, а с двухсот — пять раз кряду попал в кавалерийскую кирасу, и отверстия в ней убедили офицеров согласиться с непредсказуемой прицельностью мушкетов. Многие ветераны посетовали на утомительно трудоемкий процесс зарядания винтовки, но все же признали, что благодаря ей меткость наших пограничных стрелков во время североамериканских войн была столь убийственной.

— Охотничье оружие, — не погрешив против истины, оценил один полковник. — Легкое в носке и замечательно меткое. Но выглядит уж больно хлипким! Грубый новобранец сломает такую изящную штуковину, как фарфоровую статуэтку.

— Или научится хорошо заботиться о ней, — возразил я, хотя понимал, что он прав и

¹ «Вязальщицы» Робеспьера — так называли женщин из народа, заполнявших галереи революционного трибунала, приветствовавших его приговоры. Обычно они были с вязаньем в руках.

такое оружие непрактично использовать в больших армиях.

После каждой полудюжины выстрелов винтовку необходимо очищать от остатков пороха, в то время как любой неумеха, без конца стреляя наугад из более грубых мушкетов, может случайно попасть-таки в цель. Винтовка хороша для снайперских подразделений. Выстрелив очередной раз с пятидесяти шагов, я пробил дырку в золотом луидоре. Прелестные дамы, обмахиваясь веерами, выразили свое одобрение, военные завистливо глянули на мой ствол, а вокруг нас по лужайке с заливистым лаем носилась свора охотничьих собак.

Сентябрьское солнце щедро изливало теплый послеполуденный свет на подъехавшую открытую карету Наполеона, ведомую шестеркой белых лошадей и сопровождаемую кавалерийским эскортом в блестящих золотых касках, его прибытие встретил триумфальный пушечный салют. Супруга первого консула следовала поодаль, на расстоянии сотни шагов, в карете цвета слоновой кости, посверкивающей перламутровым блеском. Консульская карета лихо остановилась, захрапевшие лошади оросили гравиевую дорожку, ливрейные лакеи распахнули дверцы, и гренадеры вытянулись по стойке «смирно». Бонапарт вышел в обмундировании своей личной стражи — синем мундире с красно-белым воротником, ножны его сабли украшало филигранное изображение сражающихся воинов и парящих богинь. Отбросив высокомерие, он выглядел крайне благодушно: слава победителя битв при Пирамидах и Маренго говорила сама за себя. Никому не удалось бы возвыситься до должности первого консула, не имея изрядной доли обаяния, а Наполеон легко покорял сердца не только седых ветеранов, но и дам в гостиных, лукавых политиков и ученых — каждых в свой черед, а при необходимости и всех разом. И сегодня вечером он продемонстрировал все великолепие своего обаяния. Положившись на Лафайета, который не так давно помог и моей стране завоевать независимость, Бонапарт, словно сельский помещик, прогулялся с уполномоченными американскими миротворцами по окрестным садам. В итоге, когда часы пробили шесть раз, Шарль Морис Талейран-Перигор, министр иностранных дел, пригласил нас на церемонию оглашения мирного договора.

Жозефина тоже раскатывала в своей великолепной карете, а мне оставалось лишь скрывать хмурые взгляды. Должен признать, что она вновь обрела власть и, хотя сроду не отличалась особой красотой (уж не говоря о давно потерявших белизну зубах и слишком остром и длинном носе), сейчас выглядела более привлекательной, чем когда-либо. Она щеголяла в жемчужном ожерелье, стоившем, говорят, четверть миллиона франков, но ей удалось уговорить министра финансов подделать счета, чтобы эта трата осталась незамеченной Бонапартом. Однако никто больше не завидовал ее драгоценностям. Зная, что настроение супруга весьма переменчиво, на подобных сборищах Жозефина вела себя исключительно благовоспитанно, расточая всем и каждому такие лучезарные и добрые улыбки, словно благополучие любого гостя было ее личной заботой. Изменив Наполеону в недавнем прошлом, она с моей помощью избежала развода, а в недалеком будущем могла стать императрицей. Но эта неблагодарная изменница вознаградила меня и мою египетскую возлюбленную Астизу отправкой в тюрьму Тампль, и именно из-за непрощенной обиды рискованный флирт с сестрой Бонапарта Полиной показался мне еще более заманчивым. Мне хотелось поиздеваться над кем-то из семейки Бонапарта, как он издевался надо мной. Из меня пытались сделать козла отпущения (причем не один раз), и неизбежное присутствие первой леди, Жозефины, сияющей так, словно она выиграла в революционную лотерею, черной тучей омрачало безоблачную синеву сегодняшнего дня. Овдовев во время террора, предприимчивая дама сделала ставку на молодого Корсиканца и теперь невероятным образом оказалась во дворце Тюильри.

Если Жозефина вызывала мучительные воспоминания о расставании с Астизой, то искавшие моего совета американские эмиссары польстили моему самолюбию, щедро высказав свои благодарности. Оливер Элсуорт, председатель Верховного суда, трудившийся над созданием конституции моей родины, ныне взял на себя руководство этой дипломатической миссией. Равной известностью пользовались и два его помощника: Уильям

Ричардсон Дейви, герой Войны за независимость, и Уильям Ванс Мюррей, мэрилендский конгрессмен, служивший послом в Нидерландах. Вся эта троица рисковала, приняв на себя ограниченные полномочия первых посланников в надежде на завершение срока слабого президентства Джона Адамса. А в качестве советника им достался я, молодой, неопытный и разочарованный охотник за сокровищами, азартный игрок, меткий стрелок и искатель приключений, умудрившийся как-то поладить и с британцами, и с французами в недавней войне в Египте и Святой земле. Мне также довелось поработать секретарем у великого и, увы, покойного Франклина, и в дальнейшем я самолично завоевал репутацию знатока электричества, однако — самое главное — пользовался благосклонностью Бонапарта, когда он бывал в хорошем настроении. Мы оба с ним были темными норовистыми лошадками (просто Наполеон превосходил меня непредсказуемостью), и он доверял мне как собрату-оппортунисту. Честными людьми трудно управлять, но те из нас, кто блюдет свои интересы, руководствуясь здравым смыслом, более предсказуемы. Поэтому после Маренго меня использовали в качестве посредника, курсирующего от Талейрана к нетерпеливым американским послам, и в итоге мы заключили мирный договор.

— Если мне что и нравится в вас, Гейдж, так это то, что вы руководствуетесь практической выгодой, а не строгими принципами, — шепнул мне как-то раз Бонапарт.

— А мне, первый консул, нравится в вас то, что вы с равным удовольствием готовы использовать способности и уничтожать своих противников, — любезно ответил я. — Вы уже пытались казнить меня, по-моему, три или четыре раза... И все же теперь мы стали мирными партнерами.

«Как чудесно порой складываются обстоятельства», — заметил мне однажды английский капитан, сэр Сидней Смит.

— Партнерами? Эх вас занесло! Нет, Гейдж, вы лишь инструмент в руке скульптора. Но я хорошо забочусь о своих инструментах.

Едва ли он хотел польстить мне, но обаяние этого человека отчасти заключалось в его грубоватой, порой бестактной откровенности. Он мог сообщить дамам, что их наряды крикливы или их талии слишком толсты, поскольку ему нравились стройные и рассудительные скромницы в белых платьях, чей образ, очевидно, укладывался в мечтательные представления о девственной красоте. Ему все сходило с рук, поскольку его власть служила мощным афродизиаксом. А я между тем приобрел дипломатический опыт.

— О, я высоко ценю ваш инструментарий, созидательный Парис.

Под настроение я умел проявить подострастность, зная, что покои Наполеона в Тюильри сейчас завалены грандиозными планами превращения Парижа в прекраснейшую мировую столицу. Новые правительственные дотации привели к расцвету театрального искусства, тщательно пересматривались налоги и гражданский кодекс, восстанавливалась экономика, благополучно закончилась война с австрийцами в северной Италии. Даже шлюхи нынче стали одеваться прилично. Этот лидер с ловкостью великолепного мошенника повсюду находил свою выгоду, и в итоге в карточные салоны хлынули толпы новичков, а мне удалось изрядно пополнить скромное жалованье выигрышами у подвыпивших простофиль. Все шло подозрительно хорошо, и мне следовало бы заползти в норку и затаиться, предвидя перемены к худшему, но оптимизм опьяняет, как вино. Он побуждает нас пользоваться любым шансом.

Вот так я попал на прием в принадлежащее старшему брату первого консула французское поместье, и хотя не выглядел таким же респектабельным, как здешняя американская братия, но заработал тем не менее некоторую славу как ученый, придумавший год тому назад при осаде Акры в Святой земле заряженную электричеством цепь, которая поразила атакующих солдат. Тот факт, что мое изобретение помогло британцам, похоже, никого не волновал, поскольку в первую очередь предполагалось, что у меня не было реальных причин хранить кому-либо верность или блюсти чьи-либо интересы. Слухи о том, что я убил шлюху (абсолютно ложны) и сжег колдуна (верны, хотя он получил по заслугам), попросту добавили привлекательности моей особе. Помимо прочего, благодаря винтовке и

томагавку за мной закрепилась слава потенциально опасного человека, но подобная угроза как раз способна лучше всего подогреть интерес дам и воспламенить их щечки.

Я самодовольно выслушал бесконечные речи (мое имя действительно упоминалось дважды) и основательно подзаправился на торжественном обеде, памятуя о том, что обычно мне не по карману баловаться столь изысканными яствами. Изображая скромника, я сдержанно поделился историей моих приключений, которые снискали мне дьявольскую репутацию или по меньшей мере репутацию чертовски живучего человека. Многие выдающиеся американцы были франкмасонами, и их заинтересовали древние тайны и поиски рыцарей-тамплиеров.

— Вероятно, нам, современным ученым, — с важным видом знатока заявил я, — недоступны пока многие загадки древнейших богов и достижения древней науки. Да, господа, есть еще много секретов, достойных открытия. Древние знания пока спрятаны под покровом тайны.

В ходе пиршества мы охотно присоединились к тосту в память павших борцов за свободу, после чего и завершилась официальная церемония. Вполне удовлетворив собственное тщеславие, я с нетерпением предвкушал вечер карточной игры, танцев и амурных побед.

Грянула музыка, и я отправился прогуляться по парку, с удивлением глаза, как все американцы, на роскошь французской архитектуры. На территории Морфонтена расположилось множество причудливых строений, которые на моей родине сочли бы сараями, но Жозеф не поскупился — ведь теперь их семейство получило доступ к французской казне — и отделал их с особой изысканностью.

— Великолепно, хотя мало чем отличается от нового жилища нашего президента, — промурлыкал кто-то рядом со мной.

Я обернулся. Высказывание сделал Дейви, заметно повеселевший после принятия изрядного количества шампанского. Его красивое лицо, обрамленное густой шевелюрой и длинными, расширяющимися книзу бакенбардами, завершалось волевым раздвоенным подбородком. Давно разменяв пятый десяток, он был старше меня как минимум лет на десять.

— Неужели? — отозвался я. — Если на болотистых землях между Виргинией и Мэрилендом построили нечто подобное, то мой народ уже достиг небывалых успехов.

— Сам президентский особняк, в общем-то, построили по образцу одного правительственного здания в Ирландии — насколько я понимаю, там его использовали как масонский храм, — и он выглядит действительно великолепно в нашем молодом государстве.

— То есть президент обитает в масонской ложе? А откуда возникла экстравагантная идея строительства новой столицы в дикой глуши?

— В том-то и прелесть — построив Вашингтон в такой глуши, мы сможем лучше проводить мирную политику. Правительство переедет в новое местечко, где поначалу будет больше пней, чем величественных изваяний, но ожидается, что наш столичный Вашингтон в Колумбии очень быстро разрастется. Со времен Лексингтона и Конкорда наше население удвоилось, а победы над индейцами открыли нам доступ в земли Огайо.

— Французы говорят, что туземцы размножаются, как кролики, а мы, американцы, похоже, берем с них пример.

— Неужели вы стали закоренелым экспатриантом, господин Гейдж?

— Скорее закоренелым почитателем цивилизации, способной создавать подобные усадьбы, господин Дейви. Мне далеко не всегда нравятся действия французов, я даже сражался с ними в Акре — но я люблю их столицу, их кулинарию и вина, люблю францушек и в данном случае, говоря объективно, их особняки.

Я взял с ближайшего стола оригинальное новшество, плиточку шоколада, выгодно отличающуюся от его жидкого варианта в чашке. Один изобретательный итальянец сделал этот деликатес твердым, а французы ввели его в моду. Зная, как переменчива бывает

фортуна, я припрятал в карман горсть шоколадок.

И правильно сделал: такая запасливость спасла мне жизнь.

Глава 2

— Значит, вы не располагены возвращаться на родину? — спросил меня Дейви.

— Честно говоря, я подумывал об этом, но Наполеон неожиданно втянул меня в последнюю итальянскую кампанию и наши мирные переговоры. Обстоятельства пока препятствуют моему возвращению, да и здесь, во Франции, я, возможно, больше сделаю для нашей родины.

Так же как Франклина и Джефферсона, меня пленила красота этой европейской страны.

— Возможно, возможно. И все-таки вы ведь, по-моему, воспитывались под крылом Франклина. И уже слывете, как я слышал, новым знатоком электрической науки.

— Я провел кое-какие эксперименты.

К ним относились, на мой взгляд, укрощение силы молнии в затерянном городе и превращение самого себя в заряженное тело для воспламенения моего заклятого врага, но я не стал сейчас вдаваться в подробности. Разлетевшиеся слухи и так обеспечили мне вполне удовлетворительную репутацию.

— Я упомянул об этом по той причине, что наша делегация познакомилась с одним господином из Норвегии, который очень заинтересовался вашими экспериментами. Он полагает также, что ваше с ним научное общение могло бы стать взаимовыгодным. Вас интересует такое знакомство?

— Из Норвегии?

Перед моим мысленным взором появилась туманная картина дремучих заснеженных лесов и средневекового уклада жизни. Я знал, что в тех местах тоже живут люди, но с трудом понимал их привязанность к суровому северу.

— У них пока заправляют датчане, но по нашему американскому примеру они все больше увлекаются идеей независимости. У него удивительное имя — Магнус Бладхаммер,² очевидно, он из рода викингов, причем такая фамилия вполне подходит его внешности. Кстати, он, как и вы, большой оригинал.

— Я предпочитаю считать, что моя оригинальная индивидуальность неподражаема.

— Я хотел сказать, что вы оба люди широких взглядов. Если мы столкнемся с ним, то я вас представлю.

Отказывать было неудобно, и я лишь пожал плечами, сознавая, что толика славы требует общения с новыми людьми. Но я совершенно не горел желанием беседовать об электричестве с каким-то норвежцем (по правде говоря, меня беспокоили изрядные пробелы в собственном образовании, которые мне не хотелось обнародовать), поэтому при первой же возможности предложил моему спутнику зайти в игровой зал, где народ с увлечением осваивал новое изобретение, так называемую рулетку, то бишь «колесико». Там же я увидел и милую Полину.

Сие игровое устройство французы позаимствовали у англичан, слегка усовершенствовав его добавлением двух цветов и большего количества цифр, а также присовокупив к колесу разметочное поле, позволяющее делать игровые ставки. Выбор отличался разнообразием, ставки принимались как на один сектор, так и на половину рулеточного колеса, если, к примеру, вам вздумалось поставить только на нечетные числа. Народ, со времен террора вовлеченный в полную опасностей роковую судьбу, страстно увлекся этой новой игрой. Полагая карточные игры более интеллектуальными, я чаще участвовал в них, чем делал ставки в рулетке, но мне нравилось толочься возле этих столов в возбужденной толпе, вдыхая запахи табачного дыма и мужского одеколona, поглядывать на

² **Blood** (англ.) — кровь, род; **hammer** — молот, вместе — «кровавый или родовой молот».

соблазнительно откровенные декольте склоняющихся дам и следить за крупье, сгребаящим фишки с ловкостью искусного фехтовальщика. Наполеон осуждал рулетку, так же как и новые экстравагантные веяния в женских нарядах, но у него хватало ума не запрещать их.

Я посоветовал Дейви сделать пару небольших ставок, которые он сразу проиграл. Разохотившись, он отважился еще на несколько ставок, но добился того же результата. Игроком надо родиться. Я оплатил его проигрыш из своей скромной прибыли, полученной за счет умеренных ставок на колонку и линию. Полина, азартно склонившаяся над столом напротив меня, играла еще более безрассудно. Не сомневаюсь, что она уже проиграла деньги, выделенные ей знаменитым братом, но затем вдруг случайно выиграла тридцать пять к одному, поставив на удачное число, и радостно захлопала в ладоши, отчего ее сплотившиеся грудки стали выглядеть еще более соблазнительно. Она числилась первой красавицей среди родственников Наполеона и пользовалась повышенным спросом в кругу портретистов и скульпторов. Поговаривали даже, что она соглашалась позировать обнаженной.

— Мадам, видимо, ваше непревзойденное игровое искусство соперничает только с вашей красотой, — поздравил я ее.

— Мне сопутствует удача брата! — со смехом воскликнула она.

Она не блистала умом, но обладала преданной натурой и не бросила Бонапарта в грядущие тяжелые времена, когда вероломные друзья и даже родственники отвернулись от него.

— Нам, американцам, следовало бы поучиться у такой удачливой Венеры, как вы.

— Но, месье Гейдж, — парировала она, взмахнув ресницами и сверкнув пламенным взглядом, — мне говорили, что вы сами на редкость искусны.

Я скромно склонил голову.

— Вы служили с моим братом в Египте, присоединившись к отряду ученых, — продолжила она. — Однако вдруг решили противостоять ему в Акре, но ваши пути вновь пересеклись восемнадцатого брюмера, когда он захватил власть, и теперь вы с ним опять стали союзниками, выиграв битву при Маренго. Похоже, вы мастерски умеете находить выход из любого положения. — Улыбнувшись, она решила пояснить последнее замечание: — Так и в танце, все зависит от выбора партнера.

Дейви, безусловно воспринявший подшучивание замужней сестры первого консула как возможный дипломатический провал, слегка откашлялся.

— А мне, господин Гейдж, — заявил он, — не повезло приобщиться к той удаче, что, очевидно, сопутствует вам и этой даме.

— О, у вас впереди еще масса возможностей, — великодушно и даже искренне возразил я. — Дейви, позвольте, я открою вам секрет азартной игры. Любой игрок проигрывает с той же неизбежностью, с какой смерть поджидает нас в конце жизненного пути. Игра дарует надежду, а математика обеспечивает расчет разбившихся надежд и фатальных поражений. Фокус заключается в том, чтобы вовремя сбежать, забрав выигрыш, умудрившись на мгновение перехитрить арифметику. Немногие способны на это, поскольку уверенность в успехе подавляет здравый смысл. Из чего следует, что лучше обзавестись такой рулеткой, но самому не играть на ней.

— У вас, сэр, репутация азартного и удачливого победителя.

— В драке, но не в войне. Игра же не доведет до добра.

— Но, судя по всему, вы честный малый. Зачем же вы играете?

— Я могу повысить свои шансы, выигрывая у менее опытных игроков. Но более важна сама игра, как говорил мне сам Бонапарт. Привлекателен именно процесс игры.

— Да вы философ!

— Все мы задаемся вопросами о тайнах жизни. А те, кто не озадачивается поиском ответов, раздают карты.

— Тогда, вероятно, нам следует присесть за карточный стол, — с улыбкой заметил Дейви, — и сыграть в фараона, позволив вам пополнить содержимое карманов. Я

подозреваю, что вы легко обыграете ваших неотесанных соотечественников. А кстати, вон и наш Бладхаммер, полагаю, его еще больше заинтересует разнообразие ваших экспериментов. Тем более, насколько я понял, вы имели еще и опыт в пушной торговле?

— На заре туманной юности. Да уж, смею сказать, я повидал мир. И пришел, кстати, к выводу, что мы живем на жестокой, восхитительной и весьма ненадежной планете. Поэтому, конечно, давайте подкрепимся кларетом, и тогда вы сможете спрашивать меня о чем угодно. Может быть, и дама пожелает присоединиться к нашей компании?

— После того как удача улыбнулась мне в рулетке, месье Гейдж? — Она прищурилась. — Я не обладаю вашей силой воли, чтобы отказаться от игры, когда мне начало везти.

Я устроился за соседним столом в мужском обществе, ведя беседу с легким раздражением, пока соблазнительный образ Полины — про себя я теперь называл ее милашка Полли — не выветрился из моей головы. Элсуорту захотелось послушать о египетских памятниках, которые уже породили наполеоновские планы в Париже. Ванс Мюррея интересовала Святая земля. Дейви жестом пригласил в нашу компанию одного маячившего в тени медвежьего вида здоровяка, коим и оказался упомянутый им ранее норвежец. Будучи одного со мной роста, Магнус обладал богатырским телосложением и обветренной, как у рыбака, красноватой кожей. Один глаз у него скрывался под пиратской повязкой, а другой поблескивал ледяной синевой; помимо этого, природа наградила его крупным и толстым носом, высоким лбом и густой окладистой бородой, дико и нелепо смотревшейся в начале девятнадцатого века. На редкость тревожно выглядел и его присущий мечтателям сверкающий взор.

— Гейдж, познакомьтесь с господином, о котором я вам говорил. Магнус, Итан Гейдж.

Бладхаммер действительно сильно смахивал на викинга, вырядившегося в строгий серый костюм, смотревшийся на нем как дамская шляпка на буйволе. Он с такой решимостью ухватился за край стола, будто собирался опрокинуть его.

— Редко встретишь в наших краях северянина, — произнес я с легкой нервозностью. — Что привело вас во Францию?

— Научные изыскания, — прогремел норвежец раскатистым басом. — Я изучаю тайны прошлого в надежде на лучшее будущее моей страны. Я наслышан о вас, господин Гейдж, и о вашей своеобразной и замечательной учености.

— Замечательной любознательности в лучшем случае. Науками я занимаюсь в основном чисто любительски, — заявил я, доказывая самому себе, что могу быть скромным, когда поблизости нет женских ушек. — Я предполагаю, что наши древние предки знали куда больше об удивительных электрических силах, но человечество основательно подзабыло то, что когда-то знало. Бонапарт едва не пристрелил меня в саду Тюильри, да передумал, решив дать мне шанс доказать, что я могу быть ему полезным.

— А я слышала, что тогда же мой брат сохранил жизнь одной красивой египтянке, — проворковала Полина.

Она незаметно подошла и встала за нашими спинами, источая аромат фиалок.

— Верно, вы упомянули о моей бывшей спутнице Астизе, но она, увы, решила вернуться в Египет и продолжить исследования, хотя Наполеон хотел послать ее со мной в Америку с особой миссией. Расставания, как говорится, исполнены очаровательной грусти.

Честно говоря, грустя о ней, я также испытывал облегчение, освободившись от ее неукротимой силы и страсти. Я был одинок, опустошен, но свободен.

— Однако вы не отправились в Америку, — заметил Элсуорт, — вы по-прежнему здесь с нами.

— В общем, я узнал, что президент Адамс отправил сюда вас троих. И мне показалось, что, задержавшись в Париже, я смогу быть вам полезным. Конечно, у меня есть слабость к азартным играм, но не кажется ли вам, что это новое колесо, кроме всего прочего, действует весьма месмерически?

— А ваши научные изыскания, господин Гейдж, также способствовали удаче в игре? —

В громовом голосе Бладхаммера появились обвинительные нотки, похоже, он решил испытать меня.

Интуиция подсказывала мне, что из-за него могут возникнуть проблемы.

— Отчасти благодаря общению с французскими учеными в Египетской экспедиции мне помогла математика. Но, как я уже пояснил Дейви, верное понимание шансов убеждает в том, что в итоге любая игра неизбежно приводит к потерям.

— Действительно. Неужели, сэр, вы знаете, к каким потерям могут привести тридцать шесть чисел рулеточного колеса?

— На самом деле я пока не задумывался об этом.

Норвежец так напряженно буравил меня взглядом, словно пытался проникнуть в самые темные тайны моей души.

— Или три шестерки, число Зверя, из Откровения Иоанна, — многозначительно произнес он и умолк, ожидая нашего отклика, но мы лишь озадаченно прищурили глаза.

— О боже! — наконец воскликнул я. — Но вы не первый пришли к выводу, что азартные игры — сатанинское изобретение. Хотя я не вполне согласен.

— Как франкмасону вам знакомы значения чисел и символов.

— К сожалению, я не слишком увлекался масонскими премудростями.

— И возможно, также целые государства наделены особым значением. — Он глянул на моих собеседников с волнующей напряженностью. — Неужели, мои американские друзья, вы думаете, что по чистой случайности около половины ваших революционных генералов и создателей Конституции принадлежали к масонскому ордену? Случайно ли то, что баварское тайное общество иллюминатов было основано в тысяча семьсот семьдесят шестом году и в том же году родилась ваша Декларация независимости? И случайно ли пограничные камни вашей американской столицы заложили с соблюдением масонских ритуалов, так же как и краеугольные камни вашего Капитолия и президентского дома? Именно поэтому меня так интересует история ваших двух государств. Ваши революции, безусловно, связывает какая-то тайна.

Я пригляделся к нашей компании. Похоже, общего мнения по данному вопросу не было.

— Честно говоря, у меня есть большие сомнения на сей счет, — заметил я. — Более того, Наполеон не принадлежит к масонскому ордену. А вы сами, господин Бладхаммер?

— Я исследователь, как и вы, заинтересованный в независимости моей родной страны. Скандинавские королевства объединились в тысяча триста шестьдесят третьем году, любопытный период в истории наших стран. С тех пор Норвегия прозябает в тени Дании. Будучи патриотом, я надеюсь на обретение независимости. Нам с вами, я полагаю, есть чему поучиться друг у друга.

— Да неужели? — с усмешкой спросил я, подумав, что патриотичный викинг чересчур навязчив. — Чему же вы можете научить меня?

— Возможно, вам неизвестна истинная история происхождения вашего народа. А также и кое-что еще более интересное и важное. Нечто абсолютно бесценное.

Я молча ждал продолжения.

— Но мои откровения предназначены для избранных ушей.

— Традиционная отговорка.

Люди имеют обыкновение изъясняться с туманной высокопарностью, но на деле оказывается, что им просто хочется выведать у меня какие-то нужные им сведения. Ситуация становилась похожей на игру.

— Поэтому мне хотелось бы переговорить с вами наедине, Гейдж, желательно нынче вечером.

— Даже не знаю... Конечно, мы можем приватно побеседовать, но только после того, как я освобожусь от всех намеченных встреч.

Я мельком посмотрел на Полину. Уж если я и хотел остаться наедине, то именно с ней.

— А прежде всего наш американец должен поведать нам о своих приключениях! —

напомнила она.

— Да, да, кстати, очень любопытно, как вы оказались в Италии? — добавил Эллсуорт.

Итак, я начал живописать историю моих подвигов в последней кампании, более заинтересованный исследованием прелестей сестры Наполеона, чем происхождения моего народа.

— Как вы помните, прошедшей весной Францию со всех сторон осаждали враги, — начал я, призывая на помощь все свое красноречие. — Наполеону пришлось обеспечить мир в Европе, дабы обрести силы для ведения мирных переговоров с Америкой. Несмотря на его сомнения в моей преданности и мотивах, он вызвал меня в Тюильри, намереваясь выяснить некоторые вопросы касательно Америки. Удовлетворив его интерес, я добавил несколько замечаний о Швейцарии. — Я улыбнулся Полине. — Без преувеличения могу сказать, что сыграл весьма важную роль в грядущих победах французов.

От горящих свечей и теснящихся вокруг гостей всем нам было жарковато, и Полина усиленно обмахивалась веером. Влага поблескивала в ложбинке между очаровательными полусферами, возвышавшимися над ее декольте.

— На мой взгляд, вы сумели помочь Наполеону так же великолепно, как Лафайет помог Вашингтону, — проворковала она.

— О, мне далеко до Лафайета! — со смехом воскликнул я. — Но я действительно отправил на тот свет одного двойного агента...

Глава 3

Когда прошедшей весной Наполеон вызвал меня к себе во дворец Тюильри, долго прозябавший в забвении после строительства Версаля, а позднее, во время Революции, оскверненный толпами возмущенных парижан, в его залах еще витали запахи краски и обойного клея.

С тех пор как Бонапарт в ноябре прошлого, 1799 года, отсрочив исполнение моего смертного приговора, неожиданно предложил мне работать на него, я обсуждал с его министрами вялотекущие переговоры с Америкой. Но поскольку я давно не следил за событиями, происходившими на моей родине, то, дабы не выставить себя полным профаном и отработать получаемое жалованье, проштудировал все последние американские газеты, хотя в доступности оказалась лишь пресса месячной давности. Очевидно, республиканцы Джефферсона снискали большую популярность, чем федералисты Адамса, хотя меня лично это мало волновало. Я много играл в карты и флиртовал, залечивая душевные и физические раны после недавних злоключений. Поэтому едва ли я имел право сетовать на то, что меня в марте 1800 года вызвали для доклада к первому консулу. Настала пора зарабатывать на пропитание реальными делами.

Секретарь Наполеона, Бурьен, приветствовал меня утром и провел по коридорам, памятным мне с прошлой осени, когда состоялся наш с Силано поединок. Дворцовые интерьеры радовали глаз новизной, полы сияли, а в отремонтированных окнах поблескивали чистые стекла. Когда мы приблизились к покоям Бонапарта, я обратил внимание на ряд бюстов: тщательный отбор запечатленных персон свидетельствовал об исторических предпочтениях консула. Среди них выделялись мраморные изваяния Александра (героя его детских мечтаний) и доблестных деятелей типа Цицерона и Сципиона. Когда захваченного в плен кавалериста Лассалья спросили, велик ли был возраст его юного командира во время первой кампании Наполеона в Италии, он мудро ответил: «Так же велик, как у Сципиона, когда он победил Ганнибала!» Застывшие в мраморе Джордж Вашингтон, Цезарь и Брут отражали соответственно признание Наполеоном демократических идей первого, диктаторского правления второго и убийственного заговора третьего. Бонапарт учитывал все возможности.

— Обычно он начинает день с принятия ванны, в это время и состоится аудиенция, — сообщил Бурьен. — Он проводит в ванне пару часов, читая почту.

Оригинальная идея ежедневного купания недавно вошла в моду в кругу французских революционеров.

— Не припоминаю, чтобы он отличался особой чистоплотностью.

— В его режиме дня предусмотрено особое время для физических тренировок и водных процедур. Он упорно твердит, что боится растолстеть, хотя я лично совершенно не понимаю, откуда взялись его страхи. Затрачиваемые им силы не оставляют ему шанса для накопления корпуленции, а нас и вовсе истощают. Он по-прежнему строен, как юноша. Разве не странно, что мужчина в расцвете лет представляет себя в будущем отяжелевшим и бездеятельным?

Странно, если только вы не лежали в саркофаге Большой пирамиды, а Наполеон лежал, и, возможно, ему открылись тайны его грядущей жизни. Но я не стал говорить об этом, а обратил внимание на один неизвестный мне бюст.

— А кто, интересно, вот этот бородач?

— Ганнибал. Бонапарт считает его величайшим тактиком, но слабейшим стратегом всех времен и народов. Он выигрывал практически все сражения, но проиграл войну.

— Верно, — сказал я, понимающе кивнув, словно мы с ним сходились в такой оценке. — Ганнибал и его слоны! Уникальный переход.

— Я видел одного из этих гигантов в зверинце, устроенном учеными в Жардин де Планте, — заметил Бурьен. — Божественные фантазии поистине безграничны.

— Франклин говорил мне, что в Америке обнаружены кости древних слонов.

— Ваш знаменитый наставник! Нам следовало бы поместить сюда и его бюст! Надо будет заняться этим делом.

После чего он предложил мне пройти в ванную комнату и быстро закрыл за мной дверь, чтобы не выпускать тепло. Там было так много пара, что я с трудом разглядел даже голову Наполеона.

— Это вы, Гейдж? Проходите, черт возьми, не смущайтесь. Мы же с вами не оранжерейные барышни, всякое повидали в походах.

Я на ощупь продвинулся вперед.

— Не знал, что вы любите парные ванны, генерал.

— В юности я едва мог позволить себе заказать приличный мундир. А теперь даже воды у меня хоть залейся! — Он рассмеялся и плеснул в слугу, маячившего в туманной пелене с полотенцем, забрызгав беднягу мыльной пеной. — Она подмочила и кое-какие письма, но большинство из них по слогу и содержанию все равно представляли собой сырую и вялую прозу.

Подойдя к ванне, я отметил, что он пребывает в общительном и веселом настроении, на лице, обрамленном черными, прилипшими к голове волосами, пламенели серые глаза, а тонкие руки самодовольно перетасовывали послания со всех концов Европы. Его медную купальню украшали барельефы русалок и дельфинов.

— Вы выглядите более спокойным и уравновешенным, чем раньше, хотя последняя наша встреча состоялась в памятную ночь вашего захвата власти, — заметил я, припомнив, что тогда в нервном запале он едва не пристрелил меня.

— Видимость, Гейдж, всего лишь видимость, но положение обязывает. В наследство от Директории мне достались войны с половиной Европы! Всего четыре года прошло с моего завоевания Италии, так теперь ее опять захватили австрийцы. В Германии наши войска отброшены к Рейну. В Египте генерал Дезе мог бы сдать в январе Сиднею Смиту, если бы сумасбродный английский генерал не отказался от переговоров, дав нашему генералу Клеберу шанс вновь разбить турок в Гелиополе. Долго ли еще смогут продержаться там мои бедные, лишенные флота соратники? И сумею ли я одолеть австрийков? Они оттеснили Массена³ к Генуе. Мне придется победить их во что бы то ни стало, Гейдж. Военные победы

³ **Массена Андре (1758–1817)** — военачальник французских республиканских войск, затем маршал наполеоновской империи.

привели меня к власти, и только они способны упрочить мое положение.

— Уверен, что вы не нуждаетесь в моих советах для ведения войны.

Он поднялся из ванны, расплескав воду, и слуга тут же подскочил к нему с баннным полотенцем.

— Мне необходимо выяснить, можно ли договориться с американцами. Я теряю корабли в морских сражениях с вашей страной, хотя нашим народам давно следует заключить крепкий дружественный союз. Не думайте, что британцы хотят вашего возвращения. Помните мои слова, однажды вам еще придется противостоять им. Глупо тратить фрегаты на борьбу с вашей республикой.

Слуги препроводили его в гардеробную.

— Подскажите мне, Гейдж, как договориться с вашим англофильским президентом. Не доверяя нам, французам, этот хитрец заигрывает с вероломными англичанами. Такое впечатление, что президент Адамс с удовольствием перебрался бы в Лондон, будь на то его воля!

Лет двадцать тому назад, будучи посланником во Франции, Адамс проявил свой несговорчивый нрав, сочтя Париж упадническим и беспорядочным. Тоскуя по дому, он во всем видел лишь недостатки и с трудом дождался окончания срока дипломатической миссии.

Неловко переминаясь с ноги на ногу, я ждал, пока слуги закончат церемонию утреннего туалета Наполеона: старательное расчесывание волос, полировку ногтей и массаж спины с целебными мазями. Очевидно, бравый генерал почувствовал вкус к придворной жизни.

— Джон Адамс? — высказался я. — Он весьма вспыльчив, честно говоря. Насколько я понимаю, в данном случае перед нами пример испытания национальной гордости. Федералисты Адамса ратуют за более сильное централизованное правительство, используя конфликт с Францией как повод для расширения кораблестроения и увеличения налоговых сборов. Республиканцы Джефферсона заявляют, что мы поставили не на ту лошадку и что реальную угрозу для нас представляют британцы. Джефферсон и Бэрр собираются конкурировать с ним на следующих выборах. Если вы сейчас предложите Адамсу поддержку, то, я думаю, он не откажется.

— Я согласился принять ваших новых эмиссаров. Вы с Талейраном, Гейдж, должны вразумить их, доказав взаимные выгоды мирного соглашения. Мне надобно наладить с Америкой торговые и финансовые отношения, прекратив бесполезные траты пороха и снарядов. Господи, — воскликнул он, опуская глаза, — да когда же вы справитесь с этими пуговицами!

Слуги наконец завершили ритуал одевания, и Наполеон стремительно прошел в соседнюю комнату, где на покрытом ковром полу лежала исколотая булавами карта Европы.

— Взгляните, в какое вражеское окружение я попал! — предложил он мне.

Я, конечно, старательно пялился на карту, хотя мало что понимал в ее обозначениях.

— Если я брошу силы в Геную на освобождение войск Массена, — грустным тоном заметил Наполеон, — то Ривьера станет Фермопильскими воротами, где меня встретят австрийцы Меласа. Однако Италия является сейчас ключом к завоеванию Вены! — заявил он, раскинувшись на обширном полотне карты как на привычно удобном ложе. — Австрийцы превосходят нас численностью, мои ветераны прозябают в египетской западне, а нынешняя армия пополнилась необученными новобранцами. Благодаря провальной деятельности Директории революционный пыл давно угас. Однако мне необходима победа, Гейдж! Победа оживит дух, и только победа укрепит мое положение!

Он и так выглядел достаточно крепким, но я попытался приободрить его.

— Я понимаю, что осада Акры прошла не так, как хотелось, но уверен, что вы способны свернуть горы.

— Не напоминайте мне об Акре! Вы с вашим проклятым Смитом выиграли только потому, что захватили конвой с моей осадной артиллерией. Если бы я только узнал, кто сообщил англичанам о моей флотилии, то повесил бы предателя на Нотр-Дам!

Я предпочел сменить тему, поскольку именно по моей милости британцы захватили его пушки — хотя Наполеон изрядно обидел меня тогда в Яффе, отдав сначала на расправу бандитам, из-за которых я долго провисел вниз головой над змеиной ямой, а потом приказав расстрелять вместе со множеством пленных, сдавшихся на милость победителя.

— Очень жаль, что у вас нет слонов, — задумчиво произнес я.

— Слонов? — раздраженно повторил он. — Вы снова собираетесь понапрасну тратить мое время?

Очевидно, его по-прежнему нервировали воспоминания об Акре и моем неудачном исследовании пирамид.

— С ними Ганнибал нашел выход из трудного положения. Если бы вам удалось пересечь Альпы на слонах, то они наверняка отвлекли бы внимание австрийцев.

— Слоны! — Он наконец рассмеялся. — Что за абсурдные идеи приходят вам в голову! Ничуть не лучше, чем байки о том дурацком медальоне, с которым вы таскались по всему Египту.

— Но разве Ганнибал не использовал этих животных для вторжения в Италию?

— Верно, использовал.

Он задумался, отрицательно покачав головой. Но потом, переместившись, взглянул на карту с другой стороны.

— Слоны?! Идиотское предложение. Однако я могу подойти к ним с тыла. И хотя мне недостает толстокожих гигантов, их нам заменят пушки.

Он глянул на меня так, словно я все-таки сказал нечто интересное.

— Переход через Альпы. Это может спасти мою репутацию, не так ли? Повторим подвиги Ганнибала?

— За исключением того, что вы наверняка выиграете, а не проиграете.

Я и не мечтал, что он серьезно воспримет мои слова.

Но Бонапарт кивнул.

— Где же лучше пройти? — озадачился он. — Доступные перевалы слишком близко к силам Меласа. Там он заблокирует меня с такой же легкостью, как на генуэзской Ривьере.

Я смотрел с умным видом, будто знал что-то о Швейцарии. Увидев на карте знакомое название, я вздрогнул, сразу вспомнив, что слышал о нем в Египте и Святой земле. Неужели некоторые имена преследуют нас всю жизнь?

— А что вы думаете о перевале Сен-Бернар?

Он находился севернее, вдали от скопища булавонок. Французские математики рассказывали мне о святом Бернаре Клервоском, который постиг ширину, высоту и глубину Бога.

— Сен-Бернар! Ни одна армия не решится перейти там. Его высота около двух с половиной тысяч метров, это же более восьми тысяч футов! И тропы там не шире пешеходной дорожки. Очевидно, что вы ничего не смыслите в армейских передвижениях. Армия не может скакать по тропам, как горные козлы.

Пристально изучив карту, он озадаченно покрутил головой и вдруг сказал:

— Хотя если бы мы спустились оттуда, то смогли бы подойти с тыла к Милану и захватить вражеские боеприпасы и провиант. — Продолжая излагать свои мысли вслух, он заметил: — Тогда можно было бы пойти налегке и захватить все необходимое у австрийцев. Генералу Меласу и в голову не придет, что мы осмелимся на такой переход. Это безумие! Дерзкий замысел! — Он глянул на меня и прибавил: — Полагаю, однако, что подобное мог предложить именно такой безумный искатель приключений, как вы.

Хотя мне исключительно поневоле пришлось искать приключений на свою голову, я ничего не возразил и лишь воодушевленно улыбнулся. Для нормального общения с начальством следует иногда высказать некую сумасбродную идею, удовлетворяющую вашим собственным целям, и позволить патрону присвоить ее. Если мне удастся выпроводить Наполеона в Италию, то я спокойно отдохну в Париже.

— Сен-Бернар! — продолжал он. — Какой генерал отважится на такое? Только

один... — Он поднялся на колени и уверенно прибавил: — Гейдж, вероятно, именно смелость спасет нас. Я намерен поразить этот мир, перейдя через Альпы как современный Ганнибал. Вам пришла в голову смехотворная идея, противоречащая всякому здравому смыслу. Вы, конечно, не ученый, но порой проявляете незаурядные способности!

— Благодарю вас. Я лишь высказал предположение.

— Да, и я собираюсь воспользоваться им, а вы, американец, разделите со мной славу, заранее разведав для нас тропы тамошних перевалов.

— Я? — Мною овладело смятение. — Но я ничего не знаю о тонкостях горных походов. И ничего не ведаю ни об итальянцах, ни о слонах. Вы же только что говорили, что я должен помочь в переговорах с американцами.

— Гейдж, вы, как обычно, скромничаете! Вы с такой отменной храбростью сражались на обеих сторонах, что теперь никто из нас не уверен, с кем вы решите сойтись в ближайшем будущем! Новое американское посольство прибудет сюда еще не скоро. Бросьте, разве вам не хочется посмотреть Италию?

— Вообще-то не испытываю особого желания.

Италия представлялась мне бедной, взрывоопасной и погрязшей в суевериях страной.

— Ваша помощь в американских переговорах понадобится только после прибытия делегации. Зато благодаря вашим слонам, Гейдж, вы вновь разделите со мной славу!

Глава 4

Нужна ли мне такая слава? Как я узнал, весной в Альпах чертовски холодно, ветрено и сыро, тающий снег превращает тропы в жидкое, скользкое месиво. Швейцарский перевал Сен-Бернар вообще не имел отношения к святому Бернару Клервоскому: очевидно, в нашем мире слишком много разных святых, по имени которых могли назвать два альпийских перевала, далеко отстоящие друг от друга. И никто, разумеется, не поверил, что я решил прогуляться по горам из праздного американского любопытства, используя в качестве посоха пенсильванскую винтовку. Несмотря на мои упорные возражения, все считали, что мне поручено провести предварительную разведку для Бонапарта, поскольку сам первый консул отправился в расположившиеся возле Женевы войска, где предпринял беспрецедентную для него попытку объяснить простым солдатам свои планы — стремился вдохновить их превзойти карфагенян, штурмовавших твердыни Рима. Меня с такой уверенностью принимали за посланца Наполеона, что я вдруг, удивив сам себя, начал договариваться с монахами высокогорного приюта о поставках провизии войскам. Более того, сам первый консул накопил в долг на сорок тысяч франков вина, сыра и хлеба с переносных лотков, выставленных прямо на снег предприимчивыми монахами нищенствующего ордена. Эти святоши не знали только того, что Наполеон частенько покупал в долг, а потом мастерски уклонялся от его уплаты, собирая дань с захваченных провинций. Как говорили его советники: «Пусть война сама оплачивает войну».

Художник Давид показал нам портрет Бонапарта на боевом коне, вздыбившемся на горном хребте, и, признаться, такой вдохновенной глупости я еще никогда не видел. На самом деле Наполеон поднялся в Альпы на степенном муле, а спустился за перевалом на своей личной заднице за компанию с офицерами, оглашая склон восторженными криками. Большая часть его солдат шли пешком или, вернее, устало тащились по ужасным крутым дорогам, а последние семь миль вообще проходили по ледяной и грязной тропе, опасной вдвойне: с верхней стороны из-за возможности схождения лавин, а с нижней — из-за зияющей пропасти ущелья. Ежечасно устраивался пятиминутный привал на «перекур» — курение трубок считалось одним из двух удовольствий армейской жизни, вторым была ругань по поводу глупости армейского начальства. И вновь в поход. Несмотря на холод, всех бросало в жар от такого трудного и опасного подъема. В горах солдаты спали, завернувшись по двое в одеяло, целые полки жались друг к другу, как волки в стае, а наутро половина тряслась от лихорадки и хрипела простуженными голосами. Дышать в разреженном воздухе

становилось все труднее, обувь на каменистых ледяных тропах быстро истрепалась, и гамаша никого не спасала от холодной слякоти. Руки и ноги вскоре совсем заоченели.

Однако гордость помогает пережить все тяготы. Это был беспримерный по своей смелости маневр нынешнего века, сторицей оправдавший себя благодаря тому, что французы, подстилая под ноги животным соломой, чтобы заглушить стук копыт по камням, с неожиданной стороны подкрались к крепкому форту австрийцев. Пушки перетаскивали через Альпы в выдолбленных сосновых стволах. Шестидесятитысячная армия преодолела горный перевал, а сменные бригады силачей, закрепив на лбу лямки, протащили за собой упакованные в ящики галеты, пушечные снаряды и бочки с порохом.

Солдаты горланили революционные песни. В качестве поощрения я раздавал преодолевшим перевал кружки вина. А монахи занимались подсчетом будущих прибылей.

За перевалом Бонапарт, как обычно, мгновенно взял все руководство в свои руки. Скрываясь за кустами, он изучил положение горной крепости Барда, отдал распоряжение о точках размещения осадных орудий и уже через два дня добился сдачи захваченной австрийцами твердыни. Мы вошли в Милан второго июня. Блестящим маневром он захватил тылы австрийской армии, вследствие чего сдача французами Генуи оказалась уже не так важна (во время той ужасной осады Массена поседел). Австрийцы вытеснили противника с итальянского побережья, но тут же столкнулись со свежими силами Наполеона. Конечно, ничто не мешало генералу Меласу последовать примеру Наполеона. Он мог бы переправиться через другой альпийский перевал, оставив французов бродить по Италии, и без единого выстрела захватить Лион, что, вероятно, вынудило бы Наполеона отказаться от консульства. Однако австрийский командующий, будучи на сорок лет старше дерзкого Корсиканца, даже не думал о подобных радикальных шагах. Он превосходно решал тактические задачи, видя перед собой раскинувшееся на несколько лиг поле битвы. А Наполеон видел перед собой весь мир.

Если, разумеется, Наполеона ничто не отвлекало. Хотя измена Жозефины едва не закончилась для нее разводом, сам Наполеон не обременял себя особыми моральными ограничениями. В Милане блистала знаменитая оперная дива Джузеппина Грассини, завоевавшая сердце этого французского генерала сначала песнями, а потом и исполненными затаенных чувств очами, пухлыми губками и пышным бюстом. Шесть долгих дней провел генерал в Милане, большей частью в постели, и этого времени Меласу хватило, чтобы развернуть свои войска и увести их с побережья навстречу французам. Где-то между Генуей и Миланом и суждено будет произойти решающей битве. И в итоге она состоялась возле Маренго.

Я не собирался лезть на рожон. Мне с лихвой хватило военных приключений на Востоке, и, сыграв роль разведчика для новоявленного Ганнибала, я мечтал только о том, как бы поскорее удрать в Париж. В Милане меня не соблазнила ни одна из местных див, и я вообще не нашел там достойных развлечений. Слишком часто грабили Италию соперничающие армии, а все красивые итальянки были давно разобраны многочисленными генералами.

Впрочем, вскоре Бонапарт нашел применение моим талантам. В нашем лагере появился один разведчик, сомнительный тип по имени Ренато, елейный, как щедро приправленный оливковым маслом неаполитанский салат. Этот-то Ренато и поведал нам о бегстве Меласа со всем австрийским воинством. Французы попросту продвигались в глубь страны, желая вознаградить себя за переход через Альпы! В доказательство своих слов агент извлек из собственного сапога австрийские документы, похваставшись оказанным ему доверием. Сам имея склонности к мошенничеству, я заподозрил неладное. Ренато выглядел чересчур вкрадчивым и поглядывал на меня как соперник. На самом деле мне показалось, будто он узнал меня.

— Вы не доверяете моему агенту, Гейдж? — спросил меня Наполеон после его ухода.

— У него плутовские манеры, — пришлось признать мне.

— Но я же плачу ему больше, чем австрийцы. Он сам запросил цену своей

информации.

Это не понравилось мне еще больше: несомненно, Ренато зарабатывал куда больше меня.

— По-моему, он чересчур скользкий для приличного агента.

— Так он же шпион, а не священник! Вы, американцы, брезгливо относитесь к таким вещам, но тайные агенты так же необходимы, как артиллерия. Не думайте, что я безоговорочно доверяю всем и каждому, — заявил он, мрачно глянув на меня. — Но в данное время нам грозит встреча с противником, вдвое превосходящим нас своей численностью, мои войска живут за счет захваченных запасов, и мне чертовски не хватает пушек. Один просчет, и мои враги вцепятся мне в глотку. Я отлично знаю, что у меня нет верных друзей. Слава Господу, что хоть Дезе вернулся из Египта!

Луи-Антуан Дезе, его любимый дивизионный генерал, высадился в Тулоне в тот день, когда мы вышли из Парижа, и уже прибыл с дивизией сюда в Италию. Преданный, скромный, сторонящийся женщин и исключительно талантливый военачальник, он видел самые счастливые сны, прикорнув возле пушечного лафета. Не уступая в военных талантах Наполеону, он не обладал его амбициями и прекрасно сознавал свое подчиненное положение.

— Я мог бы доставить министрам в Париж сообщение о ваших трудностях, — предложил я, подумав, что меньше всего мне хотелось бы оказаться среди взятых австрийцами пленных.

— Напротив, Гейдж, признавая основательность ваших подозрений, я хочу, чтобы вы проследили за нашим лазутчиком. Ренато заявил, что столкнулся с арьергардом австрийцев, и упомянул о вашей прославленной смелости. Отправляйтесь-ка в сторону Павии и По, проследите за Ренато, проверьте, как там обстоят дела, и возвращайтесь с докладом. Я знаю, что вы, обожаете запах пороха. Только запаха пороха мне и не хватало!

— Простите, первый консул, но я больше склонен к научным, чем к шпионским изысканиям. К тому же я не говорю ни по-немецки, ни по-итальянски.

— Мы оба понимаем, что в лучшем случае вы занимаетесь науками как любитель, непрофессионал и дилетант. Зато у вас непредвзятый взгляд на вещи. Порадуйте меня, Гейдж. Сделайте вылазку в сторону Генуи, выясните, правдивые ли сведения нам доставили, и тогда я отпущу вас в Париж.

— Может, нам лучше все-таки попросту поверить Ренато.

— Не забудьте прихватить винтовку.

Глава 5

Вот так я и отправился на очередную разведку, оседлав конфискованную (такое причудливое определение захватчики обычно используют для своих «краж») у итальянцев лошадь и трепеща, как девственница, оттого, что в любой момент мог столкнуться с австрийской армией. Когда вы читаете о военных кампаниях, они представляются вам лишь стрелками и прямоугольниками на карте, подобно схематической постановке балетного действия. В реальности война похожа на беспорядочное полупьяное блуждание, огромные скопления людей без особого энтузиазма ищут друг друга по сельским дорогам, мародерствуя и забирая с собой все, что можно унести. Сторонний наблюдатель с легкостью может сбиться с пути. Слух то и дело тревожат оружейные выстрелы: случайная пальба от скуки или неожиданная враждебная стычка. Испуганные, тоскующие по дому юнцы слоняются по чужбине с длинными мушкетами, снабженными свирепыми двухфутовыми штыками. Прощтрафившиеся полковники мечтают о смертельной схватке, способной спасти их репутацию. Бодрящиеся сержанты поддерживают дисциплину в надежде на повышение. В общем, на войне нет места здравомыслящим людям.

Девятого июня через час после выезда я услышал зловещий гром сражения. Генерал-лейтенант Жан Ланн отбил атаки передовых сил австрийцев в Кастеджио и Монтебелло, и на

исходе дня я проезжал уже мимо длинных и мрачных колонн изнуренных австрийских пленных, чьи белые мундиры потемнели от крови и порохового дыма. Получившие ранения французы нещадно оскорбляли этих с трудом тащивших ноги врагов. Взорванные фургоны, убитые лошади и коровы, горящие амбары — все это значительно увеличило мое смятение. Толпы согнанных на поле битвы поселян стаскивали трупы в братские могилы, а уцелевшие победители прозаично чистили говяжьими мозгами мушкеты, которые в шутку называли «кларнетами», да белили глиной ременные перевязи. Неряхи надеялись, что грязь сделает их менее приметными мишенями, аккуратисты же полагали, что щегольской вид принесет им удачу. Вооружившись шерстяными полосками, называемыми планками, они усердно начищали до блеска пуговицы на мундирах.

— Чудовищным градом падали с неба взорванные останки бойцов моей дивизии, — доложил Ланн Наполеону.

В общей сложности противники потеряли в этом сражении четыре тысячи человек — хотя там проходила всего лишь генеральная репетиция, — и именно по следам этого побоища, по адской ничейной земле между двумя армиями мне пришлось скрытно пробираться, чтобы догнать отступивших австрийцев.

Наполеон не осознавал того, что по доступному мне виду невозможно будет оценить реальное положение дел. Равнинный участок долины реки По окаймляли поля, ограниченные пирамидальными тополями и кипарисами, а июньские дожди лили тогда как из ведра. Все мелкие притоки вышли из берегов, и здешние пейзажи отличались от тех, что мне довелось видеть в Египте и Сирии, как набухшая влагой губка от наждачной бумаги. Плутая по грязным дорогам, я мог протаститься в непосредственной близости от целой Золотой Орды и не заметить ее, если она, предпочтя срезать путь по бездорожью, скрылась за ближайшими придорожными кустами. В общем, я брел куда глаза глядят, выясняя на языке жестов у итальянских беженцев нужное мне направление, ночуя в стогах сена и безнадежно высматривая на сером небе следы пропавшего летнего светила. Если Ренато и солгал, мне вряд ли удастся поймать его.

Однако он сам поймал меня.

Возле Тортоны на одном из брошенных фермерских домов я увидел красный кушак, болтавшийся на покосившемся ставне, — условный сигнал, сообщавший о том, что наш лазутчик ждет связного, разжившись нужными сведениями. Люди бежали от армий семьями, подобно мышам между копытами скота, и солдаты рыскали по опустевшим домам, поедая уцелевших животных и разводя костры из домашней мебели. После них оставались лишь стены да черепичная крыша, предлагая сносное укрытие от очередного ливневого дождя. Я пребывал в смятении, но австрийцы, казалось, отступили. По слухам, наш противник разрушил мост, ведущий к плохо защищенной Александрии, а основные части австрийской армии бежали на юго-запад к Акви. Бонапарт соответственно разделил свои силы, и дивизия Ла Поупа поспешила на север, а дивизия Дезе отправилась на юг. В этой неразберихе мы, разведчики, чувствовали себя в относительной безопасности. Я привязал лошадь, проверил заряд винтовки и с опаской вошел в сумрачный дом.

— Ренато? Это Гейдж, меня послал Наполеон.

Я едва не рухнул, споткнувшись обо что-то. Вытянув ноги в грязных сапогах, Ренато сидел на каменном полу рядом с бутылками. До меня донесся щелчок взводимого пистолетного курка.

— Извини, приятель, приходится быть осторожным.

К моему облегчению, курок с более тихим звуком вернулся на исходную позицию. Глаза освоились с полумраком, и я увидел, что Ренато опустил дуло пистолета, но не убрал его. Он держался настороженно, как дикий кот.

— Мне приказали встретиться с тобой.

— Как удачно для нас обоих. И что же тебе посулили в награду, американец?

Почему бы не сказать правду для разнообразия?

— Возвращение в Париж.

Он рассмеялся, отсалютовав пистолетом.

— Да уж, там жизнь получше, чем в этой разоренной развалюхе. А тебе, видно, сродни комариная преданность. Ты готов улететь, быстро насладившись кровавым пиршеством.

Я опустил на пол напротив него и положил винтовку сбоку, очень слабо веря в искренность нашего приятельского общения.

— Война не мое занятие. Без всякой пользы я таскался четыре дня под проливными дождями.

— Тогда тебе нужно согреться. — Он подкинул мне одну из стоящих возле него бутылей. — Я нашел подходящее местилище для обнаруженного в погребке шипучего вина, шикарная штука для веселой вечеринки. В приятной шпионской компании! И конечно, я могу поверить в твою комариную сущность, бесполезную, но сильно досаждающую. С другой стороны, я слышал, что ты еще славись смелостью и живучестью. Да-да, не стоит отрицать этого, Итан Гейдж! Поэтому, вероятно, тебя послали сюда, чтобы забрать мое последнее донесение. Или, возможно, шпионить за мной.

— Вот еще, зачем это мне за тобой шпионить?

— Затем, что тот француз не доверяет мне! Да, нам, интриганам, все предельно ясно. — Он кивнул, подтверждая собственный вывод. — Я не собираюсь винить тебя за то, что ты опять переметнулся к французам. Ты вообще хоть представляешь, каково положение строевого солдата, что значит стоять плечом к плечу в ряду оболваненных идиотов в каких-нибудь пятидесяти шагах от линии огня? — Он передернулся. — Просто поразительно, как армия притягивает новобранцев. Если эти болваны выживают, то потом считают войну кульминацией всей их дурацкой жизни.

В раздумье я сделал очередной глоток вина. Его бутылка опустела уже на две трети, шампанское хорошо развязало ему язык.

— Люди лучше, чем тебе кажется, Ренато, у них есть вера.

Он опять приложился к бутылке и вытер губы.

— Вера в победу Бонапарта? Или в выжившего из ума Меласа? За что они, в сущности, сражаются? Попроси любого из солдат объяснить цель войны столетней давности, и ты увидишь их полнейшее недоумение. Однако они готовы идти на новую бойню. Они идиоты, все до единого. Дураков полно, да я не из их числа.

— Но ты тоже служишь французам, не так ли?

— Увы! — Он подмигнул мне. — Шлюхи стоят дороже, чем платит твой самовлюбленный Корсиканец.

— Наполеон вряд ли поверит в такое, учитывая назначенную тобой цену.

— Я двойной агент, мой наивный друг. Если, конечно, твоя наивность не наигранна. — Он отрыгнул и вновь присосался к бутылке. — Ну да, я шпионю и доставляю сведения одной стороне, а потом перехожу линию фронта и повторяю то же самое. Обе стороны нуждаются в разведчиках, так ведь? И вскоре Бонапарта ожидает сюрприз.

— О чем это ты? — поглядывая на лежащий на его колене пистолет, спросил я и, сделав более полный глоток, прикрыл горлышко пробкой.

— Австрийцы никуда не ушли. Они стягивают силы. А Наполеон разделил свою армию, и в итоге его ждет встреча с многочисленным войском противника.

— Ведь ты говорил ему совсем другое!

Он пожал плечами.

— Если ему хотелось узнать правду, то надо было заплатить мне больше, чем Мелас.

— Но люди пойдут на верную смерть!

— А ты думаешь, что в ином случае они могли бы уцелеть? Бонапарт верит в то, во что ему хочется верить. Он помнит неповоротливых австрийцев четырехлетней давности и не верит в способности Меласа. А тот старик — хитрый лис, уж поверь мне. И уж наверняка достаточно хитер, чтобы обмануть Бонапарта с моей помощью. Поэтому я и сказал французам то, что нужно, и сообщил австрийцам то, что сказал французам. Теперь ваш маленький деспот получит по заслугам.

Он сжал рукоятку пистолета, и я почувствовал себя в такой же безопасности, как откормленный гусь в канун Рождества. Почему он столь откровенен? С задумчивым видом я потряхивал свою бутылку.

— Да, американец, Наполеон получит по своему чертову надменному носу. И когда он проиграет, я продам ему еще кое-какие сведения... В отчаянии он выложит двойную цену, а я опять перебегу к австрийцам и втридорога продам то, что продал ему. Вот так делаются деньги в нашем деле!

— В нашем деле?

— Столкновения противников лбами, — пояснил он, расхохотавшись.

— Ты дьявольски откровенен.

— Вино ударило в голову, — бросил он, пожимая плечами. — Кроме того, я уверен в твоём молчании.

— Потому что я тоже шпион?

— Разумеется нет! — воскликнул он, вдруг пристально взглянув на меня. — Ты похож на меня, американец, поскольку способен понять ценность того, что тебе говорят. Ты предашь меня с той же легкостью, с какой я предал Бонапарта за тридцать сребреников, мотаясь, как и я, из стороны в сторону. Да-да, даже не думай отнекиваться... На твоём месте я сделал бы то же самое. Таков уж наш грешный мир, — заключил он, лениво поднимая пистолет. — Так что этот секрет сойдет в могилу вместе с тобой! Да брось, не хватайся за винтовку! — Он улыбнулся. — Должно быть, ты уже смекнул, что искал я именно тебя, а не Бонапарта. Мои главные заказчики хорошо помнят твои преступления.

— Главные заказчики?

Он взвел курок.

— Неужели ты думаешь, что у ложи короткая память? — Он прицелился мне в грудь.

И в этот момент я выпустил пробку из бутылки.

Его сгубила излишняя уверенность, вернее, самоуверенность. Мне доводилось встречать таких подлых гадов, поэтому я специально потряхивал бутылку, усиливая давление шипучего вина, и перестал удерживать пробку на мгновение раньше его выстрела. Пробка вылетела из горлышка, и винный фонтан залил ему лицо, этого было достаточно, чтобы его пистолет дернулся, а я успел отскочить в сторону. Пуля просвистела мимо и врезалась в стену, выбив из нее пылевое облачко. Поднявшись с пола, он вытащил второй пистолет, но я уже достал из-за пояса томагавк и метнул его в негодяя. Лезвие топорика с треском вонзилось ему в подбородок, разбив вдребезги и пару зубов, и тогда я схватил винтовку. Наши выстрелы прогремели одновременно, но, согласитесь, топор в зубах не улучшает меткости. Ренато промазал, а я нет.

Пуля отбросила его назад, он упал, дернулся и замер. Настороженно поглядывая на поверженного врага, я перезарядил винтовку, готовый в любой момент оглушить его прикладом, потом выдернул из его подбородка томагавк и вытер лезвие краем его куртки. На рассеченных губах Ренато застыло злобное выражение. Отвратительное зрелище, но после двух лет истребления подобных ему мерзавцев мои чувства изрядно огрубели.

О какой же ложе он говорил? В следующее мгновение подтвердились мои худшие опасения. Не обращая внимания на льющуюся из его ран кровь, я подтащил покойника к струящемуся из двери свету и расстегнул ему куртку и рубаху. На шпионской груди краснела выжженная татуировка обвитой змеей пирамидки. Апоп, змеиный бог! Меня передернуло. Неужели Ренато принадлежал к одной из лож моего заклятого, но сгоревшего врага Силано, к предательской ветви ложи египетского обряда, члены которой преследовали меня в Египте? А теперь по милости этого коварного змея Наполеон разделил свою армию, хотя австрийцы сосредоточили здесь все силы. Даже если я поспешу обратно к Наполеону, то дивизии Дезе и Ла Поупа не успеют вернуться к началу сражения. И центр французов будет разбит.

Проклятый Ренато!

Да, похоже, до Парижа я доберусь не скоро. Натура у меня, конечно, изменчивая, но я

не предатель, даже если речь не идет о благополучии моей родины. Оставался один выход — галопом доскакать до Дезе, которого я слегка знал по Египетской экспедиции, и убедить его поспешить назад, чтобы присоединиться к основным силам. Это будет безумная скачка, но если мне повезет, то я успею вовремя.

Я бросил взгляд на безжизненное тело. Как я уже говорил, хвастовство до добра не доводит. Никого, включая меня! Похоже, при случае я не только могу принести пользу другим, но и развить собственные добродетели. Святые угодники, неужели Наполеон знал, что на меня можно рассчитывать?

В удивленных глазах подлого шпиона стояла смерть, вокруг него уже расплылась лужа крови. Чтобы скрыть приметную татуировку, я застегнул его окровавленную рубашу, вышел из дома и, устало вскочив на лошадь, спешно отправился спасать предстоящую битву. Краем глаза я заметил какое-то смутное движение. Мне показалось, что кто-то прячется в придорожных кустах.

Глава 6

Всему миру известно, что произошло дальше. Яркие рассветные лучи озарили умытый и напоенный ночным дождем воздух, а к полудню мы уже жарились под высоким итальянским солнцем; погожий денек обычно предоставляет все возможности для хорошей кавалерийской атаки, прицельного огня пушек и успевших просохнуть мушкетов. Если вы желаете затеять смертельную схватку, то солнечный день подходит для нее как нельзя лучше.

Как и предсказывал Ренато, австрийцы, стянув войска к Маренго, бросили в атаку несметные полки пехоты, бегущей по полям и коровьим выгонам длинными белыми шеренгами. Переправляясь через Бормиду, они понесли большие потери, но привыкшие подчиняться приказам солдаты не раздумывая бросались с обрывистого берега в бурный поток. Обе стороны долго и героически сражались, стараясь ценой жизни отстоять каждую пядь пастбищной земли, перемежавшейся виноградниками; над полем боя клубился густой туман, и когда Наполеон понял, что ему противостоят значительно превосходящие силы целой австрийской армии, то его отряды, продолжая отбиваться, начали неохотно отступать. В распоряжении Бонапарта пока находилось двадцатидвухтысячное войско и сорок пушек против тридцати тысяч солдат и сотни пушек противника, и австрийцы щедро поливали картечью французов при каждой вылазке. В стародавние времена Ганнибал обманулся в своих расчетах, и вот теперь, едва придя к власти, Наполеон легко мог потерять ее из-за предательства шпиона.

Я примчался к Маренго в середине дня, привезя плохую новость о двурушничестве Ренато и хорошее известие о подходе дивизии Дезе. Мне довелось стать очевидцем этого сражения, и его организация повергла меня в полнейшее изумление. Я видел военные вылазки в Египте и Святой земле, но они не шли ни в какое сравнение с ожесточенной битвой между хорошо обученными европейцами. Полки маршировали плечо к плечу, словно отлично отлаженные механизмы, останавливались и с самоотверженной решимостью начинали уничтожать друг друга. Это героическое зрелище поражало своим величием, гордо покачивались плюмажи на киверах пехотинцев, и в пороховом дыму словно маяки реяли полковые знамена. Первый ряд вел стрельбу с колена, второй палил над его головами, а третий в это время перезаряжал мушкеты; обмениваясь залпами, солдаты оседали на землю, словно прибитая дождем пыль. Захлебываясь от крика и заходясь кашлем, люди падали как подкошенные, но на их место живо вставали новые ряды подобных марионеткам бойцов. С усеянного трупами поля отползали раненые, зелень травы побагровела, однако уцелевшие воины, даже отходя, продолжали упорно сражаться. Целые отряды предпочитали погибнуть, но не отступить. Откуда бралась такая стойкость? Простой солдат вряд ли представлял себе, как его самоотверженность повлияет на исход всего сражения, но он точно знал, что его храбрость поможет выжить малому сообществу его друзей и соратников.

Мужчины сражались за свое право называться мужчинами. Свистящие пули прореживали сомкнутые ряды, но они вновь смыкались и продолжали бой, пока новая штыковая атака не отбрасывала их на очередные пятьдесят ярдов. Силы французов неуклонно таяли, и наконец Наполеон бросил вперед консульскую гвардию в надежде на последний решительный удар. Лучшая часть его войска погибла под испепеляющим огнем мушкетов и пушек, словно листья, свернувшиеся от жара, в считанные минуты горячей схватки погибли на землю отборные и бесстрашные гвардейцы. Австрийская кавалерия уже захватила четыре сотни пленных.

Битва представлялась проигранной.

Вот тут-то и выяснилось, что сегодня мне удалась роль спасителя.

Конечно, мои заслуги не описаны ни в каких военных историях; как некий посредник, я не имел официального статуса. Я просто исполнил роль одного из курьеров, отправленных за помощью к Дезе. Но мне удалось опередить посланцев Наполеона на добрых восемь часов, и в итоге Дезе подоспел вовремя. Во второй половине дня его дивизия уже перестроилась в шеренги, а сам он сдерживал рвущуюся в бой лошадь, стоя рядом с Наполеоном и терпеливо выслушивая мрачную сводку своего командира о понесенных потерях.

— Первое сражение определенно проиграно, — согласился дивизионный генерал. — Но у нас еще есть время, чтобы выиграть второе.

И Дезе начал контратаку.

После восьми часов жестокого боя австрийцы считали, что победа уже за ними. Пару раз свалившись с лошади, престарелый Мелас отправился лечить свои синяки, приказав подчиненным преследовать отступающего противника. От войск Наполеона остались жалкие остатки, и не менее изнуренные противники уже представляли, как они отдохнут в крепости Сан-Жулиано.

Но их застала врасплох неожиданная атака дивизии Дезе, устроившей взрыв австрийского фургона с боеприпасами, а довершил успех генерал Франсуа Этьен де Келлерман, врезавшись во вражеские ряды с фланга с четырьмя сотнями французских драгун. Это был великолепный прорыв, достойный кисти живописца, земля сотрясалась от взрывов пушек, из-под лошадиных копыт разлетались комья земли, опущенные летними травами, в дыму поблескивали сабельные клинки, а над высокими медвежьими шапками драгун задорно покачивались плюмажи — лавина всадников расчленила усталые отряды австрийцев. Только что праздновавший победу противник обратился в паническое бегство, бросив сотни пленных в окружении гарцующих на лошадях драгун. Я не видел столь бесподобного завершения со времени битвы при горе Табор в Святой земле, когда неожиданное, но на редкость своевременное прибытие Наполеона превратило неотвратимую, казалось, победу турок в их стремительное отступление под шквалом артиллерийского огня.

Удивление Бонапарта было не столь велико.

— Судьбу любого сражения определяет один решающий момент, — небрежно бросил он.

И в это время при Маренго, в пору своего величайшего триумфа отважный и скромный Дезе встретил свою смерть, об этой трагедии впоследствии написали так же много романтической чепухи, как о переходе Наполеона через Альпы.

«Почему мне не позволено плакать?» — говорят, позже записал этот завоеватель, очевидно в приступе чувствительности, которой он никогда, по крайней мере, при мне, не проявлял ни к мужчинам, ни к женщинам. Да и способен ли Наполеон плакать? Он считал жизнь войной и людей использовал как солдат. Он опечалился, конечно, — Дезе был верным и храбрым служакой, как добрый конь, — но едва ли его настроение омрачил хоть один из великого множества трупов, усеявших обширную долину. А правда заключалась в том, что, когда Дезе разъезжал по полю боя, вдохновляя своих солдат, спину его прошила пуля, хотя неизвестно, выпустил ли ее австрийский снайпер, или то была стальная пуля французского стрелка. Число людей, случайно убитых или раненных в запале их же собственными

смущенными и перепуганными соратниками, является одной из самых грязных тайн войны.

Позже мы также узнали, что знакомый мне по сражениям в египетской крепости Александрии и при горе Табор генерал Клебер, которому Наполеон поручил командование оставшимися в Египте войсками, пал от руки мусульманского фанатика почти в то же самое время, что и Дезе. Так уходят люди, сыгравшие немаловажную роль в нашей жизни. Генералы исчезают так же быстро, как монеты из дырявого кармана.

Итогом того кровопролитного дня стало множество взорванных боеприпасов, разрушенных орудий, убитых и умирающих лошадей и двенадцать тысяч погибших и раненых австрийцев и французов. К потерям австрийской армии добавились сорок пушек и шесть тысяч пленных.

— Я только что увенчал вашу голову короной, — заметил Келлерман, неразумно высказав непростительную правду. Лучше дожидаться заслуженной награды, не пытаясь присвоить ее самостоятельно.

Мне удалось смирить гордость, хотя я тоже мог бы похвастаться. В Маренго в четыре часа пополудни правление Наполеона закончилось, а к семи часам вечера оно укрепилося. Мудро держа на сей раз язык за зубами, я сумел благодаря приглашению в экипаж Бонапарта быстро вернуться в Париж, после того как австрийцы согласились на условия мирного договора.

Во время нашего путешествия Наполеон показал мне, как непомерно возросли его амбиции.

— Да, верно, я уже многого достиг, — заявил он. — Меньше чем за два года я завоевал Каир, Париж и Милан, но за все это, случись мне завтра умереть, в истории тысячелетия мне в лучшем случае отведут полстранички.

Кто еще за всю тысячелетнюю историю прикидывал, сколько страниц в ней отведут его персоне?

По возвращении в Париж мне поручили заниматься переговорами со вновь прибывшими американскими эмиссарами. Доверие, завоеванное мной у Бонапарта, способствовало скорому заключению франко-американского соглашения. И на этом я закончил рассказ о моей отчаянной храбрости в Морфонтене, где мы собрались, чтобы отпраздновать достигнутый мир. Мы опять выпили за мирное сосуществование, после моего рассказа глаза Полины, сестры Бонапарта, засверкали живым огнем и даже хмурый Магнус Бладхаммер поглядывал на меня с завистливым уважением.

Опустошив очередной бокал, я скромно улыбнулся. Приятно все-таки числиться в героях.

— Месье Гейдж, не желаете ли взглянуть на винные погреба моего брата? — сделала соблазнительное предложение Полина.

Глава 7

Одну из приятных надежд наступившего девятнадцатого века вселяло практичное упрощение женских нарядов. В былые времена с обилием юбок, корсетов и подвязок в наряде аристократки справиться было так же сложно, как с несущейся под штормовым ветром на рифы баркантиной. Мужчину может настолько утомить множество тесемок, шнуровок и слоев одежды, что к тому времени, когда он доберется до соблазнительной плоти, уже забывает порой, ради чего приложил столько усилий. С удовольствием сообщаю, что благодаря упрощенной революционной моде добраться до прелестей дамы теперь не составляло труда, достаточно было галантно склониться и, подняв главный парус, узнать, что нижняя сорочка имеет ныне удобный разрез, а талия не скрывается под ворохом нижних юбок, поэтому я с восхитительной легкостью овладел примостившейся между двух бочонков Полиной, издающей рулады, сравнимые с многоголосием певчих в церковном хоре. Господи, эта девица обладала поистине неистовым темпераментом! Изображения ее бюста на знаменитых портретах не затмили оригинала, а живость ее бедер превосходила проворство

ножниц в руках ловкого закройщика. Мы вздымались и опускались, как сицилийский дилижанс, и пылкость Полины соперничала с изобретенной Франклином печью, я мог бы насладиться ее прелестями еще в нескольких укромных уголках и нишах погреба, дегустируя самые разнообразные вина, если бы чьи-то грубые руки внезапно не вырвали меня из ее объятий, подобно пробке из бутылки.

Чертовски унижительная ситуация!

Со спущенными штанами трудно дать достойный отпор обидчику, и в любом случае крайнее изумление лишило меня быстроты реакции. Проклятье! Неужели из лагерей вернулся генерал Леклерк? Я мог попытаться выкрутиться, объяснив, что мы лишь хотели смахнуть пыль с бутылок, но не думаю, что ее супруг поверил бы мне, поскольку наше с Полиной положение являлось не менее очевидным, чем сияние Мэнского маяка в ночь перед бурей.

— Он изнасиловал меня! — заверещала Полина, что звучало еще менее правдоподобно, учитывая ее амурную репутацию.

— Вам не следовало гарцевать на чужих кобылках, — со странным акцентом рявкнул один из моих обидчиков перед тем, как удар по голове едва не лишил меня чувств, вынудив рухнуть на колени.

Мужественность моя тут же увяла, и я с тоской подумал о винтовке и томагавке, которые оставил вместе с плащом в вестибюле особняка. Пылкое воображение мгновенно подсказало мне, что могли сотворить со мной враги разных стран, и поэтому в одурманенном состоянии я все же попытался скрестить ноги.

— Я понимаю, что все это похоже на... — начал я.

Но мне тут же заткнули рот кляпом.

Вместо того чтобы перерезать горло или для начала нечто более ценное, меня, похоже, вознамерились попросту связать, как колбаску. Обмотав мое тело веревками, их сильно стянули и завязали на концах крепкие узлы, но даже в потрясенном состоянии я успел сделать одну полезную вещь: незаметно перебросить из жилетного кармана в рукава горсть набранных мной в гостиную шоколадок. Попадая прежде в подобные переделки, я потратил много времени, придумывая, каким образом можно освободиться из веревочных пут.

Я смутно видел, что Полина благополучно сбежала, поднявшись и приведя в порядок полупрозрачный наряд. Кто бы осмелился связать сестру Наполеона! Мне тоже натянули панталоны и, дотавив по коридору до двери погреба, вынесли в сад. Учитывая ситуацию, я не рассчитывал, что она пришлет мне подмогу.

Поэтому я попытался сам придумать способ спасения. К несчастью, кляп превратил мои логичные крики о помощи в приглушенное мычание и рычание.

— Побереги силы, американец. Ты даже не понимаешь, в какие неприятности вляпался.

О чем они говорят? В худшем случае меня можно обвинить в соблазнении сестры первого консула. Или они имели в виду нечто совсем иное? Я полагал, что меня схватили подручные мстительного мужа или братьев Полины, но, возможно, мне хочет отомстить и кто-то другой. Я прикинул, кто еще мог желать моей смерти. Вдруг действительно кто-то видел, как я вышел из того полуразрушенного итальянского дома, а Ренато был всего лишь первой ласточкой ложи египетского обряда, решившей покарать меня за то, что я отправил на костер графа Силано. Неужели змеиный культ Апопа умудрился доползти до Парижа? Британцы могли разозлиться из-за того, что меня, как легковесное перышко попутным ветром, вновь занесло к французам. В числе мстителей еще могли оказаться юные красотки, огорченные обстоятельствами нашего расставания, пара жертв моих карточных выигрышей, случайные кредиторы, вся австрийская армия, моряки английского фрегата «Дейнджерз», чье полугодовое жалованье после карточной игры переключалось в мои карманы, а также разъяренные мусульмане с Храмовой горы в Иерусалиме...

Просто удивительно, как я, такой обходительный и славный человек, мог приобрести столь внушительный список потенциальных врагов. В сущности, по-моему, не так важно, кто из них в итоге прикончит меня. И тем не менее хотелось бы знать.

Меня протащили, как бревно, по садовой дорожке, бросили в мелкую лодчонку, так же пригодную для плавания, как упавший с дерева лист, и отбуксировали на середину усадебного пруда, прицепив к шлюпу. Я надеялся, что мне привяжут на шею камень и сбросят в воду, но наша мини-флотилия пристала к островку, на котором должно было состояться феерическое представление, и меня перетасили за кусты, где громоздились разнообразные легковоспламеняющиеся устройства. Могу лишь сказать, что Депо завез сюда такое множество пиротехнических изделий, что их с лихвой хватило бы на освещение второго пришествия.

— Вы всегда хотели быть в центре событий. И кончина ваша не будет исключением, — заявили мои похитители.

Меня привязали к столбу среди этой выставки взрывающихся ракетных изделий, похоже собираясь запустить в небо вместе с одной из искрометных шуток. Я понял, что во время кульминации празднования по поводу соглашения в Морфонтене мне суждено сгореть, как римской свече. Если кто-то и опознает мои останки, то придет к выводу, что смелый, но безрассудный в своей любознательности электрик Итан Гейдж забрался сюда исключительно для того, чтобы изучить устройство фейерверков.

— Вы, конечно, можете кричать, когда сгорит кляп, но в то время из-за салютного грохота вас уже никто не услышит, — прибавил захватчик с оттенком любезности. — А каждый вопль будет запускать в ваши легкие обжигающий воздух.

После этого они подожгли длинный огнепроводный шнур и быстро ретировались, не подумав даже сказать *adieu*,⁴ и я услышал лишь, как с тихим всплеском отчалил от островка их шлюп.

И я, безусловно, сгорел бы, если бы не растаяли шоколадки.

Поскольку меня частенько связывали, то по возвращении в Париж я придумал кое-какие способы для освобождения из таких передраг. Очевидно, что для удачного развязывания узлов надо умудриться сначала ослабить натяжение веревок, а добиться этого можно, расширяя при вдохе грудную клетку и напрягая мускулы, как обычно поступают фокусники, показывая трюк освобождения от пут. В случае с моими запястьями засунутый в рукава шоколад сделал их значительно толще. Теперь, когда твердые сладости размягчились, я соединил руки, шоколадная масса стекла вниз, и натяжение веревок ослабло. Слава добротным изобретениям кулинаров! Однако появление некоторой свободы для движения рук еще не означало полного избавления. С нарастающим страхом я увидел, как гости выходят из замка, чтобы лицезреть праздничный фейерверк; их веселая и нарядная толпа отлично смотрелась на фоне ярко освещенных окон. До меня доносился кокетливый смех дам; по водной глади плавало множество бумажных фонариков.

Лишенный возможности позвать на помощь, я покрылся холодным потом и, раздирая до крови кожу, усиленно пытался высвободить руку, просунув большие пальцы под веревки, испачканные в скользкой и осложняющей дело шоколадной массе. Наконец мне удалось развязать первый узел.

Краем глаза я увидел какую-то вспышку и услышал шипение. Пиротехническое действие могло начаться в ближайшие минуты!

Сбросив первую завязку, я освободил ноющие руки до локтя. Потом, дотянувшись до рта, выдернул кляп и отбросил его подальше.

— Помогите!

Чертов оркестр, однако, уже разразился восторженной версией «Янки-Дудл»,⁵ показавшейся мне оглушительной какофонией улелепывающей в панике стаи гусей. Над

⁴ Прощай (*фр.*).

⁵ Песня на старинный мотив, созданный в Голландии в начале XVI века, стала популярным маршем американских солдат в годы Войны за независимость.

прудом разносились ликующие возгласы, а змейка огнепроводного шнура уже искрила возле арсенала, посверкивая, как тигринный глаз.

Мне уже удалось ухватиться за веревки, привязывающие меня к столбу. Предплечья еще стягивали путы, но я имел достаточно свободы, чтобы развязать один конец веревки и неловко начать перебрасывать его, разматывая охватывающие мое тело круги и отчаянно сетуя на собственную неловкость, замедляющую этот процесс. И вот островок взорвался подобно звездной галактике, а через мгновение дождь огненных звезд хлынул обратно с небес. Часть пушек вздрогнула и изрыгнула ракетные оболочки. Дьявольски скоро здесь будет адское пекло, и я изжарюсь заживо. Нижний конец разматываемой мной веревки уже загорелся, а вокруг все чаще грохотали взрывы пиротехнических шутих. Если кульминация застанет меня здесь, то я окажусь в кратере своеобразного извергающегося вулкана, где и расплавятся мои бранные останки.

— Помогите! — вновь завопил я.

Теперь они играли «Марсельезу».

Но я уже отвязался от столба, рванулся к воде и тут же упал, забыв, что ноги у меня тоже связаны. Что-то непонятное еще отягощало мою спину. Но сейчас надо как можно скорее выбраться с острова! Взлетающие со змеиным шипением ракеты исполосовали небо огненными струями, обжигающие искры сыпались мне на голову и одежду, я был ошеломлен и полуослеплен режущим глаза огненным светом. Прыжками я начал продвигаться к воде, стягивая веревки с груди.

И тут взорвался, казалось, весь остров.

Восторженными криками толпа гостей встретила превращение земного острова в разлетающуюся солнечную корону. Огромные искристые фонтаны взлетели в разные стороны, образуя причудливые арки; воздух заполнился обжигающим пеплом, дымом и адским серным запахом. Загорелись и путы, связывающие мои лодыжки, и если бы не высокие ботинки (спешное свидание с Полиной не предусматривало полного разоблачения), то я мог бы сильно обгореть. Прыгая, как перепуганный заяц, я наконец увидел ту жалкую лодчонку, на которой меня притащили сюда. Я буквально упал в нее, она по инерции сдвинулась с мелководья, и мои ноги ощутили приятную прохладу. Пламя с шипением угасло. Я практически освободил руки, но грудь и бицепсы еще были охвачены кольцами веревки. Облив дымящиеся волосы водой, я сбросил с ног прогоревшие путы. С трудом удерживая равновесие шаткого суденышка, я умудрился встать на колени и, загребая руками, направить его в сторону праздничной толпы, удаляясь от грохочущего ада.

— Посмотрите-ка, что это там такое? Что-то плывет с островка!

Проклятые бестолочи начали изъявлять бурную радость, вновь заглушив мои жалобные стоны. Они решили, что в этом представлении мне отведена особая роль. И когда я наконец оказался достаточно близко, чтобы выкрикнуть сообщение о бандитах и похитителях, волосы на моей голове опять загорелись.

Или, вернее, прямо у меня за спиной со свистом воспламенился сияющий фонтан римской свечи, которую мерзавцы засунули под веревки. Деревянную рукоять этого огненного фейерверка они засунули за пояс моих панталон, а его запальный шнур, видимо, загорелся, пока я прыгал по острову. И теперь он — а заодно с ним и я — превратился в пылающий факел. Не желая окончательно поджариться, я выдернул из штанов рукоятку взрывного устройства и в отчаянии отвел подальше руку с извергающим огненный фонтан цилиндром. Он хорошо освещал мою фигуру, и его взрывная сила слегка ускорила продвижение моей шаткой посуды. Теперь уже все зрители радостно приветствовали меня.

— Да это же Гейдж! Какая потрясающая роль! Видите, он поднял факел мира, знаменующий наше соглашение!

— Говорят, он колдун! А вы знаете, что имя Люцифер означает «несущий свет», то бишь «светоносный», римляне считали его сыном Авроры, богом утренней звезды!

— Неужели он сам придумал такое великолепное представление?

— Да, он гениальный изобретатель!

— Или гениальный актер!

Не зная, что еще сделать, я поднял повыше плюющийся огнем факел и, попытавшись восстановить подпаленное достоинство, стиснул зубы и улыбнулся, преодолевая боль ожогов.

Так-так! Если мне не померещилось, то в стороне между деревьями маячили какие-то личности в темных плащах. Когда лодочное днище прошуршало по прибрежной гальке, водная гладь с шипением поглотила финальные искры римской свечи, и я ступил наконец, подобно Колумбу, на твердую землю.

— Bravo! Поистине захватывающее зрелище!

Я поклонился, испытывая изрядную слабость в коленках. Надышавшись едкого дыма, я продолжал сипеть, кашлять и морщиться от полученных ожогов и ссадин. Зрение еще толком не восстановилось, и из слезящихся глаз по моим подкопченным щекам стекали светлые ручейки.

Американские послы протолкались в первый ряд.

— Силы небесные, Гейдж, — воскликнул Элсуорт. — Что символизировало ваше дьявольское появление?

— Свободу, по-видимому, — полубессознательно буркнул я первое, что пришло в мою угоревшую голову.

— Он обладает бесшабашной храбростью, — заметил Ване Мюррей. — Пристрастие к столь рискованным трюкам может довести до беды.

Через минуту к ним присоединился Бонапарт.

— Я мог бы догадаться, — заявил он. — Очень рад, что вы далеки от политики, месье Гейдж, иначе своей дьявольской интуицией вы могли бы превзойти меня.

— Боюсь, что это невозможно, первый консул.

— Вы с самого начала планировали устроить такой замечательный трюк? — спросил он меня, переводя ироничный взгляд на остров.

— О нет, уверяю вас, это была чистая импровизация.

— Великолепно. — Он окинул взглядом ближайшее окружение. — Вы прекрасно смотрелись с высоко поднятым факелом. Нам всем надолго запомнится сегодняшний вечер. Дружественный союз Франции и Соединенных Штатов! Гейдж, ваши таланты очевидны. Видимо, я воспользуюсь вашими услугами для доставки моих посланий вашему президенту.

— В Америку?

Я огляделся, пытаюсь выискать среди зрителей мужа Полины, поклонников египетского змея, мусульманских фанатиков или британских агентов. Вероятно, пора мне отправляться на родину.

На мои плечи легла чья-то тяжелая рука.

— А новые друзья постараются обеспечить вашу безопасность! — по-медвежьи облапив меня, сказал Магнус Бладхаммер и, улыбнувшись Наполеону, добавил: — Мы с Гейджем давно искали друг друга, и я тоже готов поехать с ним в Америку!

Глава 8

Магнус утащил меня из центра толпы, крепко обняв за плечи и обдавая парами алкогольного дыхания.

— Вам не нужно было связываться с той Бонапартовой шлюхой, — тихо увещевал меня норвежец. — Со мной вы будете в большей безопасности!

— Я даже не представлял, что тут крутятся соглядатаи ее муженька. Странно, что у него так сильны собственнические инстинкты. О боже, ведь учитывая ее репутацию...

— Глупец, люди Леклерка тут ни при чем. Тут не обошлось без датчан.

— При чем тут датчане? Почему вдруг их взволновало, кому я наставляю рога?

— Они либо церковники, либо еще хуже... Чертовски жаль, Гейдж, что вас видели со

мной. Им известно, как важно ваше участие для нашего дела. Ваша жизнь в жуткой опасности.

— Кому известно? Какое дело? — возмутился я.

Ей-богу, разные фанатики слетаются ко мне, как пчелы на мед.

— Неужели они хотели спалить вас на том острове?

— Да. И если бы я не запасся новомодными шоколадками...

— Им хотелось припугнуть меня, чтобы я держался подальше от вас. И их предупреждение выглядело весьма внушительно! Вряд ли, конечно, они вознамерились напомнить нам о методах средневековой инквизиции. Но ваше сжигание послужило бы предостережением для всех нас. Не зря мне говорили о подлинности древней карты... Уверяю вас, Гейдж, ваша страна нуждается во мне так же сильно, как я нуждаюсь в ней.

— О какой карте речь?

— Интересно, много ли их прибыло сюда? И хорошо ли они вооружены?

— Честно говоря, они мне не представились. Да и вообще, у меня хватало других забот... — усмехнулся я.

— Кому здесь можно доверять? Преимущества явно на их стороне. У вас есть надежные союзники?

— Бладхаммер...

— Зовите меня Магнус.

— Магнус, не могли бы вы снять руку с моего плеча? Мы же едва знакомы.

Он с явной неохотой выполнил мою просьбу, и мне сразу стало легче дышать.

— Спасибо, вы крайне любезны. Итак. Я не знаю никаких датчан, революционеры выгнали из Франции всех церковников, и я понятия не имею ни о каких картах. Мы собрались здесь отпраздновать заключение франко-американского мирного договора, если вы помните, и я старался по возможности вести себя дружелюбно со всеми. Включая сестру Бонапарта Полину. Вероятно, меня схватили по ошибке. Они засунули мне в рот кляп, и я не смог объяснить им, кто я такой.

— Ваши новые враги не допускают никаких ошибок.

— Но я не успел завести новых врагов! — воскликнул я, настороженно оглядываясь. — Откуда у вас такая уверенность?

— К сожалению, теперь мои враги стали вашими, и они опасаются вашей славы и знаний. Вы ведь, по-моему, знаток электричества. А также исследователь тайн прошлого. Вам покровительствовал сам великий Франклин.

— Я всего-навсего служил у него секретарем.

Я начал осознавать, что хвастливые истории о моих подвигах, возможно, привлекли ко мне не только благосклонное внимание прекрасных дам, но и завистливые взгляды мерзавцев мужского пола. Пора вести себя более осторожно.

— Я бездельник, игрок и транжира, — честно признался я, — и едва ли могу вызвать серьезные опасения у кого бы то ни было.

— Гейдж, я отправляюсь в путешествие с важной миссией, и только один человек в этом мире обладает тем редкостным сочетанием талантов, которые способны помочь мне достичь успеха. И этот человек — вы, а все сказанное вами сегодня вечером лишь подтверждает мои слова. Нет-нет, не спорьте! Ведь даже сам Бонапарт уверовал в ваши таланты. Вас ведет судьба. Мои поиски важны не только для Норвегии, но и для вашей молодой страны. Вы же патриот, сэр?

— В общем, мне хотелось бы считать себя таковым. Упокой, Господи, душу Джорджа Вашингтона. Хотя мне и не довелось лично познакомиться с этим великим деятелем.

Он подался ко мне, его громкий шепот заглушил шум праздничной, подвыпившей толпы.

— Вы можете представить, что Колумб не первым открыл ваш континент?

— Там, кажется, жили индейцы...

— Знайте же, Итан Гейдж, что мои скандинавские предки достигли Северной Америки

намного раньше итальянских и испанских конкистадоров. Настоящими первооткрывателями вашего континента были северные мореплаватели.

— Да неужели? Но даже если им действительно удалось найти эти земли, они их не застолбили. Поэтому их открытие не имеет никакого значения.

— Еще как имеет!

Магнус так взревел, что на нас стали оглядываться, и он, утащив меня в глубину аллеи под тенистый дуб, схватил за плечи.

— Скандинавы первыми добрались туда, нарисовали карту и спрятали там один древний артефакт, столь потрясающего могущества, что нашедший его будет управлять будущим мира! Поймите же, Итан Гейдж, что я говорю и о судьбе ваших родных Соединенных Штатов!

— А с чего это вас так волнует их судьба? — спросил я, с недоверием отнесшись к его пафосу.

— А с того, что справедливое возвращение этого артефакта моему народу станет вдохновляющей идеей для завоевания независимости и одновременно уберекет вас самих от чужеземного господства. У нас есть шанс изменить ход мировой истории!

Что ж, мне уже приходилось слышать такого рода разговоры, но ни к чему хорошему они не привели. Мне доводилось бывать в Египте и Иерусалиме, где все буквально дышит историей, но все мои поиски закончились синяками, ожогами и разбитым сердцем.

— Боюсь, я не большой любитель исторических изысканий. Это трудная и грязная работенка, к тому же, как я узнал по собственному опыту, чертовски утомительная и неблагодарная.

— Но наша с вами находка превзойдет ценность любой императорской короны.

Он бросил на меня взгляд, достойный самого ловкого торговца, который упорно стремится выгодно продать свой товар.

И меня, как беззащитного наемника, взволновало его последнее замечание.

— И какова же ее реальная ценность? Неужели она определяется грудой золота!

— Вы же игрок, Итан Гейдж. Разве вам не хочется разбогатеть?

И вдруг предложение Бладхаммера, который блеском своего единственного глаза напоминал Писарро, заглядывающего в сокровищницу с золотом инков, показался мне весьма многообещающим.

— Больше всего меня интересует богатство знаний. Все-таки я приобщен к миру ученых. Однако если мне предложат вознаграждение, то я не откажусь от заслуженного возмещения затрат. Как говорил мой наставник Франклин: «Лучше лечь спать без ужина, чем проснуться в долгах».

— Может, вы не привыкли ужинать?

— Мои долги неизбывны. Так о каком сокровище идет речь, Магнус?

— Надо найти менее людное место для более откровенного разговора.

Словно Бонапарт, оценивающий поле боя, он окинул взглядом гостей, уже начавших возвращаться в замок и собираться по домам.

— Скоро они разъедутся, — добавил он, — а мы вновь можем подвергнуться нападению схвативших вас бандитов. Главное сейчас, постараться выбраться из Морфонтена живыми.

* * *

Когда вы насторожены, то начинает казаться, что за вами следит каждый незнакомец. То общество, что всего час тому назад представлялось мне милым и дружелюбным, теперь казалось зловещим и угрожающим. Учитывая присутствие на празднике большого числа военных, мои захватчики легко могли смешаться с официальными гостями. А мне практически не удалось разглядеть лиц бандитов. Празднество еще продолжалось, все изрядно захмелели, по залам разносились громогласные шутки и смех, и, пожалуй,

неуместным там выглядел только набивавшийся мне в спутники норвежец Магнус Бладхаммер. По моим представлениям, датчане чаще всего бывали блондинами. Я с пристальной подозрительностью вглядывался в каждого блондина, но ни один из них не обращал никакого внимания на мои испытующие взгляды.

Возможно, бандиты притаились за воротами. Мой наемный экипаж будет нетрудно заметить и догнать, и тогда на лесной дороге между Морфонтеном и Парижем я стану для них легкой добычей. Можно, правда, попросить у Бонапарта эскорт, но тогда придется рассказать о приключении с его замужней сестрицей и о сокровище Магнуса. Нет, уж лучше придумать, как самому ускользнуть незаметно. Я как раз пытался разработать план побега, когда кто-то потянул меня за рукав.

— Пойдем, — прошептала Полина. — У нас есть еще время уединиться в одном из верхних будуаров!

Клянусь стрелами Купидона, эту любвеобильную дамочку, очевидно, трудно обескуражить! Меня уволокли на остров, подпекли фейерверками, римская свеча подпалила мои волосы, и я едва смог спастись, вернувшись на утлой лодчонке на безопасный берег, а она ведет себя так, словно мы решили ненадолго отложить наши любовные игры. Не представляю, в какую оргию превратилась бы целая ночь любви с этой распутницей. На самом деле я как раз мог это представить, и сие представление показалось мне устрашающим.

— К сожалению, я вынужден покинуть праздник... — И вдруг меня посетила одна вдохновляющая идея. — А скажите, не найдется ли в вашей карете свободного местечка? Мне хотелось бы избежать нежеланной встречи с теми нахалами, которые помешали нам.

— Какое очаровательное искушение! — воскликнула она, сверкнув глазками. — Но если вас увидят мои братья или знакомые военные, то до моего мужа могут дойти нехорошие вести. — Она с видом скромницы опустила глаза. — Я же старательно поддерживаю мою репутацию.

Да уж, еще как старательно.

— Я мог бы сыграть роль вашего лакея. У вас есть средних размеров лакей, у которого я мог бы прикупить наряд? Вы меня очень обяжете, если ему удастся отвлечь внимание этих мерзавцев. А в награду я отдам ему мой плащ.

Ее улыбка стала шаловливой.

— А чем, месье, вы вознаградите меня?

— Я поделюсь с вами историей, произошедшей со мной в каирском гареме, — с поклоном ответил я.

Нет нужды говорить ей, что то посещение было более обескураживающим, чем холодная ванна в выстуженной бане.

— О, я обожаю географию.

— Мне довелось побывать во множестве интересных стран, — многообещающе заявил я. — Кстати, у меня есть еще приятель...

— Месье! — воскликнула она, удивленно округлив глаза. — Вы предпочитаете *menage a trois* ?⁶

— Нет, он будет крайне благодарен, если вы позволите ему проехать рядом с вашим кучером.

Могу поклясться, что эта красотка выглядела разочарованной: рушилась перспектива любви втроем. Но мне было некогда размышлять о глубине ее разочарования, и я быстро повел Полину через толпу, побуждая известить о нашем плане ее слонявшихся по конюшне слуг. Двое лакеев согласились временно поменяться местами со мной и Магнусом. Пока ходили за этими парнями, я забрал винтовку и томагавк, решив спрятать их в ее карете. Потом я разыскал Жана Этьена Депо, устроителя праздника, и спросил, не осталось ли от

⁶ Любовь втроем (фр.).

фейерверка каких-нибудь ракет.

— Разве вам не хватило того, что вы увидели на острове, месье Гейдж? — спросил он, удивленно подняв брови.

— Это было поистине великолепное ощущение, но мне хотелось бы провести один эксперимент. Возможно, мне удастся с помощью электричества сделать огненное зрелище еще более захватывающим.

— Вы что, американец, совсем не умеете нормально отдыхать?

— Как ни странно, порой это бывает очень затруднительно.

Он выдал мне добрую дюжину пиротехнических изделий — очевидно, далеко не все запасы спалили на озерном островке, — и я тщательно заполнил частью этих взрывоопасных устройств сундучок, реквизированный мною из кладовки. Рассыпав сверху немного пороха, я закрепил на крышке возле замочка новый винтовочный кремль, чтобы при ее открытии на порох попала искра. Потом я устроил своеобразное представление, с таинственным и важным видом пройдя с сундучком через расходящуюся толпу, и привязал его к заднику наемного экипажа, доставившего меня в Морфонтен. Завершив сию выразительную пантомиму, я отправился на конюшню, где поменялся одеждой со слугами Полины, предварительно проверив грубое нижнее белье на наличие блох.

— В оплату за любезность ты можешь оставить себе мой плащ, — сказал я раздевающемуся парню.

— А вы, колдун, забирайте все мои одежды, — радостно ответил он. — Значит, теперь мне надо сыграть роль янки, пройтись вразвалочку, распахивая всех локтями и глаза по сторонам?

Весьма неуклюже, прикрывшись моим плащом и шляпой, он попытался изобразить меня, продефилировав в сумерках к моему экипажу. Смею заметить, что мои осанка и походка более изящны.

Тем временем мы с Магнусом прошли к карете Полины, стоявшей в ряду прочих экипажей. На плече Магнуса болтался похожий на колчан кожаный тубус, где, как я понял, хранилась упомянутая им карта. Под мышкой он также тащил старый плащ и фетровую шляпу с широкими опущенными полями. Он уже вознамерился забраться в карету, но я остановил его.

— Вам, Бладхаммер, отведено место снаружи, рядом с кучером. Если, конечно, вы не предпочитаете тряситься на запятках.

— Ваша маскировка ничуть не лучше моей, Гейдж, — пробурчал он. — Почему же вы поедете внутри, а я должен торчать снаружи?

— Потому что я играю роль личного лакея, ублажающего прихоти нашей госпожи.

— Вы с ума сошли? Разве мало еще неприятностей вы поимели из-за нее?

— В общем, достаточно, но надо же получить хоть какое-то удовольствие. Мне не удалось толком распробовать изысканные вина.

Мой ответ ему явно не понравился, но он понимал, что дальнейшие препирательства привлекут к нам ненужное внимание.

— Поосторожнее, американец, — пробурчал он. — Мы по-прежнему в опасности.

— Потому-то как раз вам и сподручнее будет ехать впереди на козлах. Вы ведь не откажетесь предупредить нас в случае чего?

Полина вышла из замка и быстрыми шажками прошла по гравиевой дорожке, придерживая у горла разлетающийся за спиной шерстяной плащ, накинутый на легкое платье. Я помог даме сесть в карету, а сам устроился на полу возле борта.

— В Париж, — приказала она, постучав в потолок, и мы с легким толчком тронулись с места, резвым шагом упряжка наших лошадей начала путешествие, которое завершится только утром, когда солнце уже зальет землю яркими лучами.

Нанятый мной экипаж укатил раньше, и я надеялся, что мои предполагаемые датские преследователи закусили наживку и погнались за ним и заманчивым сундучком.

По моим расчетам, обнаружив вместо меня какого-то лакея, они чертыхнутся, но не

причинят ему вреда. В разочаровании они набросятся на мой сундучок. И тогда...

— По-моему, месье Гейдж, вам удалось сверкнуть на сегодняшнем вечере, — проворковала Полина, когда я отважился присесть на скамью.

— Я не представлял, что моя роль будет столь фееричной.

— Что за ужасные грубияны ворвались в погреб? Мне следовало попросить брата арестовать и повесить их за столь неуместное и беспардонное вмешательство. Надеюсь, вы понимаете, что мне не удалось получить желаемого наслаждения.

— Да я сам толком не понял, кто они такие. Возможно, ревнивые обожатели, покоренные вашей красотой.

— Тогда не стоит обвинять их, — с шумным вздохом произнесла она. — Лучше буду продолжать позировать для портретов.

— Вы должны позволить мне заказать один из них.

— Уверена, что вы не можете позволить себе такую роскошь, — с улыбкой заметила она, — но мне приятно, что у вас возникло такое желание. Ах, с какой потрясающей храбростью вы избежали опасности! Вам удалось поколотить этих наглецов?

— Они сбежали.

— А где же ваш приятель, он отправился с нами, как вы и хотели? — спросила она, взглянув на затянутый парчой потолок.

— В данный момент он играет роль охранника, сидя рядом с вашим кучером.

— Как благородно. Тогда мы с вами можем продолжить обсуждение древних таинств. — Она достала бутылку. — Покидая погреб, я позаимствовала у Жозефа хорошего вина.

— Ваша предусмотрительность так же великолепна, как красота.

— Путь до Парижа недалек. Ведь мы едем именно туда?

— Будь на то моя воля, мадам, я предпочел бы взять курс на Гавр. В Америке меня ждут срочные дела.

Я уже прикинул, какое будущее меня ждет. Хотя мне совсем не хотелось покидать парижские салоны, но именно там прежде всего будут искать меня любые преследователи. Как скоро, интересно, Леклерк узнает, что я волочился за его женой?

— Тогда мы должны с максимальной пользой использовать оставшееся у нас время. — Она вновь постучала по крыше кареты. — Генри! Сворачивай на береговую дорогу!

— Слушаюсь, мадам.

— Мы найдем для вас почтовый экипаж, но только когда отъедем подальше от Морфонтена, где вы будете в безопасности. А пока достаньте-ка из этого отделения пару бокалов. У меня есть тост.

— За выживание?

— Нет, выживаю я всегда, месье Гейдж. За воссоединение!

Мы звонко чокнулись бокалами, и в тот же момент я услышал раскатистый отзвук взрыва на лесной дороге и выглянул в окошко. Вдали в темное небо взмыли две ракеты. Очевидно, захватчики догнали-таки мой бывший экипаж. И решили порыться в моем сундучке.

— Опять бандиты, — бросил я, откидываясь на спинку кареты.

— Уверю вас, — сказала она, укоризненно покачав головой, — мой брат разберется с ними.

— По-моему, я сам уже разобрался.

— Итан! — крикнул сверху Бладхаммер. — Ты видел это? В чем, черт побери, дело?

— Прощальный салют для наших приятелей, Магнус. Будь начеку!

— Я замерз тут наверху!

— Сочувствую!

Полина откинула полу плаща, и я подсел к ней поближе.

— Нам надо избавить вас, месье Гейдж, от этого грубого тряпья. Человеку вашей славы и положения не пристало ходить в одежде простолудина.

— О да, не обремененный этим ветхим костюмом, я мог бы куда лучше согреть мою даму, — согласился я. — Вы знакомы с огненной наукой?

— Я люблю науку так же, как географию.

Подняв юбку, она обнажила великолепный лужок, венчавший ее бедра и изящно обрамлявший вход в царство Купидона.

Мы благополучно свернули к Гавру, хотя, честно говоря, я не услышал никаких указаний по этому поводу из-за накала страстей и громогласных стонов моей спутницы.

Глава 9

Осеннее пересечение Северной Атлантики подобно пребыванию на скучной опере, если, конечно, вы не оккупировали частную ложу с очаровательной дамой. Выдержать такое плавание можно, но тянется оно утомительно медленно и беспокойно, причем всем пассажирам приходится маяться от безделья. Первые три дня я провалялся, страдая от морской болезни, а потом до самого прибытия в Нью-Йорк просто тупо тосковал в сырости и холоде все ужасные десять недель сменяющих друг друга штормов. На палубах постоянно поблескивала зеленоватая вода, корабельная обшивка угрожающе стонала и потрескивала, а в потолке над пыточным ложем, называемым моей койкой, образовалась изрядная течь. Однажды утром, высунув голову на верхнюю палубу, я увидел, что верхушки мачт почти скрылись за снежной завесой, а все выбленки обледенели, и мне вдруг так отчаянно захотелось найти хоть какое-то занятие, что я вызвался помочь коку очистить от плесени остатки овощей.

— Поглядели на море, месье Гейдж?

— Поглядел. Оно выглядит не радостнее, чем вчера.

— *Oui*.⁷ Именно поэтому я с удовольствием хлопочу около моих горячих печей.

Бладхаммер пребывал в своей стихии, с раздувающейся, как парус, бородой он кружил по палубе с видом древнего скандинавского берсеркера,⁸ готового помериться неукротимой и дикой силой с приобщенными к цивилизации людьми. Защищаясь от штормового ветра, он нахлобучил по самый нос потрепанную фетровую шляпу с широкими полями и завернулся в плащ, точно в индейское покрывало. Ему, так же как и мне, не терпелось добраться до Америки, но он откровенно любовался недоступной моему пониманию красотой вздымающихся за бортом серых валов, хотя после парочки солнечных дней — когда гребни волн посверкивали изумрудным светом, а по грозовому небосводу раскидывалась огромная радуга — мне пришлось признать, что океан, подобно пустыне, обладает своеобразным очарованием. Над нашим судном порой зависали здоровенные птицы и, раскинув крылья, дрейфовали в воздушных потоках, а однажды, прибежав на призывный крик матроса, мы увидели за бортом могучую серую спину исполинского левиафана, и выброшенный им туманный фонтан овеял нас запахами рыбы и океанских глубин.

— По верованиям моих предков, наша земля окружена бесконечным океаном, а его обвивает гигантский морской змей, — сообщил нам Магнус. — И когда змей покрепче кусает себя за хвост, океанские воды вздымаются и обрушиваются на землю всеокрушающим потоком.

— Если океан бесконечен, то как можно его обвить?

Учитывая изрядное количество богов и богинь, жутко попортивших мне кровь, я пристрастился к теологии и находил удовольствие, выискивая в божественных учениях логические несуразности.

— Мир наш сотворен из костей и зубов застывшего исполина, и его кровь заполнила

⁷ *Oui* (фр.) — да.

⁸ **Берсеркер** — в древнескандинавском обществе воин, посвятивший себя богу Одину.

озера.

Вот так все и шло. Долгими темными вечерами в недрах нашего брига Магнус рассказывал мне такие странные истории, что я чувствовал, будто соскальзываю с корабля современности. Он заполнил наш досуг такими именами, как Тор, Асгард, Локи, Биврест, Имир, Скади, Фулла и Сурт. Я плохо разбирался в скандинавской мифологии, но мне всегда нравились разнообразные древние легенды, а он рассказывал их умело, рокоchущим басом, причем ритмичное изложение этих саг на редкость удачно гармонировало с качкой и разворотами нашего парусника. Прошлое обычно кажется проще, чем запутанное и сложное настоящее, а Магнус, оказавшийся заядлым мечтателем, блуждал по тропам воображаемого древнего мира, подобно троллю с душой ребенка. Порой его циклопический синий глаз сверкал огнем, он порывисто подавался вперед и жестикулировал с такой живостью, словно сражался в сабельном бою.

С легкой руки нашего капитана моего здорового попутчика прозвали Одином, и когда я наконец поинтересовался происхождением этого прозвища, моряк глянул на меня с удивлением.

— Из-за внешности, разумеется. Трудно не признать его сходства с верховным богом.

— Верховным богом?

— Ну да, их одноглазый Один вроде как норвежский Зевс, и он странствовал по миру в широкополой шляпе и разлетающемся плаще, жадно впитывая новые знания, к коим имел неутолимую жажду. А вы сами разве не заметили их сходства?

— Я просто подумал, что он не одобряет новомодных веяний в одежде.

— Ваш друг большой оригинал, меcье. Но его оригинальность весьма впечатляюща.

В общем, я внимательно выслушал мифы, рассказанные современным двойником Одина. Лесной северный народ, как оказалось, имел вздорных и сварливых могучих богов, пировавших с погибшими героями в райских кущах, в так называемой Валгалле, где они отдыхали от многочисленных пакостей, кои учинили простым смертным. Ежедневно эти геройские викинги развлекались, рубя друг друга на куски, а потом ко времени вечерней трапезы воскресали, дабы повеселиться на очередном пьяном пиршестве. Магнус очень живо описывал древнюю космогонию с обитающими в небесных чертогах богами, радужными мостами и священным для скандинавов, соединяющим девять миров деревом Иггдрасиль; на вершине этого исполинского ясеня восседал мудрый орел, а его корни глодал дракон Нидхёгг в компании со змеями. Это напомнило мне о змеином боге Апопе из египетских мифов. Под одним из корней мирового древа находился Хель, адское царство мертвых, где правила одноименная свирепая богиня, изгнанная туда Одином. Палаты ее, называемые Мокрая Морось, находятся за отвесной кручей, Скалой Разрушения, и там чудовищная Хель повелевает людьми, умершими от болезней или от старости, и потчует их блюдом под названием Голод, помогая себе ножом под названием Истощение.

В средней части ствола Иггдрасиля располагался Мидгард, человеческий мир, в который порой спускались боги, распространяя в нем разные несчастья и небесные артефакты. Ближе к кроне находился Асгард, что-то вроде норвежских небес.

— Хель? — переспросил я. — Вы имеете в виду, что это нечто вроде древнегреческого Гадеса, английского *hell* или христианского ада? Неужели викинги почитали Библию?

— Нет, это христиане почитали древние мифы. Новые религии многое заимствуют у своих предшественниц. Разве вы не знаете, что Один пожертвовал один глаз, дабы припасть к источнику мудрости, и по собственному почину, ради обретения сокровенных знаний, провисел девять дней распятым на Иггдрасиле, подобно Христу? С мучительным криком пронзил он себе бок копьем.

— Пожертвовал глазом? Вы имеете в виду, что он, как и вы, носил глазную повязку?

— Он-то как раз не скрывал своей ужасной пустой глазницы.

С легкой усмешкой Магнус сдернул повязку, предъявив мне уродливый шрам. На месте глаза зияла воронка размером с мой большой палец.

— А что случилось с вашим глазом?

— Мне тоже пришлось обменять глаз на знания. Я потерял его в тайных архивах Копенгагена, где изучал историю моего народа и древних рыцарей-тамплиеров. Клинок стражника застал меня врасплох, и лицо мне заливала кровь, но я лихо сражался, прокладывая мечом путь на свободу. Хорошо еще, что боль не помешала мне сосредоточиться, и когда я выскочил на скользкий берег, то нырнул в море, скрывшись от пальбы преследователей. Вам также доводилось убегать от погони, конечно, но, вероятно, вы более искусный воин, раз избежали ранений. По-видимому, у вас не так много шрамов.

Просто, предвидя жестокую схватку, я предпочитал сдаваться или отступать, хотя излишняя откровенность мне была явно не выгодна. Поэтому я решил сменить тему.

— Рассказывая о верованиях древних египтян, моя подруга Астиза, так же как вы, богохульствовала, утверждая, что христиане позаимствовали лучшие идеи от язычников. Отвергать эту чепуху все равно что пытаться затоптать горящую траву. Вряд ли вы, Магнус, будете утверждать, что именно у живущих на севере древних скандинавов зародилась идея ада. Особенно учитывая, какое там должно быть пекло.

— Адские подземелья бывают и холодными, как наш Нильфхейм. Более того, такая идея универсальна — подобно многим библейским притчам, она отразилась во всех временах и культурах. Именно поэтому библейские истории поражают нас своим правдоподобием. В Библии сказано о Потопе, а у скандинавов повествуется о первичном хаосе Гинунгагапе и морских наводнениях, затопляющих весь земной мир. В Библии описан апокалипсис, а у скандинавов — Рагнарёк, гибель богов, завершающая последнюю войну между богами и гигантами. Более молодые религии есть развитие древних. Это не ересь, Итан, а признание древнейшего происхождения корней религии. Осознав, как глубоко они уходят, мы постигнем истину.

— Откуда вы знаете все это? Уж не принадлежите ли вы к роду друидических жрецов?

— Скорее уж я мечтатель, любящий свою родину, да вдобавок добровольный исследователь тайн нашей истории, того давнего прошлого, где хранятся утраченные ключи от врат в светлое будущее.

— Но мы ведь живем в просвещенный век. Пятнадцать лет назад французский астроном граф де Корли выдвинул версию об обрушившихся на Землю осколках кометы; именно они стали прообразом описанных в Библии катастроф и чудес.

— И это вам кажется более вероятным, чем Иггдрасиль или Асгард? Ваше просвещение всего лишь очередной современный миф, подпитывающийся истоками древнего мирового бытия. Все верно, мы забыли многое из того, что когда-то знали наши предки; можно подумать, что по нашим головам нанесли удар, выбивший из них жизненно важные воспоминания. Рыцари-тамплиеры приоткрыли завесу, скрывающую путь к истине. И я тоже вступил на этот путь, а вы явились, чтобы помочь мне.

— Явился? Скорее уж вы и ваши безумные датчане вынудили меня к этому.

— Наше присутствие здесь, на этом просмоленном паруснике, было предопределено!

— Кем?

— Хороший вопрос, именно на него нам и надо найти ответ.

* * *

Полная чепуха, конечно, но я полагал, однако, что наш океанский вояж позволил ему выговориться, а мне отдохнуть. К тому времени когда мы расстались с Полиной на прибрежной дороге, я походил на выжатый лимон; одну ногу мне свела судорога, а душу встревожило прибытие отряда французских драгун, посланных на мои поиски после нападения на нанятый мной экипаж. Всадники догнали нас вскоре после того, как мы проехали пару миль по окольному пути к Бретани. В отчаянной спешке я стал натягивать ботинки, надеясь сбежать до того, как нас догонят предполагаемые мстители генерала Леклерка, но вдруг поравнявшийся с каретой лейтенант отсалютовал мне через дверь, словно я был в эполетах. Он вручил мне конверт.

— Вам привет от первого консула, сэр. Вы ускользнули до того, как он издал приказ, — пояснил посланец, осмотрительно не замечая Полину.

— Какой приказ?

Неужели меня опять упекут в тюрьму Тамплъ как закоренелого греховодника, спутавшегося с консульской сестрой? Или попросту расстреляют в ближайшей роще?

Но нет, слава богу, это мирное распоряжение, написанное скорописью Наполеона, предписывало мне отбыть в Америку, дождавшись на побережье последних инструкций.

— Так вы не собираетесь арестовать меня? — произнес я вызывающим тоном, поскольку не привык к благосклонностям судьбы.

— Нам приказано обеспечить вашу дальнейшую поездку на почтовой карете и эскортировать Полину Бонапарт обратно в Париж, — отрапортовал военный с непроницаемым выражением лица. — Мы должны позаботиться о том, чтобы никто из вас не сбился с пути.

— Вы очень любезны, лейтенант, — проворковала Полина, смущенно покрасневшая по меньшей мере для приличия.

— За заботу благодарите вашего брата.

В очередной раз Наполеон показал, что ничто не ускользает от его внимания. Мне предписывалось быстро отплыть в Америку, а Полине — вернуться домой. Честно говоря, расставание с этой дамой подоспело на редкость своевременно. Не скажу, что, удовлетворив страсть, я испытал угрызения совести из-за своего легкомысленного поведения. Победа над Бонапартом посредством соблазнения его сестры не принесла мне чувства радостного отмщения за причиненные мне раньше страдания. В очередной раз я усомнился в том, научили ли меня хоть чему-нибудь мои полные опасностей приключения. Наверное, мне попросту недоступна благоразумная и добропорядочная жизнь. Как поучительно говаривал старина Бен: «Властелин тот, кто властвует над своими страстями, и раб тот, кто им потакает». Бонапарт в основном думал о будущем, я жил настоящим, а Бладхаммер — прошлым.

Вот так я, усталый и помилованный, вместе с Магнусом спустился на грешную землю и, уходя, неловко отсалютовал драгунам. Мой новый попугчик пошатывался, в дороге он усиленно согревался бутылкой аквавита,⁹ тайком унесенной им из Морфонтена, приятно удивив меня хитроумной предприимчивостью. Мы помахали на прощание укатившей в Париж Полине, а на рассвете сели в дилижанс и в итоге прибыли на побережье как пара бездельных бродяг. Наш общий скудный багаж состоял из моей винтовки и томагавка и Магнусова чехла с картой, поэтому мы привлекли почти такое же внимание, как цыганский цирк, хотя в морские порты стекаются разные чудачки, и никто особо не стал к нам привязываться, когда мы предъявили достаточно франков. Ходили слухи, что бретонский повстанец Жорж Кадудаль¹⁰ вернулся из Англии во Францию, собираясь устроить заговор против Наполеона, и тайная полиция в худшем случае могла принять нас за людей, сочувствующих Бурбонам. В общем, нас быстро оставили в покое.

Мы нашли бриг на Нью-Йорк, который дожидался временного снятия английской блокады и благоприятной погоды. Ветреный осенний сезон был идеальным для нашего плавания.

В Гавре мое решение убраться на время из Франции укрепилось благодаря получению дальнейших указаний и сотни отчеканенных в Мексике серебряных американских долларов от самого Талейрана, министра иностранных дел Франции. Он также сообщил мне, что

⁹ **Аквивит** — скандинавская тминная водка.

¹⁰ **Жорж Кадудаль**, обычно упоминаемый просто как **Жорж** (1769–1804), — один из вождей шуанов во время Французской революции, сын бретонского мельника, человек грубый и мужественный, преданный Бурбонам, духовенству и дворянству.

американские эмиссары отправили письмо моему правительству с уведомлением о моем прибытии. И добавил, что Франция особо заинтересована в выполнении моей миссии. В письме Талейран написал следующее:

Совершенно секретно я должен сообщить вам, что достигнутое ранее соглашение с Испанией о возвращении Франции законных владений в Луизиане — той территории, что в четыре раза превосходит, как вам известно, площадь нашего европейского государства — затерялось в ходе Семилетней войны. Заявление об этом договоре, вероятно, будет сделано в начале будущего года. Французское правительство крайне интересуется положением дел в Луизиане, и мы рассчитываем, что ваши исследования с норвежцем Магнусом Бладхаммером приведут вас в те края. Исходя из слухов о неких любовных похождениях, я должен также сообщить, что вам весьма целесообразно некоторое время держаться подальше от Парижа, не попадаясь на глаза супругу и братьям Полины Бонапарт.

Слухи о тайных любовных свиданиях распространялись во Франции почти с такой же скоростью, как сведения о тайных выгодных сделках в бостонском порту, и интерес к нашему с Полиной уединению, безусловно, будет соперничать в светских сплетнях с моей причастностью к огненной феерии. Так что лучше всего поскорее поднять паруса.

Как союзник первого консула, я надеюсь, что вам удастся, во-первых, проверить подлинность норвежских теорий, во-вторых, известить нас и ваше собственное правительство о планах Британии относительно северо-западных границ и, в-третьих, изучить перспективы новых мирных соглашений между Францией и обитающими на территории Луизианы индейскими племенами, дабы обеспечить суверенность обоих французских владений и укрепить границы ваших Соединенных Штатов. Я надеюсь, что оба наших народа всегда будут жить в согласии на разных берегах пограничной реки Миссисипи. В свою очередь прилагаю предварительную плату на дорожные издержки и сопроводительное письмо с печатью, которое позволит вам получить помощь от любых французских представителей, с коими вы можете встретиться в ходе странствий. И уж будьте уверены: враждующая с Францией Англия является также врагом и вашей молодой страны. Советую вам с крайней осторожностью и осмотрительностью общаться с любыми британскими представителями и трудиться на благо укрепления естественного союза между двумя нашими республиками.

Талейран

Луизиана вновь перешла к Франции? Я смутно помнил из моего знакомства со старыми американскими газетами, что Испания грозилась закрыть Новый Орлеан для американского плаванья по Миссисипи, отрезав тем самым единственный на юго-западе выход к морю. Если Наполеону удалось как-то вынудить испанцев опять отдать Франции Новый Орлеан, то наши две республики действительно могут прийти к выгодным торговым соглашениям, почти в самом центре которых буду стоять лично я. Это дельце пахло большими деньгами!

От меня требовалось лишь поддерживать дружеские отношения со всеми заинтересованными сторонами.

Глава 10

Итак, мы вышли в море, и если бы наш корабль хоть ненадолго перестало безумно швырять по волнам, то мне хватило бы сообразительности придумать план превращения доверенных мне секретов в приличное состояние. Но вместо этого мне пришлось выслушивать сказки Магнуса, который, как все фанатики, казалось, жил не только в реальном, но и в своем сказочном мире. Он выказывал ту стойкую убежденность, что обычно сопутствует плохо доказуемым теориям, поскольку признание малейших сомнений в их

истинности может подорвать всю доктрину его веры. Он развлекал меня, но в конце концов я решил прервать бесконечный поток его баек о пирующих богах и коварных эльфах.

— Уволь, Магнус! — воскликнул я. — На меня напали в винном погребе, едва не испекли в огне фейерверков, вынудили бежать в Америку по штормовым волнам, способным затопить целый континент, а моим спутником оказался безумец, лепечущий о таинственной карте. Я вообще, черт возьми, не понимаю, что происходит!

— Какой безумец? — спросил он, оглядываясь.

— Ты!

— Я? Да разве не я спас тебя в Морфонтене?

— Магнус, ты поведал, что то были *твои* враги, а не мои. У меня лично к датчанам нет никаких претензий. Я даже не уверен, смогу ли найти твою Норвегию на глобусе. Меня не волнует, какие числа выпадут на колесе рулетки или какие совпадения произошли в тысяча семьсот семьдесят шестом году, и я не очень-то понимаю, что мы будем делать, достигнув берегов Соединенных Штатов.

— Не понимаешь? Ты же известный франкмасон!

— Известный — может быть, но не франкмасон. Благодаря моему покойному другу Тальма я пару раз заглянул на собрания ложи.

— Неужели ты отвергаешь значение тринадцатого октября тысяча триста девятого года?

— О каком, собственно, значении ты спрашиваешь?

— Брось, Итан, не прикидывайся идиотом. Лучше признай честно, что события той черной пятницы изменили ход мировой истории.

Тогда в моей голове забрезжили некоторые воспоминания. Он говорил о той ночи, когда французский король Филипп Красивый приказал арестовать множество тамплиеров, рыцарей-крестоносцев, основавших двумя веками ранее орден в Иерусалиме. Об этом мне много рассказывал мой бывший тюремщик Бонифаций. Великий магистр Жак де Моле, так и не раскаявшийся в грехах, предпочел мученическую смерть в 1314 году, верно предсказав, что и Филипп, и Папа последуют за ним в могилу в течение года. Филипп, судя по всему, стремился захватить баснословные богатства ордена, ставшего опасно независимым, но с разочарованием обнаружил, что пожить ему особенно нечем.

— Уничтожение тамплиеров. Заплесневелая история.

— Только не для истинных масонов, Итан. Пусть многие тамплиеры погибли или отреклись от ордена, но некоторые нашли спасение, бежав в Шотландию, Ирландию, Скандинавию... и, вероятно, в Америку.

— Америку тогда еще не открыли.

— У викингов есть легенды об изыскательской экспедиции, и ходят упорные слухи о том, что именно так и удалось спастись некоторым тамплиерам. А легенды согласовываются с историей Тора и Одина. И кстати, восемь месяцев тому назад в секретной крипте одного цистерцианского аббатства на острове Готланд пытливые монахи обнаружили некую карту, подтвердившую древнюю легенду. Теперь понимаешь, что происходит?

— И их карта попала к тебе?

— Цистерцианский орден утвердился на земле при содействии святого Бернара Клервосского, племянника Андре де Монбара, одного из основателей ордена тамплиеров.

Его последние слова вызвали пугающие воспоминания. Я обнаружил погребение Монбара — или, во всяком случае, средневекового христианского рыцаря — в подземной келье под затерянным городом в Святой земле, где и хранилась Книга Тота. Несмотря на все мои усилия, злодею Силано удалось воспользоваться этой книгой и помочь приходу Наполеона Бонапарта к власти в Париже. Теперь Наполеон обосновался во дворце Тюильри, а меня корабль несет в Америку. Моя потерянная любовь, Астиза, вернувшаяся в солнечный Египет, скорее всего, согласилась бы с Бладхаммером в том, что все это было предопределено. Если в мире все якобы предрешиено, то жизнь в нем кажется чертовски сложной.

— Ты понимаешь, на что я намекаю, — продолжил Магнус, наблюдая за моей реакцией. — Святой Бернар был мистиком, узревшим святость в геометрии и вдохновившим создателей величайших готических соборов. Его монастыри стали самыми процветающими и могущественными в Европе, и возвысились они вместе с мирской властью тамплиеров. Можно ли считать простым совпадением то, что некоторые из преследуемых рыцарей бежали на Готланд, где находилось наиболее сильное цистерцианское братство? Монахи завоевали души скандинавских язычников, смешав древние и новые религиозные заветы, а вернее, признав, что преемственная целостность религии неразрывна, как само время. Они не настаивали на едином истинном Боге, но проповедовали, что любое божество является своеобразным воплощением единого божественного начала. И главное, что исходное божественное начало олицетворяет именно богиня.

Проклятье. Язычники липнут ко мне, как прыщи к щекам юнца. По собственному горькому опыту я понял, что стоит пообщаться с парочкой таких еретиков, как остальные вас разыщут сами.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что святой Бернар и цистерцианцы отрицали христианство?

— Нет, я сказал, что христианство дает больше свободы для мыслей, чем многие другие конфессии, а святой Бернар осознал многообразие форм религиозного поклонения. Безусловно, они исповедовали христианство! Но и рыцари, и монахи признали неисповедимое разнообразие священных путей и многообразные проявления божественной силы. Ходили слухи, что рыцари вернулись из Иерусалима с тайным сокровищем. И я стремился познакомиться с тобой в Морфонтене, чтобы узнать, справедливы ли эти слухи.

Оно все равно сгорело, так почему бы не рассказать ему?

— Справедливы. Это была книга.

Его потрясенный вздох заглушил на мгновение даже шум моря.

— Книга?

— Но она сгорела, Магнус. Увы, утрачена безвозвратно. Я даже не успел толком прочитать ее.

— Какая чудовищная трагедия!

— Вовсе нет. Этот древний свиток породил лишь множество несчастий.

— Но теперь ты веришь мне? Раз тамплиеры нашли и спрятали священную книгу, то могли спрятать и важную карту! Верно?

— Допустим. Книгу я тоже обнаружил в своеобразной крипте.

— Ага, вот видишь!

— А как вы отыскивали свою карту? — вздохнув, спросил я.

— Помог растаявший снег. Зима стояла никудышная, вода подточила фундамент, и между плитами церковного пола появились трещины. Смышленный молодой монах догадался, что под казавшимся монолитным полом имеется какая-то полость, и тогда-то под плитами обнаружили гробницы. Интересно, что вход туда замаскировали так, что его никто не замечал. В одном из саркофагов, датированном тысяча триста шестьдесят третьим годом, обнаружили пергамент с картой.

— Вряд ли ее обнаружили в золотом цилиндре...

— При чем тут золото? — Он удивился. — Оно могло бы отвлечь наше внимание. Нет, рулончик карты лежал в кожаном чехле, запечатанном воском. А почему ты вдруг заговорил об этом?

— Найденная мной книга лежала в золотом контейнере. Роскошная вещица с резными символами и геометрическими фигурами.

— И он до сих пор у тебя? Клянусь жеребцом Одина, эти символы могут иметь неоценимое значение для понимания прошлого!

— Вообще-то я подарил его одному металлургу, — смущенно сказал я, чувствуя себя простофилей. — Вероятно, он просто переплавил его на металл. Видишь ли, из-за меня он лишился дома. Вместе с одной красоткой, Мириам...

— О боже, — простонал норвежец. — Вожделение помutilo твой ум!

— Нет-нет, ничего подобного. Я собирался на ней жениться, но оказалось, что она уже помолвлена, и ее брат высмеял меня... — Я запутался в собственных оправданиях и добавил: — Короче говоря, цилиндр тоже пропал.

— И как только тебе удалось снискать славу ученого человека... — бросил Магнус, укоризненно покачав головой. — Да понимаешь ли ты хоть что-нибудь в том, что не касается женских форм?

— Не тебе мне указывать! Неужели ты сам не любишь женщин?

— Да я-то их люблю, а вот они меня не любят. Погляди на меня! Я не щеголь и не дамский угодник.

— Ну, у тебя есть своеобразное... хмм... медвежье обаяние. Ты просто не встретил пока нужную женщину.

— Однажды встретил, — мгновенно помрачнев, буркнул он.

— Ну вот видишь, все у тебя еще впереди.

— А если она полюбит, а потом ты ее потеряешь... в общем, по-моему, в мире нет ничего мучительнее такой разлуки.

Такого рода признание вынуждает проникнуться к человеку уважением и вселяет надежду на дружеские отношения. Я тоже знал любовь, и мои возлюбленные обладали куда большими достоинствами, чем Полина Бонапарт.

— Это тяжелая рана, верно... Неужели теперь твое сердце разбито?

— Ты несколько заблуждаешься. Я потерял жену из-за болезни.

— Ох... Мне очень жаль, Магнус.

— Это не так печально, на мой взгляд, пока не осознаешь, что такое счастье, не поживешь поистине райской жизнью. Но если ты обрел блаженство, а потом потерял... После смерти Сигни я посвятил жизнь изучению легенд, которые услышал в детстве. Я облазил все библиотеки и архивы, обследовал подземелья и дольмены, потерял один глаз и пожертвовал душой. Сигни ушла в мир иной, а я остался в нашем земном чистилище, ища пути возвращения туда...

— Куда?

— В рай.

— Ты имеешь в виду, что стремишься обрести счастье с другой женщиной?

— Ничего подобного! — возмущенно воскликнул он.

— Тогда какие же пути ты ищешь?

— Очевидно, пути избавления от страданий.

— Интересно!

— Представь себе, что есть место, где не бывает ничего плохого! Или где плохое может быть изменено, исправлено.

— К чему ты клонишь, к небесным чертогам? Валгалле? В нашем зримом мире, Магнус, ты такого не найдешь, поверь мне, я многое повидал...

— А что, если лучший, утраченный нами мир действительно существовал? Не в легендах, а в реальном времени и в реальном месте.

— Послушай, приятель, рассказанные тобой мифы не реальны. Они лишь сказочные предания.

— Предания повествуют и о том, что тамплиеры достигли Америки более чем на сотню лет раньше Колумба. Предания говорят и о тайных книгах и подземных гробницах в затерянных городах.

Он говорил дело. Я никогда не думал, что на нашей планете полно непостижимых диковин. Но мне удалось увидеть груды сокровищ под пирамидой, найти келью, скрытую под Храмовой горой, заплыть в тайный источник с гробницей тамплиера и получить подмогу в разгар смертельной схватки от давно усохшей мумии. Кто поверит, что все это возможно?

— Что ж, давай тогда взглянем на твою карту.

Он вытащил свой драгоценный тубус. Я заметил, что чехол длиннее, чем свиток карты,

и подумал о том, что может быть спрятано на его дне.

— Существуют истории и о других картах. В конце четырнадцатого века, почти за сто лет до Колумба, Генри Сент-Клер, граф Оркнейский, говорят, отправился на запад во главе флотилии из тринадцати кораблей и вернулся оттуда с картой, изображавшей Новую Шотландию и Новую Англию. Однако данный свиток появился раньше, и он дает более достоверную картину.

Карту нанесли не на бумажный, а на кожаный пергамент, и на ней четко просматривалась береговая линия Европы, а в верхней части темнели очертания Исландии и Гренландии. Там имелись и примитивный рисунок компасной розы, свидетельствовавший, что карту изготовили в Средневековье, и надписи, сделанные на латинском языке. Но притягивала глаз, безусловно, левая часть карты. Там изображалось северо-восточное побережье с большим, почти круглым заливом и тянущиеся от него безграничные земли. Волнистые линии, похожие на реки, вели в южную часть неизведанного материка. В центре этой пустынной земли имелся любопытный символ, похожий на приземистую, жирную букву «Т». А рядом с ней темнел небольшой горный пик.

— Что означает здесь эта гора?

— Это не гора. Это Валькнут, «Узел убитых».

Я присмотрелся повнимательнее. Странное обозначение горы действительно состояло из пересекающихся треугольничков, образующих — как и сказал Магнус — что-то вроде узла. Возникла странная иллюзия, что перед вами абстрактное изображение горного хребта.

— Я никогда не видел ничего подобного.

— Его еще называют Треугольником Одина, — пояснил Бладхаммер. — Он связывает погибших героев Валгаллы, подобно воодушевляющей их магической силе.

— Но почему он изображен на этой карте?

— Почему — в том-то и вопрос! — Он сверкнул единственным глазом.

Рядом с этими символами, видимо, изобразили извилистые русла рек, текущих в четырех главных направлениях, словно в той местности находился их центральный исток.

— Ту гробницу не открывали с тысяча триста шестьдесят третьего года, — сказал Магнус. — А саму крипту, очевидно, запечатали не позднее конца четырнадцатого века, то есть задолго до плавания Колумба и других мореплавателей. И тем не менее, мой скептический друг, не напоминает ли тебе что-то знакомое изображенная здесь часть континента?

Да, тут уж не поспоришь.

— Гудзонов залив. Но в четырнадцатом веке...

— Именно в четырнадцатом, то бишь на два с лишним века позже викингов, открывших, как полагают, на этом западе легендарную Виноградную страну, — подхватил Бладхаммер. — И на два с половиной столетия раньше того, как Генри Гудзон нашел тот залив, что носит теперь его имя и где он сам погиб по вине взбунтовавшейся команды. — Он ткнул пальцем в карту. — Вот так-то, скандинавы бродили по Северной Америке за полтора столетия до Колумба. И что ты на это скажешь?

— Но какое отношение, черт возьми, все это имеет к тамплиерам?

— На сей счет у нас имеются определенные версии. Начиная с тысяча триста девятого года тамплиеров начали намеренно уничтожать. Некоторым удалось сбежать на остров Готланд. Эта карта сделана на полсотни лет позже. Нам известно, что в первые десятилетия четырнадцатого века в Европе свирепствовал голод, а за голодными годами пришла черная чума, достигшая к середине столетия и самой Норвегии. Церковники продолжали гонения, опасаясь, что неурожай и эпидемии являются Господней карой. Давай допустим, что потомки рыцарей, нашедших приют у цистерцианцев, разойдясь во взглядах с Римской церковью, решили искать убежища в Новом Свете, изначально, несколько веков тому назад, открытом во время плавания скандинавскими язычниками. Тогда они могли избежать преследований, голода и чумы. Изданный Паулом Кнутсоном в тысяча триста пятьдесят четвертом году указ повелевал проверить поселения Гренландии, жители которых давно не

подавали о себе вестей. Допустим также, что наши средневековые скандинавы заплыли дальше, обнаружив и этот огромный залив. И прошлись еще в глубь неизведанного материка... Нам известно, что команда Гудзона, проторчав всю зиму в ледяной ловушке, весной подняла мятеж. А что если скандинавы, более привычные к холодам, решили пробиться на юг по замерзшим рекам, не дожидаясь таяния льдов? Или, возможно, они дождались весны и поднялись по этим рекам, как только те освободились ото льда. Реки на моей карте почти не отличаются от тех, что нанесены на карты Компании Гудзонова залива, по которым она осуществляет закупку пушнины в Канаде. Возможно, скандинавы обследовали центральную часть Северной Америки. Они могли намного опередить всех европейцев, первыми пройдя по этим землям и объявив их своими.

— Очень странно, — сказал я, постучав по центру карты. — Даже если тамплиеры, монахи или любые другие мореплаватели решили отправиться на поиски Нового Света, то почему они пошли на север в Гудзонов залив? Почему не предпочли восточное побережье Соединенных Штатов? Ведь здесь даже обозначена береговая линия, — добавил я, повторив ее очертания. — Ни по воде, ни по суше никто из викингов не добрался до центральных равнин Северной Америки.

— Викинги не добрались. Зато туда добрались средневековые скандинавы, потомки тамплиеров или сами тамплиеры.

— Уж скорее скандинавы. И все равно это лишено смысла. Что они надеялись там найти?

— Не найти, а спрятать.

— Спрятать? Что же?

— То, что им хотелось увезти подальше от алчных церковников и королей. Одна из тайн тамплиеров заключается в их неутомимых исследованиях древних верований. Даже в поисках самого Грааля.

— Грааля? — Я едва не поперхнулся.

Учитывая недавние приключения, у меня сохранились малоприятные ассоциации с этим словом. Я сам лопотал о нем какие-то глупости, но исключительно ради того, чтобы избавиться от пыток и змеиных укусов.

— Видишь! — воскликнул Магнус, показав на загадочный символ, похожий на букву «Т», возле Треугольника Одина.

Буква походила на тамплиерский крест с отсутствующей верхней частью. Взгляд Бладхаммера вновь загорелся.

— Мьёлльнир. Молот Тора! — торжествующе произнес он.

* * *

Разумеется, после такого заявления любой здравомыслящий ученый мог бы развести руками и удалиться или по крайней мере сбежать в другой конец блуждающего по волнам корабля. Молот Тора? Я мало знал о скандинавской мифологии, но слышал о божестве грома Торе, вооруженном боевым молотом. Этот порождающий злое молнии молот неизменно, как бумеранг, возвращался в руку хозяина, куда бы тот ни забросил его. Проблема лишь в том, что все это мифология. Молот Тора? Вероятно, он хранится в славном тайничке вместе с трезубцем Нептуна, руном Ясона и дубинкой Геракла.

Но я сочувствовал Магнусу, поскольку недавно сам побывал в его шкуре, ведь в Иерусалиме мне пришлось объяснять одному старому умнику историю, которая звучала столь же невероятно, и при этом стараться, чтобы меня не приняли за полного идиота. Поэтому я спокойно взглянул на нового приятеля и задал очевидный вопрос:

— Так чем владел Тор?

— Божественным молотом! — с торжествующим видом произнес Магнус. — Все это реально существовало!

— Тор реально существовал? Скандинавский бог?

— Мы не воспринимаем его как бога, — заметил он, взволнованно кивнув. — Не называем его Создателем или Великим Архитектором, как сказали бы масоны. Скорее это высшее существо, не нам чета, первопредок из компании героев. Они жили в стародавние, утраченные времена золотого века, предвзято появление нашей человеческой расы. Человечество забыло знания, полученные от Тора. И он придал часть своего могущества, некоторые из тех основополагающих законов, своему молоту!

— А ты не думаешь, что тебе следует обуздать свои фантазии?

— Я понимаю, что это звучит невероятно. А что, по-твоему, почувствовали мы, наследники Форн Сиор, осознав возможность обнаружения артефактов, оставленных на земле героями той древней эпохи? Однако тамплиеры серьезно отнеслись к идее о том, что древние существа могли давать наставления примитивным первобытным людям.

— Погоди. Что за Форн Сиор?

— «Старая традиция». Мы считаем себя ее приверженцами.

— И кто же вы такие?

— Мы, хранители прошлого, полагаем, что древние истории не менее ценны, чем новые, и что истина лежит на пересечении всех прошлых и нынешних связей. Мы принадлежим, друг мой, к тайному братству, которое стремится обрести поддержку, находя подобных тебе исследователей. После смерти Сигни от отчаяния я был на пороге самоубийства, именно тогда меня призвали в это общество. Там мне дали надежду. Итан, человечество многому научилось: мы вступили в странный новый век, девятнадцатое столетие! Однако мы забыли столько же, сколько узнали. Деревья обладают особыми силами, даже в камнях обитают духи, хотя мы забыли те тайны магии, что знали наши предки три тысячи лет тому назад. А тамплиеры стали вновь открывать их. Они начали поиски в Иерусалиме и продолжили их по всему миру.

— Тайные знания, подобные тем, что хранились в найденной мной книге?

— Да, вероятно. А кем именно она написана? Или лучше спросить, о чем в ней сказано?

— Одним древним богом, египтяне называют его Тотом. В некоторых воплощениях он принимает облик птицы. А иногда бабуина.

— А вдобавок дерева, единорога, дракона или ангела. Неужели ты еще не понял, Итан? Так или иначе, но все эти таинственные прародители подарили жизнь людям и оставили нам подсказки, которые позволят заново открыть их историю.

— Один франкмасон, его зовут Жомар, говорил мне, что в Великой пирамиде заключены основополагающие истины, о которых со времен ее строительства все успели забыть.

— Вот именно! Так оно и есть! То же самое можно сказать о Книге Тота или Мьёлльнире, молоте Тора. Его символ, даже после восьми столетий нашего обращения в христианство, по-прежнему украшает многие ожерелья, и мои соотечественники воспринимают его как талисман.

— Давай-ка определимся. Ты думаешь, что ваш Тор реально существовал. И орудовал магическим молотом. А тамплиеры нашли тот молот и увезли в Америку за пару веков до Колумба?

— Точно, представляешь, какая потрясающая история! — воодушевленно кивнув, воскликнул Магнус.

Видимо, в силу моей терпимости и легкомыслия я притягиваю такого сорта теоретиков. Уже не раз я принимал решения стать более серьезным и нетерпимым, но это совершенно противоречило моей натуре. Более того, я почти поверил ему.

— Видимо, Тот действовал не один?

— Вероятно. Или он умел лихо путешествовать, перемещаться по воздуху в разные края земли, оставляя в каждом древнем племени особые легенды. Он наделил нас дарами, определившими культурное развитие, но мы помним это смутно, как миф.

— Но куда делся молот Тора после его исчезновения?

— М-да, сие нам неизвестно. Легенды рассказывают о людях в белых туниках с красными крестами, отправившихся к рудникам на далекий север, где солнце летом никогда не заходит, а зимой никогда не восходит. Как бы то ни было, мы, члены Форн Сиор, полагаем, что тамплиеры нашли тот молот и спрятали его вместе с другими собранными магическими артефактами, воспользовавшись ими сначала для утверждения могущества ордена. И именно их надеялся заполучить вышеупомянутый французский король и его союзник Папа Римский Климент Пятый! Но тамплиерам удалось спрятать сокровища на далеких островах типа Готланда, а когда церковники последовали за ними туда — когда, вероятно, их предали испугавшиеся цистерцианские монахи, — рыцари отправились еще дальше. В Америку!

— Допустим, я признаю на минуту, что они могли заплывать в такую даль. Но зачем им понадобилось так далеко уходить от побережья?

— Чтобы спрятать молот, конечно, в самом сокровенном, на их взгляд, месте. В затерянной земле. В мистической земле. В *главной* земле. Возможно, там они намеревались основать свое поселение и создать утопическое общество, основанное на принципах орденов тамплиеров и цистерцианцев, в таком укромном месте, куда не смогут добраться никакие преследователи.

— За исключением местных индейцев.

— Ну да. Нам придется допустить, что их планы не сбылись, поскольку с тех пор никто ничего слышал о таком поселении. А причиной тому действительно могли стать нападения краснокожих индейцев.

— Значит, ты хочешь добраться туда? То есть сюда? — Я показал на знак молота на карте.

— Да, надо отыскать молот. Ты представляешь, какой знаменательной силой он может обладать, вне зависимости от того, действительно ли он извергал молнии? Он даст начало возрождению культуры и гордости славных сынов Норвегии. Он станет нашим знаменем, нашим древом свободы. Он будет символом революционного свержения власти датчан, а Форн Сиор укажет путь к созданию нового общества!

— Потому-то датчане и попытались сжечь нас?

— Да. — Он кивнул, бросив на меня воодушевленный взгляд. — Если мы достигнем успеха, то их маленькая империя развалится на куски. Мне даже лестно, что они охотятся за нами.

— Ты упорно говоришь о «нас», Магнус. А ведь я пока ни на что не согласился. Меня абсолютно не привлекают поиски легендарного молота в диких индейских владениях, удаленных на тысячу миль от любых цивилизованных мест, меня не греет надежда на возрождение свободы в застойном и замороженном европейском болоте, в котором я сроду не бывал! — Мой голос зазвенел, так я был потрясен абсурдностью подобной идеи.

— Ты несомненно поможешь нам, — заявил он с улыбкой, и в тоне его чувствовалась непоколебимая уверенность. — Этот молот станет величайшим сокровищем для нашей планеты, и если кому-то удастся разгадать истоки его электрической, порождающей молнии силы, то это будешь именно ты, Итан Гейдж, ученик Франклина, великого электрика нашей эпохи.

— Ни за что. Нет, нет, нет и нет.

— Благодаря ему ты разбогатеешь. Больше того, прославишься на весь мир. И станешь настоящим героем в своей родной стране.

— Почему же мои соотечественники сочтут меня героем?

— Потому что в первую очередь этот молот нужен именно вашим лидерам, Итан Гейдж. И все надежды возлагаются именно на тебя.

— Что могут руководители Соединенных Штатов знать о молоте Тора? Чепуха какая-то.

— Не чепуха. А ожидаемое открытие.

— Что?

— Итан, неужели ты не понимаешь, что ваше государство основали именно потомки рыцарей-тамплиеров, стремившиеся организовать его жизнь по новым законам?

Глава 11

Зимой остров Манхэттен, леса на котором повырубали британцы, испытывая во время революционной войны большую нужду в топливе, выглядел уныло-грязным и беспорядочным, повсюду набирали силу тонкие молодые деревца, а между ними темнели пастбищные угодья молочных ферм, вспаханные огороды и белели застывшие под снегом водоемы. В южной его части, однако, находился второй по величине после Филадельфии город моей родины, торговая Гоморра с плохими манерами, но более значительными амбициями, чем его конкурент. За последнее десятилетие число торговцев в городе выросло в четыре раза, и его шестидесятитысячное население теснилось на узких улочках, сдавленных зданиями церквей и деловых контор, ибо архитекторов тут больше привлекали цены, чем красота строений. Колеса фургонов разворотили вымощенные булыжником дороги, и их разбитые колеи заполнились грязью и навозом, а более бедные и грязные переулки ограничивались рядами двухэтажных домиков, где в сплоченном сообществе трудились сапожники, колесные мастера, стеклодувы, котельщики и плотники, портные, скорняки и шорники, оружейники, ювелиры, ткачи и часовщики, а также торговцы мясом и рыбой, бакалейщики, пекари, зеленщики, пивовары и владельцы закусовых, таверн и букмекерских контор. Как любой другой город, Нью-Йорк пропитался жуткой смесью ароматов, вобравшей в себя запахи навоза, копоты, сточных вод, древесных опилок, пива, кожаных мастерских и скотобоен, которые сгрудились вокруг грязного пруда под названием Коллект.

В город съехались все иноземные и начинающие дельцы — не только изначально владевшие им голландцы и англичане, но и выходцы из Новой Англии, прибывшие сюда на гребне коммерческой волны, французские эмигранты, бежавшие из охваченной революционной смутой родины, крепкие и трудолюбивые немцы и шведы, предприимчивые евреи, испанские гранды, свободные и поработанные темнокожие африканцы, изредка попадались даже индейские вожди, китайцы или гавайские канаки, которые изумленно глазели по сторонам, вызывая в рыночной толпе не менее изумленные взгляды окружающих. После недавних невольничьих бунтов на Гаити сюда прибыло около пяти тысяч беженцев, включая «дам смешанного происхождения с мраморно-бледной кожей, черными как смоль волосами и глазами газелей», как их описал один журнал. Более того, по улицам прогуливались аристократки, полногрудые матроны, стройные барышни, смуглые служанки, напудренные шлюхи, поздно просыпающиеся актрисы и низкорослые, сутулые датчанки, причем все они так соблазнительно и оживленно покачивали бедрами, что я даже возрадовался возвращению на родину.

Сам Магнус выглядел эдаким эксцентричным оригиналом с разросшейся бородой, гривой рыжих волос, черной повязкой на глазу и огромными ручищами с толстыми, как окорока, бицепсами. Я тоже наслаждался известной славой, рожденной слухами о моем сотрудничестве с недавно возвысившимся Бонапартом. Полученное задание призывало меня ехать в нашу новую столицу, Вашингтон, но из-за шквала гостеприимных приглашений я решил не торопиться и немного отдохнуть здесь.

В зимний сезон бешеная торговая суeta Нью-Йорка в основном происходила за стенами домов, деловые люди вынашивали честолюбивые замыслы, сидя возле пылающих очагов, а тем временем над Гудзоном свистели ветры, крепко промораживая городской мусор до весны, когда его смогут вывезти на свалку. Плавающие льдины с треском проносились мимо поселения Бруклин, где голые корабельные мачты отбрасывали на заснеженное русло Ист-Ривер крестообразные тени.

Разговоры велись в основном на политические темы. Судя по слухам, ожесточенная предвыборная кампания между федералистами Адамса и недавно сформировавшимися

республиканцами с их двумя кандидатами — Томасом Джефферсоном и Аароном Бэрром завершилась тем, что последние собрали большинство голосов избирателей. Результаты голосования, проведенного третьего декабря, могли быть официально объявлены только после одиннадцатого февраля будущего года, но их секретность была почти такой же, как заокеанский флирт адмирала Нельсона с леди Гамильтон. Выбор президента, как завещали «отцы» Конституции, утвердит Палата представителей, но все избиратели активно высказывали мнение о том, чем завершатся выборы. Хотя Джефферсон был широко известен как интеллектуальный лидер республиканской партии, высказывались предположения, что проигравшие федералисты в Конгрессе могут отказать в президентской должности этому мудрецу из Монтичелло, предпочтя вместо него необузданно честолобивого и безрассудно живущего на широкую ногу ньюйоркца Бэрра, который отказался от своего обещания довольствоваться ролью вице-президента. По всеобщему мнению, предвыборная борьба изобиловала обманными маневрами, ведясь — очевидно и бесспорно — непристойными и жестокими методами.

— Титан Вашингтон удалился в иной мир, и теперь к власти карабкаются мелкие людишки! — заявил бармен в таверне «Фрэнсис». — Век героев закончился, в настоящем царит разврат, а будущее чревато бедствиями!

— Тогда все нормально, — провозгласил я. — Выпьем за демократию!

На всех кандидатов вылили бочки дегтя. Джефферсона обвинили в уклонении от исполнения воинского долга во время Войны за независимость, в якобинстве и атеизме. Победившего на предыдущих выборах Джона Адамса изобразили несведущим и вздорным политиком, а также тайным союзником коварных англичан. Бэрра окрестили никудышным Наполеоном. Иными словами, все это очень напомнило мне язвительные насмешки и явные наветы парижских салонов, и я отнесся к здешним сведениям так же скептически, как к тем вздорным слухам, которые ходили о таком серьезнейшем и приятном человеке, как я. Пользовались популярностью и истории о заговоре федералистов, задумавших убийство Джефферсона, о вооружении рабов или захвате арсеналов. Некоторые даже опасались начала гражданской войны. Однако ни одно из этих диких предположений американцев о тайных мятежах не подтвердилось. Те, с кем я бражничал, гордились демократическим хаосом так же, как чайки, играющие с ветром в бурю.

— Наши конгрессмены получают одобрение, клянусь Богом, — заявил один завсегдатай кабацких застолий. — Все они изрядные мошенники, но мы сами их выбрали.

— Как опытный мошенник, могу сказать, что выборы в Америке проходят на высоком уровне, — поддержал я.

Я вдруг обнаружил, что республиканцы менее популярны. Джефферсон симпатизировал французам, и мое миротворчество в Париже сделало меня «героем Морфонтена». Из-за военных стычек на море с французами размер страховой премии увеличился до сорока процентов от стоимости самого корабля и его груза, и известие о заключении долговременного мира все встретили с бурной радостью. Каким-то образом рассказ о моем спасении из огня фейерверков умудрился пересечь Атлантику раньше нашего брига, и мне перепало много дармовой выпивки от восторженных ньюйоркцев, считавших, что я высоко поднял «факел свободы». Кто-то даже предположил, что он станет прообразом для славного памятника, хотя ничто еще, конечно, не предвещало претворения в жизнь этой идеи.

Мне хотелось в полной мере насладиться плодами популярности, учитывая, что добрая слава, как известно, весьма изменчива. Популярность тем не менее сулит обычно немногим больше, чем бесплатный ужин, зачастую в скучной компании, которая надеется, что развлекать ее будет прославленная персона. Вскоре я неожиданно обнаружил, что запас моих серебряных долларов резко сократился, и мне пришлось вернуться за карточный стол, дабы приостановить утечку средств.

Скромная слава укрепила, однако, мои шансы на знакомство с дочерьми американских дельцов, которым хотелось узнать, какие дипломатические сложности бывали в знаменитой

Франции, и я с удовольствием давал им в постели практические уроки дипломатии. Я научил их восклицать «*Mon dieu!*¹¹» на полном скаку, в процессе завораживающего колыхания их пышных бюстов, свидетельствующих о безусловном преимуществе здоровой диеты Нового Света, основанной на употреблении мяса и сливок. Более миловидные француженки, честно говоря, казались мне чертовски костлявыми.

Магнус не испытывал желания последовать моему примеру.

— Я же сказал, что потерял любимую жену. И я не хочу порочить ее память или мучиться от потери вновь обретенной любви.

Он превращался в занудного добродетельного монаха.

— Это не любовь, а развлечение.

— Для меня достаточно воспоминаний о Сигни.

— Да ты ж так усохнешь!

— Ты развлекайся, беря на себя все опасности подобных приключений, а я займусь обследованием картографических лавок.

Несмотря на холодную погоду, Магнусу не сиделось на месте, и он, нахлобучив свою широкополую шляпу и запахнувшись в плащ, бродил по Нью-Йорку, разыскивая символы франкмасонов, реликвии викингов и собирая легенды индейцев. Сумма полученной им чепухи была прямо пропорциональна той сумме, что он позволил себе потратить на эль для своих собеседников.

Я не мешал ему, предпочитая проводить разведку в округе церкви Святого Павла, где поселились блудницы. Но когда порой я приходил домой часа в три ночи, то заставлял Магнуса за штудированием томов, которые он притаскивал из четырнадцати книжных лавок, обосновавшихся на Мэйден-лейн и Перл-стрит. Норвежец беззвучно шевелил губами, бубня себе под нос незнакомые слова английского языка, словно медведь, осваивающий исторические труды Фукидида. Он собрал множество спекулятивных трактатов о библейском происхождении индейцев, масонских тайных замыслах, наряду со странными обличительными памфлетами, в одном из которых, к примеру, Уильям Коббет утверждал, что новый век начинается именно в 1800-м, а не в 1801 году, чем спровоцировал бурные, едва не доходившие до драки дискуссии на площади Бэттери.

— Меня восхищает твоя добросовестность, поистине восхищает, — сообщил я ему. — Когда-нибудь я обязательно последую твоему примеру. Но любая миссия, Магнус, всего лишь часть богатой и сложной жизни.

— Да, причем сама эта жизнь должна быть гораздо богаче и сложнее, чем кратковременные удовольствия. — Он отложил книгу о потерянных племенах Израиля. — Итан, я знаю, что ты известен как воспитанник Франклина и ученый, но вынужден сказать, что не заметил в тебе пока никакого рвения к наукам. Со времени нашего знакомства ты ведешь себя как скептически настроенный и поверхностный бездельник, и мне совершенно непонятно, как ты вообще сумел прославиться. Ты относишься к нашим поискам крайне несерьезно.

Я возвел глаза к небесам.

— В зимний сезон нас, исследователей электричества, не особо балуют громами и молниями. И для ведения международных дипломатических разговоров мне приходится ждать выбора нового президента. Так почему же не насладиться отдыхом?

— Потому что мы могли бы готовиться к испытаниям. Жизнь побуждает нас стремиться к совершенству. Если бы твой народ находился в кабале, ты смог бы понять меня.

— Я не уверен. Встреченные мной образцы совершенства оставляли за собой горы трупов, безумные идеи и финансовый упадок. Вспомни Французскую революцию. Всякий раз достигнув одной цели, они разочаровывались и тут же начинали стремиться к

¹¹ *Mon dieu!* (фр.) — Бог мой!

достижению противоположного результата.

— Философский принцип побуждает меня дождаться того времени, когда грешный мир образумится.

— Тогда давай дождемся этого в Вашингтоне, а не в этом торговом Вавилоне, полном сплетен и алчности. Чем дольше мы медлим в Нью-Йорке, тем больше шансов, что наши враги догонят нас.

— Я позаботился о наших врагах в Морфонтене, а Дания осталась за океаном. Не волнуйся, Магнус, мы же в Америке. И чем дальше будем углубляться на запад, тем безопаснее будет наша жизнь.

И все-таки критика моего бездумного отдыха задела меня за живое, и в очередной раз я дал себе слово исправиться. «Не трать попусту жизнь, — советовал Франклин, — отоспаться сможешь в могиле». Поэтому я соблазнил одну вдовушку с шикарной шевелюрой и крутыми бедрами, резвую, как годовалая кобылка, меткими выстрелами разбил вдребезги дюжину бутылок из-под рома, за дармовую выпивку дал несколько уроков французского языка тупоголовому отпрыску одного торговца в гостинице «Красный дуб» и поработал с одним американским механиком над устройством крутящегося стола для нью-йоркской версии рулетки.

— Заведи себе такую штуковину, только сам не играй, — посоветовал я ему.

Я также попытался сыграть в нью-йоркскую лотерею, собрав в итоге ожерелье из невыигрышных билетов.

Этот отрыв от реальности прервал однажды визит одного моего старого нанимателя, маниакально честолобивого Джекоба Джона Астора. Этот эмигрант из Германии, начинавший как продавец музыкальных инструментов, вскоре переключился на пушнину, заработав на торговых сделках гораздо больше, чем я упустил, гоняясь за сокровищами. (Наглядный пример выгоды серьезного подхода к жизни.) Астор обладал напористостью дюжины торговцев, а также женой, сочетавшей в себе кровные связи с древним датским родом с корыстным взглядом на меховые изделия. Этот владелец великолепного кирпичного особняка на Док-стрит был неспособен наслаждаться чем-либо, кроме бухгалтерских счетов, соединяя свою любовь к деньгам со скаредностью проповедника. Когда он нашел меня в таверне, то именно мне пришлось платить за выпивку.

— Вот уж не думал, Гейдж, что такой игрок, как ты, доживет до четвертого десятка, однако ты не только дожил, но и заделался дипломатом и посланником, — приветствовал он меня. — Глядя на тебя, невольно призадуматься о том, что и библейские чудеса могли быть правдой.

— Я слышал, что твои дела, Джон, тоже идут неплохо, — заметил я, занимая, как обычно, оборонительную позицию по поводу недостатка собственных достижений.

Его сюртук был из прекрасной шерсти, жилет украшали вставки из вышитого шелка, а набалдашник трости внушительно поблескивал золотом.

— Ходят слухи, что ты вновь собираешься в опасный поход на запад, — сказал Астор.

Он никогда не тратил попусту время на любезности или воспоминания.

— После совещания с избранным новым президентом. Я привез миролюбивые предложения от Бонапарта и надеюсь быть весьма полезным в деле укрепления связей между Соединенными Штатами и Францией.

— Скажи мне честно, Гейдж... Неужели твоего норвежского медведя привлек меховой бизнес? Да, я слышал, что он собирает карты и расспрашивает о дальних местах и путях передвижения. На вид он мрачноватый тип, и некоторые интересуются, что у твоего одноглазого на уме.

— Он патриот и надеется освободить Норвегию от датчан. Я сжалился над ним в Париже и предложил представить его в Вашингтоне. Ему безумно хочется надоить с козла молока, но силен он как бык. Что до меня, то в прошлом я занимался разведывательной деятельностью для Бонапарта, и теперь первый консул поручил мне наведаться в Луизиану. Нас ждут великие перемены, однако мне надлежит держать их в тайне.

— Неужели что-то наклеывается? — Его глаза загорелись ярче, чем золотые часы в жилетном кармане. — Бонапарт и Луизиана? Тогда действительно возможен новый поворот событий, если французы опять вступят в североамериканскую игру.

— Наполеон любознателен, только и всего.

— Ну конечно любознателен. — Астор пристально посмотрел на меня поверх края бокала. — Мне всегда нравилась твоя натура, Итан, несмотря на отлынивание от работы. Поэтому, если хочешь поработать после вашего прогулочного похода, можешь вести там учет меховых животных, и тогда по возвращении мы расширим наше предприятие. Будущее за Западом — от Колумбии и дальше, до самого Китая. На дворе девятнадцатый век! Торговля выходит на мировой уровень.

— А не далековат ли тот мир? Я имею в виду китайский берег.

— Корабли доставляют в Китай меха, а обратно привозят чай и специи, удваивая за год вложенные средства. Но пушнина, Итан, главное — пушнина! Она дает ключ, открывающий врата в лучшее будущее.

Да, уж что-то, а этот ключ мы почти наверняка найдем в задуманном путешествии, и предстанет он перед нами не в виде мифических молотов, а в образах небольших пушистых и весьма ценных зверей. Однако я осознал, что мне вряд ли удастся оценить пушное поголовье, вспомнив, что эти твари весьма скрытны, причем не без причины.

Я поинтересовался нынешним положением дел в пушном промысле, подвластном Монреальской северо-западной компании.

— За господство в нем борются четыре страны: Британия, Франция, Испания и Соединенные Штаты. Англичане закупают отличную пушнину в Канаде и, черт их возьми, разворовывают земли Иллинойса. На западной стороне от Миссисипи можно сколотить целое состояние. Соединенные Штаты должны удержать англичан в границах Канады, иначе они приберут к рукам все! Они уже заправляют в Северо-Западной компании и Компании Гудзонова залива. Но Луизиана... Это действительно насущный вопрос! Кто будет владеть той половиной Америки, раскинувшейся до самого Тихого океана? Именно поэтому я искал тебя, Итан, отложив крайне важные дела. Понимаешь ли ты, что тебе грозит опасность...

— Если ты имеешь в виду врагов Бладхаммера...

— Я не знаю, кто они и чего хотят, но распространились слухи, что за тобой следят какие-то бродяги. На кон поставлены миллионы квадратных миль, и человек, работавший по очереди на британцев, англичан и американцев, весьма заметная особа... успевшая нажить разнообразных врагов. Сейчас ты, Итан Гейдж, на пике славы, но тебе лучше спрятаться, залечь на дно. Нью-Йорк может оказаться крайне опасным, жестоким местечком.

— Всем моим знакомым известно, что я не держу камня за пазухой.

— Зато этот камень может оказаться за пазухой любого из твоих знакомых. Такова жизнь. Насколько я понимаю, у тебя есть винтовка?

— Да, сделанная одним мастером в Иерусалиме.

— Держи ее наготове, как фронтир,¹² Итан. Держи ее наготове, как ополченец.

Глава 12

Не зная, как объяснить странные теории патриотичного норвежца, я водил его на званые обеды и балы, представляя как типичного идеалиста и норвежского богатыря, прибывшего ознакомиться с преимуществами демократии в нашей стране.

— Значит, вы ратуете за свободу, господин... э-э... Бладхаммер?

— Датчане для нас подобны британцам, — раскатисто басил он.

¹² «Фронтир» в переводе с английского означает «граница», «рубеж». Так назывался авангард поселенцев, которые продвигались на запад Североамериканского материка, завоевывая девственные земли, и при этом не расставались с оружием, необходимым для охоты и для защиты от набегов индейцев.

— И вы надеетесь построить нечто вроде нашей республики?

— Я хочу стать норвежским Вашингтоном.

Когда я поделился с ним предупреждением Астора, он стал повсюду таскать с собой похожий на колчан чехол с драгоценной картой и появлялся везде со своей наглазной повязкой, в старом плаще и с новой тростью, увенчанной набалдашником из слоновой кости в виде головы единорога со стальным рогом; все это делало норвежца таким же неприметным, каким может быть задиристый петух в курятнике.

— Надо немедленно отправляться на запад, — требовательно заявил он.

— Нельзя, сейчас самая глухая зимняя пора.

В феврале до нас наконец дошли вести о том, что выборы нового президента завершились.

— Итан, может, нам не стоит ехать в Вашингтон? — с тревогой спросил Магнус.

— Исследования требуют денег, — ответил я, начиная очередную партию в фараона, в который играл здесь наряду с пикетом, басетом и вистом.

Серебряные доллары Талейрана уже уполовинились.

Как большинство людей, я упорно игнорировал добрые советы, раздаваемые мною же окружающим, особенно в части азартных игр. Но на самом деле мне хотелось задержаться из-за гостеприимства Ангуса Филбрика, пригласившего нас пожить в его доме благодаря моей скромной славе. У него служила одна юная особа из Германии с косами, которые подпрыгивали на ее груди, как барабанные палочки, и я подозревал, что она великолепно согреет мою постель, если мне позволят еще хоть пару дней попрактиковаться в дипломатии. Мое желание подогревал и тот факт, что до сих пор мне не удалось соблазнить ни одной немки или англичанки.

Мы с Магнусом буквально попали в полосу неудач, хотя, честно говоря, вину за эти напасти я возлагал на простые совпадения. Сначала на нас понеслась телега с колбасой, которая странным образом удрала от своего осла и едва не переехала нас. Потом из-за пожара в нашей гостинице Филбрик предложил нам временный приют. В полночной темноте мы оказались на уличном спуске, обледеневшем от беспечно выплеснутых на дорогу ведер воды, и наше неудержимое соскальзывание тормозил только рог трости Бладхаммера, породивший искристый фонтан. Группа скрытых под капюшонами незнакомцев, вероятно хотевшая помочь нам, исчезла, едва завидела в ручище моего одноглазого спутника это потенциальное оружие.

— По-моему, нас выследили, — заключил Магнус.

— Европа осталась за океаном! Не болтай чепуху, приятель.

Однако в ту самую ночь, когда я уговорил Гвендолин, скажем так, прибраться поздним вечером в моей комнате, наше пребывание в Манхэттене внезапно закончилось. Девушка пришла, как и обещала, более того оправдала все мои надежды, и я уже начал погружаться в блаженный сон, когда вдруг что-то — вероятно, щелчок двери и скрип массивной мебели — заставило меня проснуться с ощущением опасности. Место Гвендолин рядом со мной успело остыть, а в комнате стоял странный запах. Я натянул ночную рубаху, подошел к двери, но не смог открыть ее. Вероятно, с другой стороны дверную щеколду привязали к подпирающим стены комоду или сундуку. Я принюхался. Запах серы? Присмотревшись, я обнаружил, что едкий дым поднимается из-под кровати.

Окно также крепко закрыли, а винтовка и томагавк исчезли.

Для Гвендолин наше любовное свидание, очевидно, не закончилось, как для меня, блаженной и сонной истомой, в действительности эта красотка оказалась чертовски деятельной и коварной шлюхой. Не имея времени на раздумье, я схватил тяжелый фаянсовый таз для умывания, разбил им стекло и переплет запертого окна и головой вперед нырнул в темноту заднего двора. Приземлившись, я удачно прокатился кубарем по мерзлому снегу и вскочил на ноги, держа прочный таз наподобие щита.

— Итан!

Я глянул в сторону кухонной двери и увидел там Магнуса Бладхаммера, который

смотрел прямо на меня, вращая тростью над головой, словно собирался швырнуть ее в меня. Неужели он и есть мой враг? Я пригнулся, выставив перед собой таз, как жалкую защиту, и вдруг он взорвался — но не от трости Магнуса, а от пули, просвистевшей буквально над моей головой. Я смутно осознал грохот выстрела, не понимая, откуда стреляли. Потом раздался потрясенный хрип, и, обернувшись, я увидел, как одетый в черное противник приваливается к стене уборной, пистолет выпал из его руки, а в шею над самым плечом этого мерзавца глубоко вонзился острый рог прогулочной трости Бладхаммера. Когда этот тип рухнул возле дворовой постройки, я увидел вспышку очередного огнепроводного шнура.

— Что за дьявольщина?

Почти одновременно прогремело два взрыва. Извергнувшийся из окна моей спальни поток огня, отягченный осколками и кирпичными обломками, заставил меня еще больше пригнуться к земле, а через мгновение и злосчастная уборная Филбрика грянула оглушительным контрапунктом, взметнув к небу фонтан нечистот и взорванных останков моего неизвестного врага. Оказавшись между двух ударных волн, я мгновенно сжался в комок. Ошметки, в основном зловонные, усеяли снег черными пятнами, забрызгав и меня темными потрохами. Перья из разорванного матраса плавали в воздухе, точно снежинки, прилипая к моей ночной рубашке и волосам в тех местах, куда попали грязные брызги. Если бы бомба в моей спальне не сработала, то я встретился бы с Создателем, оседлав трон в уборной.

В полуоглушенном состоянии я слышал собачий лай и звон колоколов.

Еще не сообразив толком, куда мне бежать в таком положении, я вновь увидел Магнуса, размахивающего моей винтовкой. Я невольно съежился, но он не стал стрелять в меня.

— Я обработал кочергой твою пассивность, и она бросила ее, после того как вместо тебя попала в твой импровизированный щит, — пояснил он. — За тридцать секунд ты истратил три жизни! И вдобавок пришлось пустить в расход мою великолепную полезную трость.

— Мне казалось, я заслужил более милосердное отношение, — пролепетал я в оцепенелом изумлении, еще содрагаясь от страха глянувшей мне в глаза смерти.

На ватных и окоченевших голых ногах я поковылял к нему, весь облепленный перьями, а Магнус вдруг начал хохотать. Проклятые злоумышленники, возможно, и не убили меня самого, но определенно покончили с моим достоинством.

— Ну и видок у тебя, Итан, прямо как у мокрой курицы! — воскликнул мой компаньон. — Похоже, хлопот у меня с тобой будет больше, чем с колченогим псом.

— Как-то я засомневался, действительно ли милая Гвендолин лопотала по-немецки. Может, это был датский язык, — промямлил я, стряхивая часть перьев.

— Теперь уж ее не спросишь. Она убежала к каким-то всадникам и ускакала с ними в ночную тьму.

Пораженный Филбрик смотрел на нас через рваную дыру в стене его дома.

— Может, нам все-таки пора отправляться в Вашингтон, — в раздумье произнес я.

Глава 13

В конце февраля мы спешно выехали из Манхэттена, вскоре после вселения в особняк президента Томаса Джефферсона, избранного с перевесом в тридцать шесть голосов, — выборы проходили в столь затяжном и гнусном соперничестве, что их результаты вылились в предложение внести поправки в Конституцию. Бэрр в итоге, вероятно, станет вице-президентом, а их торжественное вступление в должности назначили на четвертое марта. Я внимательно следил за развитием событий, понимая, что Наполеону захочется узнать подробности. Его интерес к демократии соперничал только с его же скептицизмом.

— Магнус, неужели ты действительно думаешь, что датские убийцы выследили нас даже здесь? — спросил я, с опаской оглядываясь назад, когда наш спешно нанятый почтовый дилижанс выкатил из Нью-Йорка, прежде чем Филбрик успел оправиться от шока и подать

иск в суд. — Не похоже, чтобы мы нашли нечто такое, что подтверждает твои теории. Почему же они так стараются? И почему охотятся за мной, а не за тобой?

— Возможно, они агенты Церкви, — начал он строить предположения, отбарабанивая их пальцами, — и считают тебя, заодно со мной, языческим богохульником. Если же это датчане, то они могли счесть тебя моим проводником, с которым им будет легче покончить, чем с таким испытанным бойцом, как я. Британцы, конечно, тоже могут иметь на тебя зуб как на французского шпиона. Американские федералисты считают тебя республиканцем, а республиканцы распускают слухи, что я скупил слишком много карт у книготорговца Гейна, скомпрометировавшего себя выступлениями против отделения американских колоний от Англии. Французские роялисты, несомненно, причисляют тебя к бонапартистам, а ветераны Французской революции ищут способ отомстить тебе за друзей, погибших из-за твоего участия в обороне Акры. Испанцам тоже, вероятно, выгодно отсрочить твое сообщение о переходе Луизианы во владения Франции, а кроме того, все заинтересованные стороны боятся обнаружения мною доказательств того, что первооткрывателями этого континента были норвежцы. Разве важно, кто именно за нами охотится? Главное для нас — как можно скорее получить защиту от вашего вновь избранного правительства.

Поездка на юг по колеям первых мощенных булыжником больших дорог Америки была сущим мучением для любого путешественника. Кроме нас в экипаж втиснулись еще шесть пассажиров мужеского пола, пропахших табаком, луком и мокрой шерстью, а сама дорога к концу зимы пришла в ужасное состояние. Лужи превратились в небольшие пруды, а ручьи — в речные потоки. Через реку Делавэр мы переправились на пароме.

Наш дилижанс тащился мимо бурых лоскутных одеял по-зимнему унылых фермерских угодий, перемежавшихся лесными участками. По меньшей мере дважды в день нам приходилось вылезать из экипажа и совместными усилиями вытягивать его колеса из жидкого месива, а нужду мы справляли в придорожных кустах, лишь когда приспичивало нашему кучеру. Замерзшие, на одеревенелых ногах мы вываливались из кареты и, дружно выстроившись в ряд, орошали за кустами дорожную обочину. В убогих гостиницах нам приходилось спать по двое в общих комнатах. Мы с Магнусом теснились на тощем матрасе в одной спальне с еще четырьмя такими лежанками. Скопление множества тел обеспечивало жару и духоту. Мой сосед по койке храпел, как и половина наших соседей, но зато мало ворочался и всегда заботливо спрашивал, достаточно ли мне места. (Бессмысленно было оглашать очевидное: недостаточно.) Каждую полночь усталость дарила мне благословенное забытие, а часов через шесть в предрассветной темноте хозяин гостиницы будил нас к завтраку. Обычно из Нью-Йорка до Филадельфии добирались за два дня, но нам понадобилось три.

— А ты действительно хочешь стать норвежским Вашингтоном? — спросил я как-то Магнуса, чтобы развеять скуку. — Похоже, в тебе зреют наполеоновские планы.

— Нет, я просто хотел польстить твоим американцам.

— И какова же тогда твоя более скромная цель, Магнус?

— Скромной ее вряд ли назовешь, — с улыбкой ответил он. — Я хочу превзойти Вашингтона.

— И как же это ты собираешься его превзойти? — уточнил я, подумав, что чудачки всегда метят высоко.

— Найти то, что мы ищем. Для справедливого преобразования мира им должны править порядочные и честные люди.

— А ты уверен хоть в собственной порядочности и честности?

Мало кто осознает, по-моему, всю сложность такого вопроса, поскольку результаты стремлений не всегда соответствуют замыслам.

— Братство Форн Сиор отбирает праведников и готовит их к благочестивой жизни. Мы стремимся стать рыцарями в своих делах и помыслах. Нас вдохновляют лучшие образцы истории.

— Надеюсь, вы не собираетесь сражаться с ветряными мельницами...

— Порой, желая высмеять чьи-то поиски, люди называют их донкихотством, но я лично воспринимаю это как комплимент. Целеустремленность, настойчивость, благородство. Поверь мне, наша цель достойна всех связанных с ее достижением тягот и лишений.

В Филадельфии меня сочли своего рода блудным сыном, неблагоразумно лишившим много лет тому назад девственности некую Анабеллу Газвик и сбежавшим для обучения в Париж с Бенджамином Франклином, который предложил мне место секретаря благодаря масонским связям с моим отцом. За полгода в карточных салонах я умудрился спустить мое скудное наследство, но теперь вернулся в родной город до некоторой степени известной личностью — своего рода героем, наладившим мирные связи между народами.

— Мы-то считали тебя мошенником, но оказалось, что ты все-таки унаследовал кое-какие достоинства твоего родителя.

— Только не его здравомыслие, — признался я.

— Однако тебе удалось завести знакомство с такими людьми, как Бонапарт, Смит и Нельсон.

— В высшие круги мне позволило войти наставничество Франклина.

— О да, Франклин. Великий был человек!

Последние снегопады задержали нас в Делавэре на два дня, и, покинув Филадельфию, мы пять чертовски утомительных дней тащились до Балтимора.

— Почему мы так долго едем? — сердито поинтересовался в итоге Бладхаммер. — Похоже, вам удалось завладеть обширными территориями.

— Ты пока увидел лишь крошечную часть нашей страны. Тебя не начинают одолевает сомнения, могли ли скандинавы добраться до тех мест, что указаны в твоей карте?

— Смотря как добираться, они могли идти на веслах или под парусами.

Дорога к недавно основанному Вашингтону была немногим лучше лесной просеки. Пришли в упадок фермерские хозяйства Пенсильвании, а между заложённым на берегу Чесапикского залива новым городом и строящимся правительственным центром темнели девственные, как в Кентукки, леса. По пути перед нами периодически открывались участки ошметинившихся пнями пустошей, засеянные озимыми поля да стайки нищих лачуг с маленькими оборвышами, после чего дилижанс вновь въезжал в тесный лесной туннель. За угождениями поселенцев приглядывало по два-три раба, и хотя Магнус встречал негров в Париже и Нью-Йорке, его заворожала их здешняя вездесущность и несчастный вид. Насколько я знал, они составляли больше пятой части населения нашей страны.

— О боже, они черны как уголь! — восклицал он порой. — И одеты в лохмотья... как же можно работать полуголыми в такой холод?

— А как волю работают? — сказал один из наших попутчиков, виргинский плантатор с побагровевшим от виски носом, пожевывая чубук трубки, которую он ни разу не разжег за всю дорогу. — Черномазые рабы, сэр, отличаются от нас с вами хилым умишком и нехилыми бицепсами. Подобно мулам, они просто созданы для тяжелых полевых работ. С тем же успехом вы можете переживать за летающих в небесах птиц.

— Птицы могут летать, где пожелают.

— А вы остроумны, однако. — Плантатор расхохотался. — Весьма остроумны! Но наши негритосы довольны, как дойные коровы, каждый вечер послушно следующие в коровник. Уверяю вас, они удовлетворены такой жизнью гораздо больше, чем кажется. Их потребности ограничиваются желаниями набить брюхо, вдоволь погорланить песни да завалиться на боковую. Мы оказали этим несчастным услугу, привезя их сюда. Тем самым мы спасли их души.

— Однако они не выглядят благодарными, — возразил Магнус, а его синий глаз сверкнул огнем Одина.

Я уже не раз замечал, что он умудряется исподволь проникнуть в самую суть проблемы.

— Бог установил на земле, сэр, традиционный порядок вещей, — встревоженно произнес плантатор. — Индейцы ничего не сумели сделать в Америке, так же как и эти

чернокожие в Африке. Темнокожих надо приспособливать к посильному для них делу, а краснокожих сгонять в резервации — для их собственного блага.

Будучи пенсильванцем, я очень хорошо усвоил квакерские каноны, чтобы спокойно воспринять эту чепуху.

— Как же можем мы, американцы, ратовать за свободу, если часть нашего народа томится в неволе?

— Как я уже говорил, сэр, они не такие, как мы. — Он выглядел раздосадованным. — Во Франции вы набрались соглашательских либеральных идей, но поживите немного на нашем Юге, и вы поймете, что я имею в виду. Вашингтон понял. Так же, как и наш новый президент. Всякой твари в этом мире уготовано свое место.

Явно желая закончить неприятный разговор, он отвернулся и уставился в окно, за которым темнели бесконечные ряды деревьев. Низко растущие ветви хлестали по крыше нашего поскрипывающего экипажа; порой кучеру приходилось останавливаться и срубить самые толстые и опасные из них.

Я уже начал с опаской подумывать о том, что мы заблудились, когда на пути нам наконец попался свободный чернокожий парень с ящиком плотничьих инструментов, и мы спросили у него, далеко ли американская столица.

— Да вы уже в ней! — ответил он. — Полмили назад вы проехали пограничный камень.

Я огляделся. Возле дороги маячили две фермы, куча разрубленных деревьев дымилась в забытом костре, а за покосившейся оградой, казалось, вовсе ничего не было.

— Большой дом вон в той стороне! — добавил негр, махнув рукой.

Мы въехали на гребень низкого холма и увидели несуразное младенчество Вашингтона. Прошло четыре месяца с тех пор, как тут поселились три с половиной сотни служащих федерального правительства, а столица моей страны пока являла собой смехотворное величие замысла, прокисающего в болотистых дебрях. По диагонали территорию, на которой раскинулись чахлые фермы, леса и болота, пересекали грязные улицы, достаточно широкие для прохода целого римского легиона, хотя их начала и концы терялись в неизвестности. Вдали поблескивало разлившееся русло Потомака. Повсюду торчали тысячи пней, еще ярко желтевших на срезах, а три сотни кирпичных и деревянных домиков, точно кубики, рассыпались по округе согласно некоему величественному плану, совершенно не имевшему связи с реальностью. Мне говорили, что непонятно зачем для нашей новой столицы прикупили квадратный участок со стороной в десять миль. И вот через десять лет после начала строительства во всем Вашингтоне едва набиралось три тысячи жителей.

Столичные дома, возвышаясь посреди грязных, усыпанных опилками дворов, сползались, как муравьи, к соседнему селению под названием Джорджтаун, раскинувшееся вдали на берегу Потомака. Там расположился и небольшой порт, а за рекой, на стороне Виргинии, также маячили какие-то домики. Нелепо грандиозно смотрелись в Вашингтоне четыре общественных здания, изолированных друг от друга по какой-то странной причине. Среди них, как я узнал позже, находились особняк президента, здания Конгресса, казначейства и военного ведомства. Большинство законодателей жили скученно между зданием Капитолия и президентским особняком в меблированных комнатах или гостиницах, выстроившихся вдоль дороги, названной Пенсильвания-авеню, на которой еще попадались невыкорчеванные пни. Я полагаю, что Вашингтон, конечно, быстро разрастется — государственные ведомства способны укрепляться за счет своих избирателей, а не наоборот, и любой сообразительный клерк пригласит для работы еще дюжину клерков, чтобы самому заделаться начальником, — но все равно пока грандиозный столичный размах вызывал лишь откровенный смех. Порадовало меня только то, что наша столица выглядела настолько пустынной, что врагам вряд ли удастся незаметно подкрасться к нам.

— Она ошеломляюща, как Версаль, но совершенно в противоположном смысле, — проворчал я. — Ошеломляет отсутствие присутствия.

— Нет-нет, — быстро возразил Магнус, высунувшись из окна дилижанса. — Взгляни-ка на тех ангелов, что возвышаются по сторонам улиц. Ты понимаешь, Итан, это же священные символы масонской архитектуры!

Глава 14

Под священной масонской архитектурой, как оказалось, имелась в виду планировка улиц, линии которых — конечно, если рассмотреть их на карте — складывались в пифагорейские треугольники, звезды и пентаграммы, подобные знаки мне приходилось видеть в ложах и на документах масонов. Учитывая, что эта геометрия реально просматривалась только на бумаге и сами столичные «авеню» пока мало чем отличались от просек, никакой мистической символики мне узреть не удалось.

— Магнус, эта твоя архитектура ничем не отличается от той звездной планировки, что я видел в Египте и Святой земле.

— Конечно! Погляди лучше на новый Капитолийский холм, его угловой камень заложен согласно масонскому ритуалу, а от фасада здания начинается главная улица, здесь будет новый вариант Версаля. Идущие под углом улицы образуют правильный треугольник, включающий особняк президента. Ты понимаешь, что эти улицы отражают масонские символы угольника, циркуля и линейки? И разве общее количество ваших колоний не равняется мистическому числу тринадцать?

— Но сейчас существует уже шестнадцать штатов.

— Они объединились в страну, когда их было тринадцать. Наверняка не простое совпадение, Итан, что именно тринадцатого октября тысяча семьсот девяносто второго года почтенные франкмасоны заложили под руководством самого Вашингтона краеугольный камень правительственного особняка!

— Какое совпадение? Нет, погоди, давай-ка подсчитаем... Ага, ты намекаешь на то, что они вознамерились отметить четыреста восемьдесят третью годовщину разгрома тамплиеров, знаменитую Черную пятницу! Но по-моему, более вероятно предположить, что это было сделано в память о том, что со времени высадки здесь Колумба прошло триста лет и один день.

— А почему добавили один день?

— Возможно, непосредственно в годовщину им помешал дождь, — предположил я, пожав плечами.

— Наивный ты человек! Или прикидываешься бестолковым. Почему тринадцать вместо двенадцати? Да потому, что число тринадцать издавна почиталось священным. Таково число лунных месяцев в году, число участников Тайной вечери, число дней после рождения нашего Спасителя, когда волхвы явились к младенцу Иисусу, и возраст достижения зрелости по традициям иудеев. Столько же скандинавских богов собралось вместе, когда Локи проник на их пиршество и убил Бальдера прутом ядовитой омелы. Египтяне полагали, что между жизнью и смертью тринадцать шагов, а у англичан на эшафот также ведут тринадцать ступеней. Тринадцать есть число ряда Фибоначчи. В картах Таро тринадцатая карта Старшего аркана носит знак Смерти. И именно тринадцать, наконец, потому что потомки тамплиерских масонов решили построить новое государство на том континенте, где их предки обрели спасение. Половина ваших революционных военачальников входила в масонскую ложу! Даже твой наставник, Франклин, помогавший писать Декларацию независимости и Конституцию, также был франкмасоном. И ты думаешь, все это простое совпадение? Нет, Итан. Судьба вашего молодого государства, друг мой, определится на западе: именно там оставили скандинавские тамплиеры священные реликвии, способные стать основой лучшего мира.

— К такому выводу ты пришел, глянув на план улиц еще не построенной столицы?

— Мой вывод определен судьбой, которая привела нас с тобой сюда в эту утопическую глухомань, дабы мы исследовали пути моей священной карты. Судьба наш союзник.

— Утопическая глухомань? Ты совсем свихнулся в своей одержимости, Бладхаммер.

— Таким был Колумб, — с усмешкой заметил он. — Таким был и Вашингтон, когда дерзко замыслил крупнейшую в мире империю. Таков и твой Франклин, исследовавший молнии во время грозы. Только одержимые способны на великие дела.

* * *

Несмотря на провинциальную простоту, что могла бы вызвать презрительный смех французских аристократов, в день инаугурации президента столица украсилась множеством флагов. Все домовладельцы вывесили патриотические полотнища, а под крышами построенных на скорую руку каретных сараев теснились многочисленные экипажи гостей. Несколько пушечных расчетов в честь праздника выкатили свои орудия на площадь, где стройными рядами проходило ополчение. Мы с Магнусом сообщили, что хотели бы встретиться с Джефферсоном, поскольку я привез новости из Франции, но до вступления в должность не могло быть и речи ни о какой аудиенции. Итак, утром четвертого марта мы проснулись в гостинице Блджетта, выпив чаю с медом и закусив лепешками и ветчиной, оделись попроще и поспешили к Капитолию. Еще до рассвета мрачный Адамс выехал из города, не в силах видеть торжество своего политического противника.

Строительство завершилось лишь в сенатском крыле Капитолия. Работы над будущей ротондой и ее приземистым куполом еще только начались, поэтому посредине зияла дыра, а у Палаты представителей пока отсутствовала крыша. Мы с Магнусом нашли места на галерее Сената, заполненной множеством зрителей, как в греческом театре, правда, в воздухе сильно пахло краской и штукатуркой. Это крыло возвели в такой спешке, что на потолке уже темнели пятна протечек, а обои по углам начали отклеиваться. Два камина извергали клубы дымного жара, не столь уж необходимого, учитывая многочисленную людскую толпу.

Как бы то ни было, в зале царила приподнятая атмосфера, отовсюду слышались взволнованные и гордые голоса. На рубеже девятнадцатого века острая конкурентная борьба на выборах была в новинку, и она так же отличалась от государственного переворота Наполеона, как легкое перышко от тяжеловесного булыжника. Первым принял присягу избранный вице-президент Аарон Бэрр, не оставивший честолюбивых стремлений, но пока их ограничивший. Он заинтересовал меня некоторым внешним сходством с Наполеоном. Смуглый и красивый, как Корсиканец, он так же покорял и сердца дам. Учитывая его репутацию амбициозного человека, я ожидал, что он попытается украсть лавры у Джефферсона, но на самом деле он являл собой образец разочарованной сдержанности и после приветствия, обращенного к председателю Верховного суда, занял свое место за подиумом, откуда начал обозревать толпу пронизательным взглядом, словно высматривал дополнительных сторонников. Его напряженная поза, очевидно, показывала, что триумф Джефферсона лишь кратковременная неудача в его собственном неизбежном восхождении к президентству.

А потом послышался пушечный залп, и под вихревые звуки флейт и барабанов из своего пансиона прибыл Джефферсон, он попросту прошел к Капитолию, поскольку для торжественной процессии в каретах на дороге пока торчало слишком много пней. Наряд его ограничивался строгим темным костюмом, он отказался и от напудренного парика и ритуальной шпаги Вашингтона и Адамса, а также и от плаща, скипетра или свиты. Этот высокий рыжеволосый мужчина обладал красотой румяного, пышущего здоровьем фермера, и, похоже, его потрясла многочисленность зрителей. Быстро глянув на галереи, он облизнул губы и смущенно уставился на документы, которые держал в руках.

— Он не любит произносить речи, — склонив голову к соседке, прошептал один из министров бывшего кабинета.

— Отлично. Я как раз не люблю выслушивать длинные доклады, — шепнула она в ответ.

Поначалу я испытал разочарование. Во Франции Джефферсона славили почти так же,

как Франклина, но я привык к бурной властности Наполеона. Мудрец из Монтичелло вдруг словно оробел перед публикой, он выглядел как неуверенный в своих знаниях школьник и говорил тихим и высоким, как у женщины, голосом. Я видел, как блесит от пота его лицо, льющиеся из окон солнечные лучи расцветили его инаугурацию контрастными мазками света и тени. Председатель федерального суда Джон Маршалл подал знак, и новый президент твердым, но тихим голосом начал произносить присягу.

— Почему он так тихо говорит? — спросил Бладхаммер, и его норвежский баритон прозвучал так выразительно, что на мгновение отвлек на себя внимание всех зрителей. Джефферсон, к счастью, ничего не заметил и продолжал свой монолог, который мы силились расслышать.

Газетные отчеты, как мы надеялись, восполнят ускользнувшие от нас слова, хотя услышанного вполне хватило, чтобы оценить блистательный ум этого просвещенного виргинца. После ожесточенной и непристойной предвыборной кампании он уверил собравшихся в том, что «все мы республиканцы, и все мы федералисты», и призвал к «мудрому и бережливому правлению», ориентированному на нужды американского народа, а не министерских ведомств. Федеральное правительство, по его мнению, следовало сократить, а военные силы направить на защиту гражданского населения. Наполеон посмеялся бы над такими предложениями, а я как раз начал понимать, насколько революционны по сути взгляды этого спокойного и уверенного политика.

Кровь американской Войны за независимость, заявил он, пролилась за свободу вероисповедания, свободу печати и право на справедливый и честный суд, а все эти понятия и составляли наше «политическое кредо». Речь Джефферсона произвела на меня столь большое впечатление, что мне стало стыдно за свое долгое пребывание во Франции. Ладно, теперь я наконец дома! И здесь у нас не будет никаких гильотин.

Неужели идею создания моей страны взрастили мрачные тамплиеры и скрытные франкмасоны? Являлся ли необычайный идеализм нашего молодого государства географической случайностью, или его своеобразная география действительно уходила корнями в скандинавскую историю? Я знал, что Джефферсон не был франкмасоном, не был даже христианином в традиционном смысле: он считался вольнодумствующим деистом, избранным благодаря тому, что большинство его земляков не ходили в церковь, несмотря на пуританские истоки нашего народа. В начале девятнадцатого века казалось очевидным, что религия не выдерживает натиска науки и здравого смысла и что через сотню лет от нее не останется и следа на земле. Так откуда же могли взяться следы древних тайн и языческих божеств в этом блестящем и новом американском мире? Или же просто Америка представляла собой такое место, где каждый человек, даже Магнус Бладхаммер, мог заявить о своих безумных теориях, размахивая почти пустой картой?

Окончание речи Джефферсона встретил вежливый, быстро стихший шум аплодисментов озадаченных слушателей.

— О чем он говорил? — шептали люди.

Но затем Маршалл провел церемонию принятия присяги. Новый президент спокойно вернулся в пансион Конрада и Макманна, где дождался наряду с остальными жильцами торжественного обеда. Он не спешил перебираться в оставленный Адамсом особняк президента и в течение двух недель проводил там нужные ему переделки.

* * *

По заведенной привычке, пока мы ждали официальной аудиенции, я жил за счет скромной славы и искусства карточной игры, а моя общительность легко располагала ко мне людей благодаря рассказам о Египте и Иерусалиме — местах, которые мои слушатели не надеялись увидеть воочию. Я также приглядывался к потенциально опасным незнакомцам и прислушивался к людской молве. Как ни странно, но опасность, похоже, исчезла: вокруг нашей гостиницы не шныряли никакие подозрительные личности. Магнус увлеченно изучал

тексты индейских легенд, занимался созданием списка снаряжения для нашей экспедиции на Запад и, будучи не таким доверчивым, как я, установил самодельные решетки на двери и окна нашего гостиничного номера.

— Может, нас напугали обычные грабители, — предположил я.

— Или они выжидают, желая выяснить, в какую сторону мы направимся.

Пока мой напарник занимался делами, я расхаживал с важным видом, подогревая интерес к собственной персоне рассказами о встречах с Бонапартом и Талейраном. Не раз вашингтонские девицы намекали, что готовы открыть мне свои сердца, если я испытываю склонность к постоянной и порядочной семейной жизни, но я предпочел ознакомиться с дарованиями шлюх, которые обслуживали Конгресс. Одна искательница приключений по имени Сюзанна рассказала мне, что прибыла в Вашингтон через неделю после клерков и на две недели раньше первых законодателей и уже успела понять, что впервые попала в такое прибыльное местечко.

— Деньжата у них тут в правительстве, похоже, не переводятся, — пояснила она, — и большинство клиентов не задерживаются у меня больше чем на полчаса.

Дельцы между тем пытались перетянуть меня на свою сторону.

— Ну что, Гейдж, жизнь-то проходит, верно? — пристал ко мне однажды банкир, назвавшийся Зебулоном Генри.

— Годы пока не обременяют меня.

— Но, по-моему, пора уж вам подумать и о будущем.

— О, поверьте, я только о нем и думаю.

— Тогда вам, как никому другому, следует воспользоваться преимуществами вложений.

— Каких еще вложений?

— Сложных! Если ваши вложения увеличиваются, то вы получаете не только вашу исходную сумму, но и проценты с нее. Тогда через пару-тройку десятков лет с вашими деньгами могут произойти настоящие чудеса.

— Двадцать или тридцать лет...

Это была почти непостижимая бездна времени.

— Допустим, вы устроитесь на службу в подобную моей фирму. Для начала бухгалтером, но с большой перспективой для человека вашего честолубия и таланта. И скажем, к примеру, последуете моему совету и будете вкладывать десять процентов своего жалованья и не трогать этих вложений, скажем, до шестидесяти лет. К той поре с вашими скудными вложениями мы проведем некоторые арифметические действия. И окажется, что у вас накопилось изрядное состояние и вы сможете взять кредит, выделить вашей жене средства на домашнее хозяйство, пока ваши отпрыски не вырастут, чтобы вложить...

— У меня нет жены, — перебил я его.

— Не будем вдаваться в такие частности, — бросил он, продолжая строчить на листке какие-то цифры. — Вот, послушайте, Гейдж, даже при таком запоздалом начале, как у вас, — чем вы вообще занимались до сих пор? — вы сможете получить приличное состояние уже, скажем так... — он сосредоточенно подсчитал итог, — уже через тридцать с небольшим лет.

— Хорошенькая перспектива.

— Это потребует, разумеется, пунктуальности и бережливости. Никаких опрометчивых поступков. Выгодная женитьба, шестидневная рабочая неделя, деловые встречи по субботам, упорная учеба по вечерам... Мы можем выработать план, который подойдет даже такому недальновидному человеку, как вы. Тут вступает в силу магия сложных процентов, сэр. Магия сберегательных вкладов.

— Но они включают и работу, не так ли?

— Чертовски серьезную работу. Чертовски серьезную! Но хорошо сделанная работа приносит радость!

Я вежливо улыбнулся, изображая согласие.

— Для начала мне необходимо встретиться с президентом.

— С президентом! Замечательный человек! Замечательный. Но говорят, сам он в финансовом отношении не слишком разумен. В том смысле, что живет не по средствам. Ходят слухи, что в счет своего нового президентского жалованья он назаказывал старинных вещей в Монтичелло, хотя пока не нашел твердого понимания у финансистов. Этот парень, как большинство виргинцев, постоянно залезает в долги. Постоянно, сэр!

— Надеюсь, он не захочет одолжить денег у меня.

— Попомните мой совет, Гейдж. Расскажите ему, как я помог вам. Я мог бы исправить положение и самого Джефферсона, уверяю вас. Бережливость и порядок! Это единственный секрет.

— Расскажу непременно, если наш разговор свернет в сторону денег.

— Вы понимаете, — просяив, воскликнул он, — как помогают друг другу высокопоставленные особы?

Конечно, я отлично понял, куда клонит Зебулон Генри... Но идея потратить отпущенную нам короткую жизнь на накопление сберегательного вклада не показалась мне заманчивой. По натуре я человек азартный, склонный к карточным играм и рискованным пари, да к тому же бродяга, восприимчивый к идеям разных мечтателей. Я полагаюсь на удачу и счастливый случай. Иначе зачем же еще я связался с одержимым Бладхаммером? И почему же еще судьба столкнула меня с Наполеоном?

Магнус заявил, что тот молот, если он существует, может стать источником богатства, могущества или прочих земных благ. Поэтому охота за сокровищами, на мой взгляд, тоже являлась серьезным вложением, хотя и совершенно иного рода. И я вовсе не ленив, просто быстро начинаю скучать из-за однообразия. Мне по душе новые задумки. Мне интересно, что находится за очередным холмом. И в итоге таких размышлений, изрядно подкрепив свою уверенность, я решил позволить моему одержимому мечтателю выложить свои идеи перед Джефферсоном и посмотреть, что из этого выйдет.

Глава 15

Сложенный из поблескивающего на солнце известняка особняк президента выглядел весьма впечатляюще в своем классическом архитектурном убранстве, хотя строительство его еще вовсю продолжалось и половина помещений пустовала. К украшенному колоннадой крыльцу этого большого двухэтажного здания, наглядно отражающего демократию с легким налетом республиканского несовершенства, вела вымощенная досками дорожка, которая высилась подобно подъемному мосту над грязной и усыпанной опилками лужайкой. С северной стороны, откуда мы и подошли, особняк вмещал два ряда из десяти больших окон в каждом крыле — держу пари, что летом за ними будет адское пекло, — причем нижний ряд прикрывали причудливые узкие карнизы, похожие на нависающие брови. Филенчатые входные двери приятно поразили меня, ожидавшего огромных бронзовых врат, нормальными человеческими размерами, а когда мы потянули шнурок звонка, то скромную дубовую дверь открыл не швейцар, а секретарь в незатейливом деловом костюме. Это был крепкий молодой парень с волевым подбородком, выдающимся носом и тонкими губами, в его настороженном взгляде, скользнувшем по колоннаде, мелькнуло явное удивление при виде столь величественного окружения. Его волосы были аккуратно подстрижены по римской моде, которую я и сам теперь предпочитал, а на ногах красовались яркие и мягкие мокасины.

— Привет вам, — сказал он с фронтирским выговором, пропуская нас в вестибюль. — Меня зовут Мериветер Льюис. Я приехал всего несколько дней назад из форта Детройт и еще не освоился. В этом дворце такое звучное эхо. Пойдемте, пойдемте! Президент Джефферсон ждет вас.

В лишенном пока мебели и картин вестибюле потолки возносились на высоту восемнадцати футов. Как и в Капитолии, здесь еще пахло краской. Маячившая перед нами

филенчатая дверь вела в довольно изящное, но пустое овальное помещение, за окнами которого поблескивали воды Потомака. Льюис провел нас направо по лестнице, поднимавшейся, по моим предположениям, в личные апартаменты президента, и мы оказались в более скромной комнате с диваном и приставным инструментальным столиком.

— Я доложу, что вы прибыли, — сказал секретарь, удаляясь к очередной двери своеобразной егерской походкой, выдававшей его опыт военной службы в диких западных краях.

— Ваш президент, похоже, не склонен обременять себя мебелью, — оглядевшись, сказал Магнус.

— Джефферсон ведь въехал сюда совсем недавно, да и Адамс успел прожить здесь всего несколько месяцев. Сложно с ходу решить, какой именно стиль подходит республике. Кроме того, он ведь овдовел почти двадцать лет тому назад.

— Должно быть, его шаги громяхают в этих залах, как дробина в роговой пороховнице.

Вдруг мы услышали птичью трель.

Дверь в кабинет Джефферсона открылась, и нас пригласили войти. Эта комната в юго-западном углу здания выглядела более обитаемой. На паркете красного дерева пока не было даже ковровой дорожки, но в центре уже стоял длинный стол, покрытый зеленым сукном, и в обоих концах зала горели камины. Три внутренние стены заполняли книжные полки, карты, письменные столы, застекленные шкафчики и глобусы; а по внешней четвертой стене тянулись окна. На одной из полок лежал странно изогнутый слоновий бивень гигантских размеров. Среди других экспонатов встречались наконечники стрел, отполированные камни, черепа животных, индейские дубинки и изделия из бисера. На столах возле окон на южной стороне стояли терракотовые горшки с едва проклюнувшимися из земли ростками. Там были также стеклянные колпаки и ящики с почвой, а в одном углу расположилась птичья клетка. Ее обитатель вновь защебетал.

— Самая прекрасная музыка в природе, — сказал Джефферсон, откладывая книгу и поднимаясь из-за стола. — Маленький пересмешник вдохновляет меня во время работы.

При ближайшем рассмотрении Джефферсон показался мне более внушительным, чем на инаугурации: высокий, с крепкой нескладной фигурой и замечательной песочного цвета шевелюрой, отлично сочетавшейся с румяным лицом. Услышанная нами речь оказалась одним из его немногих публичных выступлений; из-за тонкого голоса он предпочитал общаться с помощью писем. Но в ярких глазах этого человека светился невиданный мной доселе ум. Наполеон обладал орлиным взором, Нельсон зоркостью ястреба, глаза Джеззара поражали жестокостью кобры, а пожилой Франклин поглядывал на мир как сонный филин. В глазах Джефферсона плясали живые любознательные огоньки, словно все, с кем ему доводилось встречаться, представляли для него огромный интерес. Мы не стали исключением.

— Вот уж не ожидал, что кабинет президента может походить на лабораторию натуралиста, — заметил я.

— О да, еще в Монтичелло я полюбил впускать в дом природу. Ничто не доставляет мне большего удовольствия, чем выращивание герани. Я долго изучал архитектуру, но самые пленительные пропорции имеет природная архитектура. — Он улыбнулся и добавил: — Так это вы стали героем Морфонтена!

Я слегка поклонился.

— Ничего героического, господин президент. Я просто старался принести пользу нашему отечеству. Позвольте представить вам моего спутника из Норвегии, Магнуса Бладхаммера.

Джефферсон обменялся с нами рукопожатиями.

— Вы, Магнус, похожи на ваших могучих предков, викингов. Хотя, возможно, это как раз подходит для выполнения вашей миссии?

Американские посланники написали ему из Парижа о нашем приезде, и мы сами

заранее послали письмо, объясняющее наш интерес к поиску следов древних скандинавских мореплавателей.

— Я горжусь сходством с моими предками, — заявил Магнус.

— Надеюсь не в отношении топора войны! — добродушно воскликнул наш хозяин, проявив неплохое остроумие. — Но меня восхищает ваш исследовательский пыл. Франклин мог бы гордиться вами. А вам, Гейдж, удалось так же славно потрудиться в Акре и... при Маренго? Большинство людей более постоянны в выборе союзников. Как вам удалось так лихо завоевать доверие этих противников?

— Я чертовски везуч. Но мои достижения, боюсь, бледнеют в сравнение с вашим проектом Декларации независимости. Редкий документ имеет столь одаренных создателей.

— Мы все заслуживаем восхищения, — кивнув, признал президент. — Ладно. Я талантлив в писаниях, а вы в деяниях, именно поэтому меня очень радует ваш приход. Нам нужно о многом побеседовать. Мне не терпится узнать ваши впечатления о событиях во Франции, где я тоже служил — как раз после окончания нашей революционно-освободительной войны и перед началом их революции. С тех пор произошло, бесспорно, множество потрясающих событий.

— Бонапарт подобен метеору. Но ваш взлет не менее стремителен.

— Это здание заложено в хорошем месте, но Адамс и его архитекторы действовали неразумно. Почему-то вынесли уборные на свежий воздух. Мой предшественник еще и белье там сушил. Крайне неуместно, по-моему, для главы исполнительной власти. Я не перееду сюда жить, пока не установят нормальные ватерклозеты. Необходимо внести еще множество усовершенствований, чтобы сделать этот дом достойным приема высокопоставленных гостей, но для начала мне предстоит вытянуть из Конгресса на пять тысяч долларов больше, чем они выделили. Они понятия не имеют о нынешней дороговизне. — Он окинул взглядом зал и добавил: — К тому же здесь нужен тонкий подход, дабы национальная гордость гармонично сочеталась с республиканской восприимчивостью.

— На мой взгляд, здесь маловато мебели, — с обычной для него прямоотой заметил Магнус.

— Все обустроится со временем, господин Бладхаммер, как и наша новая столица и вся наша молодая страна. Но давайте отложим пока разговоры о домашнем хозяйстве. Прошу вас, добрый обед способствует интересным беседам!

Он провел нас в соседнюю столовую, где к нам присоединился и Льюис. Пока темнокожие слуги подавали суп, я мысленно повторил тщательно отредактированное описание Большой пирамиды, коим мне обычно приходилось делиться, не сомневаясь, что Джефферсона может заинтересовать мистический опыт Наполеона в этом сооружении. Далее, возможно, уместно будет упомянуть об Иерусалиме, отметить французские военные достижения, дать замечания о моих электрических опытах, оценить правительство Бонапарта и узнать кое-что об одном из вин Джефферсона...

Президент доел суп, отложил ложку и задал мне совершенно неожиданный вопрос:

— Гейдж, что вам известно о мастодонтах?

Боюсь, в моем взгляде не отразилось ни малейшего понимания.

— Мастодонтах? — повторил я, откашлявшись. — Это как-то связано с Македонией?

— Со слонами, Итан, со слонами, — подсказал Магнус.

— Американцы называют их мамонтами, хотя среди европейских ученых прижилось слово «мастодонт», — пояснил Джефферсон. — Такое название ученые дали костям доисторических слонов, обнаруженным в России и Северной Америке. В долине реки Гудзон нашли почти полный скелет, много костей также прибыло из Огайо. Современные виды слонов по сравнению с ними просто карлики. Вероятно, вы заметили бивень в моем кабинете?

— О да. Однажды Франклин упоминал о них. О шерстистых американских слонах. А вы знаете, как Ганнибал использовал слонов... — протараторил я, стараясь скрыть собственное невежество.

— Один такой мастодонт заполнил бы эту комнату до самого потолка. Должно быть, они были потрясающими созданиями, грандиозными и величавыми, с бивнями, подобными изогнутым колоннам.

— Да, вероятно. Однажды в Святой земле мне довелось столкнуться со львом...

— Чистый котенок, — сказал Джефферсон. — У меня есть клыки доисторического льва, вот они поистине ужасающего размера. По какой-то загадочной причине древние животные были гораздо крупнее современных. А возвращаясь к мастодонтам, могу заметить, что никому пока не встретился их живой экземпляр, но, с другой стороны, на мой взгляд, наши холодные, поросшие густыми лесами земли вряд ли подходят для слонов.

— Конечно, не подходят, — согласился я, сделав глоток вина. — Какой прекрасный виноградный букет. Это божоле?

Я знал, что Джефферсон считался страстным поклонником виноградных вин, и попытался перевести разговор на более безопасную и знакомую мне на практике тему.

— Но на западе, за Миссисипи, говорят, больше степных равнин, — не клонув на мою приманку, продолжил президент. — Разве не так, Льюис?

— Так говорили мне французские трапперы,¹³ — ответил молодой офицер. — По их словам, там, на дальнем Западе, вообще не растут деревья.

— Иными словами, пустынно, как в Африке, — подхватил Джефферсон. — Там живут только индейцы с их примитивными луками и стрелами, которые, должно быть, не могли пробить даже шкуру мастодонтов. Ходят слухи, Гейдж, что на далеком западе эти громадные животные могли выжить. Возможно, там, куда пока не проникла цивилизация, такие исполинские чудища еще существуют? Знатное было бы открытие, если бы обнаружился хоть один подобный гигант, а тем более если бы удалось захватить его и доставить сюда!

— Поймать в ловушку шерстистого слона? — уточнили, прикидывая, что не готов для такой задачи.

— Или, по крайней мере, зарисовать его. — Президент отставил супницу в сторону. — Давайте поговорим о деле. — Наш радушный хозяин заметно оживился. — Возможно, вы ожидали, что я с настороженностью отнесусь к вашему предложению о поиске скандинавских предков, но, в сущности, они меня заинтересовали. В них таятся выгодные для всех нас перспективы. Я готов помочь в поисках необходимых вам артефактов, а вы можете помочь в поисках моих слонов или любых других природных диковин, которые встретятся на вашем пути. Магнус, — сказал Джефферсон, взглянув на моего спутника, — вы прибыли в Америку на поиски следов древних скандинавских изыскателей, верно?

— Точно. Я полагаю, что мои предки прибыли сюда в Средние века в надежде основать некое утопическое поселение и, возможно, оставили здесь некие важные ценности, — ответил мой спутник с воодушевлением, вызванным неожиданной встречей с новым единомышленником.

Сдерживаемый ранее моим скептицизмом, сейчас он с восторгом взирал на Джефферсона.

— Итан, поднаторевший в разгадывании древних тайн, согласился помочь мне, — продолжил он. — Наше открытие может прославить предков моего народа и, возможно, вдохновит его на борьбу за независимость от Дании. Надеюсь, из вашего очага свободы я смогу увезти домой горящий факел.

— Идеалы Америки способны заразить весь мир и посеять страх в душах любых тиранов — от степных царьков до ливанских эмиров.

— Я представляю братство Форн Сиор, преданное этой цели. Вы слышали о нем?

— Братство «Старая традиция»? Оно действительно существует? — Видимо, президент больше меня знал о сподвижниках и миссии Бладхаммера. — Хотя чему я удивляюсь? Ведь

¹³ **Траппер** (от англ. *trap* — ловушка) — охотник, как правило ставивший капканы на пушного зверя. В начале девятнадцатого века трапперы и торговцы мехами стали пионерами освоения Дикого Запада.

вы прибыли с Итаном, а он всегда оказывается в гуще важных событий. Мне нужно, чтобы вы, Гейдж, поискали древнего слона. Я хочу доказать, что он существует.

— Значит, вы поддерживаете план нашей экспедиции на Запад? — откашлявшись, уточнил я.

Честно говоря, я скорее надеялся, что он запретит эту затею и отошлет меня обратно в Париж.

— Какие удивительные находки, должно быть, ждут нас на тех неизведанных землях, что простираются от Миссисипи до Тихого океана! — воскликнул Джефферсон тоном мечтателя, никогда не забиравшегося в прогулках по Аппалачским горам дальше Блу-Ридж, причем, вероятно, его вылазки ограничивались территорией лагерной стоянки.

Если подобные мысли излишне циничны, то они стали посещать меня из-за тяжелых испытаний последних трех лет.

— Там вам могут встретиться самые разные и потрясающие создания, — продолжал мечтать президент, — каких еще не видывали в наших зверинцах. Есть также сведения, что севернее, в верховьях Миссури, дымят огромные вулканы. Высказывались даже предположения о наличии там соляных гор. Уж я не говорю о более традиционных выгодах, которые может принести открытие континентальных водных путей для удобства передвижения и развития международной пушной торговли. Мы обнаружили тихоокеанское устье Колумбии, господа, но нам еще предстоит найти ее исток! Географы полагают, что истоки рек Колумбия и Миссури находятся близко друг от друга и устройство переправы между этими реками не составит никакого труда.

Перспектива лицезрения вулканов порадовала меня не больше, чем поиски не вписывающихся в залы мамонтов.

— Так вы хотите, чтобы мы с Магнусом отыскали эти речные истоки? — опять решил я прояснить ситуацию.

— На самом деле я надеюсь в скором будущем поручить нашему энергичному Льюису организовать исследовательскую экспедицию для составления подробной карты земли, лежащей между двумя океанами. Мой протеже, капитан Льюис, кстати выросший неподалеку от Монтичелло, еще очень молод — хотя ведь тебе уже двадцать шесть, верно? — но за последние шесть лет, служа в Первом пехотном полку, он успел дослужиться до капитана. Я полностью доверяю ему. Мне придется еще, однако, убедить Конгресс в необходимости финансирования такой экспедиции. Вдобавок есть еще небольшие сложности с границами и имперскими колониями. Надо будет договориться с испанцами.

— На самом деле, сэр, теперь уже с французами, — вставил я, подумав, что наконец-то могу вознаградить хозяина за выставленное угощение.

— Значит, слухи все-таки не обманывали! — просияв, воскликнул Джефферсон. — Какое благоприятное начало для моего президентства.

— Согласно сообщению министра иностранных дел Талейрана, на следующий день после Морфонтенского соглашения был подписан тайный договор о передаче территории Луизианы обратно Франции, — подтвердил я. — Французы поручили мне поставить вас в известность. Благодаря этому Наполеон Бонапарт приобретает в Америке владения, не менее обширные, чем наши собственные Соединенные Штаты, только он пока не знает толком, что ему делать с ними. Мне надлежит доложить в Париже о том, какова обстановка в Луизиане.

— И доложить также мне, — подхватил Джефферсон. — Мы не менее сообразительны, чем Наполеон. Вы, Итан Гейдж, являетесь мостом между народами. Вы можете одновременно служить и Бонапарту, и мне. А как вы находите, мы с ним похожи?

— В плане любознательности — безусловно, — заверил я. — Первый консул рассчитывает на установление дружественных границ на берегах Миссисипи и легкий доступ в Америку с моря через Новый Орлеан.

— Я рад слышать об установлении дружественных отношений. Мы оказались на пороге войны с Испанией. И однако мне представляется, что западным территориям за Миссисипи следовало бы принадлежать Соединенным Штатам, а не европейским державам.

Если Россия сумела выйти к Тихому океану, то и мы тоже сможем. Представьте себе, Итан, наше объединенное государство, раскинувшееся от Атлантики до Тихоокеанского побережья!

Значит, вот что главнее мастодонтов.

— А как справятся Соединенные Штаты с такими громадными территориями?

— Признаю, это трудно представить, — сказал Джефферсон, глянув в выходящие на запад окна. — По моим расчетам, для нормального освоения земель между Аппалачами и Миссисипи может потребоваться уйма времени. Однако численность нашего народа быстро растет. Население уже перевалило за пять миллионов человек, а это треть Британии и пятая часть Франции. Очень скоро мы превзойдем эти страны. Именно это вы, Гейдж, постарайтесь внушить Наполеону. Даже обычные демографические данные наводят на мысль о гегемонии на этом континенте американского народа. Не стоит искушать его мыслями об Американской империи!

— Французам пока хватает хлопот с англичанами. Талейран просил меня разведать их планы и выяснить возможности союза с индейцами.

— Да, все плетут интриги, мечтая заполучить Луизиану. Расскажите мне, что за человек Бонапарт?

Я помедлил, задумавшись.

— Выдающийся. Могущественный. И безусловно, амбициозный. Он воспринимает жизнь как борьбу и готов воевать с целым миром. Но он также бывает идеалистичен, практичен, порой сентиментален, он сильно привязан к семье и имеет странные представления о человеческой натуре. Его беспокоит завоевание своего особого места в истории. Он так же тверд и многогранен, как бриллиант, господин президент. Он руководствуется логикой и разумом, и с ним обычно можно договориться.

— Но, видимо, с ним нелегко вести переговоры?

— О да. Он редкостный индивидуум: всегда знает, чего хочет.

— И чего же?

— Славы. И личной безграничной власти.

— Мечта древних тиранов. А вот я хочу сделать людей счастливыми, но их счастье, по моему, должно основываться на независимости и уверенности в собственных силах. Верно, Льюис?

— Так вы говорили мне, — с улыбкой ответил офицер.

— Земля принесет людям радость, — наставительно продолжил Джефферсон. — Независимый мелкий землевладелец является счастливейшим из людей... Именно необходимость освоения новых земель оправдывает нужду в расширении территории нашей страны. Для нормального осуществления демократии, Гейдж, люди должны стать фермерами. Если греки и римляне и научили нас чему-то, то как минимум этому закону. Как только мы сгрудимся в городах, то опять станем мелочными невольниками и американский эксперимент закончится крахом. Земля, земля — вот ключевая проблема, верно, Льюис? Земля!

— На западе в ней нет недостатка, — заметил секретарь. — Хотя, конечно, ее занимают индейцы.

— Итак, теперь у нас есть норвежский путешественник, Магнус Бладхаммер, который хочет исследовать ее. Индейцы, медведи, волки — никто не устрасит вас, верно, Магнус? Ради какого же пленительного открытия вы готовы пойти на такой риск?

— Фактически такой же американский эксперимент начали и норвежцы, — сказал мой спутник. — Наши предки первыми пытались найти здесь спасительный приют.

— Неужели вы действительно полагаете, что раньше всех открыли этот континент именно викинги?

— Скорее не викинги, а скандинавы. Существует свидетельство того, что они побывали здесь в четырнадцатом веке, почти на полтора столетия раньше Колумба.

— Какое свидетельство?

Магнус отставил в сторону фарфоровую чашу и достал из цилиндрического контейнера карту. И вновь я задумался о том, что же может храниться в нижней части этого чехла.

— Вы сразу поймете, какова важность данного свидетельства, — сказал он, разворачивая пергамент. — Сей документ, обнаруженный в рыцарской гробнице средневековой церкви, несомненно, создан в шестидесятые годы тринадцатого века. Разве изображенная здесь береговая линия может быть простым совпадением?

Джефферсон, встав со стула, пристально взглянул на карту.

— Клянусь душой Меркатора, это похоже на Гудзонов залив.

Обойдя вокруг стола, Льюис тоже ознакомился с древним документом.

— Поразительно, если это правда, — кивнув, заметил он.

— Конечно, правда, — заверил его Магнус.

Мои мысли захватило упоминание президента об индейцах, медведях и волках. Однако ожидаемых мной насмешек не последовало — напротив, трое моих сотрапезников уже сформировали крепкий триумvirат.

— Меня лично удивило ваше спокойствие, — заметил я.

— Почему? — спросил Льюис.

— Потому что, возможно, перед вами самая потрясающая находка за всю человеческую историю. Скандинавы опередили Колумба? И вы этому верите?

Джефферсон и Льюис переглянулись.

— До меня доходили такие разговоры... — задумчиво произнес Льюис.

— Какие разговоры? О саблезубых тиграх размером со слонов?

— О голубоглазых индейцах, господин Гейдж, — пояснил Джефферсон. — Пьер Готье де Варенн, сэр де ла Верандри, сообщил о них, когда исследовал низовья Миссури в тысяча семьсот тридцать третьем году. Он столкнулся с племенем манданов, которое жило общинами, напоминающими европейские северные поселения Средних веков. Сухие рвы, частоколы, деревянные дома. Они занимались земледелием, а не скитались, как индейцы. И некоторые из них были, как ни странно, блондинами, а их вожди обросли смешными бородами. Никто здесь не слышал о бородатых индейцах.

— Есть также одна древняя легенда о том, что принц Мэдок из Уэльса вышел из Британии на запад в тысяча сто семидесятом году на десяти кораблях, да так и не вернулся, — сообщил Льюис. — Слова «манданы» и «Мэдок» довольно созвучны, чтобы навести на мысль о том, что в той легенде есть доля правды.

— Погодите. Вы что, полагаете, что и валлийцы достигли центра Америки?

— Всевозможно, — пожал плечами Джефферсон. — Миссисипи и Миссури, или река Святого Лаврентия и Великие озера, или реки Нельсон и Ред-Ривер, впадающие в Гудзонов залив, — по этим водным путям первые исследователи могли попасть в те обширные земли центральной части нашего континента, где обитают манданы.

— Я сам видел светлоглазых индейцев племени каскаския в землях Иллинойса, — сказал Льюис. — Генерал Джордж Роджерс Кларк сообщал то же самое. Каково же их происхождение?

— Господин президент, я полагаю, что бывших руководителей вашей страны также не слишком бы удивила моя информация, — вмешался Магнус. — Насколько мне известно, многие, подобно Вашингтону или Франклину, разделяют взгляды франкмасонов...

— Да. Но я не отношусь к ним, Бладхаммер.

— И все-таки если эти великие деятели были вашими друзьями, то вы знали о связях масонов с гонимыми тамплиерами, — упорно гнул он свою линию.

Я мысленно застонал. Мы вот-вот могли потерять какое бы то ни было доверие.

— Есть вероятность того, что тамплиеры бежали в Америку... — продолжил Магнус. — И придумали некий утопический план, который воссоздали даже здесь, в вашей новой столице. Во всех этих грандиозных и величественных зданиях и проспектах нового государства. И план городских улиц образует интересные фигуры знакомой всем священной восточной геометрии.

— Просто современная планировка, — с настороженным видом возразил президент.

— Ничего подобного. Создание Соединенных Штатов, я уверен, подчинено высшей цели. Тайной цели. На мой взгляд, она заключалась в стремлении воссоздать давно утраченный золотой век, эпоху богов и магов.

— Но что привело вас к такому выводу?

— Во-первых, сам этот город. Дата его основания, ритуал установки краеугольных камней, его размеры. И во-вторых, вот это. — Он указал на символ молота на его карте.

— А что это, Магнус?

— Это символическое изображение молота бога Тора.

— И вы надеетесь найти Тора в Америке?

— Не Тора, а его наследство.

Я опасался, что Джефферсон отправит нас в сумасшедший дом, но его умные глаза полыхнули не поразившим меня пониманием.

— Его наследство? Как интересно. Что ж, я сам изучал прошлое, у меня подобралась обширная историческая библиотека. Я прочел много трудов, рассказывающих не только о вашем Форн Сиоре. Мы не знаем, что находится за нашими нынешними границами, как не ведаем и кто обитал там. Бледнолицые индейцы? Доисторические чудовища? Ходят разговоры и о необычайных, не известных в Европе природных явлениях. Индейские знахари и шаманы предостерегают от злых духов. Я ни в чем не уверен, господа. Но мне крайне интересно. Крайне интересно.

Магнус промолчал. А я тем временем осознал, почему мне так не хотелось покидать Нью-Йорк. Злые духи?

— Возможно, туда и добрались валлийцы, — сказал Джефферсон. — И у вас двоих есть отличный шанс подтвердить то, что де Варенн не преувеличил значение своих открытий. Ведь можно допустить, что неведомое нам древнее поселение здешних валлийцев или скандинавов смешалось с коренным населением и продолжает существовать как смешанное племя, обитающее в обнесенных стенами деревнях где-то в верховьях Миссури? Вдобавок существуют гипотезы, что какие-то из потерянных колен Израилевых могли тем или иным образом добраться до Америки и стать предками американских индейцев. Есть также и легенды о том, что побежденные римлянами карфагеняне пересекли Атлантику, спасаясь от уничтожения в их родном городе.

— Верно! — подхватил Магнус и кивнул мне.

— Платон писал об утраченной Атлантиде, а астроном Корли размышлял о том, где она могла находиться. У индейцев есть поговорка, что табак растет там, где с небес упали волосы огненного бога. Что, если потомки царя Давида или Ганнибала скитались как раз по тем западным пустыням? Все эти сообщества могли забыть об исходном происхождении. Но если это может быть доказано, то игра стоит свеч.

— В каком смысле? — спросил я.

— Европейские колонии в Новом Свете основаны, в частности, на претензиях первооткрывателей, — пояснил Льюис. — Если окажется, что первыми прибыли из Европы представители совсем других стран, то это подорвет законность притязаний на земельные владения британцев, французов и испанцев.

— Что, в свою очередь, увеличит шансы Соединенных Штатов на утверждение своих прав или приобретение новых территорий, — добавил Джефферсон. — Растущее население дает нам возможность захвата дополнительных земель, но это может привести к нежелательным войнам. Предпочтительнее продажа, а ее будет легче осуществить, если права владельцев поставлены под сомнение. Если первыми здесь побывали скандинавы, то это может потрясти мировую политику. Главное — выяснить, каково истинное положение дел, и в идеале нам лучше узнать это раньше французов, испанцев или англичан. Вот, господа, почему вы вправе рассчитывать на мою поддержку вашей исследовательской экспедиции... Впрочем, если вы оправдаете мое доверие. Я надеюсь, Итан, что на первом месте у вас преданность своей родине?

— Безусловно.

На самом деле на первом месте у меня стояло самосохранение, но оно, видимо, завершало список человеческих приоритетов.

— Ваши исследования, я надеюсь, обеспечат нас сведениями, на основе которых продолжит разведку капитан Льюис, если мне удастся убедить Конгресс в необходимости субсидирования более основательной экспедиции.

— И насколько масштабным может стать такое предприятие?

— Хотелось бы снарядить команду, человек двадцать или сорок, обеспечив их несколькими тоннами научного и бытового снаряжения.

— Впечатляюще. А много ли людей отправятся в поход со мной?

— Пожалуй, на мой взгляд, хватит и одного. Магнуса Бладхаммера.

Норвежец ослепительно улыбнулся.

— Только одного?

— Мне нужно, чтобы вы двое быстро и не привлекая внимания провели предварительную разведку.

— А каково будет обеспечение нашего похода?

— Я готов предоставить вам сотню долларов и рекомендательное письмо к недавно завоеванным нами фортам Детройт и Мичилимакинак, где вы сможете получить защитный эскорт. Я полагаю, что до Великих озер вы доберетесь водными путями, а дальше будете действовать по обстоятельствам. Если удача будет вам сопутствовать, то вы завершите ваши изыскания за один сезон, вернетесь к нам с докладом, и тогда мы откорректируем наши планы относительно экспедиции Льюиса и договора с Наполеоном. Если вы вернетесь живыми...

— Я надеялся на более существенную помощь, — проворчал я, сделав изрядный глоток вина.

— Я только что вступил в должность, к тому же Адамс оставил дела в полной неразберихе. Пока это самое большое, на что способна наша Америка. К счастью, Гейдж, вы патриот!

— Имеется в виду, что все найденные вами в нашей земле ценности будут принадлежать Соединенным Штатам, — добавил Льюис.

— Нет, если мы найдем их за границами вашего государства, — возразил Магнус. — И если скандинавы зашли дальше, чем ступала до сих пор нога хоть одного американца. То есть, возможно, господа, мы сделаем находки в норвежских владениях...

Последние слова Магнуса произнес с поистине удивительной многозначительностью.

Джефферсон улыбнулся. Магнус попался на удочку.

— Значит, вы полагаете, что ваши ценные и даже бесценные находки явятся неоспоримым доказательством средневековых норвежских изысканий?

— Да, а такие артефакты по праву принадлежат мне и моей стране. И конечно, Итану. Я неправильно выразился, Гейдж?

— Там могут встретиться лишь проржавевшие безделицы, — поспешно уточнил я. — Древние наконечники копий. Или потерянные старые монеты да погнутые гвозди.

Не стоило упоминать о магических молотах, за которые могли потребовать царский выкуп.

— Надеюсь, я поддерживаю исследователя, а не охотника за сокровищами, Гейдж.

Я изобразил легкое негодование.

— Мне казалось, что мы заслужили ваше доверие. Сохранив тайну, я доставил вам сообщение о франко-испанском договоре в Луизиане. Магнус только что показал бесценную карту. Мы доверились вам, господин президент, и лишь просим в ответ вашего доверия.

— Хорошо сказано. Мы все партнеры, господа, в одной из величайших исторических авантур. Итак, я предоставляю вам полномочия. Вашими противниками могут быть лишь канадские британцы, луизианские испанцы и французы, ну и еще ужасающе дикие края, исполинские животные и враждебные индейские племена. Но ведь со всем этим вы уже

сталкивались и прежде?

— На самом деле, я думаю, нам понадобится пара сотен долларов.

— Вернитесь живыми с полезными сведениями, и я заплачу вам еще три сотни. Но для начала вам придется обойтись только сотней. Я уверен, что меткие стрелки вроде вас сумеют раздобыть себе пропитание.

Мы вышли на улицу уже в сумерках, в голове моей кружились мысли о лохматых слонах, затаившихся индейцах, злых духах, солевых горах, отягченные обычными сомнениями в состоянии моих финансов. Что ж, я опять попался на крючок.

— Ты нашел себе собрата-мечтателя, Магнус, — заметил я, когда мы, стоя перед особняком президента, смотрели на горящие за его окнами свечи. — Я ожидал от него большего скептицизма.

— Итан, Джефферсон хочет использовать нас так же, как Бонапарт. И так же, как мы хотим использовать их! В общем, мы посмотрим на пресловутую Луизиану и позволим им подражаться за нее, если они пожелают, — произнес он чрезвычайно деловым тоном, совершенно не похожим на восторженный голос столь привычного мне норвежского мечтателя. — Что до нас с тобой, если мы найдем молот Тора, у нас будет шанс изменить весь этот мир!

Его глаз полыхнул в сумерках таинственным огнем.

— Изменить мир... — уныло повторил я, думая, что мы всего лишь хотим извлечь из этого мира выгоду.

— Преобразовать его. Ты даже не представляешь, что тут поставлено на кон.

— Что преобразовать-то?

Он похлопал по чехлу с картой.

— Человеческую сущность.

И я в очередной раз задумался, кто же, в сущности, такой мой новый напарник.

Глава 16

Для нашего путешествия на Запад Магнус запасся мушкетом, который можно было использовать и как охотничье ружье, и большим обоюдоострым топором, повесив его за спину на манер скандинавских берсеркеров. Явно испытывая удовольствие, он долго затачивал, смазывал маслом и полировал куском ткани лезвие.

— Джефферсон подал мне хорошую идею! — воскликнул он. — С моим топориком и твоим легким томагавком у нас не будет проблем с разведением костра.

С разведением костра? Да с таким богатырским топором легко устроить адское пекло, вырубив половину лесов в долине Огайо, причем его лезвие вполне может заменить нам и обеденный столик.

— К тому же, если мне взбредет в голову побриться, он послужит сносным зеркалом. — Магнус взялся за топориче и пристально осмотрел лезвие. — Хотелось бы мне еще обзавестись палахом.

Он так разволновался, что у меня возникли серьезные опасения.

Мы решили двинуться на северо-запад, к верховьям Потомака, потом через Аппалачские горы по дороге, изначально проложенной английским генералом Брэдкоком, до его злосчастного поражения в ходе войны с французами и индейцами. Далее мы планировали спуститься в Питтсбург, стоявший у слияния рек Мононгахела и Аллегейни, оттуда направиться по руслу Огайо к Великой тропе, проложенной индейцами к озеру Эри, и уже там, в пяти сотнях миль от Вашингтона, переправиться на лодке в крепость Детройт. Следующие пятьсот миль до отмеченной на карте Бладхаммера неизведанной пустыни мы рассчитывали пройти по озерам Гурон и Верхнему.

Оставив позади Потомак, мы заметили исчезновение окрашенных строений, первого признака цивилизации. В предгорьях фермерские дома выглядели однообразными, выветренными и омытыми дождями деревянными постройками; ошкуранный строевой лес

превратился в обтесанные бревна, плахи и доски. Холмистую местность прорезала дорога, по обе стороны от которой тянулись садовые участки, вытоптанные выгоны и белеющие на вырубленных склонах пни. Расползающееся под ногами, как овсянка, дорожное месиво извивалось и петляло затейливее, чем хитроумные доводы адвоката, а оживленное передвижение переселенцев, которым не приходило в голову заняться дорожным ремонтом, уже превратило эту просеку в сплошные рытвины и ухабы. Отовсюду валили клубы дыма, в тяжких трудах фермеры пытались сжечь остатки леса, освобождая место для посевов. Но когда мы углубились в горы, следы цивилизации пропали вовсе. Унылые бурые зимние хребты, еще убеленные по утрам морозными сединами вершины маячили в тумане замысловатым лабиринтом скалистых стен. Днем в небе парили ястребы, а по ночам туда же уносился волчий вой. Порывистый ветер шевелил темный ковер прошлогодней листвы, шуршавшей как клочки бумаги. Казалось, лес что-то нашептывал нам, пытаясь поделиться сокровенными тайнами.

Огрубев и закалившись от новой походной жизни, в хорошую погоду мы спали под открытым небом, избегая кусачих цен и блох аппалачских постоянных дворов. Мы сооружали лежанки из веток, поедали незатейливый ужин из ветчины с кукурузными лепешками, запивали его речной водой и прислушивались к ночным звукам. Почки на деревьях набухали медленно, и через их сетчатые кроны на нас изливал сияющий свет усыпанный ослепительными звездами небесный полог.

Порой перед сном мы с Магнусом болтали о древних религиях, рассуждая о том, что прародитель каждой из них на веки вечные поселялся в небесах.

— Может, там же теперь и моя Сигни, — с задумчивой тоской произнес норвежец.

— Долго ли вы прожили вместе?

— Всего один год, — угрюмо ответил он и, помолчав, добавил: — Только тогда я был по-настоящему счастлив. Я полюбил ее в ранней юности, но моя семья забила мне голову легендами о богах и тайнах, поэтому я отправился в плавание на север на поиски тамплиеров, на тот далекий север, где светило незакатное холодное солнце, едва согревавшее морозный воздух. Я обнаружил такие глубокие и узкие горные шахты, словно в них обитали гномы, но там не оказалось никаких реликвий. Вернувшись, я узнал, что она уже вышла замуж, а потом я потерял глаз и попросту выкинул из головы все мысли о счастливой семейной жизни. Блаженство суждено очень немногим.

— Но хоть кто-то, по крайней мере, растревожил свою душу, — заметил я, вспомнив об Астизе.

— Потом я унаследовал родительскую ферму, а муж Сигни утонул, и против всех ожиданий она и ее семья сочли меня достойной партией для ее второго брака. Я считал себя изувеченным уродом, но она, Красавица, полюбила такое Чудовище. Когда она сообщила, что у нас будет ребенок, я испытал полнейшее счастье. Разорвав связи с Форн Сиор, я целиком посвятил себя домашнему хозяйству. А ты когда-нибудь испытывал счастье, Итан?

— Да, изредка мне выпадал часок-другой. Не знаю, по-моему, человеку не суждено слишком долго радоваться жизни. Как говорил Франклин: «Кто богат? Тот, кто доволен. А кто доволен? Никто».

— В данном случае твой наставник заблуждался. По его определению, я был богат, сказочно богат. Когда со мной была Сигни, меня не волновали судьбы Норвегии или тамплиеров. Но потом...

— Она умерла?

— Я погубил ее.

Я понял, что его навещают призраки не только в образе эльфов и гномов. Его лицо вдруг поблекло, словно сад зимой. От потрясения я не знал, что и сказать.

— Она умерла, пытаюсь родить моего ребенка.

— Магнус, — переведа дух, сказал я, — такое могло случиться с кем угодно.

— Соседи с издевкой называли меня Одином. Но в лавине обрушившегося на меня горя я узрел руку судьбы и понял, что жизнь еще не кончена. Я подумал о поисках древними

рыцарями Грааля, той реликвии, что могла предотвратить страшные несчастья, и осознал, что мне, подобно нашему древнему богу, суждено скитаться по миру, суждено жить в тяжких поисках новых знаний. Я отправился в это путешествие в честь памяти Сигни. Вот почему я не разделяю твоего интереса к женщинам.

— О!

В который уже раз я почувствовал себя более легкомысленным, но зато и более защищенным. Невозможно потерять то, чем не рискуешь, включая сердце.

— Наверняка она не стала бы возражать против повторного брака. Она же сама так поступила.

— Нет, я отказался от своих стремлений, и ее погубило мое эгоистичное желание счастья. Теперь во искупление грехов я должен завершить изыскания здесь, на американском Западе.

— Во искупление! Зачем же ты увлек с собой мою невинную душу?

— Тебе тоже нужна была высшая цель в жизни. Я заметил это в Морфонтене, где все вы чревоугодничали, играли в карты и прелюбодействовали. Я же спас тебя, хотя ты этого пока не оценил.

— Но наши поиски ведут в неизведанные дикие края, — раздраженно заявил я, махнув рукой в сторону зиявшей внизу бурой впадины, затянутой непроницаемой туманной муťou.

— Нет. В тех краях мы найдем земной рай, — возразил он, выпуская в морозный воздух облачка пара.

— Мне всегда представлялось, что в раю несколько теплее, — съязвил я, кисло глянув на моего вербовщика.

Я натянул одеяло на голову, потому что вдруг почувствовал себя неуютно после его горестного рассказа. Пылкий юноша вдруг превратился в тысячелетнего старца, а дикий лес, казалось, ожил и настороженно наблюдал за мной.

— А ты, Итан, когда-нибудь задумывался о том, где находится Эдем?

— Не особенно, — буркнул я, сознавая, что мой напарник — совершеннейший безумец.

— Ну ведь где-то он должен был находиться. А что, если нам вновь удастся найти его?

— Если я правильно помню написанное в священных книгах, Бладхаммер, то ворота в эту частную обитель накрепко закрыты, — проворчал я. — Не забывай о змее-искусителе, Еве, яблоке и всех прочих грехах.

— А вдруг эти ворота можно вновь открыть?

— Божественным ключом?

— Молотом Тора.

— Тогда держись подальше от яблочных пирогов, — отвернувшись от него, сонно пробормотал я, закрыл глаза и унесся в царство Морфея.

На следующее утро Магнус выглядел на редкость радостным, словно весь наш полуночный разговор пригрезился мне в ночном кошмаре. Не вспоминая о бедной Сигни, он весело болтал о суровой сумеречности наших лесов, так разительно отличающихся от норвежской тайги. Казалось, этот сумасброд с легкостью забывал собственные фантазии. Но как только мы оседлали лошадей, он хитро глянул на меня.

— Держи! — крикнул он, бросив мне что-то.

В руках моих оказалось яблоко, сохранившееся с прошлогоднего урожая и купленное на вашингтонском рынке.

— Подкрепись, — добавил он, усмехнувшись.

— С удовольствием, — ответил я, вгрызаясь в еще твердую яблочную плоть. — По-моему, я не стал мудрее.

— Мы просто пока не нашли правильное дерево.

Итак, мы поехали дальше. Дожевывая яблоко, я забросил огрызок в весенний лес, где вскоре могли вырасти молодые яблоньки.

В дождливую погоду нам приходилось снимать жилье в убогих придорожных ночлежках, неизменно тесных, прокопченных, зловонных и шумных. Для тепла их постояльцы ложились спать по двое, и ночную тишину то и дело прорезали звуки проклятий, ругани, кашля, плевков и выпускания газов. На рассвете все мы, подобно обезьянам, выискивали друг у друга насекомых и платили непомерную цену за типичный завтрак американских переселенцев, состоявший из соленой свинины, маисовой похлебки и разбавленного водой виски. За всю дорогу от Джорджтауна до Питтсбурга мне не удалось увидеть ни чистой кружки, ни привлекательной хозяйки.

Спасаясь от тоски, Магнус завел привычку рубить гостиничные дрова своим здоровенным топором, всякий раз зарабатывая в аккурат на шестипенсовую буханку хлеба. Иногда я составлял ему компанию и сидел рядышком, поглядывая с тем же настороженным и почтительным трепетом, с каким наблюдают за разыгравшимся на арене быком, как бугрятся его могучие мускулы, а порой даже давал обычно игнорируемые им советы. Отказываясь участвовать в рубке, я предпочитал складывать поленья.

— Странно, что ты, хоть и испытываешь видимое отвращение к практике боевых искусств, умудрился стать героем Акры и Маренго, — добродушно поддразнил он меня однажды.

— А для человека, рассчитывающего стать властителем мира, ты слишком охотно берешься за грошовую хозяйственную работу. Перестраховываешься, что ли?

По прошествии девяти дней тяжелого перехода мы с облегчением спустились с суровых холодных гор на равнину, уже покрывшуюся пушком молодой зелени. В плане Питтсбург представлял собой треугольное поселение с тремя сотнями домов на пятнадцать сотен душ, и вершина его треугольника упиралась в берег Огайо, где сливались потоки Мононгахелы и Аллегейни. Старый английский форт на мысу давно обветшал, кирпичи растащили для строительства новых домов, а земляные валы крепости размыли половодья. Сам бурно развивающийся городок скрывал за завесой угольного дыма суматошную деятельность небольших судоверфей и лесопилок, а также канатных, стеклодувных и скобяных мастерских. Ароматы его курятников, коровников и конюшен разносились на пару миль, и свиней на улицах копошилось не меньше, чем людей. Чтобы арендовать судно, мы с трудом спустились с обрывистого крутого берега и по деревянным мосткам, проложенным по заливному лугу, добрались до глубоководного русла Огайо.

Пройдя миль двадцать, баржа доставила нас вместе с лошадьми в низовья Огайо, к началу Великой тропы,¹⁴ разъезженной дороги, ведущей на север. Лет десять назад эти индейские края считались весьма опасными, но после победы в битве у Фоллен-Тимберс,¹⁵ где индейцев быстро разбили благодаря поваленным деревьям, эта дорога стала главным путем переселенцев. Войны, болезни и слабость покалеченного населения довели племена делаваров и виандотов до нищеты, а встречавшиеся нам по пути грязные и истощенные индейцы имели мало сходства со знакомыми мне по прежним охотничьим вылазкам

¹⁴ Известная индейская тропа, которая шла вдоль северного берега реки Огайо к району современного города Детройта, штат Мичиган. Вдоль нее располагались индейские деревни и поселения американцев в период раннего Фронтира. В XVIII веке она считалась самой важной дорогой к северу от реки Огайо и сохраняла свое значение вплоть до постройки Камберлендской дороги, канала Эри и железной дороги.

¹⁵ **Битва у Фоллен-Тимберс** (буквально: у поваленных деревьев) произошла 20 августа 1794 г. около реки Моми в Огайо между силами генерала Уэйна численностью 1,3 тыс. человек и объединенным отрядом индейцев — делаваров, шауни, оттава, майами и др. общей численностью 800 человек под предводительством вождя Синий Камзол. Поваленные ураганом деревья на поле боя мешали индейцам маневрировать, сражение закончилось через два часа их поражением. Это положило конец сопротивлению индейцев в долине реки Огайо и привело к заключению Гринвиллского договора 3 августа 1795 г.

гордыми и крепкими воинами. Неужели индейцы обречены на вымирание, как доисторические мастодонты? Магнус приглядывался к ним с большим интересом.

— Потомки Израиля, — пробормотал он.

— Я побывал в Палестине, но мне даже в голову не пришла бы версия подобного переселения.

— А Джефферсон допускал, что здесь могли поселиться потерянные колена Израилевы.

— Магнус, это же вымирающая раса. Посмотри на них! Мне очень жаль, но это правда.

— Если это правда, то нам предстоит столкнуться с неожиданными и еще более ужасными утратами. Этим людям, Итан, известно то, о чем мы сами давно забыли.

— И что же, к примеру?

— Прошлое. Законы истинного бытия. И тайны живого незримого мира. Ученые полагают, что они общаются с миром духов. Возможно, в своих скитаниях Тор встречался с их духом, Маниту; они, вероятно, обладали сходной божественной сущностью. Политическая система и свод законов Лиги ирокезов вдохновляли Франклина, когда он придумывал вашу Конституцию. А Джонсон восхищался их ораторским искусством.

— Однако же в нашей последней гостинице их описывали как вороватых пьяниц, бездельников и охотников за скальпами. Пионеры ненавидят индейцев, Магнус. Тот торговец виски показал мне табачный кисет, сделанный из мошонки пленного солдата. Своих женщин индейцы называют «скво», что в переводе на наш язык означает «дрянь» или «сука». Европейцы сражаются с туземными племенами уже больше трех столетий.

— Если страх ослепляет нас, то это не значит, что индейцы ничего не видят.

Следы новых поселенцев теперь виднелись повсюду, леса нещадно вырубались, и дымные столбы костров коптили небо по всей территории Огайо, словно из самой этой речной долины решили приготовить похлебку. Любой захудалый европейский переселенец мог притащиться сюда, окольцевать веревкой деревья, выкорчевать их, засеять застолбленный участок, выпустить в луга своих свиней и гордо назваться землевладельцем. В лачугах этих фермеров, окруженных грязными дворами, едва разместились бы французская спальня, их дети совсем одичали, а женам доставалось столько тяжелой работы, что к двадцати годам они теряли всю привлекательность. Зато человек обрел свободу. Он жил на своей земле, копаясь в потемневшем суглинке. Цивилизация, казалось, замучила даже речные берега Огайо, безжалостно сдернув с них природные покровы. Мне подумалось, что Джефферсон имел слишком пессимистичный взгляд, предположив, что для заселения центральных западных равнин понадобится много времени. Мы проехали по территории, где обосновалось уже пятьдесят тысяч человек, и, останавливаясь в тавернах или снимая на ночь фермерский сарай, везде слышали разговоры о праве на получение статуса штата.

— Из-за этого беспорядка Новая Англия выглядит как большая каменная свалка!

Хотя территория Огайо покрывалась все новыми вырубками, там сохранились обширные участки девственного леса, где продолжалась первобытная жизнь. Дубы, буки, гикори, каштаны и вязы, уже набухшие зелеными почками, вздымали свои кроны на высоту до полутора сотен футов. Древесные стволы достигали такой толщины, что мы с Магнусом, взявшись за руки, не могли обхватить их. На мощных ветвях запросто можно было устроить танцы, а дубовая кора так сморщилась, что в ее складках легко мог затеряться серебряный доллар. Возвышающиеся, как соборные купола, раскидистые кроны сливались друг с другом, и порой взлетающие с них огромные птичьи стаи, словно тучи, надолго загораживали солнце, оглашая окрестности дребезжащим многоголосьем. Эти деревья казались не только старше нас и индейцев, но старше самих лохматых слонов. Они наводили на мысль о злых духах, упомянутых Джефферсоном.

— Ну надо же, — удивился Магнус, — из одного такого дерева можно построить целый дом.

— Точно, а я сам видел, как целые семьи во время строительства своих лачуг жили в древесных дуплах, — добавил я. — Может, эти исполинские дубы видели еще ваших

скандинавских первооткрывателей.

— Может, они современники самого Иггдрасиля. Одному только богу известны названия всех произрастающих тут деревьев. Возможно, именно поэтому, Итан, сюда и стремились тамплиеры. Они осознали, что в этих краях находится древний рай, где люди жили в гармонии с природой.

Мне его предположения показались весьма сомнительными. Я знал, каковы европейцы, и не мог представить, что какие-то бледнолицые мореплаватели, прибыв в Америку, не уподобились нашим переселенцам, стремившимся превратить патриархальные девственные леса в засеянные поля. Таковы уж нравы цивилизации.

— Как ты думаешь, почему деревья здесь такие огромные? — спросил Магнус.

— Может быть, на них влияют электрические силы.

— Электрические?

— Французский физик Пьер Бертолон в тысяча семьсот восемьдесят третьем году соорудил так называемую электрическую машинку, способную собирать силу молний и преобразовывать ее в силу полевых растений, причем их рост, согласно его заметкам, значительно ускорился. Нам пока известно, что молния способна раскалывать деревья, но, возможно, насыщенные электричеством грозы также помогают им и расти. Атмосферные явления в Огайо, наверное, отличаются от европейских гроз.

Наконец, переправившись через залив Сандаски у входа в озеро Эри, мы увидели безграничную водную гладь.

— Это не озеро, а настоящее море!

— Оно тянется на три сотни миль, Магнус, но здесь есть озера и побольше. Чем дальше мы будем продвигаться на запад, тем больше будут эти водоемы.

— И ты еще удивляешься, почему скандинавы отправились туда? Мои предки были способны на великие дела.

Зачерпнув ладонью воду, он попробовал ее, убедившись, что мы действительно прибыли к обширному пресному источнику. Озерное дно просматривалось до глубины сорока футов. Как и планировали, мы продали там наших лошадей и отправились в Детройт на шхуне под названием «Галлвинг»,¹⁶ поскольку сухопутные дороги здесь терялись в почти непроходимом Черном болоте, отделявшем Огайо от Северо-Западной территории. Мы пересекли озеро Эри, прошли по руслу питаемой им реки Детройт и высадились возле долгожданной и знаменитой крепости. Там, флиртуя с одной дамой, я нашел для нас более удобный путь на запад.

Я умею заводить знакомства с приятными людьми.

Глава 17

К нашему прибытию форт Детройт простоял уже сотню лет, но всего лишь последнее пятилетие над ним развевался американский флаг. Основанный французами опорный торговый порт позже отвоевали британцы, но им тоже пришлось сдать его в конце американской Войны за независимость, и теперь наша крепость высилась на обрывистом высоком берегу короткой и широкой реки Детройт, соединявшей озера Эри и Сент-Клэр. Новое укрепление, вмещавшее около тысячи человек и три сотни домов, расположилось за двенадцатифутовым частоколом. На другом берегу начинались владения Канады, и полощущийся там на ветру британский «Юнион Джек» напоминал о бывших владельцах.

Несмотря на политические разногласия, на реке шла оживленная торговля. Экономика Детройта основывалась на пушнине и сельском хозяйстве с норманнскими, оставшимися в наследство от французов, фермерскими усадьбами, раскинувшимися на двадцать миль как по американскому, так и по канадскому берегам.

¹⁶ «Крыло чайки» (англ.).

— Это смешанный городок, — поведал нам Джек Вудкок, шкипер нашего судна. — Тут можно встретить потомков французов, которые обосновались здесь почти так же давно, как индейцы, и проделали львиную долю работы по освоению этих берегов. Шотландцы заправляют пушной торговлей. Американский гарнизон набран в основном из переселенцев, не годных ни к каким другим занятиям. И есть еще принявшие христианство индейцы, племена, живущие за счет торговли, темнокожие слуги и свободные поселенцы, а за рекой копошатся британцы, поджидая удобного случая, чтобы отвоевать крепость обратно.

— Понятно, каждому лестно приобщиться к славным достижениям Соединенных Штатов!

— Французов, как и нас, здесь даже меньше, чем британцев. Они собрались в Сент-Клэре. Детройт уже потерял половину своего населения.

Под обширными небесами раскинулась обширная равнина речной долины, щедро заливаемая ярким апрельским солнцем. Красиво смотрелись высившиеся повсюду ветряные мельницы, их лопасти лениво поворачивались на фоне гонимых ветрами весенних облачков.

— Эта равнинная земля похожа на блин, здесь нет речных быстрин для получения водной энергии, — пояснил наш капитан. — Мы похожи на скопище чертовски деловитых голландцев.

Снаружи под стенами теснились конусообразные, обтянутые корой и шкурами вигвамы и односкатные навесы, используемые согнанными с насиженных мест индейцами, которые старались держаться поближе к форту. Наше судно причалило к длинной деревянной пристани у подножия обрывистого берега, где бродили вороны, а кружащие низко чайки высматривали рассыпанные на земле семена и зерна. У причала толпились ряды привязанных шлюпов, каноэ, плоскодонок и барж, и ведущие на берег мостки скрипели и стонали под топочущими сапогами и перекачиваемыми бочками. Местное общение проходило на смеси английского, французского и алгонкинского языков.

— Мы не прошли еще и полпути до знака молота, — с удивлением сказал Магнус, сверяясь с купленными им в Нью-Йорке картами.

— Будет быстрее и легче, если нам удастся продолжить путешествие по воде, — сказал я. — Мы предъявим командиру гарнизона рекомендательное письмо Джефферсона и попросим военный транспорт до Гранд-Портиджа. В конце концов, нас послало сюда американское правительство.

От пристани к воротам форта вел грязный пандус, сколоченный из толстых распиленных бревен. Нескончаемым потоком, как вереницы муравьев, жители сновали вверх-вниз, не только перетаскивая товары с кораблей и каноэ и обратно, но и доставляя в городок свежую воду. По словам Вудкока, колодцы стали слишком грязными из-за городской канализации.

Три четверти местных жителей походили либо на французов, либо на индейцев. Лица первых, обрамленные длинными темными волосами, побронзовели от загара, почти как у местных туземцев. Французы носили подпоясанные рубахи и штаны из оленьей кожи, дополняя наряд шейными платками и головными уборами в виде ярко-красных шапок или простых узких повязок. Эти люди излучали радостное оживление, напомнившее мне, хотя и отдаленно, суету парижских улиц. В отличие от них индейцы стояли или сидели, закутавшись в одеяла, и с вялым, безропотным любопытством наблюдали за лихорадочной деятельностью пришельцев. Они оказались беженцами в своей собственной стране.

— Сюда стекаются только пьяницы да больные, — сказал капитан. — Остерегайтесь подхвативших всякую заразу скво.

— Невелико искушение, — сказал я, глянув на приземистых и грязных индианок.

— Не зарекайтесь, вот проживете здесь с полгода, тогда посмотрим, как вы запоете.

В крепости теснились побеленные бревенчатые дома, а в центре возвышалась большая католическая церковь.

— Штабные живут в той стороне, — сказал Вудкок, сопроводив слова указующим жестом. — Я обычно останавливаюсь в таверне.

Он скрылся в лачуге, явно пользующейся наибольшей популярностью.

Три сотни недисциплинированных солдат служили под руководством западного командования сухопутными войсками.

Штаб разместился в прочном, сложенном из бруса здании, которое поблескивало мелкими рифлеными стеклами, вставленными в сложную рамочную конструкцию. О его служебном назначении свидетельствовал флагшток со звездно-полосатым флагом. В дверях не было никакой охраны, поэтому мы без приглашения прошли в небольшую приемную, где седой сержант мрачного вида горбился над объемистым гроссбухом. Мы поинтересовались, на месте ли Самуэль Стоун, здешний начальник, к которому нам посоветовал обратиться Льюис.

— Полковник опять на кладбище, — не слишком внятно и задумчиво пробурчал сержант сквозь жесткую щетку седых усов, покачивая испачканным в чернилах гусиным пером, как дротиком, словно размышлял, куда же лучше направить сие орудие.

Ему изрядно не хватало военной выправки Мериветера Льюиса, и он так косил глазом на бухгалтерскую книгу, будто впервые в жизни видел буквы и цифры. Наконец он нацарапал там какое-то имя.

— А что, у вас здесь свирепствует эпидемия?

— Нет, очередная перестрелка. Нашим орлам не с кем воевать, вот они и постреливают друг в друга. Полковник как раз запретил дуэли, но как только он соберется наказать за них провинившихся, так половина уже мертва, а вторая половина покалечена или зализывает раны. Кроме того, он и сам задира не промах. Говорит, что драки поддерживают боевой дух.

— Черт побери! И каковы же ваши потери?

— Пока полдюжины. Да это пустяки, мы потеряли гораздо больше, если считать всех утопленников, жертв малярии, чохотки, заразных скво, скверной воды и враждебных вылазок индейцев. По мне, так лучше умереть как герою, от ран на поединке, чем от дизентерийного кровавого поноса.

— Мы прибыли сюда по заданию президента Джефферсона, — произнес я тоном, который, по моему мнению, выражал всю серьезность задания и мое собственное важное положение. — Скоро ли вернется полковник?

— Может, и скоро. Если захочет...

— Что значит, если захочет?

— Полковник живет по своему личному расписанию.

— У нас есть письмо от президента с указанием предоставить нам гарнизонные транспортные средства. Вы еще не получили уведомления о нашем прибытии?

— Вы имеете в виду с почтой? О вашем прибытии? — Он отрицательно покачал головой. — А далеко ли вы направляетесь?

— Дальше по Великим озерам.

— По озерам? В Гранд-Портидж?

— Да.

— Там заправляют «красные мундиры»,¹⁷ парень. — Он глянул на Магнуса. — Ваш приятель похож на шотландца. Спросите его. В их руках и Северо-Западная компания. Вы тоже, что ли, из «красных мундиров»? В их распоряжении к тому же все грузовые каноэ.

— Магнус прибыл из Норвегии, и нам нужно американское судно. Не сомневаюсь, что у вас тут есть парусники, чтобы довести нас до пролива Макино.

— Скорее уж тоже каноэ. У нас тут нет американских кораблей. — Он посмотрел на нас как на идиотов. — Разве вы не видели эту реку? У нас нет никакой флотилии. И вообще мы принадлежим к сухопутным войскам.

Да, так мы ничего не добьемся.

— Очевидно, нам лучше переговорить с полковником.

¹⁷ Прозвище английских солдат.

— Это ничего не изменит, — бросил он, пожав плечами, и оглянулся, словно удивившись, что за его спиной не сидит полковник, впрочем, в комнате вообще больше не было стульев. — Если хотите подождать его, можете посидеть на крыльце. Или заходите завтра. — Он поерзал на стуле, приподнял задницу и со звуком пушечного выстрела выпустил газы. — Простите. Сигнал утренней побудки.

Выйдя из штаба, мы прогулялись по Детройту, обсудив его покосившиеся бревенчатые домики, замшелые крыши и грязные улочки.

— Если это наши оборонные сооружения, то не стоит винить капитана за то, что он направился в таверну, — сказал Магнус. — Давай присоединимся к нему и вновь попытаем счастья через часок-другой, когда зароят все могилы. Может, полковник Стоун окажется все же пошустрее мертвецов.

Мы решительно направились к таверне, и по пути наблюдательный Магнус отметил зловонное великолепие подсушивающихся шкур, а я посетовал на явную нехватку бледнолицых женщин. Нам попалось несколько миловидных индианок, но смешанные туземно-французские наряды выдавали в них невест французов. Более юные девушки походили на метисок или полукровок.

Уже подходя к таверне, мы услышали чей-то крик:

— Поберегись!

Какой-то парень отпихнул нас к стене свечной лавки, и черное пушечное ядро, на вид четырех фунтов, вылетело с поперечной улочки и со свистом пронеслось по тому месту, где мы только что стояли. Оно исчезло между домами, и вскоре последовал грохот и треск падающего дерева.

— Простите за грубое вмешательство, — сказал наш спаситель, — но вы по неведению попали на линию огня. Сломанные ноги стали привычным явлением в Детройте, сам этот городок скоро развалится от таких игрищ. Ходят, конечно, разговоры о строгом запрете.

— Но я не слышал выстрела пушки.

— А она и не стреляла, это был бросок сильно раскрученного ядра. Все просто одержимы игрой в эти своеобразные шары, а в бесконечных спорах о ее запрещении все готовы глотки драть, да только решить ничего не могут, почти как в вашем американском Конгрессе. Едва грязь на улице слегка высохнет или подморозит, молодежь тут же начинает бросаться ядрами. Как говорит наш полковник Стоун, надо же им чем-то заняться.

— И игроки никого не предупреждают? — спросил Магнус.

— Мы привыкли следить и ловко подпрыгивать в случае необходимости. — Он взглянул на меня с интересом. — Послушайте! А не вы ли стали героем Акры?

— Едва ли героем... — промямлил я, удивленный и озадаченный такой известностью.

— Ну да, Итан Гейдж! Какое замечательное совпадение! Мои аниматоры только что рассказывали о вас! Прошел слух, что вы направляетесь в наши края, ну а языками, как вы понимаете, у нас все помолоть любят. Вот и ломали мы тут головы, каким может быть ваше следующее задание! А вы вдруг возьми и заявись сюда собственной персоной! Нет-нет, не возражайте, мне говорили о шикарной винтовке и нескладном спутнике-богатыре!

— Это Магнус Бладхаммер, уроженец Норвегии. А кто вы, из каких краев?

— О, простите! От волнения я забыл правила хорошего тона!

Раздались ликующие возгласы, и очередное пушечное ядро, подпрыгивая, пронеслось мимо нас.

— Николас Фитч, секретарь лорда Сесила Сомерсета, совладельца Северо-Западной компании. Он остановился в Сэндвиче на другом берегу реки, в доме Даффа, вместе со своей кухней Авророй. Ему очень хотелось познакомиться с вами. Чертовски интересно было бы узнать о той заварушке в Акре. И сам он вроде изучает древние фортификации. Да еще знаком с небезызвестным вам Сиднеем Смитом.

— Мы хотели встретиться с полковником Стоуном и договориться насчет похода по озерам.

— О, сегодня вам вряд ли удастся повидать Стоуна. После похорон он обычно

отправляется на охоту. Говорит, что стрельба по белкам улучшает настроение. И в любом случае все передвижения на север здесь контролируют англичане. Прошу вас, будьте нашими гостями... мы устроим славную вечеринку. У нас тут, знаете ли, собирается избранное общество местного разлива: торговцы, фермеры, вожди. Кстати, и лорд Сомерсет держит путь на север. Возможно, мы будем полезны друг другу! — с улыбкой закончил он.

Что ж, в числе прочего мне поручили разнюхать, каковы намерения британцев на западе. А для этой цели лучше всего посетить их прием, где выпивка превосходно развязывает языки.

— С удовольствием, если вы не возражаете против потрепанных дорогой путешественников.

— У нас вы сможете также принять ванну! — Он подмигнул. — Разумеется, вам стоит почистить перышки перед знакомством с Авророй!

Глава 18

На канадском берегу высился трехэтажный особняк Александра Даффа, побеленное здание торгового дома, который своим видом утвердил в этих диких краях британскую чопорность, произведя неизгладимое впечатление на французских вояжеров, индейских вождей и шотландских вкладчиков. Фасад украшали величественные окна и крыльцо с фронтоном, а парадные интерьеры изобиловали массивными столами красного дерева, обтянутыми парчой стульями, шелковыми портьерами, оловянными канделябрами, изысканным фарфором, свинцовым хрусталем и увесистым столовым серебром с рукоятками из слоновой кости. Старинные вещи претендовали на связь с империей куда более основательно, чем установка флага.

Нас с Магнусом приветствовал сам Александр Дафф, сообщив заодно, что наше случайное прибытие удачно совпало с назначенным на сегодняшний вечер собранием местной знати, после чего он показал нам стоявшую поблизости баню, где мы могли привести себя в презентабельный вид. Я подстригся по республиканской моде, и Магнус подровнял бороду, разросшуюся как у библейских проповедников. После путешествия наша обувь выглядела столь потрепанной, что Дафф предложил нам новые, расшитые бисером мокасины, удивительно мягкие и удобные.

— Самая лучшая обувь для плавания в каноэ, — заметил он.

Затем нам предложили взбодриться виски, усиленным бренди, и к тому же разожгли наш аппетит знатным портвейном. Что было весьма уместно, учитывая потрясение при виде собирающейся компании. Я не ударил в грязь лицом, беседуя с прибывшими в первых рядах английскими и шотландскими капитанами пушных судов, немецкими евреями и французскими владельцами грузовых каноэ, которые, как того требовали местные традиции, оставили своих туземных женушек на заднем крыльце. По меркам переселенцев разделились они в пух и прах, щеголяя высокими, богато расшитыми бисером мокасинами, украшенными вышивкой кушаками, шелковыми жилетами и головными уборами с перьями, а сами при том излучали развязную самоуверенность, подкрепленную наглым добыванием денег в новых западных землях.

В главном зале уже стало жарковато, тесновато и шумно от толпившихся гостей и их возбужденного смеха, когда вдруг прибыла странная троица. Открывшаяся дверь вызвала легкий сквозняк, веселье споткнулось, а гости попяtilись к стенам, освобождая центр зала, словно прибывшие сановники считались очень важными либо заразными. В данном случае — на мой американский взгляд — справедливыми могли оказаться оба предположения.

Один горбоносый и сухощавый европеец с длинными волосами, выглядевший лет на шестьдесят, вырядился в кожаные индейские штаны со шнуровкой ниже колен, дикарскую набедренную повязку и длиннополый сюртук французского кроя из полинялого синего материала. На груди его поблескивал нагрудный знак, подобный серебристому полумесяцу, а из украшенных бисером ножен, висевших на поясе, торчала рукоятка охотничьего ножа.

Лицо его покрывала трехдневная щетина, а свирепость облика подчеркивали костяная вставка в носу и серебряные ушные подвески в виде наконечников стрел. Его небольшие желтоватые, глубоко посаженные глаза под густыми бровями постреливали в окружающих хищными взглядами.

Двое его высоких и статных спутников, несомненно, были индейцами высокого ранга. Один, близкий по возрасту к европейцу, носил черный европейский деловой костюм, а его чисто выбритую голову украшал гребень из оставшихся волос. Весь его оголенный череп и лицо с высокими скулами и римским носом отливало цветом кованой меди, на которой сверкали темные, как винтовочные пули, глаза. Его манеры излучали горделивое достоинство, и держался он с отменной выправкой.

Второй абориген в отделанном бахромой кожаном наряде выглядел лет на тридцать моложе, судя по струившимся по плечам черным волосам, и, очевидно, принадлежал к племени шауни. Если первый вождь имел отчужденный взгляд, то яркие, редкого орехового оттенка глаза последнего легко пробежались по всем гостям, а его цепкий взор, казалось, мгновенно проник в душевную суть каждого из нас. Его нос украшала подвеска из трех крошечных медных полумесяцев, а на груди блестел начищенный до блеска старинный орден короля Георга. Одно-единственное перо оттеняло его черную шевелюру, и сам он обладал особым волнующим магнетизмом, скорее врожденным, чем благоприобретенным. Интересно, что осмотр гостей он завершил на Магнусе, после чего сказал что-то своим спутникам.

— Текумсе¹⁸ говорит, что этот человек не похож ни на кого из вас, — перевел европеец.

— О да, этот богатырь прибыл из Скандинавии! — пояснил Дафф. — У нас есть и еще один новый гость, американец Итан Гейдж. Они хотят посетить земли к западу от Гранд-Портиджа.

— Американец? — Седовласый коршун, приклеившись ко мне хищным взглядом, быстрой скороговоркой пообщался со своими спутниками на туземном наречии.

Длинноволосый индеец сказал еще что-то, а толмач опять предложил нам перевод:

— Текумсе говорит, что американцы приходят куда хотят. И не уходят.

Собравшиеся рассмеялись.

— Не думаю, что меня порадовала бы такая перспектива, — холодно сказал я.

— Это Текумсе, вождь племени шауни, — представил Дафф. — Рожден в год кометы, поэтому говорят, что его имя также можно перевести как «летающая по небу пума». Он полагает, что земли вашей страны обширны и ее людям следует жить там, где они родились.

— А разве сам он не склонен к странствиям?

— Он имеет особые взгляды на географию и политику. Его спутник — знаменитый ирокез Джозеф Брент, а их толмач — фронтирский капитан Саймон Герти.

Герти?! Все явно ожидали моей реакции. К нам явился один из самых знаменитых негодяев в Америке, переметнувшийся на сторону индейцев во время войны и превзошедший своей известностью даже Дэниела Буна.¹⁹ Враги уверяли, что он с наслаждением пытается белых пленных. Сейчас он показался мне одичавшим стариком, но, с другой стороны, его воинские подвиги закончились покоем тому назад.

¹⁸ **Текумсе** (1768?-1813) — вождь шауни, объединитель племен долины реки Огайо и района Великих озер: делаваров, виандотов, нантикоков, чиппева, а также юго-восточных племен крик и чероки для сопротивления колонизации и передаче земель белым поселенцам. Собранные им силы были разбиты в его отсутствие в битве на реке Типпекану (1811). Текумсе ушел в Канаду, в войне 1812 года воевал на стороне англичан в чине бригадного генерала, погиб в битве при Чатаме на реке Темс.

¹⁹ **Дэниел Бун** (1734–1820) — герой Фронттира, участник борьбы за освоение Дикого Запада, охотник, строитель дорог, шериф округа; известен как один из самых деятельных первопроходцев начального периода передвижения колонистов на запад, в 1925 г. его имя занесли в национальную «Галерею славы».

— И что же Герти понадобилось здесь? — выпалил я.

— Здесь я живу, мистер Гейдж, — ответил он сам, — как и множество прочих верноподданных, согнанных со своих законных мест неким безумным мятежным ураганом. Меня вынудили стать беглым землевладельцем.

— Брент, как вам известно, также сражался за короля, — добавил Дафф. — Он прибыл сюда для переговоров с Текумсе. Все мы очень высокого мнения об этом молодом вожде.

Дурная слава Герти перелетела даже через Атлантику, и я не собирался любезничать с этим прохвостом.

— Вы предали ваш народ, как Бенедикт Арнольд.

Он в свою очередь глянул на меня словно на устрицу на блюде.

— Напротив, это мой народ предал меня. Я на вербовал много солдат для Континентальной армии, а мне отказали в звании только из-за того, что я воспитывался в плену у индейцев. Потом они решили предать помогавшие им племена. Но разве мне стоит объяснять что-то о переходах на сторону противника такому человеку, как Итан Гейдж?

Я вспыхнул. Жестокое стечение обстоятельств, а не предательство вынудило меня в Святой земле метаться между англичанами и французами, но это было чертовски сложно объяснить. Что, безусловно, давало Герти определенное преимущество передо мной.

— Господин Дафф, — овладев собой, сказал я, — я понимаю, что здесь, в Канаде, я всего лишь чужестранец и гость в вашем доме. И вы вправе приглашать к себе кого пожелаете. Но должен сказать, что если бы эта троица встретилась мне на реке Детройт, то, вполне возможно, им грозило бы суровое наказание, весьма суровое. Саймон Герти подвергал американских пленных жесточайшим пыткам.

— Треклятая ложь! — воскликнул Герти.

— Моим гостям отлично известна их репутация в Соединенных Штатах, Итан, именно поэтому они и живут в Канаде, — сказал Дафф. — Но Саймон прав, эти слухи несправедливы. Они попросту храбрые солдаты, которые сражаются за другие цели. Мистер Герти, в сущности, пытался спасти пленных от индейцев, а не пытал их. Он был и остается человеком чести, опороченным из-за глупости ваших собственных командиров, а затем оклеветанным людьми, которые пытались скрыть свои собственные ошибки. Наш совместный ужин сегодня проводится в честь всей воинской братии.

— Как в Валгалле, — подхватил Магнус, — где скандинавские герои сходятся на пиршество.

— Точно, — сказал Дафф, глянув на моего напарника так, словно сомневался в здравости его ума. — Я имею в виду также и вас, Бладхаммер, поскольку нам интересно узнать, каковы ваши цели. Лорд Сомерсет желает познакомиться с вами, а репутация Гейджа, как известно, сама аттестует его как храброго и, в общем-то, честного человека широких взглядов.

Несмотря на обидную прозрачность его намеков, мне не хотелось затевать спор, и я предпочел залить обиду вином.

— И где же сейчас лорд Сомерсет? — поинтересовался я чуть позже.

— Да вот же он!

Дафф оглянулся и посмотрел на лорда, который спускался из верхних покоев с таким видом, словно внизу его ждала коронация. Высокий, ладный и красивый аристократ в безукоризненном зеленом фраке и начищенных до блеска черных сапогах выглядел лет на сорок, его лицо обрамляла корона преждевременно посеребренных сединой волос, отстраненный взгляд парил над нашими головами, а изысканно вылепленный нос и чувственный рот придавали ему сходство с теми генеральскими бюстами, что стояли в вестибюле дворца Наполеона. Он, казалось, был рожден командовать, и под стать ему здесь выглядели только два индейских вождя. Движения Сомерсета отличались отточенной актерской выразительностью, и на боку его театрально покачивалась вложенная в ножны рапира. Что-то в его манере подсказало мне, что в отличие от многих аристократов он действительно умел пользоваться этим оружием.

— Почту за честь свести с вами знакомство, господин Гейдж. — Титул Сомерсета позволял ему не обмениваться рукопожатием. — Мой друг, сэр Сидней Смит, очень высоко отзывался о ваших способностях, несмотря на то что вы опять примкнули к французам. Насколько я понял, вы склонны скорее не к войне, а к колдовству. — Он добавил для собравшихся: — Господин Гейдж, судя по отзывам, как минимум владеет магией электричества!

— Какого еще электричества? — с подозрением спросил Герти.

— Его наставником был Франклин, а сам он заинтересовался и овладел силой молнии, божественного огня, — внушительно произнес Сомерсет. — То бишь он известен как исследователь, ученый и советник. Как приятно, господин Дафф, видеть в вашем доме столь благородное собрание. Каждый из ваших славных гостей героически отличился на своем поприще, но удивительно, что вам удалось собрать их всех вместе.

Черт побери, этот лорд оправдывал свой титул, и хотя я считал себя убежденным демократом, но невольно приосанился после его хвalebных слов. Я же сумел овладеть силой молнии!

— Также достоин почтения и спутник господина Гейджа, норвежский искатель приключений Магнус Бладхаммер, ученый-историк и собиратель древних легенд. Он сам потомок благородного рода, скажем так, угасшей ветви королевского рода. Я прав, господин Бладхаммер?

— Вы мне льстите. Я интересуюсь историей моей страны. И вы правы, род моих предков восходит к нашим древним королям, правившим до того, как Норвегия потеряла независимость.

Такого я еще не слышал. Неужели Магнус принадлежит к королевскому роду?

— И вот вы прибываете сюда, в эту американскую глушь, оставив за океаном родную Норвегию и ее прославленную историю, — заметил Сомерсет. — Или у вас иное мнение? В нашем мире, по-моему, можно найти самые удивительные взаимосвязи.

Текумсе вновь произнес несколько слов.

— Он говорит, что у большого норвежца знахарские глаза, — перевел Герти. — Он видит мир духов.

— Правда? — Прищуренный взгляд Сомерсета оценил норвежца с ювелирной точностью. — Значит, вы видите духов, Магнус?

— Я стараюсь не хлопать попусту глазами.

Гости вновь одобрительно рассмеялись, за исключением Текумсе.

Бокалы в очередной раз наполнились горячительными напитками, и вскоре общение стало более непринужденным, несмотря на мои опасения относительно того, что в любой момент Герти, Брент или Текумсе могут вытащить томагавки, издав завывающие воинственные кличи. Пограничные сражения времен Войны за независимость отличались немилосердной жесткостью, и воспоминания о зверствах не изгладятся за несколько поколений. Но в данный момент меня больше удивляло то, что два этих опытных и прославленных воина относились, видимо, едва ли не с почтением к их молодому спутнику, Текумсе, о котором мне еще не приходилось слышать. А кроме того, я размышлял о том, чего ради английского лорда занесло в этот медвежий угол на канадский берег реки, напротив которого расположился наш уединенный форт Детройт с его плохоньким гарнизоном. Небрежно прогуливаясь по залу, я подошел к Николасу Фитчу, тому секретарю, с которым мы познакомились в нашей крепости. Он уже изрядно захмелел и мог выболтать какие-нибудь полезные сведения.

— Вы не предупредили нас, господин Фитч, — с мягкой укоризной произнес я, — что здесь соберется *столь* интересное общество.

— Джозеф Брент давно зарыл топор войны.

— А молодой дикарь?

— Воинственный вождь, сражавшийся с вашими американскими войсками за территорию Огайо. Дважды выигрывал у вас сражения, до битвы у Фоллен-Тимберс. Но он и

не думал отказываться от своих планов. По-моему, он стремится превзойти славу вождя Понтиака,²⁰ объединив индейские племена к востоку от Миссисипи. В некотором смысле его можно назвать индейским Наполеоном.

— А вы, британцы, поддерживаете его планы по развязыванию войны в землях Фронтiera?

— Только мы, британцы, способны должным образом сдерживать пыл таких воинов, как Текумсе, господин Гейдж, — сказал лорд Сомерсет, подходя к нам.

Фитч, словно отлично вышколенный дворецкий, тут же ретировался.

— Мы можем стать для вашего молодого государства либо ближайшими друзьями, либо смертельными врагами, все зависит от вашей готовности установить разумные границы экспансии. На этом огромном континенте достанет места для всех — для британцев, индейцев и американцев, если мы будем жить на наших собственных территориях. Текумсе может угрожать войной, но только с нашей помощью. Он также может открыть путь к замечательному мирному соглашению... при условии, что ваш новый президент сумеет сдержать поток переселенцев.

— Но почему вы не учитываете претензии Франции? Около сорока лет тому назад британцы все-таки выжили французов из Канады.

— Ах. Ходят слухи, что Франция вернула себе право владения Луизианой. И вот приезжаете вы, только-только от наполеоновского двора, и, судя по всему, направляетесь в ту сторону. Странное совпадение, не правда ли?

— Я начинаю понимать, зачем меня пригласили на это собрание, лорд Сомерсет. Вам интересно, каково мое задание, а мне, в свою очередь, интересно, что вы, английский аристократ, делаете в этой глуши.

— В моей заинтересованности нет никакой тайны. Я вложил сюда кое-какие средства и хочу добраться до Гранд-Портиджа, дабы обсудить будущий союз с нашими бывшими конкурентами из Компании Гудзонова залива. Опять-таки, сотрудничество может оказаться более выгодным, чем конкуренция. Кстати, я слышал, что вы успели также поработать в пушной фактории Джона Астора?

— Всего лишь мелкой сошкой, не более того.

— И поэтому он отыскал вас в Нью-Йорке?

— Боже милостивый, неужели вы шпионите за мной?

— Нет необходимости. Географически этот континент имеет огромные размеры, но он чертовски невелик, если учесть скорость распространения слухов и доставки депеш, особенно для дельцов, связанных с пушной торговлей. Новости переходят из уст в уста со скоростью передвижения каноэ, а слухи разлетаются еще быстрее. Ознакомившись с сокровищами Сирии, Итан Гейдж решил махнуть к Великим озерам! Весьма любопытно. И судя по одному из слухов, вы спешно отбыли из Нью-Йорка после довольно зрелищного взрыва. К слову сказать, я не всецело доверяю подобным историям.

Он знал подозрительно много.

— Я люблю делать открытия.

— И вы их сделаете, — с улыбкой произнес он и, направившись мимо вновь примолкших гостей к лестнице, добавил: — Одним из них, к примеру, станет моя кузина.

Глава 19

Итак, на сцене появилась Аврора Сомерсет. Подобно Сесилу, она спустилась с верхнего этажа, но во время царственного своего явления, казалось, плыла в длинном до

²⁰ **Понтиак** (1720?-1769) — вождь племени оттава, сплотивший в союз большинство племен к западу от современного города Питтсбурга в Пенсильвании и к северу от реки Огайо с целью изгнания англичан с индейских земель. Убит в апреле 1769 г. подкупленным англичанами пьяницей индейцем. В его честь названы города в штатах Мичиган, Иллинойс и Миссури, а также марка автомобиля.

пола наряде, спускаясь на облаке с пламенеющей радужной арки моста Бифрост из Бладхаммерова Асгарда. Появление этой величественной белой дамы вполне естественно привлекло особое внимание собравшихся, но именно ее красота поразила нас всех, даже невозмутимых индейцев. Она выглядела как изысканный оживший портрет, идеальная скульптура, по божественной воле Творца обретшая жизнь. Струящийся каскад золотисто-каштановых локонов обрамлял тонкое аристократическое лицо с высокими скулами, вздернутым носиком и изящным подбородком, ее глаза искрились изумрудным сиянием, улыбка являла ослепительную белизну жемчужных зубов, а пленительно чувственный изгиб пухлых, подчеркнутых помадой губ невольно навел любого мужчину на мысль о скрытой под одеждой роскошной женской плоти. На одной щеке красовалась крошечная мушка, возбуждающая в очарованном созерцателе желание поцеловать ее, и вряд ли, на мой взгляд, имело значение, реальна или искусственна сия очаровательная родинка. Недавно вошедшее в моду платье с завышенной талией притягивало взоры к изумительной груди с чуть приоткрытой ложбинкой, а тонкий шелковый лиф чудесно обрисовывал легкие выпуклости скрытых от глаз сосков. Мерцающая розовая ткань облегла классические формы, бедра покачивались при спуске, и с каждым шагом из-под подола появлялись носки изящных, расшитых жемчугом туфелек. Голову Авроры увенчивала изысканная чалма, видимо, со страусиными перьями, а серебряное шейное украшение с большим изумрудом дивно гармонировало с цветом ее глаз. Даже пламя свечей словно склонилось, приветствуя продвижение этой царицы, а ее взгляд, пробежав по толпе гостей, задержался на лорде Сомерсете и, несомненно, на моей скромной персоне.

Я широко улыбнулся. Безумная любовь или по меньшей мере вождение — мы, мужчины, с трудом разделяем эти чувства — мгновенно зародилась в сокровенной глубине моего естества. Стыдно проявлять такое легкомыслие, но, клянусь славой Казановы, она взбудоражила во мне всю кровь: самое впечатляющее произведение живой природы, виденное мной со времени отъезда из Морфонтена, и к тому же великолепной палитры — ее губы подобны вишням, а щеки — персикам. Аврора выглядела пронзительно завораживающе, как кобра, пугающе, как искушение, и неотразимо в своей притягательности, как яблоко Евы.

— От нее можно ожидать куда больше неприятностей, чем от Полины Бонапарт, — шепнул мне Магнус.

Порой он сильно раздражал меня своей правильностью, точно пастырь, читающий проповеди о вреде пьянства у виноградной давилки.

— Думаю, любые неприятности окупятся ее достоинствами.

— Сесил, ты не говорил мне, что наше общество будет столь представительным! — прошептала она переливчатым голосом.

Красавица одарила всех гостей сияющей улыбкой, и многие ворчливые шотландцы, очерстевшие за годы пушной торговли в диких лесах, вдруг покраснели и прищурились. Облизнув губки, она взглянула и на Текумсе, но юный вождь остался единственным, кто рассматривал ее с тем же спокойствием, с каким смотрят на изящный предмет мебели. На мгновение ее взгляд выдал неуверенность, но быстро переместился на более достойные внимания объекты.

В отличие от индейца я отвесил даме галантный поклон.

— Леди Сомерсет, вашу божественную красоту невозможно описать никакими словами.

— Как чудесно иметь повод принарядиться. А вы, должно быть, знаменитый Итан Гейдж. — Она протянула тонкую белую руку, и я запечатлел на ней легкий поцелуй. — Сесил говорил мне, что вам известны всевозможные секреты, связанные с электрическими силами и древним могуществом.

— Их я доверяю лишь моим наперсникам, — с усмешкой сказал я, а Магнус выразительно глянул на меня, вращая глазами.

— Надеюсь, я могу поставить перед собой такую цель? — Она раскрыла веер и на

мгновение поднесла его к лицу. — Мне не терпится услышать о ваших приключениях. И очень хочется, чтобы мы стали друзьями.

— Ваш кузен выразил подобную надежду. Но человек с такой репутацией, как господин Саймон Гerti, боюсь, может привести в замешательство любого американца. Мне не хочется, чтобы в кругу моего традиционного общения меня воспринимали как изменника, леди Сомерсет.

— Прошу вас, зовите меня Авророй. Но ведь дружелюбное отношение не означает измены.

— Меня порой обвиняют в том, что я имею слишком много сомнительных друзей и слишком мало твердых убеждений.

— А по-моему, цепляется за убеждения как раз тот, кто не имеет друзей. — Веер затрепетал в ее руке.

— Итан только что сообщил нам, что собирается в путешествие на северо-запад, — словоохотливо вставил Сесил Сомерсет.

— Я люблю путешествовать, — поддержал его я.

— С исполинскими норвежцами, — добавил он.

— Мы оба интересуемся историей франкмасонства, — заявил Магнус, кладя руки мне на плечи. — Вам известно, лорд Сомерсет, что многие американские генералы здешних армий, сражавшихся во время Войны за независимость, принадлежали к масонскому братству? Может быть, вы также приобщены к их деятельности?

— Едва ли, — с усмешкой ответил он. — Весьма странное сообщество, на мой взгляд. В Лондоне мы слышали о какой-то скандальной ложе... — Он повернулся к кухне. — Египетского обряда?

— Да, ходили слухи о какой-то тайной ложе египетского обряда, которая принимает в свои ряды женщин и проводит ритуалы, отличающиеся особой эротичностью, — заметила Аврора. — Окультизм и возмутительно скандальная организация.

— Если она и тайная, то вам, похоже, известно о ней немало, — заметил Магнус.

— Трое могут сохранить тайну, если двое из них мертвы, — вставил я. — Так говаривал Бен Франклин.

— Воистину так! — рассмеявшись, воскликнула Аврора. — А норвежцы, господин Бладхаммер, не болтливы? Чем же они занимаются долгими зимними вечерами?

Румяное лицо Магнуса приобрело пунцовый оттенок.

Я знал, что мой сгоревший враг Силано был членом той самой ложи египетского обряда, и меня удивило, что англичане знали об этом обществе. С другой стороны, в гостиных Лондона и Парижа обсуждали почитателей этого культа, а разговор о масонах завел Магнус. Испытывая сильный дискомфорт из-за присутствия Гerti, я радовался тому, что его уравнивает общение с английской парой. Их элегантный стиль напомнил мне о Европе.

— А вы, Аврора, видимо, любите острые ощущения, раз не боитесь путешествовать по такой дикой глуши.

— *Au contraire*,²¹ господин Гейдж, еще как боюсь, но для безопасности я таскаю за собой целый воз и маленькую тележку сундуков с одеждой. Сесил постоянно жалуется на их тяжесть, не так ли, кузен?

— Да я не понимаю, кого везу с собой, даму или целый караван.

— Там есть все необходимое для любой приличной дамы. Блага нашей цивилизации улучшают здешние дикие нравы. Вот потому-то вам не мешало бы поехать с нами, господин Гейдж. Как бы вы ни путешествовали, пейзаж здесь будет неизменным, зато с нами вы сможете наслаждаться приличным бренди! Вы уже пробовали американское кукурузное виски? — Она передернула плечиками. — По-моему, на редкость вонючее пойло.

²¹ Напротив, наоборот (*фр.*).

— Вы предлагаете нам поехать с вами?

Путешествие в одной лодке с британцами противоречило планам моих американских и французских заказчиков, однако предложение скоротать время в пути с Авророй Сомерсет звучало诱人. И кроме того, я смогу разузнать, что на уме у этих англичан.

— Мы отправимся в Гранд-Портидж на летний сбор. Ведь вы с вашим норвежским спутником все равно собирались ехать в том же направлении...

— Мы рассчитываем воспользоваться услугами американского флота, — заметил Магнус.

— Которого, похоже, не существует, — быстро добавил я. — Прием, оказанный нам в форте Детройт, оказался далеко не обнадеживающим.

— Я не удивлен, — сказал Сомерсет. — Ужасающие порядки, не правда ли? Я надеюсь, что ваше молодое государство сумеет закрепиться на северо-западе.

По его снисходительному тону я понял, что надеется он как раз на обратное, но меня не волновали его надежды.

— А по какому случаю состоится этот ваш летний сбор?

— Каждую весну, — пояснил Сесил, — внутренние торговые форты Канады упаковывают приобретенную зимой пушнину и отправляют ее водными путями на юго-запад в Гранд-Портидж. С другой стороны, Северо-Западная компания посылает туда из Монреаля грузовые каноэ с новыми товарами для живущих на западе индейцев. Эти два торговых потока соединяются в форте, вокруг которого ежегодно проводятся великолепные празднества и обмен мехов на ходовые товары, после чего до наступления морозов торговые агенты разъезжаются по домам. Монреальская команда забирает с собой пушнину для дальнейшего ее распространения по миру, а вояжеры развозят товары по внутренним фортам и факториям. Мы планируем встретить эти грузовые каноэ в Мичилимакинаке, поблизости от перехода в озеро Гурон. Это наиболее безопасный, самый быстрый и удобный путь на запад.

И вновь моя общительность помогла удачно разрешить наши сложности. Мне удастся избежать военного конвоя и суровых лагерных стоянок и отправиться на северо-запад в роскошных условиях.

— Вас будут сопровождать и другие ваши гости? — поинтересовался я, прикинув, что если компания Авроры сулит мне приятное времяпрепровождение, то присутствие Герти породит тревогу за сохранность собственного скальпа.

— Они разъедутся после сегодняшнего вечера, — заверил меня Сесил. — Господин Герти является ближайшим соседом господина Даффа, и в отличие от американцев мы стараемся развивать и поддерживать дружеские отношения с индейскими племенами. Честно говоря, меня удивила ваша реакция. Ведь мятежные войны давным-давно покрылись пылью времен, а Герти и Брент всего лишь старые, дряхлые ветераны. Давайте оставим прошлое в покое. Континент уже поделен, как я говорил, и у каждой страны есть своя сфера влияния. Разве можно достичь более гармоничного положения?

Магнус сдвинул мне плечо.

— Итан, мы же выполняем миссию, порученную Джефферсоном и французами, — предостерег он, с недоверием глянув на Аврору.

— Частью которой является налаживание мирных отношений с англичанами, — заметил я, высвобождаясь из его медвежьей хватки.

— Совершенно верно, — просяив, поддержал меня Сесил.

— Я не слишком верю в незыблемость миссионерских задач, — продолжил я. — По собственному опыту я убедился, что излишний фанатизм в воззрениях приводит в основном к перестрелкам, поскольку сходятся в них противники, равно уверенные в противоположных вещах. Однако можно ли быть хоть в чем-то уверенным в нашем мире?

— Да вы философ, сэр, и мне это как раз по сердцу. Если бы люди попросту жили своими интересами и терпимо относились к другим, как мы с моей кузиной, то на всей земле установились бы дружеские отношения.

— Учитывая мой опыт отношений с разными сторонами на Востоке, — сказал я, взглянув на Аврору, — полагаю, что никому лучше меня не удастся перекинуть мостик через пропасть прискорбного непонимания между Францией, Англией и Америкой. При тесном сотрудничестве, конечно, со славными представителями рода Сомерсетов.

— Господин Гейдж, мне так хочется, чтобы мы наладили тесное сотрудничество, — кокетливо произнесла Аврора.

— Прошу вас, зовите меня Итан.

— Итан... — опять ворчливо начал Магнус. — Легко соглашающихся на все людей потом обычно используют в хвост и в гриву.

— Или им предоставляют помощь.

Меня чертовски влекла перспектива быть используемым Авророй Сомерсет. Пусть Магнус хранит верность тамплиерам, а я готов радоваться жизни.

— Ведь всем нужно ехать в одном направлении, и цели наши в основном сходны. Наверное, лорд Сомерсет, мы примем ваше любезное предложение и проследуем с вами до Гранд-Портиджа, а потом наши пути разойдутся, — вежливо сказал я, улыбнувшись его кухне. — Мне хотелось бы посмотреть, как вы распространяете английскую культуру.

— А за это время я успею ввести вас в курс интересных для нас обоих дел.

Глава 20

Я отправил полковнику Стоуну сообщение, уведомив его, что мы отправимся выполнять задание Джефферсона в компании лорда Сомерсета, просто на тот случай, если в Вашингтоне заинтересуются, куда мы, черт возьми, подевались. Я не поехал сам к этому офицеру, опасаясь, что он может предложить нам иной способ путешествия, лишив меня возможности общения с очаровательной и соблазнительно дерзкой Авророй. Мне удалось убедить Магнуса, что так мы быстрее всего доберемся до означенного на его карте тайника с молотом Тора и, кроме того, что ему самому не мешает наладить связи с Англией, если он стремится освободить свою страну от датчан.

— То есть не имеет значения, кто одержит победу в соперничестве между Англией и Францией. Ты окажешься на стороне победителя.

— И стану объектом мести для проигравшего, — пробурчал он с занудной логикой.

Мы погрузились на борт одномачтового судна «Своллоу»,²² готового отправиться в плавание к озеру Гурон до американской крепости на острове Макино. Там нам обещали пересадку на грузовые каноэ, которые повезут товары в Гранд-Портидж. А уж потом нам предстоит утомительный самостоятельный поход на запад, где мы слегка поищем голубоглазых индейцев, лохматых слонов, заряженные электричеством молоты и наконец вернемся в цивилизованный мир в лучшем случае с сокровищами или, как минимум, с блестящей репутацией.

Хорошо, если умеешь заводить новых друзей.

Пока серванты²³ загружали последние сундуки, я с тревогой заметил, что лорд Сомерсет о чем-то оживленно беседует на лужайке перед домом Даффа с Герти, Brentом и Текумсе, бросая взгляды в мою сторону. На мгновение я испугался, что эта троица намерена присоединиться к нам, но нет, пристально глянув на наше судно, они махнули на прощание Сесилу, словно в результате разговора приняли какое-то решение. В конце концов, чего мне бояться, ведь я нахожусь под покровительством нашего нового президента и первого консула Франции. Наш аристократический хозяин взшел на борт, успокаивающе кивнув

²² «Ласточка» (англ.).

²³ **Серванты** — белые переселенцы, отрабатывающие долг за перевозку в Новый Свет и находившиеся во временном кабальном услужении; на рубеже XVII–XVIII веков стали вытесняться неграми-рабами.

мне, и мы отправились на север, на прощание отсалютовав форту Детройт. Ни одно каноэ с американскими военными не отошло от причала, чтобы предложить мне воспользоваться их услугами и защитой.

Мы прошли мимо лесистого острова Ау-Кошонс,²⁴ или Кабаньего острова, где охотникам еще попадались дикие кабаны, и вечером встали на якорь на берегу озера Сент-Клэр, которое сочли бы огромным в любой другой местности, но в краю Великих озер его сравнивали едва ли не с лужей. На следующее утро, поднявшись на рассвете, мы вкусно позавтракали, выпив чаю с печеньем и ломтиками холодного мяса, оставшимися после приема у Даффа, и под легким усиливающимся ветерком возобновили плавание. На редкость приятный вояж! Когда мы вышли из озера, я растянулся на палубе и любовался живописными видами берегов реки Сент-Клэр, несущей нас к озеру Гурон. Магнус тем временем изучал свои карты с обширными пустотами неисследованных земель, а Сомерсет склонился над бухгалтерскими книгами пушной торговли. Оказалось, что даже аристократам приходится трудиться.

Мы с Авророй превосходно проводили время. Она сочла весьма интересными мои истории о Египетской экспедиции Наполеона и его безуспешной осаде Акры и заливалась веселым смехом над моими шуточками, одаривая меня теми поощряющими улыбками, что обычно сопутствуют флирту. Осмелюсь предположить, что она была без ума от моего обаяния, раздутой славы и приятной наружности. Я уже поведал ей много забавных историй, связанных с Сиднеем Смитом и Бонапартом, Франклином и Бертолле, древним Иерусалимом и Египтом... и как раз сейчас принялся описывать торговый Нью-Йорк, строящийся Вашингтон, а также интересные предположения нашего нового президента. Сомерсеты в свой черед сообщили мне, насколько опасным считают англичане Наполеона и как они надеются, что приобретение французами Луизианы не ввергнет Северную Америку в новую войну.

— Мы с вами должны объединить усилия по поддержанию мира, — сказала Аврора.

— Я предпочитаю сражаться только за любовь, да и вообще худой мир лучше хорошей драки.

— Когда-нибудь между Англией и Америкой воцарится дружеское согласие.

— И примирение может начаться благодаря нам!

Нам с Авророй обоим довелось лично познакомиться с Нельсоном, только мне на военном корабле, а ей в Лондоне, и моя аристократическая собеседница поделилась со мной сплетнями о его нашумевшей страстной любви к Эмме Гамильтон, бывшей авантюристке, которая, удачно выйдя замуж, умудрялась крутить романы с исключительно высокопоставленными особами.

— Она, бесспорно, красавица, и портреты ее развешаны по всему Лондону, а он величайший герой нашего века, — со вздохом произнесла Аврора. — Скандал получился грандиозный!

В ее голосе прозвучала явная зависть.

— Я уверен, что вы затмите ее.

Сесил просветил нас в вопросах политики пушной торговли в Канаде. Компания Гудзонова залива заправляла всей его огромной северной акваторией и, имея преимущественные права на эти владения, могла доставлять товары на берега залива на грузовых судах и использовала для торговли с внутренними фортами Канады значительно более короткие речные пути. Магнус согласно кивнул, поскольку его теория заключалась в том, что древние скандинавы использовали такие же пути. Проблемы Компании Гудзонова залива крылись в коротком лете и долгой зиме. Конкурирующая Северо-Западная компания, под руководством шотландцев, нанимавших французских вояжеров, действовала в окрестностях Монреаля на грандиозных водных массивах Великих озер и связующих их рек.

²⁴ От французского «aux cochons» — свинья.

Сезон их торговли длился дольше, но возможности водных походов ограничивались небольшими каноэ, требующими огромных затрат рабочей силы двух тысяч человек. А на территории Соединенных Штатов до самого Нью-Йорка всей пушной торговлей руководил Астор, занимаясь организацией деятельности трапперов и используя для доставки товаров реки Мохок и Хадсон.

— Каждый из маршрутов имеет свои преимущества и недостатки, и разумно было бы сформировать альянс, — сказал Сомерсет. — Сотрудничеством обычно достигаешь большего, чем конкуренцией, вы так не думаете?

— Именно благодаря ему мы оказались в одной лодке. Вы доставите меня в Макино, а я воспользуюсь рекомендательным письмом Джефферсона, чтобы наладить связи с американским гарнизоном. У нас тут получилась небольшая лига наций, в коей вы представляете Англию, Магнус — Норвегию, а я — Соединенные Штаты и Францию. — Взглянув на Аврору, я добавил: — В партнерстве есть свои прелести.

Хотелось бы мне, конечно, чтобы наше судно было побольше и я мог уединиться с этой красоткой, но каждый вечер ее, как изнеженную принцессу, отправляли в личную капитанскую каюту, а дюжина мужчин спала на палубе между ящиками с товарами, сундуками и баулами, составлявшими багаж Сомерсетов. С нами путешествовали Фитч, кок, дворецкий, служанка франко-канадского происхождения, делившая каюту с Авророй, и мастер-оружейник, который присматривал за порядком в коллекции охотничьего огнестрельного и холодного оружия, привезенной Сомерсетом из дома. Каждое утро английский лорд занимался фехтованием, ловко балансируя на бушприте и отрабатывая разнообразные удары и выпады, а капитан настороженно следил за ним, опасаясь, как бы увлеченный аристократ не повредил в азарте жизненно важную оснастку.

Тем временем из окружающего пейзажа неуклонно исчезали признаки цивилизации.

Мы держали курс на север по безбрежной пресноводной глади озера Гурон; небесный полог, казалось, растягивался, охватывая в бесконечной дали пустынную линию горизонта. Берега, когда нам удавалось разглядеть их, представляли беспросветно плотную лесную стену. Никаких новых поселений, ферм, даже одинокая лачуга не нарушала непрерывность зеленого массива. Один раз мы прошли мимо лагеря индейцев, стайки крытых корой вигвамов на песчаном берегу, но заметили только пару фигур, струйку дыма да одинокую, вытащенную из воды пирогу. В другой раз я увидел резвящихся на берегу волков, и у меня захватило дух от их привольной первобытной дикости. В небесах парили орлы, на мелководе плескались выдры, но в общем и целом берега выглядели необитаемыми. Планета здесь пребывала в каком-то безгранично древнем, изначальном и, однако, странно пугающем состоянии. Ничто не могло поколебать дремотного покоя этих земель. Строгого европейского Бога здесь заменяли веющие в лесах ветры и духи индейцев. Огромные природные пространства таили в себе неисчерпаемые возможности, но все они оставались нереализованными. Даже в ярком солнечном свете эти могучие северные леса выглядели холодными, как далекие звезды. Ничто и никто здесь ведать не ведал о знаменитом Итане Гейдже, герое пирамид и Акры. Моя индивидуальность съежилась до ничтожности комара.

Корабельная команда с молчаливой обреченностью взирала на ожидаемые и однообразные лесные стены, лишь Магнус особой пристальностью вглядывался в бесконечные ряды деревьев.

— Здесь жили боги, ставшие первыми людьми, — заявил он мне во время данного этапа нашего плавания. — Именно так, Итан, выглядела земля в доисторической древности. Великие герои прошептались здесь, не оставив следов.

— Это земля индейцев племени потаватоми и оттава, — ответил я. — А они могут быть кем угодно, но только не богами. Нам они уже встречались — нищие, больные и пьяные.

— Но они помнят больше нас, — упрямо повторил он. — Они ближе к чистым истокам. А мы с тобой недавно видели как раз тех, кто испорчен нашим вмешательством. Подожди, все будет иначе, когда мы войдем в мир, не тронутый цивилизацией.

Глава 21

Остров Макино выглядел зеленой глыбой, вложенной в зеркальные голубые блюда озерной и небесной глади, его американский гарнизон из девяти десятков человек охранял пролив, ведущий в озеро Мичиган. Эта крепость расположилась на краю владений Соединенных Штатов. Далее следовали только британские форты и поселения трапперов и индейцев. Наш скромный одномачтовик приблизился к причалу, издав приветственный пушечный выстрел, а из форта нам ответили артиллерийским залпом, вспугнувшим из леса огромные птичьи стаи и породившим раскатистое, затихающее в пустынной дали эхо.

Крепость с тремя бревенчатыми и покрытыми дерном блокаузами и двумя бастионами с пушками имела форму треугольника, укрепленного с передней береговой стороны землей и камнями, а с задней стороны бревенчатым частоколом. На вершине белели военные казармы с шатровыми крышами, навесами и двойными каминными трубами. Прочие дома и постройки обрамляли учебный плац. Деревья вокруг форта повырубили, что позволило людям легче дышать и освободило место для пастбищ и пахотных угодий.

— Мы, британцы, перенесли сюда наш форт, после того как индейцы вождя Понтиака завладели старой французской крепостью в Мичилимакинаке на материковом южном побережье, — показав на дальние укрепления, сказал лорд Сомерсет. — Это был мастерский захват — притворившись, что играют в лакросс,²⁵ индейцы пробежали за мячом в крепостные ворота, а там схватили оружие, спрятанное под одеялами дожидавшихся их женщин. Крепость пала в считанные минуты. В новый форт индейцев не пускают, хотя зимой можно добраться до острова Макино по льду. После разделения границ мы передали этот форт вам, американцам, а сами построили новую крепость на реке Сент-Мэри, в районе быстрин, ведущих в озеро Верхнее.

— Не маловато ли девяноста американцев для защиты Северо-Западных территорий?

— Все владения в Северной Америке висят на волоске. Вот почему так важен наш союз, Итан. Мы можем предотвратить любые разногласия.

Комендантом крепости был простой лейтенант, Генри Портер, он встретил нас на пристани и препроводил по насыпной дороге к крепостным воротам. Его весьма впечатлило письмо, выданное мне Джефферсоном.

— Я слышал, что у нас новый президент, и вот оно, доказательство, — заявил он, глянув на подпись с таким изумлением, словно она была написана кровью нашего государственного деятеля, а на Аврору уставился восторженно-мечтательным взглядом, вызвав у меня раздражение.

Служба, похоже, терзала этого лейтенанта гораздо меньше, чем полковника Стоуна, озадаченного проблемами дуэлей и ломающих ноги ядер, и вообще здешний аванпост выглядел почти безлюдным.

— Тут у нас обычно дежурит только половина гарнизона, а вторая половина рыбачит, охотится или торгует с индейцами, — пояснил комендант. — В казармах полно свободного места, где вы сможете дожидаться прибытия грузовых каноэ для дальнейшего путешествия.

Места, конечно, было полно, но явно маловато для леди Авроры Сомерсет. Она бросила взгляд на свободные комнатенки и заметила, что хотя ее сундуки могут разместиться и в чулане, но самой ей места тут решительно мало. После беглого знакомства со всеми возможными помещениями она объявила, что верхний этаж восточного бастиона худо-бедно может обеспечить ей необходимое и комфортное уединение. С врожденной властью она повелела Портеру убрать оттуда шестифунтовые орудия и попросила выделить ей отряд американских пехотинцев, чтобы перетащить для нее более удобную кровать с утепленным тюфяком, заявив, что нижний этаж подойдет для ее горничной. Потом

²⁵ Игра в мяч индейского происхождения, в которой две команды из десяти человек с помощью клюшки пытаются забросить мяч в ворота противника на травяном поле.

Аврора добавила, что для придания жилого вида ее новому жилью потребуется бросить на дощатый пол некоторое количество шкур.

— А что будет, если мы подвергнемся нападению? — спросил молодой лейтенант, очевидно испытывая благоговение перед властным видом английской знати.

— Дорогой лейтенант, уверяю вас, никто не посмеет напасть на Сомерсета, — ответил Сесил.

— А я возьму охотничье ружье кузена и всажу пулю между глаз любому, кто предпримет такую попытку, — добавила Аврора. — Я стала первоклассным стрелком... уверяю вас, кузен многому научил меня. Кроме того, разве бастион не является самым защищенным местом в крепости? Не сомневаюсь, лейтенант, что вы постараетесь обеспечить безопасность женщин!

— Конечно, постараюсь.

Он вновь внимательно перечел письмо Джефферсона, словно в нем могли содержаться указания, как ему удовлетворить запросы неожиданной гостьи.

— Я буду настороже и не подпущу близко ни одного краснокожего дикаря... впрочем, как и любого солдата из вашего гарнизона, который осмелится нарушить мое уединение. В Англии мы умеем постоять за себя, и наш пример достоин подражания. Уроки самозащиты могут оказаться для вас весьма ценными. — Аврора пренебрежительно сморщила носик. — К сожалению, ваш форт мало напоминает стильные и красивые английские крепости. — Коснувшись его щеки, она улыбнулась с признательностью. — Я высоко ценю ваше гостеприимство, лейтенант.

После такого заявления Портер безоговорочно капитулировал, подобно повстанцам Банкер-Хилла, и Британия восторжествовала, отомстив за свое поражение в Йорктаунской кампании. Если бы Аврора попросила коменданта отдать его личную ванну, он подчинился бы беспрекословно, разрешив ей заодно распоряжаться на всей территории Индианы.

В общении с дамами я, разумеется, имел больше опыта. Но, увы, бедный неопытный Портер превосходил меня в благоразумии: разъяренный ревностью, я сразу начал вынашивать тайные планы.

— Неужели ты хочешь подвергнуть опасности наше северное путешествие, разъярив Сесила непристойным флиртом с его кузиной? — прошипел Магнус, видя, как я жадно поглядываю на бастион, мечтая атаковать его. — Это так же безответственно, как и твои шашни с Полиной Бонапарт!

— Он же ей не муж и не отец. И поверь мне, Магнус, завоевание сердца Авроры может оказаться таким же полезным для безопасности нашего путешествия, как карета Полины Бонапарт, вывезшая нас из Морфонтена. Женщины способны стать изобретательными союзницами, если не склонны к измене.

Я оставался неисправимым оптимистом.

— Она же выше тебя по положению, и у нее в запасе есть пара пушек, чтобы держать на расстоянии любвеобильных пройдох.

— Сие лишь означает, что мне надо вести тонкую игру, как индейцам Понтиака, захватившим Мичилимакинак.

Вряд ли, конечно, мне удастся загнать мяч для лакросса в ее будуар, но у меня имелся троянский конь иного рода. Я взял самую большую мою ценность — заслуженную винтовку — и уговорил служанку Авроры положить ее на кровать в интересующей меня спальне бастиона вместе с запиской, где наряду с выражениями восхищения по поводу освоения стрелкового искусства предлагалось воспользоваться моим ружьем для защиты и развлечения.

Между тем нас угостили гарнизоной стряпней. Всех интересовала личность Джефферсона, и я сообщил офицерам все, что думаю о новом президенте.

— Этот человек пишет как Моисей, но его ораторского искусства недостаточно даже для удержания внимания школьного пансиона. В кабинете он держит живую птицу и кости вымершего слона, а о вине знает больше, чем герцог Бургундии. По-моему, он гениален, но

вдобавок невероятный оригинал.

— Как и все лидеры, не рожденные для столь высокой должности, — хмыкнув, заметил Сесил. — По общему мнению, американские демократы исключительно умны, но ведь важно еще и воспитание...

— Благодаря ему наша обеденная трапеза сопровождалась интереснейшими разговорами, которых я не слышал со времен расставания с Беном Франклином, — заметили. — Его любознательность ненасытна. И вы можете быть уверены, что он совершенно очарован идеей освоения Запада.

— Меня восхищают дарования вашей молодой страны, — сказала Аврора, — учитывая, что во время последней войны все аристократы бежали в Канаду или вернулись в Англию. Я прочла вашу Конституцию. Кто бы мог подумать, что среди простонародья могут появиться такие гении! Вы, лейтенант Портер, защищаете замечательное экспериментальное государство. Поистине замечательное. — И она одарила коменданта такой ослепительной улыбкой, что я испытал мучительный укол ревности.

— Вы правы, мисс Сомерсет, — покраснев как маков цвет, ответил он. — Кроме того, по-моему, самые непримиримые враги со временем могут стать лучшими друзьями.

Он улыбнулся как придворный льстец. Готов поклясться, однако, что этот молодой негодник проявил твердость характера.

Вскоре Аврора вежливо удалилась в свою изолированную маленькую твердыню, а мы, мужчины, продолжили разговоры за портвейном, покуривая трубки — Сомерсет устроил показательное выступление по разжиганию сигар, новинки, завезенной из испанских владений, — а я, принеся извинения, выскользнул во двор, прежде чем Портер или еще какой-нибудь ловкач не опередит меня, проскакав по учебному плацу к вожделенному бастиону. На мой стук отозвалась горничная. Я заявил, что одолжил на время свое ружье и хотел бы убедиться, что с ним умеют правильно управляться. Ухмыляющаяся девушка отворила мне дверь.

— Не это ли вас интересует, господин Гейдж? — донесся сверху голос Авроры.

Черное дуло моей винтовки, подобно выглядывающей из норы змее, появилось в проеме опускной двери верхней комнаты.

— Я удивилась, обнаружив это оружие на своей кровати, хотя в записке сообщалось, что оно может мне пригодиться.

— Ваше замечание о возможной перестрелке с индейцами дало мне повод подумать, что вас порадует тренировочная стрельба из мастерски сделанной винтовки, — объяснил я. — Мы могли бы попрактиковаться вечером.

— Подозреваю, что ее выковали в Ланкастере, — задумчиво произнесла она.

— На самом деле в Иерусалиме, но это долгая история.

— Что ж, если мы будем стрелять вместе, то поднимайтесь и расскажите мне ее.

Итак, забравшись наверх, я закрыл люк и бросил на него пару меховых шкур, чтобы приглушить ожидаемые крики ее страсти. Дождавшись особого приглашения, я устроился на сундуке, а она, изящно расправив платье, присела на краешек кровати, озаренной горящими свечами, в свете которых заманчиво сверкали ее изумрудные глаза и золотились роскошные волосы. Продуманная небрежность наряда придавала ей на редкость эротичный вид: две пуговицы предусмотрительно расстегнуты, на распушенных локонах играют огненные отблески, а белые чулки подчеркивают изящество ножек, выскользнувших из узких туфелек.

— Тот оружейник служил британским агентом, а ложу для винтовки вырезала его очаровательная сестра, — начал я.

— Правда, очаровательная? — Аврора отбросила с груди прядь волос.

— Не такая очаровательная, как вы, безусловно.

— Безусловно. — Потянувшись, как кошка, она деликатно зевнула. — Но другой женщине вы сказали бы то же самое, верно? Сладострастный обманщик. Мне знаком ваш тип мужчины.

— В данный момент я сама искренность.

— Неужели? — Винтовка лежала на ее коленях. — Ладно, господин Гейдж. Тогда подойдите сюда и покажите, как действует ваше ружье.

Так я и сделал.

Да, поистине женщина является ошеломительно прекрасным творением природы, а лучшие из них подобны райским вратам. Я ценю юных красоток. Но помимо них встречаются более пылкие, волнующие и страстные особы, способные открыть нам мир совершенно особого рода. Страсть Авроры пылала рубиновым огнем, золотисто-каштановые волосы рассыпались по белоснежным плечам, глаза сверкали, губы жаждали ласк, затвердевшие розовые соски ее груди возбудились и отвердели так же, как моя плоть; страстью дышало все ее тело с роскошными изгибами, тонкой талией и удивительными, завораживающе стройными ногами: лежа рядом с ней, я думал, что нет в мире более великолепного всхолмления, чем ее бедра, нет более роскошной и таинственной ложины, чем ее уникальное лоно. Она воплощала в себе одновременно рай и ад, была ангелом желаний. Она сразила меня наповал, хотя, впрочем, это произошло еще тогда, когда я впервые увидел ее сходящей по лестнице в Детройте. Высочайшего почитания требовали ароматы ее жаркого тела и удивительная родинка на щеке: о да, я забыл обо всем на свете и готов был следовать за ней, куда она пожелает. Мы резвились подобно игривым норкам, задыхаясь, словно беглецы; она высвободила из глубины моего существа невообразимо потрясающие и не знакомые мне прежде ощущения. Однако при всех наших судорожных вздохах и страстных поцелуях она, похоже, не потеряла любопытства к знаменитому Итану Гейджу, и когда мы слились в объятиях, ее лукавые вопросы о моей винтовке сменились воркующими мольбами, призывавшими меня рассказать о том, что именно мы собираемся искать после Гранд-Портиджа.

— Слонов, — пробормотал я, вновь набрасываясь на нее, как изголодавшийся мужчина.

Упоминание о толстокожих животных лишь добавило мне таинственности, и поэтому, когда мы наконец перевели дух, я попытался отвлечь ее увлекательными идеями, которых набрался от ученых Наполеона и от нового американского президента. Они полагали, что наш мир может быть гораздо древнее, чем сказано в Библии, что раньше на земле обитали вымершие ныне создания, а тот совершенно изумительный рог жизненного изобилия, что подтверждал всемогущество Господа, также порождал вопрос о том, что же именно задумал наш Создатель, поскольку, будучи натуралистом...

— Вы дурачите меня! — не дослушав, воскликнула она, начиная терять в отличие от меня интерес к любовным играм.

— Аврора, президент Джефферсон поручил мне дипломатическую миссию. Но я не могу обсуждать ее подробности с каждой любовницей.

В тот же миг она яростно оттолкнула меня, и я, скатившись с кровати, упал на брошенную на пол шкуру росوماхи.

— С каждой любовницей?

Приподнявшись, я глянул на нее поверх тюфяка.

— Я имел в виду совсем другое. Просто мы пока мало знаем друг друга.

Тогда она начала швыряться в меня подушками, ее груди бурно вздымались, и в своей воинственности она выглядела так изумительно, что если бы ей вздумалось сейчас задушить меня, то я умер бы счастливым. Дьявольски счастливым!

Наконец, выдохшись и обидчиво надув пухлые губы, она распласталась на лежанке, а отблески свечей легли яркими язычками на снежные холмики ее изящных ягодичек.

— Я думала, вы любите меня и готовы поделиться со мной всеми своими замыслами.

— Уверяю вас, я поделился с вами всем, чем мог, на сегодняшний вечер.

Она недовольно фыркнула.

— Разумеется, я на редкость скучный тип. Мне приходится идти туда, куда посылают меня достигшие высокого положения особы, да, я всего лишь скромный ученый, накопивший небольшие практические познания об электрических силах. И для меня

обнаружение очаровательной Венеры в диких краях является более значительным открытием, чем обнаружение любого слона.

Она перекатилась на спину, окинула меня томным взглядом и слегка улыбнулась, оценив мой комплимент.

— Так вы считаете меня красивой?

— По-моему, ваш портрет мог бы завоевать бешеную популярность в нашем мире. А если бы вас изваяли в мраморе, такая статуя могла бы стать поводом для образования новой религии. Я полагаю, что вы созданы из лунного света, пронизанного солнечным огнем.

— Витиеватые речи, Янки-Дудл.²⁶

— Но поистине они достойны того, чтобы их вырезать на камнях Вестминстера.

— Какой же вы льстец! — Она рассмеялась. — Так почему же вы, негодник, не доверяете мне? По-моему, после этого вы не сможете продолжить путешествие на грузовых каноэ моего кузена.

Ее слова встревожили меня, поскольку с этого острова нас могли вывезти только британские суда.

— Но мы еще можем быть вам полезны!

— Чем же?

Я глянул на свою винтовку, которая в результате наших бурных игр оказалась отброшенной на дощатый пол.

— Я тоже умею отлично стрелять, — заметил я, выдав самую соблазнительную из моих улыбок. — Мы будем вместе упражняться.

— А вы неблагодарный плут. — Она отрицательно покачала головой.

— Еще какой благодарный, поверьте мне.

— Ладно уж, — сказала она, сурово взглянув на меня. — Мы доведем вас с вашим бородатым норвежцем до Гранд-Портиджа, но вы поплывете в заднем каноэ, нас будет разделять водная стихия, и я, нежась под зонтиком в своей лодке, не удостою вас даже взгляда, ведь я знатная английская леди, а вы всего лишь беспутный искатель приключений, не пожелавший оказать мне никакого доверия.

— Я всего лишь жертва вашей красоты.

Отклонившись к стене, она поудобнее устроилась на подушках.

— А на стоянках вы будете наказаны за скрытность моим равнодушием. Но вы должны уделять мне внимание, иначе я уговорю Сесила бросить вас где-нибудь на расправу индейцам. Они съедают своих пленников, как я слышала. Но у нас не будет впредь никакой близости, если вы не проявите ко мне большего доверия. Это последний раз, когда вы видите мои прелести, конечно, если будете продолжать скрывать свои секреты.

— Аврора, по-моему, мы уже стали самыми верными друзьями.

— Так докажите это. Для начала... — Она слегка раздвинула бедра. — Разок-другой. И тогда, возможно, я сжалюсь над вами — если меня удовлетворят ваши откровения и вы заслужите мое прощение.

Тяжело вздохнув, я покорно кивнул, призывая на помощь новое вдохновение.

Как сложно быть дипломатом!

Глава 22

Грузовая артель Северо-Западной компании, идущая к озеру Верхнему на шести каноэ, захватила нас с острова Макино. Казалось невероятным, что каждая из этих лодок, которые достигали в длину тридцати футов и были сделаны всего лишь из легких древесных каркасов, обтянутых березовой корой и обвязанных вместо веревок корнями, везла по шестьдесят тюков с товарами, каждый весом в девяносто фунтов, да еще с десятков

²⁶ Подобно янки — прозвище любого американца.

здоровяков: на корме сидел рулевой, на носу — лоцман, и он обходился с восемью гребцами почти как с каторжниками на галерах. Благодаря разделению труда, которое последовало за британским завоеванием Канады, лодочные команды укомплектовывались теперь французскими канадцами, хотя четыре каноэ везли еще и пассажиров, среди которых попадались шотландцы, англичане или немецкие евреи, и эти так называемые буржуа, мелкие торговые партнеры или клерки восседали в лодках точно местные султаны. Два менее заполненных каноэ как раз могли захватить Сомерсетов и меня с Магнусом. Когда флотилия приблизилась к острову, мы слышали бодрую французскую песню гребцов, она разносилась над проливом в четком ритме погружаемых в голубые воды весел:

C'est l'aviron qui nous t?ne
M'en revenant de la jolie Rochelle
J'ai recontre trois jolies demoiselles,
C'est l'aviron qui nous t?ne, qui nous t?ne,
C'est l'aviron nous t?neen haut.²⁷

Разудалая веселая песня задавала гребцам отличный ритм. Видимо, наше плавание пройдет по волнам народных французских песен.

Сначала нам предстояло дойти до нового британского поселения, форта Святого Джозефа, возведенного на северном берегу озера Гурон, а затем совершить еще тридцатимильный переход по каналу Су-Сент-Мэри, прорытому для обхода одноименной порожиистой реки Сент-Мэри, что ведет к озеру Верхнему. Попав в это внутреннее море, мы будем держаться вблизи его северного берега, пока не достигнем Гранд-Портиджа на западном берегу.

Как и обещала, Аврора устроила все так, чтобы мы погрузились на разные каноэ, причем эта леди уже шикарно устроилась на своих сундуках и раскрыла над головой зонтик от солнца. Лето вступало в свои права, леса покрылись листвой и цветами, и воздух потеплел, хотя сердечное тепло Авроры, наоборот, заметно поубавилось, она непоколебимо не замечала меня. Я терпел эту холодность, надеясь, что в итоге ее страсть неизбежно вспыхнет с новой силой, и, кроме того, сейчас это спасало меня от необходимости потакать ее капризам или рассказывать остальным о нашем свидании. В общем, я сделал вид, что ничего не произошло. Но, по моим представлениям, она быстро потеплеет, соскучившись по моей молодецкой удали.

Подобно большинству мужчин, я оптимистично полагал, что обладаю неотразимым обаянием.

Как обычно подтянутый и элегантный Сесил, принарядившийся в песочного цвета сюртук, высокие походные сапоги и кастановый цилиндр, обменялся приветствиями с прибывшими торговцами и занял место во втором каноэ. Для приятного времяпрепровождения он сунул в карман книжку с каким-то пустяковым романом, а на колени положил охотничье ружье, видимо намереваясь в дороге пострелять птиц. Казалось, в этих диких краях он чувствовал себя как дома, и я заподозрил, что его изысканные манеры маскируют натуру, выкованную из закаленной стали.

Экипировка вояжеров включала кожаные штаны, свободные белые рубахи, яркие шляпы и, при необходимости, теплые шинели, называемые по-французски капотами. Физически все эти люди выглядели в основном коротконогими и широкоплечими

крепышами, словно подобных карликов специально выращивали для удобства плавания на каноэ. Только такая посудина и могла доставить нас на Запад. Обещанное нам каноэ скользило по волнам и под командованием бакового гребца — загорелого, жилистого парня в заливчатой красной шапке и с лукавыми темными глазами — причалило к островной пристани, чтобы нам легче было взойти на борт. Пока проходила загрузка сундуков Сомерсетов, этот капитан стоял, уперев руки в бока, и с сомнением поглядывал на нас, точно на типичных никчемных бродяг.

— *Mon dieu*, бизон и осел! Полагаю, именно вас мне придется тащить до самого Гранд-Портиджа?

— Никакому малышу коротышке не придется тащить меня, — прищурившись, пробасил Магнус.

— Коротышке? — Он приподнялся на носочки, задрал нос перед моим богатырским спутником. — Коротышке? Да я, Пьер Радиссон, из северян, трижды зимовавший в факториях, знаменитый проводник и лоцман этого шикарного каноэ! Шотландцы платят мне за год целых девятнадцать английских фунтов! Я могу грести без усталости двадцать часов подряд и пройти до вечера сотню миль! Малышу? Да никто не знает порогов так, как удалец Пьер! Никому не под силу превзойти меня в скорости переправы или бега, в высоте прыжков или огненных плясках, никто не способен выпить больше меня и быстрее меня соблазнить юную индианку! Малышу? — Он наседа на Магнуса, макушка головы француза маячила под грудью норвежца. — Я умею плавать, стрелять, охотиться, рубить дрова и отделать мамзель лучше, чем такой неуклюжий дуболом, как ты, слопаю запросто целого кабана и в отличие от тебя, одноглазый циклоп, с закрытыми глазами найду дорогу от Монреаля до Атабаски!

— Да я лишь хотел сказать, что норвежцы тоже умеют орудовать веслами, — наконец, отступив на шаг, вымолвил смущенный Бладхаммер.

— Ха! Ты хоть видишь, какие весла в моем каноэ? По-твоему, я управляю утлой посудиною? А по-моему, по всей вероятности, у норвежцев на плечах утлые котелки! — Он смерил Магнуса оценивающим взглядом, словно дуб, который намеревался срубить. — Но ты здоровяк, поэтому, так и быть, я позволю тебе сесть на гребную банку — если, конечно, пообещаешь, что не сломаешь наше байдарочное весло, пробуя его на свой лошадиный зуб, и не потеряешь его в зарослях той растительности, что отросла на твоей физиономии. А знаешь ли ты хоть какие-нибудь песни?

— Только не французские.

— М-да, судя по хриплому басу, ты будешь скрежетать, как мельничные жернова. *Mon dieu!* Безднадега. — Он развернулся ко мне. — А ты еще хуже, тощий хилитик! Говорить-то ты хоть умеешь?

— Могу сказать, что мамзели в Ла-Рошели чертовски хороши, — ответил я по-французски.

— Да ты балакаешь на цивилизованном языке? — просияв, удивился он. — Ты что, француз?

— Американец, но долго жил в Париже. Служил под началом Бонапарта.

— Бонапарт! Отменный храбрец, верно? Может, он отвоюет нам обратно Канаду. А что тебя сюда занесло?

— Я изучаю электрические силы.

— Чего?

— Он знаком с колдовством, — пояснил Магнус, также перейдя на французский.

— Неужели? — Взгляд Пьера стал заинтересованным. — И какого же рода его колдовство?

— Научного рода, — пояснил я.

— Научного? А это еще что такое?

— Наукой занимаются ученые. Те, кто постигает тайны природы, изучая ее особенности.

— Природы? — Он презрительно хмыкнул. — Всем известно, что ученые так же бесполезны, как священники. А вот колдовство... такое ремесло как раз может и пригодиться в здешней первобытной дикости. У индейцев всем заправляют колдуны, потому что в этих лесах полно духов. О да, индейцы видят особый незримый мир, умеют приманивать зверей и разговаривать с деревьями. Ну-ка погоди, колдун. Ты сможешь увидеть, как перемигиваются скалы, а штормовые облака скручиваются в бараний рог? Или понять, что прошепчет ветер в тополях и какие мудрые советы дадут тебе птицы да белки? Сможешь ли ты в ночи почуять стылое дыхание Вендиго?

— Кого?

— Индейского чудовища, оно живет в лесу и пожирает своих жертв до последней косточки, на такое не способны даже оборотни, о которых болтают цыгане во Франции. — Он уверенно кивнул. — Да, любой оджибве скажет тебе, в лесах действительно полно страшных духов. Колдун... вот кто нам чертовски нужен. — Он вдруг глянул на меня с уважением, хотя, очевидно, слыхом не слыхивал ни о каком электричестве. — А ты умеешь грести?

— Наверное, не так хорошо, как петь.

— Кто бы сомневался! — хмыкнул он. — Хотя я готов держать пари, что и певец из тебя тоже не слишком способный.

— Я хорошо играю в карты.

— Тогда вам обоим повезло, что за вами будет приглядывать опытный и всеведущий Пьер Радиссон! Там, куда мы пойдем, карты тебе не понадобятся. А что это ты еще тащишь с собой? — спросил он Магнуса, взглянув на его заплечный груз.

— Топор да географические карты.

— Географические? Нормально. А вот на таком топоре впору кататься с горок, как на санках! Можно еще бросать его на дно вместо якоря, ставить как парус или прятаться под ним от дождя на стоянках. К чему тебе такое огромное лезвие? Расплавив его, можно, пожалуй, соорудить пушку или понаделать всякой утвари да открыть скобяную лавку. Ладно, в общем, от тебя, может, и будет прок, если ты не продырявишь ножищами днище моего каноэ. Ну а тебе зачем винтовка? Приличное, кстати, ружьецо... А ты хоть умеешь держать его в руках?

— Мне удалось поразить меткостью дам в Морфонтене.

— Ну что ж. — Он прищурился. — Нашей гребли слабак не выдержит, и ежели вы выдюжите мой темп, то я, Пьер, посвящу вас в вояжеры. Такой чести удостоиваются немногие! Чертовски сложно добиться похвалы от северянина. Но если вы таки окажетесь достойными, то вам придется прикупить бочонок шраба и выставить выпивку всей нашей честной компании! То бишь с каждого из вас придется по два галлона.

— Что такое шраб? — спросил Магнус.

— С тем же успехом ты мог бы спросить, что такое хлеб! Узнай же, тупоголовый осел, что это напиток жизни из рома с сахаром и лимонным соком. Вы готовы к такой чести?

— Мы с нетерпением ждем возможности проявить наши способности, — с поклоном ответил я.

— Вы получите ее. Итак. Во-первых, усвойте, что нужно аккуратно сидеть на тюках с товаром и с крайней осторожностью залезать и вылезать из моего каноэ. Крен ему совершенно противопоказан. Ноги надо ставить на ребра каркаса, чтобы не пробить обшивку из березовой коры, поскольку никому не охота стать очередным утопленником озера Верхнего. Грести будете в ритме песен и всячески оберегать каноэ от подводных скал или мелей. Когда будем причаливать на ночевки, надо выпрыгивать из лодки в воду, сначала разгружать тюки, а потом аккуратно выносить каноэ на берег. Понятно?

— Мы будем крайне осторожны.

— Ради вашей же собственной безопасности. Наши грузовые каноэ легки и быстроходны, их можно починить за часок-другой, но они ранимы и чувствительны, как женщины. — Он показал на Аврору. — Обращайтесь с ними, как вон с той дамочкой.

На самом деле, если вспомнить, как извивалась и билась эта дамочка в пылу страсти, пару изрядных ссадин она уже получила, но я не стал говорить об этом. Некоторые воспоминания лучше держать при себе.

Наконец, с прощальными криками и пушечным залпом мы покинули американский форт и продолжили плавание.

Обшитое корой каноэ может показаться хлипкой лодкой для передвижения во внутренних морях, но здешние леса поставляли все необходимое для сооружения этих удивительно быстрых и влагостойких лодок. После дневного перехода смола и кора помогали заделать любую брешь, и при необходимости их легко можно было перенести на плечах на дальние расстояния. Пьер стоял на коленях на носу, следя за встречающимися подводными скалами и бревнами, задавал ритм своей песней, и, четко следуя за ним, мы погружали весла в воду, делая до сорока гребков за одну минуту. Безошибочный курс поддерживал на корме рулевой по имени Жак. Лопаста весел золотились на солнце, рассыпая капли, как бриллианты, и отгоняя чертовски упорных и назойливых насекомых, стаи которых с жужжанием устремлялись с берега за нашим челном. С озера веяло прохладой и свежестью, а яркое солнце вовсю поджаривало наши макушки.

Гребля неизменно сопровождалась общей бодрой песней, либо французской, либо английской.

Серебристую сдеру бересту
И корнями ей края оплету,
Из березы белой сделаю весло,
Поплывет с ним моя лодка легко.

Ты лети, мое каноэ, вперед.
Пусть судьба меня по жизни ведет.
По волнам, через пороги лети,
Никогда ты не собьешься с пути.

По сравнению с Магнусом и со мной вояжеры, конечно, выглядели коротышками, но зато эти крепкие низкорослые французы обладали неутомимостью водяной мельницы. Уже через полчаса я начал задыхаться, а вскоре обливаться потом, несмотря на поднимающийся от воды холодный воздух. Мы безостановочно продвигались вперед, делая, по-моему, около шести миль в час — удвоенная скорость флота Наполеона на пути в Египет, — и в тот момент, когда я, казалось, окончательно выбился из сил, зычный голос Пьера объявил перекур, и наша бригада, положив весла, разожгла трубки и закурила. Подобное этому удовольствие в течение трудового дня бывало через каждые два часа, и это напомнило мне о регулярных альпийских привалах в армии Наполеона. Солдаты доставали табачные смеси, приправленные патокой и ромом, забивали их в трубки, поджигали с помощью трута, запаленного от высеченной кремнем искры, и затем, устроившись поудобнее и прикрыв глаза от слепящего солнца, блаженно покуривали, выпуская ароматный дым. Это быстродействующее снадобье превращало их в счастливых и довольных детей. Наша маленькая флотилия, подобно крошечным листочкам, дрейфовала по волнам обширного озера с такой студеной и чистой водой, что при желании мы безбоязненно зачерпывали ее ладонями и утоляли жажду.

После очередной зычной команды мы быстро вычищали трубки, угольки с шипением гасли в воде и все вновь дружно брались за весла. Пьер заводил новую песню, хор подхватывал ее, и очередные два часа команда упорно гребла, стараясь пройти как можно дальше за невероятно длинные и теплые дни. Аврора продолжала надменно нежиться под своим зонтиком, а Сесил, набравший в дорогу целый ранец карманных книг, прочитывал их и выбрасывал в воду, видимо полагая, что никто из его неотесанных спутников не обучен грамоте. Порой, отвлекаясь от чтения, он наблюдал за утками или другими водоплавающими

и вдруг начинал палить из ружья — лающий звук выстрелов гулко разносился по берегам. Он никогда не промахивался, но мы также ни разу не помедлили, чтобы забрать его добычу. Его светлость попросту развлекался. Когда птицы в испуге расплывались и разлетались, он перезаряжал ружье и, положив его на колени, возвращался к чтению.

На закате мы разбили лагерь в бухточке под высокой приметной сосной с обрубленными нижними ветвями, но с зеленеющим на вершине хохолком, оставленным в качестве путевой вехи. Такие обрубленные снизу деревья, как мы узнали, отмечали места удобных стоянок на всех маршрутах каноэ. Мы подошли к живописному мысу с галечным берегом и высокой травой, зеленеющей в березовой рощице. Пьер выпрыгнул из каноэ и, оказавшись по колено в воде, остановил его продвижение, а потом аккуратно повел к берегу. Все мы по очереди быстро выпрыгнули из лодки.

— Холодная! — пожаловался Магнус.

— А вы что, тоже ученый? — откликнулся Пьер. — Надо же какое наблюдение! В том-то и фокус: для согрева мы будем шустро работать да побыстрее разведем костры.

Полегчавшее каноэ осторожно, чтобы днище не задело гладких камней на мелководье, подвели поближе к берегу, и тогда мы все вытащили тюки с товарами и, сложив из них своеобразную баррикаду, накрыли ее брезентом. Наконец по громогласной команде над водой с фонтанами брызг взлетела опустевшая лодка, потом ее дружно вскинули на плечи, вынесли на берег, боком поставили на траву и подперли веслами, в результате чего сразу получился импровизированный навес для ночлега. Быстро разведя костры и набрав воды, мы зарядили ружья и сели покурить в ожидании того момента, когда сварится наш горох со свиной и подсушатся галеты. Точно изголодавшийся пес, я набросился на это походное угощение.

— Правильно, лопай, лопай, колдун! — одобрительно сказал Пьер. — И ты тоже, богатырь, не зевай! Чем больше сожрем запасов, тем легче станет каноэ Радиссона, да к тому же сколько бы вы ни слопали за это плавание, все равно отощаете как черти! Да уж, на такой работенке сгорят все ваши телесные накопления! Наедайтесь вдоволь, ведь после Гранд-Портиджа вам не подадут никакой свинины, потому-то монреальцев и окрестили свиньедами, но только те, кто перезимовал там, могут считаться настоящими северянами.

— А что же вы едите после Гранд-Портиджа? — проглотив очередную добавку, поинтересовался Магнус.

— Индейцы называют эту жратву пеммиканом.²⁸ В нее много чего намешано: сушеная дичь, жир, ягоды, — в общем, получается жуткое месиво с рисом или зерном. Горожане плюются да воротят нос от такой непотребной еды, но для работяг, просидевших день на веслах, она — чистый нектар. Фунт северного пеммикана стоит восьми фунтов хлеба! Конечно, через пару месяцев вам отчаянно захочется обзавестись хоть какой-то скво. И не только ради того, чтобы припасть к ее жаркому лону, уверяю вас, а ради ее умения находить в лесу много полезной и вкусной снеди.

— А чего ради мы гоним с такой бешеной скоростью? — спросил я, глотнув воды. — У меня теперь все тело ломит, словно его растягивали на дыбе.

— С бешеной? Да мы ползем со скоростью улитки, если принять в расчет громадные просторы этой страны. Ты, может, думаешь, что солнце будет греть вечно? В Гранд-Портидже мы встретим вершину лета, и тогда, сказав нам прощай, любящее светило заспешит на юг, а северные деньки начнут укорачиваться. Все наши помыслы связаны с приближением морозов. И мы гребем изо всех сил, чтобы опередить холода. Мы идем как можно быстрее, чтобы северяне успели вернуться на дальние фактории Канады, прежде чем

²⁸ Вяленое мясо бизона или оленя, нарезанное тонкими ломтями либо мелко растолченное и смешанное с равным количеством топленого бизоньего жира или костного мозга, иногда с добавлением толченой дикой вишни. Пеммикан хранится в особых парфлешах, оставаясь пригодным в пищу в течение 4–5 лет. В период освоения Фронттира такой способ сохранения мяса трапперы переняли у индейцев. Им пользовались и коренные жители Аляски.

все водные пути скуют льды. При наличии лыж или снегоступов зимой можно отлично прогуляться, верно, да только если вам не придется тащить за собой товарный груз.

— Но на такой скорости мы доберемся туда гораздо раньше назначенного у вас сбора.

— Не беспокойся, колдун, в озере Верхнем нас ждет столько ветров да штормов, что мы будем долго, точно привязанные, маяться на берегу. У того ледяного озера ведьминский нор, оно никогда не позволяет человеку спокойно пройти по его водам.

Глава 23

Каждый вечер нашего лодочного похода Аврора и Сесил в компании прочих мелких буржуа собирались в небольшой палатке, а вояжеры укладывались на отдых под своими каноэ. Нам же с Магнусом, по статусу заурядным пассажирам, выдали куски парусины и веревки, из которых мы сооружали каждый себе сносное укрытие. Сознавая незавидность своего положения, я улегся спать, сунув под голову свернутый сюртук, закутался в шерстяное одеяло и провалился в сон, едва моя голова коснулась импровизированной жесткой подушки. Но посреди ночи мой навес вдруг рухнул, едва не задушив меня пропитанной влагой тканью. Что за черт?

— Подымайся, американец, или ты думаешь, что тебе позволят дрыхнуть целый день? — крикнул Пьер, пиная меня через парусину обутой в мокасин ногой.

— Да еще же тьма кромешная, — огрызнулся я. — Ты зря только перебудешь целый лагерь!

Ответом мне послужил дружный хохот.

— Все, кроме тебя, уже на ногах! Мы, северяне, не привыкли нежиться по утрам! Даже свиноеды встают пораньше тебя!

— По утрам? — Я протер глаза.

Звездная лента Млечного Пути еще дымилась на небосводе, хотя восток окрасился слабой синевой отдаленного рассвета. На разожженных вновь кострах уже закипали остатки вчерашней трапезы. Полностью готовые к отплытию Сесил и Аврора выглядели достаточно нарядными, чтобы прогуляться по Пикадилли.

— Давайте, давайте, наедайтесь, ведь скоро нам опять садиться на весла. Подкрепись и ты хорошенько, американец! Да не рассусоливай, надо еще успеть взглянуть на мое резное рукоделие. Я уже увековечил память о наших гостях на обтесанном дереве!

Мы заглотили остатки ужина, а потом проследовали за нашим лоцманом к путевой вехе. Как мы увидели, нижнюю часть ствола густо покрывала резьба, напоминавшая о некоторых важных особах, заглянувших на этот мыс. В основном там встречались шотландские и английские фамилии типа Маккензи, Дункан, Кокс и Селкирк. Вояжер зажег свечку и поднес ее к стволу, чтобы мы смогли прочесть нужные сведения.

— Вот, смотрите, как вас тут обессмертили!

«Лорд Сесил и леди Аврора Сомерсет, — гласила надпись. — За компанию с двумя осликами».

— Ослами!

— Если будете пару дней грести как нормальные парни, то на другом дереве я, может, вырежу и ваши имена. От такой гребли ваши ноющие плечи должны загореться огнем, да таким огнем, что вам захочется поплакать на материнской груди. Но вы не заплачете, а просто будете грести дальше! Вот тогда удалой северянин Пьер окажет вам почет и уважение.

Мы, все простые смертные, остановились на ночевку в форте Святого Джозефа, а наши аристократы Сесил и Аврора расположились на берегу, поскольку частокол вокруг крепости был закончен лишь наполовину. Огромные штабеля ошкуренных стволов, срубленных и приволоченных сюда за прошедшую зиму, высились готовые для установки на места — и для предотвращения внезапного нападения лес отступил больше чем на милю. Несмотря на назойливую мошкар, я быстро уснул, тем более что меня лишили шансов пофлиртовать с

отделившейся Авророй. А потом в предрассветном тумане нас опять подняли и мы поплыли дальше, слушая приглушенное пение, доносившееся с маячивших впереди и позади каноэ. Теперь больше не будет ни одного форта до самого Гранд-Портиджа.

Когда мы вошли в тридцатимильный проток, соединяющий озеро Гурон с озером Верхним, то сразу почувствовали, как трудно грести против течения. В Су-Сент-Мэри, изобиловавшей порогами или быстринами, мы в очередной раз принялись разгружать каноэ, перетаскивая товары на своем горбу, я взвалил на спину девяностофунтовый тюк, а Пьер и Магнус закинули на плечи вдвое больше. Но за одну ходку нам все равно было не уложиться. Наш переход с грузом составлял около мили, то есть полчаса мы тащились до более спокойного участка реки, а потом налегке, отдыхая, отправлялись обратно за очередной ношей. На этих порогах обычно рыбачили индейцы с копьями и сплетенными из коры сетями, и от их стоянки, над которой кружили тучи мух, жутко несло дерьмом. Бывалые вояжеры выставили около нашего склада охрану, считая индейцев ворами и зная, что они, в свою очередь, искренне не понимают, почему эгоистичные бледнолицые богачи не желают делиться собственным добром. Перетащив последние тюки с товарами, мы вернулись за каноэ. Конечно, грузовые каноэ относительно легковесны, но пропитанные водой все равно тянут на несколько сотен фунтов. Во время этого вояжа я ощущал себя как человек, несущий гроб на каких-то бесконечных похоронах. Наконец мы обошли опасные пороги.

— В Гранд-Портидже ты увидишь мужчин, способных перетаскивать зараз по три или даже четыре тюка, — отдуваясь, сказал Пьер. — Когда они так нагружаются, то выглядят как дома на ножках.

— А в Париже ты увидел бы мужчин, не способных поднять больше пары игральные кости или гусиных перьев, — простонал я в ответ.

— Ну, то не мужчины, месье. Городские паразиты, не способные ничего сделать самостоятельно, вообще не знают, что такое настоящая жизнь.

От Сесила, однако, никто не ждал помощи в переноске багажа. А надменную и чопорную Аврору переносили на плечах два вояжера, и она взирала на всех свысока, словно царица Савская, очевидно принимая подобные почести как должное. За ней, восторженно смеясь, бежали детишки из рыболовецких стоянок индейцев. Они сопровождали ее до тех пор, пока матери не призывали их обратно, но наша царственная особа не удостоивала их даже снисходительным взглядом.

И вот мы вышли на просторы самого большого из Великих озер. Вода в нем казалась совершенно прозрачной, и я видел уходящий в глубину гранитный склон так ясно, словно он мерцал в жарком воздушном мареве. Мы взяли курс к северному берегу по синим, протянувшимся до самого горизонта водам озера Верхнего, более ярким и темным на вид, чем в Гуроне. Берега справа от нас начали повышаться, вздымаясь отрогами розового и серого гранита с цеплявшимися за их трещины стайками низкорослых деревьев, среди которых выделялись березы, ольхи, сосны и ели.

Нам сопутствовал теплый восточный ветер, и мы, установив на шест импровизированный парус, позволили ему нести нас на запад, а сами прилегли на тюках, с благодарностью нежась в дремотном покое, отдыхая от изматывающей гребли. Убаюкивающую легкую качку каноэ сопровождала тихая колыбельная плещущих волн.

Неожиданно усилившийся ветер сменился на юго-восточный, и небеса в том направлении угрожающе потемнели. Парус изогнулся, каноэ накренилось, и нам пришлось быстро свернуть ветрило.

— Надвигается шторм! — крикнул Пьер, обернувшись к рулевому.

Жак кивнул, глянув через плечо на черные тучи. Капитаны других каноэ тоже выкрикивали предупредительные команды.

— Я же говорил вам, что это озеро не преминет показать свой ведьминский нор, — сказал Пьер. — Гребите теперь, мои ослы, гребите что есть мочи! В лиге отсюда есть тихая бухта, и мы должны дойти до нее, прежде чем разыграется стихия, если не хотим узнать, что

значит вплавь добираться до Гранд-Портиджа! — Зачерпнув пригоршню воды, он брызнул ею на нас. — Чувствуете, какая ледяная кровь у этой ведьмы?

За нашими спинами сверкнула молния, и над водой прокатился низкий зловещий рокот. Гроза уже раскинула по вспыхнувшему небу пляшущие зигзагообразные щупальца, и ветер принес нам странный, запомнившийся мне в пустыне электрический запах. Вокруг нас грозно вздымались серо-стальные волны. Даже Пьер, переместившись со своего лоцманского места на носу, взялся за весло.

— Поднажмем, парни, если не хотим упокоиться в этой ледяной бездне!

Порывы ветра становились все сильнее, а крутобокие волны упорно подталкивали нашу флотилию к берегу. Нам пришлось четко держать курс, чтобы не врезаться в гранитные скалы, прежде чем мы достигнем мелководья и сможем безопасно высадиться на землю. Грозно вздымающиеся волны пресной, обжигающе ледяной воды имели иной привкус, чем морские. Впервые вода начала перехлестывать через борта лодки.

— Эй, американец, — крикнул Пьер, оборачиваясь ко мне, — от тебя тут меньше всего толку! Бери котелок и начинай отчерпывать воду, да поосторожней, не проткни обшивку, а то всем нам хана!

В общем, его слова взбодрили меня. Орудую котелком, я размышлял о том, чего стоит больше бояться — той воды, что перехлестывает через борт, или того фонтана, что может хлынуть, если я от усердия зацеплю котелком кору, покрывающую днище. После очередного громового раската нас накрыла серая завеса дождя, озеро шквально вскипало за бортами, избиваемое тяжелыми каплями. Я уже едва различал берег, за серым туманом маячила лишь белая прерывистая линия бурунов. Грохот стоял почище артиллерийской атаки.

— Хорал Тора! — вскричал Магнус. — Именно основы такого его могущества, Итан, нам и надо отыскать.

— Не нам, а тебе, — проворчал я.

Запуская в грозу воздушного змея, Франклин вел себя как безумец, но Бладхаммер был ему под стать. Достаточно одного случайного разряда, чтобы от нас осталось мокрое место.

— Эй, колдун, приручи-ка молнию! — крикнул Пьер.

— Для этого мне нужны особые приспособления. Для начала необходимо выбраться из воды, прежде чем молния сожжет нас.

Уж я-то видел, какова может быть огненная мощь молнии.

Я глянул на каноэ Авроры. Ее волосы растрепались, а сама она с мрачной решимостью, отбросив зонтик, ожесточенно орудовала веслом. Сесил также, отложив книгу и ружье, занялся греблей, его промокший цилиндр надвинулся на лоб до самых бровей, и с полей ручьями стекала вода.

В нашей собственной посудине Магнус греб с таким остервенением, что его весло зарывалось в волны вместе с руками, а Пьер, чтобы уравновесить богатырскую силу норвежца, переместился к другому борту.

— Может, стоит избавиться от нескольких тюков, чтобы понизить уровень осадки, — предложил я, пытаясь перекричать грозовые раскаты.

— Ты что, совсем сбрендил? Я скорее побратаюсь с озерной ведьмой, чем буду объяснять Симону Мактавишу, почему его драгоценный груз отправился на дно Верхнего! Отчерпывай, колдун! Или придумай, как успокоить бурю!

Нас швыряло по волнам, как листья в водовороте, зловеще темный берег становился все ближе, а наши гребцы пока отчаянно пытались кружить на одном месте, чтобы нас не вынесло на каменистую отмель. Береговая линия тускло белела впереди, сурово ощеряясь валунами и жилистыми деревьями, стволы которых дрожали и гнулись под шквальным ливнем.

— Гребите, друзья! Гребите, иначе нам придется сосать на дне ведьминскую титьку!

Спина моя уже горела огнем, как и предсказывал Пьер, но об отдыхе не могло быть и речи. Мы приблизились к мысу, о который, вздымая огромные фонтаны брызг, разбивались могучие волны, и сквозь тусклую пелену дождя, на фоне мятущейся природы я разглядел

жуткие и белесые сооружения с острыми перекладами.

— Кресты! — завопил я.

— Ага! — откликнулся Пьер. — Не каждому экипажу удастся достичь спасительного укрытия, и это памятники спасовавшим перед стихией вояжерам. Запомни их хорошенько да начинай поживей отчерпывать!

Периодически озаряемые светом молний, они выглядели как бледные распятые скелеты.

Никогда еще мне не приходилось так яростно вычерпывать воду, мускулы дрожали от напряжения, вены на шее вздулись, как веревки. Я глянул вокруг. Аврора тоже работала черпаком, глаза ее расширились от страха. Ливень, казалось, превратился в настоящий потоп, дождевые струи сливались в сплошную стену и хлестали по лицу с такой силой, что у меня возникло четкое ощущение, будто я уже тону. На дне каноэ накопилось дюймов шесть воды. Я вновь наполнил котелок и лихорадочно выплеснул его содержимое за борт.

Оглянувшись назад, я заметил, что одно каноэ пропало из вида, и предупредил Пьера.

— Их уже не спасти, они погибнут от холода! Гребем, гребем!

Наконец мы пронеслись мимо обрывистого берега при входе в бухту, каноэ взмыло вверх и, прокатившись по гребню волны, осторожно легло на новый курс. Жак с ожесточенной сосредоточенностью крутил руль, удерживая лодку на плаву. Нас отбрасывало обратно в штормовые глубины, но под барабанившим ливнем мы упорно продвигались к защищенной скалистыми берегами гавани, в содрогающейся на их гребнях листве жутко завывал ветер. Впереди показался красноватый галечный берег, ближайšie к носу гребцы выпрыгнули за борт и оказались по пояс в воде, а волны добирались им до подмышек.

— Следите, чтобы каноэ не врезалось в дно!

Коченея в ледяной воде, мы удерживали лодки на месте, видя, как наши водонепроницаемые тюки подбрасываются беснующимися волнами, заодно обстреливающими нас галечными залпами. Аврору слегка приподняли, и она, почти свалившись за борт, оказалась на мелководье, юбки помешали ей сразу восстановить равновесие, но в итоге поднявшись на ноги, пошатываясь и расплескивая воду, она слепо направилась к берегу, таща за собой раскинувшееся парусом платье. Опомнившись, она вернулась и, вытащив один из тюков, побрела обратно. Мужчины, перевернув каноэ, слили из них воду и потащили, как гусениц, туда, где им не грозил штормовой ветер. Я взглянул на вздымающуюся темную сушу. Вверх уходили обрывистые и суровые кручи, смутно маячившие в тусклом штормовом свете. Сверкнувшая молния ударила в один из горных отрогов.

Я мельком оглядел нашу компанию. У всех с волос ручьями стекала вода, усы вояжеров повисли, как отростки плауна. Даже кудри Авроры почти распрямились, побежденные ливневой стихией.

— Да, не слишком быстро мы теперь попадем в Гранд-Портидж, — сказал Пьер. — Это озеро так просто нас не выпустит. Теперь понимаешь, американец, почему мы гребли с бешеным упорством, пока имели возможность?

— А что было бы, если бы мы не оказались поблизости от этой бухты?

— Тогда отправились бы к праотцам до срока, хотя когда-нибудь всем нам суждено встретиться с ними. Что и произошло бы, если бы ветер дул нам навстречу. Такое тоже бывало, нас относило далеко назад, и мне приходилось долго блуждать по волнам в поисках сносного укрытия.

— А как быть с отставшими?

— Выйдем на мыс и посмотрим, где они. И если озерная ведьма не выпустила их из своих объятий, то завтра установим новые кресты.

— Эти идиоты потеряли чертовски ценные грузы! — возбужденно воскликнул Сесил. — Им придется держать ответ перед морским дьяволом, но мне-то придется отчитываться перед Мактавишем!

Нам так и не удалось найти тела утонувших вояжеров, но часть тюков с товарами

вскоре прибило к берегу, их спасла надежная брезентовая упаковка. Как только распогодится, все промокшие товары будут высушены под жаркими солнечными лучами.

* * *

Гроза унеслась дальше, на западе из-за туч выглянуло низкое солнце. Совсем закован, я дрожал от холода и с огромным удовольствием отправился поразмяться, когда Пьер предложил мне сходить вместе с ним в лес за сухими дровишками. Магнус тоже увязался за нами, размахивая здоровенной секирой и продираясь по тропе, как дикий лось. Почти сразу мы оказались в заросшей березовой роще, покрытой густым мхом, до нас еще доносился шум ветра и рев волн, но нашу тропу поглотили дикие заросли. Вскоре я уже окончательно потерял ориентацию.

— А как мы выберемся отсюда?

— Наши блуждания оставляют явные следы, к тому же мы ведь слышим шум волн. Хотя мне больше нравятся открытые водные просторы, а не лесные чащи, где приходится плутать вслепую. Как-то раз мои приятели отправились погулять, решив пройти сотню шагов да набрать ведерко ягод, а в итоге бесследно исчезли. Одни винят индейцев, другие — медведей или даже самого Вендиго. А по-моему, так просто лесной дух порой, проголодавшись, подкрепляется человечинкой.

Я огляделся. Деревья подрагивали, тени стали глубже, отовсюду доносились звуки всхлипывающей и капающей воды. Один я мог бы заблудиться здесь надолго.

Пьер, однако, казалось, уверенно вел нас в нужном направлении. Под защитой скального навеса нам попалося накренившееся дерево, его нижняя часть сильно подгнила, и мы довольно быстро нарубили по целой охапке сухих поленьев и набрали мха на растопку. Следуя за Пьером, мы с легкостью вышли обратно к стоянке, где остальные вояжеры уже развели костры с помощью кремня, огнива и пороха. Тем временем Магнус, разрубив своим топором более объемистое дерево, теперь занялся прибитым к берегу плавником, легко, с одного удара, превращая его в удобные поленья. Я подбросил свою охапку в нашу огненную пирамиду. Вскоре на стоянке уже потрескивали три завывающих костра. От одежды повалил пар, когда вояжеры, подобно краснокожим дикарям, пустились в безумные пляски, выкрикивая непристойные французские песни. Они радовались спасению и печалились, оплакивая товарищей, гибель которых, видимо, считалась у них таким же обычным событием, как сам шторм. Смерть в этих суровых северных краях неизбежна, как снегопад.

Спустившееся к линии горизонта солнце окрасило влажный берег и отступивший к холмам лес золотистыми блестящими красками. От установленных парусиновых палаток нашего избранного общества поднимался пар, а Сесил, вскрыв бочонок рома, выдал каждому по глотку, даже Аврора, как заправский матрос, хлебнула обжигающего напитка.

По нашим лицам блуждали глупые улыбки, частенько появляющиеся у людей, неожиданно избежавших смерти. Ничто не заставляет воспринимать саму жизнь с большей радостью, чем преодоление смертельной опасности.

Когда прогоревшие дрова превратились в хорошие угли, мы с урчащими от голода животами принялись готовить горох со свиной и кукурузную кашу. Здешние кашевары обильно сдабривали зерновую похлебку свиным жиром.

Дрожа от изнеможения, мы набросились на еду, словно изголодавшиеся животные. Вытерев рот тыльной стороной ладони и облизнув ее, Пьер обратился к Сесилу:

— Лорд Сомерсет, мы понесли сегодня потери, но главное — остались живы. По моим наблюдениям, наши ослы не ударили в грязь лицом... может, потому, что им не хотелось отстать от вашего каноэ, где гребла даже ваша очаровательная кузина?

— Если Итан и Магнус вымотались так же, как я, то мы все сегодня потрудились на совесть.

— Конечно, они еще не северяне, но, вероятно, уже достойны уважения монреальской компании свиноедов, так ведь, мои любящие окорока друзья?

— Один свиноед заткнет за пояс сотню северян! — воскликнул его монреальский компаньон. — Но что верно, то верно, нужно, пожалуй, принять их в наши ряды, проведя обряд посвящения.

Пьер, повернувшись к нам, величественно сложил на груди руки.

— Итан и Магнус, сегодня вы узнали, каков подлинный норв великого озера и, к моему большому удивлению, не только выжили, но и не позволили ему смутить ваши души. Собственными глазами я видел, как вы изо всех сил гребли и отчерпывали воду, помогая провести наше каноэ мимо мыса Мертвеца, и проявили нестигаемую волю к жизни, крайне необходимую в этой суровой земле. Да, порой умирают вояжеры, но их место занимают новички. По-моему, пора вам стать настоящими членами нашего братства, если, конечно, вы не боитесь удостоиться такой высокой чести.

— Я ужасно устал и весь дрожу от перенапряжения, — признался я.

— Через пару недель ты забудешь, что когда-то был таким неженкой. Поэтому мы склонны окрестить вас немедленно.

Он взял сломанную ветром сосновую лапу и спустился с ней по красноватому галечному берегу к горящей в закатных лучах полосе прибоя. Окунув хвойную ветку в воду, он вернулся и окропил наши головы озерными брызгами.

— Властью, данной мне как северянину Северо-Западной компании, я посвящаю вас в члены нашего братства! Отныне вы не просто ослы, а имеете право на личные имена, и завтра на рассвете я вырежу их на дереве.

— Это большая честь, — сказал Магнус. — Если нам удалось удовлетворить твои требования, то и сам ты, малыш, удивил меня своей выносливостью. Да, приятель, силища у тебя богатырская.

— Еще бы мне не удивить тебя, — гордо кивнув, заявил Пьер. — Французский вояжер стоит сотни норвежцев. — Он глянул на меня. — А теперь вам положено отблагодарить нашу компанию за такую честь, достав серебряные доллары и купив у лорда Сомерсета два бочонка шраба, как того требует обычай.

— Откуда ты знаешь, что у меня есть серебряные доллары?

— Глупый ты, американец! Разумеется, пока ты дрых без задних ног, у нас была масса возможностей порыться в твоих вещичках. Господь велел делиться! А у вояжеров не может быть никаких тайн друг от друга! И нам известно, что ты сможешь позволить себе угостить нас еще и в Гранд-Портидже!

Я решил припрятать несколько монет на всякий случай под стельку моих мокасин.

В общем, пирушка стала вполне заслуженным завершением драматичного дневного шторма, и ром живительным огнем полился в наши глотки. Ближе к ночи вновь разожгли костры, снопы искр взлетали в уже очистившееся от туч и полное звезд небо, а палатка Авроры порозовела, освещаемая изнутри горящей свечой. Пьер сказал, что завтра мы будем отдыхать, и тут меня осенило, что можно погулять на славу, раз завтра я смогу выспаться. После смертельной дневной опасности мне вдруг отчаянно захотелось прочувствовать всю полноту жизни. Изрядно захмелев, я покинул поющую у костра компанию и, отойдя в темноту, незаметно подобрался к входу в розовую палатку. Несомненно, Аврора уже готова сменить гнев на милость.

— Аврора! — прошептал я. — Это я, Итан! Как вы и предполагали, я пришел, чтобы позаботиться о вас. В такую холодную ночь, объединив усилия, мы можем отлично согреть друг друга.

Из палатки не донеслось ни звука.

— Аврора?

— Какая наглость, господин Гейдж. Я вас не приглашала. В конце концов, у меня приличная репутация. Нам нужно быть осторожными.

— Осторожность является моим особым даром. Держу пари, что сумею быть тихим какмыш в отличие от вас.

— Да вы наглец, Янки-Дудл!

— Зато очень приятный в общении. Я надеюсь, что ваши воспоминания так же сладостны, как мои.

Мне совершенно непонятно, почему женщин нужно так долго уговаривать, чтобы они признали очевидное. К счастью, я фонтанировал обаянием. Как говаривал Франклин: «Крепость, как и девственница, долго не продержится, если начать переговоры».

— Но разве что-то изменилось, Итан Гейдж? — спросила она. — Если человек не желает делиться своими планами, то ни о какой подлинной близости не может быть и речи. Только полное доверие способно породить любовь. Невозможно объединить усилия, пока мне неизвестно, какие цели вы преследуете.

О боже, для общения с женщинами порой требуется поистине ангельское терпение!

— Я простой разведчик! Честно говоря, мне самому не ясны мои цели. Я просто странствую, надеясь найти нечто интересное.

— Я не верю вам. И буду сомневаться в собственных чувствах, пока вы не убедите меня в реальности нашего содружества. Представьте, что будет, если мы объединим усилия в ваших изысканиях.

— Аврора, я уже говорил... мы собираемся искать слонов.

— Итан, я поделилась с вами *всем*, — громко вздохнув, обиженно заявила она. — *Всем!* А вы в ответ одариваете меня всякой чепухой!

— Я готов прямо сейчас подарить вам всего себя.

— Спокойной ночи, сэр.

— Но, Аврора!

— Пожалуйста, не вынуждайте меня звать на помощь кузена.

— Должна же у меня остаться толика надежды!

Молчание.

— Ну проявите хоть каплю жалости!

Я не люблю унижаться, но порой это срабатывает, и чем больше я думал о ней, тем больше возбуждался. Я сам понимал, что окончательно сбился с праведного пути.

— Отлично, — наконец ответила она. — Если вы научите меня хорошо пользоваться тем замечательным ружьем, которым так гордитесь, то, возможно, и дождетесь снисхождения. Стрельба стала моей страстью.

— Вам хочется пострелять из моей винтовки?

— Мы можем поохотиться вместе утром. Охота возбуждает меня.

Я слегка поразмыслил. Может, ей просто хочется удалиться в уединенное местечко? Порезвиться на лесной травке подальше от любопытных ушей и глаз? Я сумею поразить ее меткостью, настрелять некоторое количество дичи, а также, припомнив пару лирических сонетов, сделать массаж ее изящным ножкам на поляне возле ручья... В общем, пока мне пришлось удалиться слегка обескураженным, но далеко не сдавшимся.

Я вернулся к костру, вокруг которого собрались выпившие вояжеры.

— Ты выглядишь разочарованным, приятель! — воскликнул Пьер, сделав очередной глоток рома. — Тебя же только что приняли в члены нашего братства, неужели ты не можешь дождаться, когда твое имя увековечат на дереве?

— Я искал женского тепла.

— Ах, женщины! Их холодность способна нанести серьезные раны.

Сидевшие вокруг костра сочувственно покачали головами.

— Итан, неужели ты еще не понял, что твой мирской успех обратно пропорционален твоим романтическим достижениям? — укоризненно сказал Магнус. — У нас будет возможность открыть гораздо большие сокровища, чем Аврора Сомерсет!

— Но она здесь. А сокровища скрываются в туманной дали.

— Плюнь ты на эту капризную дамочку, — поддержал его Пьер. — С такими одна морока. Красна ягодка, да на вкус горька!

— Но она чертовски красива, — простонал я, сам смутившись от заунывной тоски, прозвучавшей в этомestone.

— Не краше половины смуглянок в Гранд-Портидже, к тому же они в сто раз более благодарны и отзывчивы. Там ты быстро забудешь эту шлюшку и выберешь себе отличную скво.

— Я не хочу скво.

— Откуда ты знаешь, если еще не знался с ними?

Мне надоели их шуточные выпады и советы, поэтому я покинул их и забрался под каное, где предавался беспокойным мыслям об утренней охоте, сознавая, что Аврора, возможно, дурачит меня, но не слишком переживая по этому поводу. Лучшим способом для восстановления моего спокойствия будет завоевать ее расположение. Вероятно, легче всего она покорится мне вдали от лагеря. Я не мог даже подумать о том, чтобы пролепетать ей бредовую историю о скандинавских молотах, иначе она попросту решит, что мы полные идиоты, и уговорит кузена бросить нас на этом берегу.

Я лежал без сна, слыша, как вояжеры прикончили запасы рома и улеглись спать, а потом до меня донеслось шуршание чьих-то шагов по гальке, около моего импровизированного укрытия, и я увидел сапог. Чуть позже под краем лодки появилось лицо сэра Сесиля.

— Лорд Сомерсет! — Я испугался, что он собирается отругать меня за дерзость.

— Господин Гейдж, — откашлявшись, тихо сказал он. — У нас здесь небольшое общество, и я невольно услышал о вашем огорчении. Настроение моей кухни переменчиво, как у любой женщины. Она разбивает сердца, как чашки, почти не задумываясь. Не стоит так переживать.

— Мы с ней собирались завтра поохотиться, пока остальные отдыхают.

— Вы обнаружите, что она первоклассный стрелок. А пойдя навстречу ее желаниям, вы сможете укротить ее.

— Так значит, вы не возражаете против нашего дружеского общения?

— Я не возражаю против нашего партнерства.

Прошуршав по гальке, он удалился, а я осознал, что он сам заинтересован в каком-то союзе. Уже проваливаясь в сон, я подумал о том, почему вообще Сесил Сомерсета волнует роман его кухни с подобным мне бездельником.

Глава 24

Вояжеры отсыпались после попойки, а меня на рассвете растолкала Аврора. Она облачилась в небесно-голубой охотничий камзол с короткими фалдами, бриджи и сапоги. Роскошные волосы она собрала на затылке, а на руки натянула замшевые перчатки.

— Давайте же испытаем вашу знаменитую винтовку! — воскликнула она с живостью сказочного бурундучка.

Не успев толком выспаться, я мысленно застонал, но вскочил, словно кукла на пружинке, ведомый хмельным желанием произвести на нее впечатление. Возможно, бурундучья глупость поразила именно мой мозг.

Сбросив прихотливую маску манерной и беспомощной дамочки, Аврора вскоре обогнала меня, взбираясь на вершину гранитного хребта, под которым расстилались безбрежные синие воды озера Верхнего, и я даже запыхался, стараясь не отстать от нее. Она имела наметанный глаз и, заметив следы дичи, сразу выбрала наилучшую тропу, по которой передвигалась с проворством лани. Я с удовольствием следовал за ней, имея массу времени насладиться восхитительным зрелищем ее стройных ножек, но убедился, что радости жизни в этих диких краях для леди Сомерсет не ограничиваются зонтиками и сундуками с нарядами. Всякий раз, как я пытался добиться ее расположения остроумным или сентиментальным замечанием, она жестом и строгим взглядом заставляла меня умолкнуть, намекая на то, что вот-вот должен появиться наш будущий обед. И действительно, вскоре нам удалось незаметно подобраться к годовалому оленю. Она взяла у меня винтовку и с видом заправского егеря, легко совладав с тяжелым ружьем и его отдачей, с семидесяти пяти

ярдов уложила самца выстрелом в шею.

— Прекрасный выстрел!

— К прицелу вашего ружья надо приспособиться, оно попадает слегка выше и левее намеченной цели.

Достав охотничий нож с рукояткой из слоновой кости, она выпотрошила оленя, позволив мне убедиться в ловкости, с какой смогла оскотить убитое животное. Затем она отрезала голову и, подняв тушу, взвалила ее мне на спину.

— Для меня он слишком тяжел, — заявила Аврора, начиная спускаться обратно по горному склону.

За ночь царственно утонченная женщина превратилась в независимую и немногословную наследницу нашего славного первопроходца Буна, и я осознал, что, несмотря на изящество ее форм, меня не особо волнует такая новая маскировка. Как странно порой действуют колдовские чары, и еще страннее, как порой неожиданно они начинают разрушаться. В итоге я пришел к выводу, что очень плохо понимал как ее натуру, так и возникшие между нами отношения. Вместо того чтобы соблазнить ее, я сам попался в расставленные ею сети, и пыталась околдовать меня не чопорная английская леди, а своенравная охотница — возможно, весьма опасная, как и предупреждал Магнус. Мне вспомнилась его легенда о многоликом Локи, капризном, плутоватом и зловредном скандинавском боге, чьи козни в итоге привели к Рагнарёку, гибели мира.

Но вот мы все же остановились передохнуть у ручья, чтобы освежить усталые и разгоряченные ноги. Причем, выступив с предложением расслабляющего массажа — тактика, безошибочно срабатывающая в деле обольщения любой женщины, — я обнаружил, что разочаровывающая твердость и мозолистость ее конечностей превзошли все мои ожидания и воспоминания. И уж конечно, она не впала в экстаз от моих прикосновений.

— Я начинаю подозревать, что вы гораздо лучше чувствуете себя в этих диких краях, чем я себе представлял.

— Неужели? — Откинувшись на спину, она взирала на меня из-под полуопущенных век. — Да, путешествуя с кузеном, я кое-чему научилась. А стрелять я научилась еще в Англии, благодаря урокам отца и Сесила. Разве вы не согласны с тем, что меткий выстрел доставляет потрясающее удовольствие?

— Как ни странно, меткость вашей стрельбы еще больше роднит нас, — с вкрадчивой задушевностью произнес я. — Мы оба ловко попадаем не в бровь, а в глаз, поэтому можем найти общие интересы не только в постели.

— Охота, господин Гейдж, всего лишь легкое развлечение.

— И я уверен, что кроме охоты мы могли бы порадовать друг друга чем-то более весомым и затейливым, — заявил я, упорно продолжая гнуть свою линию.

— Чем это, интересно, меня могут порадовать французский шпион и норвежский мятежник, блуждающие по лесам заодно с пушным зверьем?

— Я не шпион.

— Но подобно ему храните секреты. Вы действуете по поручениям Бонапарта, Астора и Джефферсона.

— Я всего лишь хочу исследовать природу и жизнь в Луизиане, как уже говорил вам. Особенно меня интересуют слоны.

— Вряд ли. Бладхаммера интересует нечто более важное. Очевидно же, что ваша парочка скрывает замечательную тайну, и я начинаю подозревать, что лично вы даже не до конца понимаете, в чем ее сущность. Вы покорно следуете за любым волевым человеком, вас попросту держат за дурачка. — Отстранившись от меня, она натянула сапоги. — Мы могли бы помочь вам, если бы вы захотели, но, похоже, вы получаете удовольствие, тупо оберегая свои секреты. Не важно. Так или иначе, в Гранд-Портидже все тайное станет явным.

Ее презрительный тон задел меня за живое.

— Так может, до тех пор мы еще успеем получить удовольствие от нашего приятного общения!

— Хватит с вас и одного любовного свидания, — заявила она, вставая с травянистого берега. — Более длительные отношения я завожу только с теми людьми, которым могу доверять.

И, взяв мою винтовку, она вновь начала спускаться с горы.

Взвалив на плечи оленью тушу, я еле распрямился, и внезапно меня расстроило то, что в ее крепких объятиях нахожусь не я, а моя винтовка. Я думал, что она из вежливости поджидала меня на краю скалы, но оказалось, словно совершенно забыв о моем существовании, Аврора напряженно вглядывалась в синевшую внизу бухту.

— Они прибыли, — наконец сказала она.

К берегу подгребало каноэ, оставляя позади себя серебристые расширяющиеся дорожки. На веслах стояли индейцы, но в центре маячила фигура в красном мундире британского солдата. Вояжеры вошли в воду, чтобы вытащить на берег лодку, а ее выпрыгнувшие обитатели быстро исчезли за деревьями.

— Кто прибыл?

— Проводник Сесила.

* * *

Нам понадобилось еще около часа, чтобы спуститься к подножию горы, откуда уже виднелся дым, поднимающийся от костров нашего лагеря. Но примерно в сотне метров от него нам встретился небольшой водоем, благодаря которому произошли судьбоносные перемены. Перед нами за деревьями, в тихом и защищенном от ветра местечке, находилась обрамленная зарослями камыша заболоченная низина. День выдался теплый, и купание могло доставить большое удовольствие. Мы услышали плеск и поняли, что кто-то уже решил искупаться.

До нас донесся женский смех.

В озерце плавали две женщины, их струящиеся волосы раскинулись веером, как бобровые хвосты. Я понял, что, должно быть, именно они прибыли в том индейском каноэ. Застыв в напряженной позе, Аврора выглядела не менее удивленной, чем я. Скрытые листвой кустарника, мы следили за купальщицами. Все виденные мной индейцы были хорошими пловцами, и женщины эти не являлись исключением. Одна из них наконец поднялась из воды и направилась к берегу, все ее бронзовое тело поблескивало в золотистых каплях, и я вдруг невольно издал громкий вздох.

Удивленно вскинув брови, Аврора глянула на меня с кривой усмешкой.

Юная индианка выглядела на редкость соблазнительно, ее груди, хотя не столь полные, как у леди Сомерсет, смотрелись не менее привлекательно, так же как и плавные изгибы ее гладких бедер и изящных ног. Волны плескались возле ее колен, а сама она, видимо, как-то почувствовав наше присутствие, оглянулась, не более смущенная своей наготой, чем лесная лань, и на лице ее отразилось лишь игривое любопытство. Солнечные лучи подчеркивали темноту ее сосков и влажный блеск сбегавшего к бедрам треугольного островка. Для индианки ее кожа оказалась неожиданно светлой, и волосы вместо привычной угольной черноты отливали темной медью. Эта нимфа смотрела прямо на наши кусты, хотя наверняка нас не видела, но вглядывалась в них с настороженным интересом.

— Почему ее кожа светлее обычной?

— Кто знает, — сказала Аврора. — Может, она полукровка или бледнолицая пленница. Пошли дальше.

Когда она вышла из-за деревьев, индианка вдруг резко нырнула в камыши, мгновенно спрятавшись, как дикарка.

— Погодите! — прошептал я.

Теперь уже вторая, более полная и менее соблазнительная особа поднялась из воды и, оглядываясь через плечо, быстро скрылась в прибрежных зарослях.

Аврора насмешливо оглянулась на меня.

— Значит, вы предпочитаете краснокожую дичь.
— А разве у меня есть шанс вкусить белокожей?
— Партнерство, господин Гейдж, партнерство.
— Я просто любознателен, как любой мужчина.
— Да уж не сомневаюсь, вы типичный американец. Но держитесь подальше от них, если вам дорога жизнь.

— Что вы имеете в виду? — Меня порадовало уже то, что она дала себе труд предостеречь меня.

— Вернемся в лагерь. Там вы сами все поймете.

Выйдя из-за деревьев, мы вступили на залитый солнцем берег озера. Перевернутое вверх дном длинное индейское каноэ сушилось на поляне, где неподалеку от стоянки вояжеров его воинственные гребцы разводили костер. Шестеро мужчин в кожаных штанах и набедренных повязках подставили свои бронзовые торсы солнечным лучам. Они непринужденно сидели на корточках, как кузнечики, но производили впечатление крепких парней. Их рельефные мышцы блестели от жира, используемого индейцами для отпугивания мошары.

Я заметил, что мужчина, показавшийся мне английским солдатом, также принадлежал к туземному племени. Его черные как смоль, собранные на затылке волосы украшало орлиное перо. В отличие от своих спутников он носил выцветший британский мундир с потертыми, но начищенными до блеска медными пуговицами. Меня заинтересовало, где он раздобыл его.

Возможно, это был очередной вождь, учитывая, как непринужденно беседовал он с лордом Сомерсетом, и его величественная, под стать этому аристократу, осанка вновь напомнила мне о встрече с Текумсе и Брентом. Похоже, все вожди непобежденных племен имели уверенный и самодовольный вид. Под темными глазами выделялся крупный нос и изогнутые в жесткой усмешке губы. Бугристые сплетения его крепких мышц, насколько я мог видеть, напоминали канаты военных фрегатов. Его взгляд сверкнул при виде Авроры, он явно узнал ее и так же, как на старого знакомого, почему-то глянул и на меня. Неужели мы встречались в одном из фортов? Странно, что я не запомнил его.

— Богиня Диана возвращается с охоты с добычей! — с улыбкой приветствовал кузину Сесил.

— Мы обнаружили не только этого оленя, — сказала она.

— Правда?

— Ваши скво решили искупаться. Верно, Красный Мундир?

— Его рабыни. Ему проиграл их один оджибве. Красный Мундир везет их до Гранд-Портиджа, а потом дальше, в свою родную деревню.

— Они заморозили Итана.

— Его можно понять. Одна из них красотка.

Аврора презрительно фыркнула.

— Итан, похоже, моя кузина нещадно использует вас в качестве бедной выючной лошадки!

— У нее же винтовка, — попытался я отшутиться.

Честно говоря, я пребывал в замешательстве. Мое желание уложить в постель строптивую Аврору Сомерсет позволило ей водить меня за нос, как окольцованного быка, но теперь появились новые претендентки. Разве Пьер не говорил мне о симпатичных скво?

— Что ж, возможно, вы приобретете новую популярность, — заметил Сесил. — Всем нам по вкусу свежая оленина.

— Включая и ваших новых гостей?

— Познакомьтесь с Красным Мундиром, вождем с западных берегов этого озера. Это уникальная личность, плод любви двух издавна враждующих племен — его мать ведет свой род из оджибве, а отец — из дакотов. Мать его попала в плен к дакотам и вырастила сыночка, обучив его обоим языкам. Он много странствовал и стал отменным воином. Я

надеялся на встречу с ним, хотя шторм мог помешать моим планам. Он знает Запад — знает те самые края, в которые вы, вероятно, направляетесь. Он может быть полезен нам обоим. Они переждали эту непогоду на острове к западу от нашей бухты, а утром прошли дальше, чтобы найти нас.

— Приветствую вас, — сказал я, протягивая руку.

Вождь никак не отреагировал на мое приветствие.

— А почему он одет в офицерский мундир?

— Да, это поразительно. Но вероятно, лучше не спрашивать, как он раздобыл его. Не думаю, что он получил его в подарок, и надеюсь, что этот наряд прослужит ему долгое время, позволив не завидовать моей одежде.

— Однако вы доверяете ему?

— Безоговорочно. Красный Мундир не делает тайны из своих воззрений и желаний. Его потребности крайне незатейливы.

Незатейливые потребности Красного Мундира включали оленину, которая помогла нам восстановить силы, и остаток дня мы провели на берегу, названном нами бухтой Спасения, купаясь, латая одежду и подъедая пищевые запасы. Аврора вернула мне винтовку, к тому же почистив ее, и похвалила, увы, не меня, а мое оружие. Замеченные мною в озерце женщины появились в нашем лагере, скромно одетые в индейские кожаные наряды; ходили они, опустив глаза и всем своим видом показывая покорность. Если их и смутило то, что кто-то заметил их купание, то они этого не показали.

— Вон ту красотку зовут Намида, что на языке оджибве означает «Звездная Плясунья», — прошептал мне Пьер, присев рядом на корточки, чтобы раскурить трубку. — Такое имя дал ей первый хозяин. А вторую зовут Лягушкой. Эти мерзавцы выиграли их в кости на стоянке возле порожистой Су. Заодно они устроили там пьяную драку, и Красный Мундир нанес бывшему владельцу женщин смертельный удар томагавком. Теперь они будут жить рабынями в его разбойном племени, пока кто-нибудь из его головорезов не решит взять в жены одну из них. Индейские племена постоянно нуждаются в пополнении, ведь их численность заметно снизилась. Слишком многие умирают от войн и болезней.

Я с интересом разглядывал эту парочку, ожидая, когда же скромницы поднимут глаза. Намида все-таки мельком глянула в мою сторону, когда присела на краю стоянки, а мой ответный взгляд выразил пламенный интерес. На вид я дал бы ей лет двадцать, ее рыжие волосы блестели, как мех выдры, а движения отличались грациозной плавностью. Для индианки у нее была чересчур светлая кожа, хотя ее племенную принадлежность выдавали высокие скулы и большой рот с удивительно белозубой улыбкой, а также своеобразные украшения — шею ее обхватывало ожерелье из игл дикобраза, а одно ухо украшала подвеска из серебряной монеты. Летний наряд позволял оценить красоту ее гладких рук и крепких стройных ног, а вся фигурка... впрочем, я уже раньше оценил ее. Она отличалась от Авроры Сомерсет, как дикий мустанг от породистой скаковой лошади, но, по моим подозрениям, обладала особой природной живостью. Я осознал, что отчасти мой интерес к Намиде подогревала тоска по утраченной мною египтянке Астизе, хотя внешне они имели мало сходства, но, клянусь богом, меня пленило то, с какой изящной легкостью двигались ее обутые в мокасины ножки, как очаровательно покачивались бедра, какую невинность излучал ее уклончивый скромный взгляд! Она совершенно не походила на потрепанных, увядших туземок, которых я видел в Детройте. И вдруг она откровенно взглянула прямо на меня...

— Мне казалось, приятель, что тебя не интересуют скво! — усмехнувшись, сказал Пьер, когда я едва не свернул шею, наблюдая, как она проходит по лагерю.

— У нее голубые глаза.

— Ага, говорят, она из племени манданов... или, скорее, из родственного им племени аваксави... судя по слухам, ее взяли в плен еще девочкой, и она переходила из рук в руки, пока не объявилась в Су. Ее родные края находятся очень далеко отсюда, и, возможно, она надеется, что Красный Мундир отвезет ее поближе к дому. Для индианки у нее очень

странная внешность, верно?

— Неуместная оценка для такой красоти.

Манданы! По-моему, Том Джефферсон предположил, что они потомки скандинавов или валлийцев.

— Мне казалось, что ты до безумия втюрился в Аврору, — вставил Магнус.

Я предпочел не услышать его замечания.

Аврора с явным неодобрением следила издали за нашей оживленной и выразительной беседой, и я порадовался тому, что отплатил ей, вызвав такое беспокойство. Если мне удастся распалить в ней ревность к Намиде, то, возможно, насмешливой британке скорее захочется возобновить нашу близость. Я как раз обдумывал, как лучше подстегнуть ее эмоции, когда Красный Мундир заметил мой пристальный взгляд и отрывисто сказал что-то Сесилу.

Англичанин направился к нам. Аврора, продолжая свои наблюдения, одарила симпатичную индианку злобным взглядом.

— Вы не находите, что эта скво мало похожа на своих соплеменников? — спросил Сесил.

— Да, я не видел пока таких светлокотых индейцев.

— А я слышал о них и даже видел кое-кого. Некоторые считают, что их кровь разбавили валлийцы. В языке нескольких индейских племен даже встречаются валлийские слова.

— Или скандинавские, — заметил Магнус.

— Вы так полагаете? — сказал аристократ, удивленно приподняв брови. — Уж не воображаете ли вы, что ваши дальние предки заплывали в эти края! По-моему, я начинаю понимать, в какую сторону склоняются ваши интересы, Магнус. С другой стороны, возможно, именно валлийцы первыми обосновались на территории предков племени Намиды, а тогда... В общем, по-моему, право первооткрывателей Луизианы могло бы принадлежать и британцам.

— Или история колонизации станет столь запутанной, что никто вообще не сможет предъявить права на Луизиану, — сказал я.

— Держитесь подальше от этих скво, — предостерег нас Сесил. — Я слышал, что манданские девушки обладают поистине неземной красотой и слынут самыми соблазнительными на континенте... но эта славная парочка является собственностью Красного Мундира. А у него дьявольски вспыльчивый характер. Говорят, он слопал печенку бывшего владельца этого мундира.

— Уж не каннибал ли он?

— Они тут все такие, когда у них возникает желание уничтожить своих врагов и приобрести их силу. Я видел, как индейские воины пожирают человеческие сердца, а их скво жарят печенку. Но если уж на то пошло, то вы скорее пожелали бы быть съеденными, чем терпеть неопишуемые мучения предшествующих пыток. Подобные им индианки бывают на редкость жестокими, они с удовольствием всаживают раскаленные на костре палки в самые разные отверстия захваченных пленников.

— Но я ведь только посмотрел в ее сторону, — нервно сглотнув, заметил я.

— Нельзя даже смотреть. Тому, кто не ссорится с Красным Мундиром, удастся остаться в живых. Лучше попросту не замечайте их... если, конечно, вам еще не надоела моя кухня.

— На самом деле, лорд Сомерсет, скорее я надоел ей.

— Я советовал вам потерпеть. Мало кого из мужчин она приглашает на охоту.

— И вряд ли вообще кто-то из них дождется от нее иных приглашений.

Он рассмеялся и отошел от нас, кивнув индейскому вождю.

В эту ночь я спокойно лег спать в одиночестве, утомленный поиском расположения Авроры и шутливыми комментариями моих спутников по этому поводу. Я не прочь изобразить глупца, если рассчитываю в итоге получить славную награду, но даже для меня

унижение имеет свои границы. Симпатия к леди Сомерсет превратилась в антипатию, и я решил окончательно завязать с этим флиртом.

Вдруг до меня донесся тихий звук шагов, кто-то остановился около моей походной подушки, и из темноты прозвучал женский шепот.

— *Sauvez-moi*, — разобрал я слова. «Спаси меня» — это было произнесено на французском, преобладавшем в пушных факториях.

И затем Намида тихо растворилась в ночи.

Глава 25

На следующий день мы погрузили товары и поплыли дальше, держась поблизости от северного берега. Нынешним утром видимость над холодной гладью озера Верхнего была безупречно ясной, прибрежные гранитные скалы поблескивали вкраплениями слюды и кварца. Мне казалось, что французы самые неутомимые гребцы, но индейцы легко заткнули их за пояс, поскольку не делали даже курительных передышек. Хотя однажды, дождавшись нас, все же попросили табачка, чтобы набить трубки.

— Да они чешут как настеганные лишь потому, что мечтают как можно скорее надратись в Гранд-Портидже, — с усмешкой бросил Пьер.

— А я вот думаю, что они попросту выносливее в гребле, чем сам удалец Пьер, — поддразнил его Магнус.

Наши каноэ упорно продолжали бороздить необъятные голубые моря, от постоянного тяжелого труда на протяжении долгой череды длинных летних дней мои руки и торс постепенно обрели крепость стали. Периодически шторма загоняли нас на сушу, и мы с наслаждением отсыпались в лагере, пока ветер и дождь хлестали по брезентовым навесам, а когда наступало затишье, вновь выходили в плавание. На наших вечерних стоянках Намида держалась подальше от меня, и лишь изредка я замечал украдкой брошенные осторожные взгляды ее голубых глаз, хотя с тех пор, как Красный Мундир присоединился к нашей флотилии, Аврора стала вести себя еще более отчужденно. Словно присутствие этого туземного царька требовало соблюдения приличий. Она удалялась в свою уединенную палатку, ни словом не перемолвившись ни с индианками, ни со мной, ни с Красным Мундиром. Иногда, правда, она присаживалась поодаль, рядом с кузеном, и они вели долгие, пылкие разговоры, которые, судя по их жестам, касались всей нашей компании.

Между тем я размышлял о том, не могла ли Намида или ее менее привлекательная подруга Лягушечка пролить хоть какой-то свет на таинственную карту норвежца, учитывая, что они родились в племени, обитающем на тех землях, что интересовали Джефферсона.

Удобный случай представился мне на четвертый день после того, как моим глазам впервые предстала голубоглазая купальщица. Я сидел в стороне от вояжеров в кратковременном уединении, и она вдруг подошла ко мне и смущенно предложила кукурузную кашу, подслащенную патокой.

— Я приправила ее лесными ягодами, — сказала она по-французски.

— Спасибо, — распробовав вкусное угощение, тихо сказал я и спросил: — Ты родилась на западе?

Она опустила глаза.

— В племени манданов? — продолжил я.

— Аваксави, в родственном манданам племени.

— Ты что-нибудь слышала о валлийцах?

На лице ее отразилось замешательство.

— Откуда у тебя голубые глаза?

— Все мои родные голубоглазые, — пожав плечами, пробормотала она и вдруг, подавшись ко мне, прошептала: — Пожалуйста. Я смогу довести вас туда.

— Правда?

— Доставьте меня домой, и наши люди помогут вам.

— А тебе известно, что мы ищем?

Теперь, видимо, недоумение отразилось на моем лице.

— Предки вашего богатыря оставили в пещере свои рисунки. У нас есть письмена рыжеволосых. Древняя надпись на магическом камне. Я помогу вам найти его.

— На камне? — ошеломленно повторил я. Мне сразу вспомнились письмена, виденные мной на Востоке. — А что там написано?

— Нам неизвестно. Это тайна.

— Тайна? То есть похоже на тайнопись?

Тут Красный Мундир что-то резко крикнул в нашу сторону, и она поспешно удалилась.

Тот факт, что только меня из всех вояжеров Намида угостила маисовой кашей, не остался незамеченным.

— Ну что, приятель, пожалуй, у тебя наконец появилась услужливая поклонница, — поздравил меня Пьер.

— Она надеется, что мы поможем ей вернуться на родину. Говорит, что ее племени известны какие-то древние письмена. Она как-то догадалась, что из Гранд-Портиджа мы собираемся отправиться на поиски следов предков Магнуса.

— Да об этом всем здесь известно. Древние письмена? Откуда они там взялись?

— Не знаю.

— Не думай о ней. Теперь она принадлежит Красному Мундиру.

— По-моему, он обходится с ней без должного уважения, — заметил я, поедая кушанье.

Кисло-сладкие ягоды и какие-то хрустящие семена придали ему оригинальный вкус.

— Она заслуживает лучшей участи. Мне хочется спасти ее.

— Ну вот, — с улыбкой сказал он, — значит, чары уже подействовали!

— Какие чары?

Пьер показал на мое угощение.

— Индианки чертовски искусны в приготовлении любовных снадобий. Оджибве используют семена воробейника в качестве приворотного зелья. О да, американец, она околдовала тебя.

— Для этого не нужно никаких семян, — усмехнулся я. — Ты видел, какие у нее бедра?

— Не теряй головы, а то Красный Мундир быстро сдерет с тебя шевелюру.

Я оглянулся на индейского вождя, который, похоже, действительно таранился на мой скальп. Я скорчил ему рожу, он помрачнел и отвернулся. Аврора тоже нахмурилась, чем порадовала меня еще больше. Эта строптивница упустила свой шанс, верно?

Может, она еще будет подлизываться ко мне в Гранд-Портидже.

Хотя теперь моими помыслами завладела Намида.

* * *

Однажды днем я заметил в южной стороне длинный равнинный остров.

— Айл-Ройал, — сказал Пьер. — Он протянулся на сорок миль, и вся его поверхность изрыта странными ямами. Там еще находят обломки горнодобывающих орудий и кучи руды. На том острове обнаружили древние медные копи, да такое множество, что диву даешься, какая цивилизация могла их выработать.

Магнус мельком глянул на нашего лоцмана.

— Индейцы, конечно, добывали медь, — продолжил вояжер, — но их добыча не идет ни в какое сравнение с размахом тех выработок. Добытых там минералов с лихвой хватило бы для изготовления оружия для двух легендарных армий, что сражались под стенами Трои. Да вот только у греков руки короткие, чтобы добраться до здешней меди.

— Вероятно, европейские мореплаватели сумели пересечь Атлантику и начали торговать металлом гораздо раньше, чем мы подозреваем, — сказал Магнус. — Может, наши скандинавы лишь одни из многих отважных исследователей, доплывавших сюда в глубокой

древности.

— Но кто мог в ту пору преодолеть бескрайний океан?

Не удержавшись, я присоединился к их разговору, хотя понимал, что мои слова лишь подкинут топлива в костер их разыгравшегося воображения.

— Астроном Корли и его коллега Жизанкур выдвинули предположение, что аллегорически описанная Платоном Атлантида являлась на самом деле реальной землей, большим островом в Атлантическом океане. Может, здешние рудокопы прибыли оттуда. А может, сюда удалось добраться беглецам из Трои или Карфагена. Кто знает?

— Ну вот, видишь? — подхватил Магнус. — Воды этого озера издавна бороздило множество кораблей.

— Понятное дело, в этих диких краях полным-полно тайн, — поддержал его Пьер. — И не только эти древние копи. Порой в самых невероятных местах люди натываются на загадочные насыпи или обвалившиеся каменные стены. Кто мог их построить? Но древние строители хранят молчание, вместо них там трещат лишь говорливые птицы. Уж не ищешь ли ты, богатырь, заветное Эльдорадо? Брось, никому так и не удалось отыскать его, даже конкистадорам.

— Конкистадорам не удалось, а королю может и повезти, — сказал я.

— При чем тут король?

— Что ты об этом думаешь, Магнус? Сомерсет, помнится, говорил о твоих благородных предках. Что, интересно, он имел в виду?

— Одного древнего скандинавского правителя звали Бладхаммером, — равнодушно ответил мой спутник. — И я горжусь тем, что принадлежу к его роду.

— Неужели ты, циклоп, и правда потомок знатного норвежского рода? — удивился Пьер.

— А чего стоит тот род? Всем теперь заправляют датчане, лишившие Норвегию свободы и независимости.

Потрясающая новость. Оказывается, мой компаньон не только хотел вернуть своей стране независимость. Он хотел восстановить права норвежской знати, среди которой и сам мог претендовать на высокое положение. Видно, его революционные настроения склонялись в сторону роялистов.

— Так значит, Магнус, в твоих жилах течет кровь древних забытых королей? — уточнил я.

— Вряд ли. Да и родословная моих предков ничего не значит по сравнению с тем, что мы с тобой ищем, Итан.

— А объясни-ка мне еще разок, что же, собственно, мы ищем?

— Я же рассказывал тебе об утраченном золотом веке. О тайнах богов. В каждой культуре есть некий первоисточник мудрости, древо жизни, а не только один Иггдрасиль. В скандинавских легендах золотые яблоки Идуны обеспечивали богам вечную жизнь.

— Типа тех яблочек, что созрели в Эдеме?

— Точно. — Он сделал очередной гребок. — А змей-искуситель подобен тому дракону, что охраняет золотые клады.

* * *

Настал долгожданный момент: завидев вдалеке мачты стоящих на приколе кораблей, мы поняли, что достигли северо-западной оконечности озера Верхнего. До нас уже долетали слабые завывания волюнок и скрипок, и наши индейцы начали как-то по-волчьи вторить им. Мы устроили короткую стоянку на ближайшем островке, чтобы привести себя в порядок и приодеться для предстоящего летнего сбора. Вояжеры нацепили свои лучшие костюмы, лихо заломили шапки и приукрасили их перьями. Лорд Сомерсет до зеркального блеска начистил сапоги, а исчезнувшая за кустами Аврора вскоре появилась в платье, достойном приема в королевском дворце, правда, от ее слегка помятого наряда исходил запах легкой

затхлости, но все равно блеск его оставался ошеломительным. Пленницы расчесали блестящие волосы деревянными гребнями и подкрасили губы ягодным соком, а воинственные индейцы дополнили свои кожаные одежды медными и костяными украшениями. Мы с Магнусом подровняли друг другу шевелюры, почистили сюртуки и прикупили новые мокасины. Я быстро оценил практичность такого рода обуви: легкой, бесшумной при ходьбе и быстро сохнувшей.

Приведя себя в приличный вид, мы вновь отчалили от берега, и все наши шесть каноэ начали огибать мыс Хат-пойнт, устроив настоящую гонку в стремлении опередить друг друга и первыми сойти на финишный берег, где высился выветренный и посеревший от непогоды частокол большого форта. Все мы орали что есть мочи уже знакомые нам песни французских гребцов, с привычной синхронностью погружая в воду легкие весла. Едва мы появились в акватории порта, с берега навстречу нам донеслись звуки труб и пушечных залпов, а когда мы подошли к галечному мелководью, волна трапперов, индейцев и торговцев хлынула нам навстречу, ликуя, бранясь и паля в воздух из ружей. Воздух заполнили расплывающиеся клубы белого пушистого дыма, и веселое эхо выстрелов разнесло по всему форту радостную весть. Потрясая и стуча томагавками, индейцы издавали столь воинственные кличи, что волосы у меня на затылке невольно встали дыбом. Женщины размахивали накидками и гремели железными котелками. Сесил, Пьер и я тоже пальнули из ружей, а Аврора с энтузиазмом махала зонтиком, и ее большие зеленые глаза ярко сверкали.

Потом гребцы ловко выпрыгнули в воду, и все мы устремились на берег, где незнакомые люди дружески похлопывали нас по спинам и щедро предлагали глотнуть рома.

Палатки, вигвамы и перевернутые каноэ, используемые как навесные укрытия, раскинулись по берегу в обе стороны от форта, туманный дым костров нависал над большим поселением как огромная шатровая крыша. Отовсюду неслась музыка, били барабаны, а неумолчная пальба продолжалась с такой частотой, словно здесь решили провести сегодня массовые стрелковые состязания. По воздуху плыли ароматы жарящегося мяса, специй и патоки.

Собственно Гранд-Портидж занимал несколько акров окруженной частоколом земли, на которой разместилась дюжина деревянных построек, огороды, засаженные кукурузой, травами и овощами, и сараи для хранения пушнины и прочих товаров. Снаружи на обширной, очищенной от леса и ощерившейся пнями территории расположились разнородные индейские стоянки, на которых гостили сотни вояжеров. По вырубке от форта вилась ухабистая дорога, протянувшаяся по лесу на восемь миль до начала судоходного участка реки Пиджен за ее порогами. Оттуда каноистам предстояло грести против течения до речных развилки, открывающих водные пути на запад, к знаменитым Скалистым горам и на арктический север. Мы оказались на континентальном перекрестке, где сходились границы владений британцев, американцев, французов и индейцев.

— Я чувствую, мы приближаемся к тем краям, которых достигли мои предки, — пробормотал Магнус. — Где-то в этих лесах скрывается центр мира.

— В этих лесах скрываются лишь тучи мошкары, толпы краснокожих индейцев и медленно текущие ручьи, — словоохотливо сообщил Пьер. — Так что радуйтесь жизни, пока есть возможность.

Наша компания распалась. Мы с Магнусом, играя, так сказать, роль послов, отправились вместе с Сомерсетами и Красным Мундиром к воротам форта, чтобы проследовать в Большой зал приемов. Пьер с его вояжерами и встретившими их женщинами разошлись по окрестным поселениям, чтобы обняться с приятелями после годовой разлуки; отовсюду слышались радостные возгласы приветствий, похвальба и шутливая брань.

Учебный плац на территории форта был отлично утоптан многочисленными посетителями. Высоко вздымались груды запакованных в тюки товаров, темнели плотно обвязанные ремнями связки мехов, готовых для отправки в Нью-Йорк и Лондон. Вооруженная охрана проводила нас мимо этих богатых складов к длинному крыльцу Большого зала, бревенчатого здания с выкрашенными в сочный коричневый цвет оконными

переплетами. На крыльце мялась в ожидании стайка партнеров, и во главе ее стоял мрачного вида, убеленный сединами шотландец в черном сюртуке и высоких, доходящих до колен мокасилах.

— Приветствую вас, лорд и леди Сомерсет! — зычно пробасил он. — Мы с нетерпением ждали прибытия вашей компании!

— Саймон Мактавиш! — с легким поклоном ответил Сесил. — Сэр, вы оказываете нам большую честь.

— Это для нас честь принять вас. Неужели я вижу вашу очаровательную кузину?

— Да, позвольте представить вам мою кузину Аврору.

— О, она на редкость представительна! Леди, сияние ваших глаз затмевает утренний свет.

Она улыбнулась и сделала изящный реверанс. Все это не произвело на меня особого впечатления, учитывая, что грубые окружающие постройки сильно смахивали на ясли, где Мария родила Спасителя. Мактавиш бросал на Аврору плотоядные взгляды, как старый козел.

— Я полагаю, вы знакомы с Красным Мундиром, — заметил Сесил.

Мактавиш поднял руку.

— Кто же не знает знаменитого воинственного вождя, друга племен оджибве и дакота.

— С нами прибыли и вот эти два господина, — продолжил Сесил. — Американец Итан Гейдж, известный как искатель приключений и знаток электрических сил. Он имеет связи с французским правительством.

— С французами?!

— Да, они вернули себе Луизиану, — любезно сообщил Сесил. — А Гейдж является эмиссаром Наполеона, и ему поручено выяснить, что происходит на приобретенной Францией территории. Его также угощал обедом президент Джефферсон.

— Так вы являетесь вестником войны, господин Гейдж?

— Напротив, сэр, — с поклоном сказал я. — Я помог достичь мирного соглашения между моей страной и Францией, что мы и отпраздновали в Морфонтене. Мне, как американцу, довелось сотрудничать и с британцами, и с французами. Бонапарт и Джефферсон послали меня сюда как своеобразный символ мира.

Обаяние моей лучезарной улыбки могло соперничать разве что с очарованием любезной барменши.

— Неужели им удалось примириться? — недоверчиво произнес старый шотландец.

Ему давно перевалило за пятьдесят, но выглядел он крепким как дуб, и его цепкий взгляд, похоже, вычислял все возможные выгоды со скоростью греческой абаки.

— А его спутник, Магнус Бладхаммер, — продолжил Сомерсет, — является норвежским патриотом и потомком королевского рода; по его мнению, древние скандинавы могли быть подлинными первооткрывателями этой суровой земли. Хотя пушная торговля пока проходит в жесткой конкурентной борьбе, мы — индейцы, англичане, американцы и все прочие торговцы и вояжеры — прибыли сюда вместе, объединив силы в знак мира и единства. Хотим мы того или нет, Мактавиш, Бонапарт вернул себе Луизиану, и нам необходимо с помощью Итана постараться убедить все компании в выгоде сотрудничества с учетом разных сфер влияния.

— За нами остается север, откуда поставляют самые лучшие меха.

— Совершенно верно, — согласился Сесил.

— Хорошо, если вы, господин Гейдж, разделяете такое мнение. Учитывая, что вы посланец Франции, мы охотно дадим вам посольские привилегии, вывесив белый флаг. И поскольку вы также представляете Соединенные Штаты, то можете заявить ваши права на наш скромный форт.

— Какие права?

— Мы находимся в нескольких милях к югу от установленной границы вашей родной страны. Новая крепость уже строится в Канаде, а эта будет покинута через год-другой.

Возможно, с вашим прибытием завершится страшная битва, сумерки богов, и воцарится покой даже в самой Валгалле.

— Вам известен скандинавский миф о Рагнарёке, господин Мактавиш? — с интересом спросил Магнус.

— По воле случая мне довелось ознакомиться с классической историей. Периодически тщеславие побуждает меня произносить цветистые речи, и их приходится терпеть моим лейтенантам. — По его суровому лицу пробежала тень улыбки. — На самом деле я не ожидаю конца мира. Хотя, может, и следовало бы, учитывая прибытие к нам самого странствующего Одина.

Теперь Магнус отвесил ему уважительный поклон.

— Одина? — удивился Сесил.

— Разве ваш друг не говорил о своем сходстве с Одином, лорд Сомерсет? В скандинавских легендах его описывают как одноглазого бога, который пожертвовал одним глазом, дабы припасть к источнику мудрости, он странствовал в людском мире в широкополой шляпе, закутавшись в темный плащ. Осмелюсь сказать, что либо нам выпала честь лицезреть его земное воплощение, либо господин Бладхаммер стремится уподобиться главе Асгарда и Валгаллы.

— Глаза я лишился не по своей воле, — сказал Магнус, — а по вине датчан, не желавших, чтобы норвежцы узнали истинную историю своей страны.

— Но ваш наряд безусловно легендарен! Да-да, не отрицайте, мы, шотландцы, гордимся килтами, вояжеры — поясами, а индейские воины — боевой раскраской. Все мы предпочитаем традиционный маскарад. Я подозреваю, что наша пирушка в этом году станет поистине незабываемой, учитывая, что проводиться она здесь будет, возможно, в последний раз. Хотя, безусловно, мои партнеры в первую очередь деловые люди.

— Да-да, Саймон, сначала грессбухи, потом выпивка, — быстро провозгласил кто-то марионеточным голоском. — Сначала переговоры, потом пляски. А кроме того, все прибывшие должны закончить разгрузку.

— Но по окончании дел... — Мактавиш вызывающе усмехнулся, почти по-волчьи оскалив зубы, — я перепляшу всех вас! За исключением, возможно, Красного Мундира.

— Тебе доставили подарки для меня? — спросил индеец шотландца по-английски, поразив меня знанием нашего языка. Очевидно, он скрывал, что многое понимает из наших разговоров.

— И не только для тебя. Король Георг желает мира и сотрудничества со всеми индейскими племенами: оджибве, фокс, саук, виннебаго, меномини и даже с родственным вам племенем славных индейцев сиу.

— Вы назвали и наших врагов. Я принадлежу к племени дакота. И мои воины уничтожат для вас врагов короля Георга. Я лично сниму с них скальпы. Я съем их храбрость и украду их женщин.

Улыбка Мактавиша осталась неизменной.

— Его величество заботится о всех своих детях.

Мы вошли в дом. Выбеленные стены обширного зала приемов украшали карты внутренних территорий Канады, олени рога, скрещенные снегоступы и широкие шотландские мечи. На длинные столы, сервированные на полсотни гостей, выставили изысканный сервиз бело-голубого фарфора. Здесь деловые партнеры обычно заключали сделки, пока вояжеры заканчивали разгрузку. Пьяное раздолье начнется ближе к вечеру.

Я рассказал о наших намерениях исследовать земли Луизианы к юго-западу от озера Верхнего.

— Как раз эта территория перешла от Испании к Франции, — пояснил я. — Что согласуется с пожеланиями нашего нового американского президента, поскольку и Париж, и Вашингтон попросту нуждаются в полезных сведениях. И я, как посредник, способствуя взаимопониманию, надеюсь удовлетворить интересы обеих стран, как это уже случилось в Морфонтене.

— От войн к дипломатии, — одобрительно произнес Сесил.

— А Магнус заинтересован в исторических изысканиях.

— Как сказал бы господин Кант, вы крайне альтруистичны, — заметил Мактавиш, — раз желаете совершить всего лишь ознакомительное путешествие. Насколько я понимаю, в Сирии вы близко сошлись со Смитом, а в Египте с Наполеоном и вот теперь пересекли полмира ради прибытия в наши края!

— Долг призывает меня в самые разные места.

— Не правда ли, очень удобно дружить со всеми!

— Как ни странно, зачастую такая дружба оказывается чертовски беспокойным делом.

— Куда хочет отправиться этот американец? — внезапно спросил Красный Мундир.

— В общем, я сам пока точно не знаю, — ответил я, несмотря на то что наши смутные планы сосредоточивались на том направлении, что указывала древняя скандинавская карта, практически лишенная иных ориентиров, кроме изображения молота Тора. — Я надеюсь, что с помощью Северо-Западной компании мы доберемся до озера Рейни-Лейк, а оттуда повернем на юг. У вас есть иные предложения?

— Возвращайтесь туда, откуда пришли.

Партнеры и клерки рассмеялись.

— Французы нигде не задерживаются, — продолжил Красный Мундир, — британцы гостят, никого не обременяя. Но американцы, — вождь показал на меня, — разбредаются повсюду и калечат нашу землю. Мне рассказывал об этом большой вождь шауни Текумсе, и я видел это собственными глазами. Они иссушают сердце земли, ослепляют земные глаза. — Он повернулся к Мактавишу. — Опасно допускать сюда таких людей. Не дайте им одурачить вас.

— Что вы на это скажете, Гейдж? Вы действительно опасны?

— Вы нигде не найдете более стойкого в своей доброжелательности человека. Я ваш гость, но совершенно не собираюсь злоупотреблять гостеприимством.

— Цenia вашу грубоватую прямоу, Красный Мундир, — сказал Мактавиш, поворачиваясь к индейцу, — я поручу Сомерсетам дать ответ нашему американскому гостю.

— Прямоту? — удивился вождь.

— Правдивость, — пояснил индейцу один из партнеров.

— А правда заключается в том, что когда вы покинете этот форт, то все здесь опять зарастет лесами. И я, Красный Мундир, клянусь, что так и будет.

— Правда, Красный Мундир, заключается в том, — сказал Мактавиш, — что при всей, мягко выражаясь, легкой неприязни индейцев племен саук и фокс, оджибве и меномини, виннебаго и дакота к здешним белым поселенцам именно они обеспечивают вас оружием, порохом, хозяйственной утварью, одеялами, не давая вам сдохнуть от голода или закоренеть от мороза. Разве не так? Так же, как мы полагаемся именно на вас в охоте на пушных зверей.

Вождь нахмурился, но промолчал.

— Все мы партнеры. А сейчас, господа, давайте взглянем на карты.

Глава 26

Внутри форта своим чередом шли собрания, велись учетные книги, упаковывались меха и заполнялись складские помещения. Снаружи, за частоколом, закончившие разгрузку товаров вояжеры уже начали главное пиршество года, двухнедельную вакханалию праздничных трапез с обилием выпивки, плясок и совокуплений с юными индианками, которых им удавалось соблазнить, купить или взять в жены. Торговые партнеры продолжали обсуждать серьезные сделки, а я, взяв на буксир Магнуса, вышел за ворота форта, собираясь найти Пьера, чтобы приобщиться к веселью летнего сбора.

Наш французский вояжер устроил временное жилье под своим перевернутым каноэ, натянув по одному краю брезентовое полотнище. Закатав рукава и расстегнув рубаху, он покурил глиняную трубку с видом полнейшего довольства. Свежий летний ветерок

разогнал мошкар, сиявшее в вышине солнце щедро изливало на берег блаженное тепло. Не позднее чем через две недели ему предстоит отправиться на долгую зимовку в дикие края, но сейчас он мог всецело отдаться праздничному настроению и всласть попить с друзьями и приятелями, распевая песни и похваляясь своими подвигами.

— Лорд Пьер! — шутливо приветствовал я его. — Вы выглядите гораздо более довольным жизнью, чем буржуа, заседающие в Большом зале, со всеми их изысканными сервизами, слугами и заоблачными амбициями.

— А все потому, что они захапали больше, чем надо, — заявил он, ткнув в сторону форта черенком трубки. — Чем больше имеешь, тем больше хочется. А большое имущество требует больших забот. Чем больше имеешь, тем больше можешь потерять. Это секрет хорошей жизни, приятель! Разумный человек типа меня довольствуется малым, — он направил свою трубку на нас, — а не гоняется за сокровищами. От них одни неприятности.

— Мактавиш сказал, что даже индейцы теперь остро нуждаются в оружии и одеялах.

— Oui! Лет двадцать тому назад они вообще ничего не хотели. А теперь большинство из них забыли даже, как охотиться с луком и стрелами. Они живут ради торговли, потеряв смысл жизни. Вместо того чтобы научиться от нас чему-то хорошему, они переняли только наши пороки.

— И однако раз мы покорили их, то у нас, несомненно, больше достоинств.

— Ха, вот скажи мне, кто на этом сборе является рабом, а кто хозяином? Богатенькие буржуа в их душном совещательном зале или я с моей трубкой?

Мы присели, чтобы обсудить эту тему, и я заметил, что партнерам достаточно отдать здесь распоряжения и спокойно отправиться на зиму в уютные особняки, но Магнус возразил мне, заявив, что простое человеческое счастье им уже недоступно, поскольку его пожирают тревожные мысли и заботы о прибыли.

Пьер уподобил амбиции рому.

— Глоток тебя согреет, пинта сделает счастливым. Но бочонок может и убить. Люди типа Мактавиша никогда не угомонятся.

— Я подумал, что сказал бы на это неугомонный Наполеон.

— Красный Мундир тоже торчит на совещании, — сказал я, чтобы сменить тему. — Сидит там, сложив руки на груди и уставившись в одну точку.

— Банде его разбойников навязывают чужую волю, — сказал Пьер. — Он отдалился как от оджибве, так и от дакотов, хотя по крови мог бы быть членом любого из этих племен, если бы подчинялся их законам и традициям. Торговцам выгодна рознь между племенами: что может быть лучше, пусть сами индейцы поубивают друг друга. Такова пограничная политика вот уже три сотни лет.

— Может, он стал мрачным мизантропом.

— Саймон Мактавиш окружает себя друзьями, а врагов держит на коротком поводке. Вигвам Красного Мундира украшает блондинистая шевелюра того парня, чей мундир он носит, и ходят слухи, что он слопал бедолагу вместе с потрохами. Тем не менее Сомерсеты числят его в союзниках.

— Неужели британские аристократы водят дружбу с краснокожим людоедом?

— Эти родственнички, приятель, не так безупречны, как кажутся. Оба бывали здесь раньше и знают об этих краях больше, чем говорят. В Англии у них возникли некоторые проблемы, вроде бы пропали какие-то деньги, а потом разразился скандал, к которому оба они имели отношение.

— Какой скандал?

— Да разные ходят истории, — пожав плечами, бросил Пьер. — А я верю только тому, что сам вижу. Сесил опасный и искусный рапирист, я слышал, что он прикончил на дуэли одного офицера, а Аврора, как вы знаете, метко стреляет. В общем, тебе, Итан, лучше держаться подальше от Намиды. Ничего хорошего не получится, если ты встанешь поперек дороги Красному Мундиру или спутаешься с другой красоткой, если эта английская леди действительно положила на тебя глаз. Подыщи себе лучше какую-нибудь страхолюдину,

чтобы не злить капризную Аврору. Все они, в сущности, одним миром мазаны, да только простушки отблагодарят нас куда щедрее.

Конечно, следовать его грубому, но разумному совету я не имел ни малейшего желания.

— Если та девушка из племени манданов, то она имеет полное право вернуться домой.

— Мне знакомы такие люди, как ты, Итан Гейдж. Ты не честолобив, но зато стремишься спасти всех и каждого. Лучше одумайся. Иначе навлечешь на себя кучу дьявольских неприятностей.

— А мне знакомы такие, как ты, Пьер. Ты живешь одним днем, никуда не стремишься и лишь философствуешь о том, как славно ничего не делать. Ты закончишь жизнь без гроша за душой.

— Ничто не пропадет даром, если ты доволен прожитым днем, приятель.

— Но мы с Магнусом рассчитываем на будущее, не довольствуясь прожитым: нас ждут интересные поиски...

Я сам удивился тому, что вдруг вздумал встать на защиту нашей странной миссии и моего еще более странного спутника, гораздо более фанатичного и увлеченного, чем я.

— Если они увенчаются успехом, — добавил я, — то мы станем совершенно независимыми людьми.

— А в ином случае ваша жизнь не будет стоить и ломаного гроша.

* * *

Я прогулялся по окрестным стоянкам. Мне встретилось много женщин, немало среди них было и красоток, но ни одна из них не могла сравниться с Намидой — та обладала экзотической красотой, порожденной смешением кровей. Она и Лягушечка, побывав в главных продовольственных палатках, теперь несли корзины с кукурузой и копченым мясом к стоянке Красного Мундира в дальнем южном краю территории, занятой съехавшимися на сбор отрядами. Обдумав тактику, я решил поговорить с ней насчет качества хлеба. Прикупив свежий батон, я незаметно обогнал их и пошел навстречу.

— Вам нравится вкус этого французского багета?

Индианки смущенно остановились, Лягушечка неуверенно глянула на меня, но во взгляде Намиды сквозила скрытая надежда. Да, ей страшно хотелось избавиться от жестокого, пожирающего людей поработителя, и именно я мог дать ей свободу.

— Что это? — спросила она, глядя на батон.

— Хлеб, испеченный из белой муки. Вы еще не пробовали того, что едят бледнолицые? Стоит вам отведать наш хлеб или сахарную сдобу, и вы сразу захотите поехать со мной в Париж.

— Что такое Париж?

— Направление, в котором нам следует двигаться, — рассмеявшись, сообщил я. — Но вы живете за этими лесами?

— Там живут наши соплеменники. И там же есть камень со словами. — Она одобритительно кивнула.

— А в ваших краях есть еще что-нибудь специфическое?

— Я не понимаю такого слова.

— Что-нибудь удивительное или странное?

— Земля и небо, — сказала она, пожав плечами.

Так или иначе, возможно, ее слова связаны с молотом Тора.

— Вот, попробуйте батон. Давайте, поставьте пока ваши корзинки. — Я отломил горбушку. — Вкуснейший хлеб, когда свежий, и вояжеры, похоже, научились выпекать его даже лучше шотландцев. Да вот, попробуйте, какой он мягкий...

Внезапно что-то ударило меня в спину, и я рухнул лицом в грязь прямо с моим разломанным батоном. Женщины встревоженно вскрикнули и, подхватив с земли свои

корзинки, перескочили через меня и торопливо пошли дальше. Я перевернулся на спину под раскатистый хохот наблюдавших за мной вояжеров.

Надо мной нависла фигура Красного Мундира, его торс отливал темной бронзой, зрачки глаз чернели как пистолетные дула.

— Ты говорил с рабынями? — с презрительной улыбкой процедил он.

Я корчился в грязи, изумленный и потрясенный.

— Черт возьми, я имею право.

Вновь неожиданно он ударил меня прямо в живот, да так, что я скорчился от боли, а после следующего удара я резко выгнулся, задохнувшись от возмущения и ошеломляющей боли. Его злобная жестокость выражалась в почти небрежных, но по-змеиному стремительных и по-бычьих мощных ударах. Я попытался подняться на ноги, но не смог даже вздохнуть.

Он буквально пригвоздил меня к земле пальцем.

— Женщины Красного Мундира, — угрожающе прошипел он.

Дернувшись, я вновь попытался подняться, побагровев от ярости, но готовый сразиться с этим мерзавцем, даже сознавая, что он вдвое здоровее меня. Его высокомерие привело меня в бешенство. Но тут чья-то рука сдавила мое плечо. Оглянувшись, я увидел Пьера.

— Остынь, осел, ты не имеешь тут никаких прав. Это не твои телки.

— Да черт возьми, я всего лишь предложил им попробовать хлеб.

— Тебе очень хочется потерять шевелюру из-за чужих пленниц? Даже если ты прибьешь его, тебя прикончат его соплеменники.

Я едва не кипел от возмущения, но при мне не было никакого оружия. Красный Мундир выжидал, надеясь, что я наброшусь на него. Овладев собой, я вырвался из цепких рук Пьера.

— Мне нет дела до твоих пленниц, — процедил я.

— Не вынуждай меня приобрести очередной сюртук, — с презрительной улыбкой взглянув на меня, тихо прошелестел Красный Мундир и гордо удалился.

Меня трясло от ярости и обиды.

— Я еще не встречал идиота, так быстро наживающего себе врагов, — прошептал Пьер. — Пошли. Надо глотнуть рома.

Глава 27

Праздничный прием в форте начался на закате, и гулянка затянулась далеко за полночь. Шотландские партнеры плясали и прыгали через поблескивающие на траве скрещенные двуручные мечи — клейморы, а вояжеры водили хороводы, вовлекая в круг индианок, и отплясывали народные танцы. В вышине сияла луна, напитки лились рекой, провоцируя начало интимных свиданий и кулачных боев. Индейские воины кружились в своих экзотических танцах вокруг большого костра, взметнувшего к небу длинные языки пламени, их монотонное пение и боевые кличи смешивались с барабанным боем, звуками скрипок, труб и дудок, сливаясь в общую вихревую, глухо пульсирующую мелодию. Индейцы также оказались донельзя азартными игроками; делая большие ставки, они пытались угадать в своих простецких играх, какая из двух палочек будет длиннее или в какой из поставленных в ряд мокасин попадут мушкетные пули. Меха могли поставить против выпивки, огненную воду против женщины, а одеяло против ружья. Некоторые проигрывали даже одежду с небрежным безрассудством, которого я не встречал ни в одном казино, но везение порой перераспределяло богатства. Они наслаждались самим процессом игры, не обращая внимания на выигрыши и проигрыши.

Я пребывал в мрачной задумчивости, не в силах забыть, какому унижению меня подвергли. Некоторые вояжеры посмеивались над моим бессилием против Красного Мундира, разжигая огонь обиды в моей душе. Захмелевшие и пошатывающиеся трапперы и торговцы с блестящими от пота лицами, то и дело заливая в себя алкоголь, продолжали

плясать и веселиться, извергая взрывы пронзительного хохота. Окровавленные неудачники, схлопотавшие ножевые раны, со стоном расползались по углам. Под кустами валялись слившиеся в экстазе парочки, поблескивая голыми, волнообразно вздымающимися задницами. Между пьяными индейцами тоже завязывались драки; потребление огненной воды, лишавшей человека разума, оправдывало любое убийство. Вряд ли кто-то из этих пирующих сможет вспомнить утром, что происходило под покровом ночи.

Я тоже пьянствовал, мысленно рисуя страшные картины убийства Красного Мундира; алкоголь приглушил чувство поражения, а костры, эль и мускусный запах человеческой плоти пробудили во мне плотские желания. При виде полуобнаженных скво мое возбуждение наполовину уменьшилось. Некоторые мужчины предпочитали однополую любовь. Изрядно захмелевший Магнус орал норвежские песни, а Пьер буйно резвился, отплясывая в круге. Я по-прежнему пребывал в мрачной неудовлетворенности, вспоминая с тоской бросившую меня во Франции Астизу, с яростью — Красного Мундира и с надеждой — очаровательную Намиду. Если эта новая красotka из племени манданов, то, может, мне удастся выкупить ее у этого проклятого индейца. Денег у меня осталось маловато, но я могу сделать пару ставок в его игре. Я завладею этой девушкой, мы разыщем ее валлийских индейцев, и, пока Магнус будет блуждать в поисках древних молотов, мы возляжем на ложе любви в уютном вигваме...

Мои грезы растаяли, когда я увидел Аврору, она быстро проходила по краю места общей вакханалии с таким отчужденным и сосредоточенным видом, словно спешила по важному делу. Обидные воспоминания заиграли с новой силой. Как смела она дурачить меня! Мне надоело терпеть от какой-то капризной дамочки уклончивые обещания, отстраненные взгляды, насмешки и пренебрежение! К тому же, судя по слухам, она сбежала из Англии из-за скандальной истории. И куда, интересно, она спешит с таким важным и неприступным видом? Поддавшись порыву, я решил последовать за ней, мгновенно вознамерившись во что бы то ни стало возобновить ту близость, которой мы наслаждались в Макино.

Я догоню ее, обниму и скажу... хотя, может, и ничего не скажу, а просто поцелую. Возможно, мы поссоримся или займемся любовью, любой итог покончит с досадной неопределенностью.

Белое струящееся платье подчеркивало стройность ее фигуры, и сама она светилась, как нимфа, а кроме того, благодаря такому наряду хорошо выделялась в пирующей толпе, куда-то спешно и целенаправленно двигаясь. Куда, черт побери? Я замыслил догнать ее, но мне показалось недостойным открыто бежать за ней, хотя, в сущности, именно этого мне и хотелось. Изображая праздного гуляку, я мысленно повторял ряд условий и требований, способных либо пробудить новую страсть, либо окончательно погубить наши отношения. В общем-то, прибыв в Гранд-Портидж, я более не нуждался в услугах Сомерсетов. Но пока я придумывал остроумные ответы, Аврора стремительно удалялась, лишая меня возможности сразу проявить хоть какое-то остроумие.

Она подошла к скоплению вигвамов на северном краю большого поселения; эти крытые корой куполообразные хижины, казалось, естественным образом выросли из земли. Замедлив шаг, она что-то тихо сказала. За пологом одного из этих жилищ зажегся огонек, яркие лучи просачивались через щели березовой обшивки. Внутри явно зажгли свечу или фонарь, которыми никто из индейцев не пользовался. Она подбежала к освещенному вигваму, опустилась на колени и, изогнувшись, скользнула внутрь.

Ну и ну! Британская аристократка в индейской лачуге?! Неужели эта экстравагантная вертихвостка встречается с каннибалом Красным Мундиром? Или она тайно ведет совершенно другую игру?

Я, конечно, не Том Подгляда,²⁹ но меня безумно потрясло то, что она вновь

²⁹ **Том Подгляда** — чересчур любопытный человек, всюду сующий нос; человек, отличающийся нездоровым любопытством. Согласно легенде, граф Мерсийский наложил непосильный налог на жителей

ускользнула из моих рук, скрывшись в самом невероятном для леди месте. Или у нее возникли какие-то неприятности, вынудившие ее прийти сюда? Тогда, может, я спасу ее! Скрытый темнотой, я припал к земле, пребывая в некоторых сомнениях, порожденных борьбой с благовоспитанностью, но тут услышал тихие голоса, сменившиеся воркованием и возгласами разгорающейся страсти. Теперь я просто обязан был все выяснить. С чего вдруг Аврора Сомерсет решила удовлетворить дикую страсть туземца? Такое откровение могло оказаться выгодным для меня.

Разочарованный и заинтригованный, я незаметно подкрался к вигваму с задней стороны. Изнутри доносилось пыхтение, возбужденные стоны Авроры и неразборчивые, но похожие на английские слова. Что за дьявольщина? Обнаружив узкую щелку, я приник к ней глазом, и передо мной предстала картина, достойная тех порочных книжонок, что покупаются с заднего хода в парижских книжных лавках. Аврора оседлала своего любовника — похоже, она привыкла играть роль наездницы — и, прогнувшись, скакала на нем, раздвинув бедра, ее груди взметнулись вверх, и вся ее фигура поблескивала в розоватом свете фонаря. Закрыв глаза и надув губы, она так сильно закинула голову назад, что лицо ее обратилось к своду жилища, а волосы роскошной шалью рассыпались по изогнутой спине. Это было великолепное зрелище, плоть моя мгновенно восстала от безудержного вожделения. Ненавидя ее за высокомерие, я, однако, готов был уже рассказать ей все, что она пожелает, лишь бы вновь завоевать право доступа к ее охраняемым недрам. Эта женщина околдовала меня. Подавшись вперед, я прижался к грубой коре, едва сдерживая стоны.

И тогда я разобрал слова, сказанные оседланным ею счастливецом:

— Скачи, моя прелесть, скачи, любимая! О господи, как ты божественна!

Невероятно! Белый человек в индейском вигваме? Ну конечно, она завела тут тайного любовника! И они подыскивали отличное укромное местечко. Щелка была слишком узкой, и я, забыв об осторожности, просунул в нее пальцы и, раздвинув края, расширил обзор, желая узнать, кто же из партнеров стал тайным счастличиком. Я прижался щекой к коре и, прищурившись, разглядел в тусклом свете бледные мужские руки, обхватившие ее груди. Потом сам любовник слегка развернулся, его черты лучше проявились в фонарном свете, и тогда я едва не вскрикнул от потрясения. Взгляд мой скользнул по горке сброшенной одежды и вернулся к задыхающейся от страсти парочке.

Что-то блеснуло на груди мужчины, и, разглядев эту подвеску, я сразу припомнил татуировку, увиденную мной на груди Ренато в Италии. Меня потрясло их сходство, подвеска тоже представляла собой обвитую змеей пирамиду.

Аврора Сомерсет оседлала Сесила, ее собственного кузена.

А Сесил носил на груди символ Апопа, того змеинобого, культ которого объединил членов основанной в Лондоне ложи египетского обряда, притворное презрение к коей высказывал этот лживый лорд. С кем же я пытался наладить дружеские отношения?

Или, вернее, кто и зачем пытался подружиться со мной?

Обернувшись, они, похоже, заметили мои пальцы, вцепившиеся в край щели, и глаз, горевший в отблеске фонарного света. Отпрянув назад, я случайно оторвал кусочек коры от покрытия вигвама и рухнул на спину.

— Гейдж! — услышал я сдавленный шепот.

Не желая быть пойманным с поличным, я мгновенно вскочил и пустился наутек.

Глава 28

В полном смятении я умчался во мрак. Аврора и Сесил любовники? Как же я не замечал этого раньше? Не из-за этого ли произошел скандал, вынудивший их покинуть

города Ковентри. Когда его жена леди Годива заступилась за них, граф сказал, что отменит налог, если леди Годива осмелится в полдень проехать обнаженной через весь город. Дабы не смущать ее, все жители закрыли ставни своих домов. Один только портной Том стал подсматривать в щелку и был тут же поражен слепотой.

Англию и заняться делами в Канаде? Знал ли о таком инцесте пуритански строгий на вид Саймон Мактавиш? И вообще, действительно ли Аврора и Сесил состоят в кровном родстве? Возможно, фраза, воспринятая мной буквально, выражала всего лишь расположение, подразумевающее близкую, почти братскую дружбу.

И какое отношение они имели к тем оккультным теоретикам и искателям тайн древнего прошлого, с которыми я сражался в Египте и Святой земле? Почему они презрительно отзывались о ложе египетского обряда, если Сесил носил ее символ?

Вопросов масса, а ясно только то, что меня узнали, а значит, рухнули все надежды на приятное совместное путешествие в удобном каноэ Сомерсетов к берегам Рейни-Лейк. Из-за моего неосторожного любопытства наше партнерство резко оборвалось, а моя страсть к Авроре мгновенно увяла. Красотка вела не доступные моему пониманию игры, и наше с Магнусом бегство представлялось мне сейчас наилучшим выходом из положения. Задохнувшись от бега, я перешел на шаг и, вглядываясь в ночную тьму, раздумывал, что же мне делать дальше. Вокруг ничего не изменилось; протянувшиеся вдоль берега костры освещали темные фигуры, кружащие в разудалых плясках. К дьяволу всех этих безумцев! Из Грант-Портиджа мы с Магнусом вполне сможем сами отправиться в поход на юго-запад. Отсюда до указанного на средневековой карте места вроде бы не более двух или трех сотен миль. Нам, конечно, нужно запастись провизией и нанять проводника, но эта ночная попойка казалась идеальным временем, чтобы стащить первое и захватить второе в двойном количестве — очаровательную Намиду и ее наперсницу Лягушечку, которые сами стремились попасть в родное племя манданов.

Освободив их, я заодно отомщу Красному Мундиру.

С этим спонтанно сложившимся планом я отправился на поиски Магнуса, надеясь, что к утру мы успеем убраться отсюда подальше. Но мой компаньон, увы, напился до умопомрачения и дрых без задних ног, а поднять его было так же трудно, как сдвинуть с места упрямого мула.

— Магнус! Вставай! Пора отправляться за молотом Тора!

— Что? — Он приоткрыл мутный глаз. — Сейчас же еще ночь.

— Кое-что случилось, и нам надо немедленно бежать отсюда! Надо стащить немного еды и быстро смыться в леса. Вспомни, ты видел на празднике Намиду?

— Кого?

— Ту индианку. Молодую красотку.

Его голова откинулась назад.

— Клянусь зловредностью Локи...

— Ладно, не важно, мы найдем их вместе.

Понадобилось вылить на голову Магнуса кувшин озерной воды, но мне удалось все-таки поднять его, хотя при этом он плевался, ругался и пошатывался. Поправив наглазную повязку, он нахлобучил шляпу, закинул за спину потрепанный чехол с картой и топор, а я забрал винтовку и томагавк.

— Что, во имя чудовищной мощи Фенрира, могло произойти?

— Я застал Сесила и Аврору, спаривающихся как кролики, и они заметили меня. Думаю, им придется не по нраву то, что я могу распускать язык, и вряд ли также теперь они предложат нам места в их каноэ.

— Сесил и Аврора? Они же родственники! Или нет?

— Не знаю, кто они, черт их побери, на самом деле, но наш лорд Сомерсет носит знакомую мне языческую подвеску, чье происхождение явно связано с моими давними врагами из английской ложи египетского обряда. Я не склонен выяснять подробности их жизни. Они доставили нас сюда, а дальше мы сможем действовать самостоятельно. Ты был прав насчет Авроры, Магнус. Мне не следовало даже близко подходить к этой шлюхе.

— Мы легко стащили еду и порох, учитывая, что половину гуляк сморил беспробудный сон, а остальные напились до бесчувствия, но я старался особо не задумываться о том, что ждет нас в этих темных лесах.

— Как же мы собираемся найти место с молотом Тора без проводника? — спросил Магнус, более или менее придя в себя.

— Вот почему нам и нужно найти Намиду и Лягушечку. Мы стащим каноэ, пройдем дальше по озеру, а они помогут нам найти дорогу в лесах. Как только мы подберемся поближе к твоим четырем рекам, тебе уже самому придется поведать нам, каким путем могли проследовать викинги.

— Не викинги, а скандинавы и тамплиеры.

— А заодно с ними валлийцы, шерстистые слоны, потерянные колена Израиля, рудокопы Атлантиды и вдобавок испанские искатели Эльдорадо. Похоже, там потопталось столько народа, что мы издалека увидим следы их пребывания.

— Ну конечно! — Магнус ехидно ухмыльнулся. — Одна красotka тебя одурачила, так тебе не терпится связаться с другой.

— Не шути так, я почти в отчаянии, Магнус. Кроме того, она сама просила меня спасти ее и сказала, что в ее родном племени есть каменная плита с таинственными письменами. Это может помочь в наших поисках.

— Каменная плита? Ты не говорил мне об этом.

— Ты слишком легко возбуждаешься.

— В то время как ты действуешь с благопристойной осторожностью.

— Эта девушка, знающая о важной тайнописи, в бедственном положении. Мы украдем ее, сбежим, доберемся до ее родных мест, где находится плита, и тогда завершатся твои безумные изыскания.

— А что, если мы столкнемся с Авророй и Сесилом?

— Они были на северном конце стоянки, а лагерь Красного Мундира — на южном. Нам надо лишь повернуть все как можно быстрее. Я уже все продумал, уверяю тебя.

— Когда же ты успел все продумать? Какой-то час тому назад ты мог мечтать лишь о соблазнении Авроры Сомерсет.

Как я уже говорил, он бывал до обидного прав.

— Я решил исправиться.

Спустив на воду маленькое каноэ, мы отошли на несколько ярдов от берега и догребли до того места, напротив которого, по моим расчетам, расположился лагерь Красного Мундира. Именно там, вероятно, ночевала Намида. Оставалось надеяться, что большинство индейцев отправились к форту пьянствовать. Если мы тайно уведем этих женщин, то сможем далеко уйти до того, как за нами устроят погоню. Благодаря Пьеру за последние недели путешествия мы с Магнусом стали отличными гребцами.

Я подумал, что буду скучать по этому французскому вояжеру, но рассудил, что было бы нечестно впутывать его в мои неприятности. У нас не было времени даже проститься, но когда мы раздобудем молот и начнем править миром, или станем богатыми как Крезы, или даже в любом ином случае, я пошлю ему весточку.

Песни еще разносились над водой, когда мы подгребли к лагерю Красного Мундира и тихо выбрались на берег, я с винтовкой, а Магнус с топором.

— Уходя, мы продырявим их каноэ, — прошептал я.

Мы подкрались к стоянке, как грабители.

К моему облегчению, возле костра сидели всего двое караульных индейцев и, очевидно, они мирно спали, завернувшись в одеяла. Недостаток бдительности объяснялся тем, что в дюжине шагов от них к дереву с двух сторон были привязаны кожаными ремнями две более хрупкие фигуры, с головой закутанные в одеяла. Наших пленниц связали. Я подкрался поближе к ним.

— Намида! Я пришел спасти тебя, — прошептал я по-французски.

Пленница выпрямилась, услышав свое имя.

Я разрезал ремни на ее шее, откинул одеяло и склонился, собираясь поцеловать ее.

Но вдруг осознал, что в нос мне уткнулось дуло пистолета.

— Вы еще глупее, чем я думала, — хладнокровно процедила Аврора, сбрасывая

одеяло, скрывавшее ее рассыпавшиеся по спине золотисто-каштановыми волнами волосы. — Как же скучно иметь дело со столь предсказуемыми идиотами.

Проклятье! Накинув индейское одеяло прямо на белую сорочку, она выглядела возбуждающе, как всегда. Если бы не пистолетное дуло, ледяной презрительный взгляд и ее недавнее совокупление с кузеном, я вновь запутался бы в ее сетях. Второй привязанной фигурой оказался просто сверток из нескольких одеял, упавших на землю, когда Магнус, по нашему общему заблуждению, попытался освободить Лягушечку.

За нашими спинами послышались щелчки взводимых курков тут же проснувшихся индейцев. Мне в затылок уперлось дуло мушкета. Спину Магнуса прижало к земле чье-то мощное колено, а к виску ему приставили лезвие томагавка. Вперед вышел и Сесил Сомерсет, видимо подготовившийся к фехтованию: он закатал рукава рубашки и скинул сюртук. Клинок его рапиры хищно поблескивал в лунном свете. Англичанин выглядел сухощавым и энергичным.

— В сущности мне как раз нравится ваша предсказуемость, господин Гейдж. Мы предположили, что раз вам не удалось порезвиться с Авророй, то вы броситесь за этой смазливой скво.

Я начал приподниматься, но по отрывистому приказу Красного Мундира два индейца крепко схватили меня за плечи, третий вырвал из рук винтовку, а четвертый связал мне руки за спиной. К сожалению, на сей раз в руках не было шоколадок.

— Вы, похоже, забыли, что я прибыл сюда с дипломатической миссией.

— А вы, похоже, забыли, какая разница между дипломатом и шпионом, да к тому же любопытным Томом Подглядой.

— Только лишь потому, что вы с вашей кузиной выглядели столь занятыми, что я подумал о необходимости нанять другого проводника. У Намиды менее странные вкусы.

— Аврора не моя кузина, господин Гейдж.

— Ах. Ваша парочка, кажется, старательно прячет свои истинные лица. Может, вы и к аристократии не имеете никакого отношения?

— Она моя сестра.

Я услышал, как Магнус ахнул, а потом зарычал, словно получив болезненный удар.

— Какая мерзость!

— Именно так и сочли в Англии, но досужим моралистам ничего не известно о силе истинной любви. На самом деле Аврора моя сводная сестра. Неужели так странно, что у нас с ней могут быть общие наклонности и привязанности? Наш распутный отец сам имел извращенные вкусы, и нам пришлось объединиться против этого монстра, когда он пытался совратить нас. Мы полагаем, что он вполне мог отравить обеих наших матерей и спаривался без разбору с любыми тварями, пока не промотал наше наследство. Наш родственный союз против него неизбежно спровоцировал настоящую привязанность. Высшее общество выказало нам свое презрение, но ложа египетского обряда, основанная Калиостро, поняла и поддержала нас. Здесь, среди дикарей, нам никто не мешает удовлетворять свои желания. Вы же понимаете, что мы не собирались ни с того ни с сего объявлять об этом первому встречному.

— Это кровосмешительство! Такие связи запрещены! Отвратительны!

— Они священны, узаконены языческими ритуалами древних фараонов, царей и друидов. Да, священны, ибо только нам известно, насколько подлинна наша любовь, и поскольку нам пришлось рискнуть всем, рискнуть даже отправиться в изгнание, дабы сохранить ее. Вам недоступно понимание столь глубоких чувств. Кстати, я слышал, что вы, идиот, упустили вашу египтянку. Теперь вам придется страдать в одиночестве.

— Даже у дикарей есть свои моральные принципы, Сесил. Вы пожалеете, что рассказали нам об этом.

— Нет, если вы умрете.

Кончик его рапиры прорезал сумрак прохладного ночного воздуха.

— Вы пригласили нас с собой и доставили сюда только ради того, чтобы убить?

— Как вы убили Алессандро Силано, бестолковый дилетант. Неужели вы действительно могли подумать, что это сойдет вам с рук? Я полагал, что кара настигнет вас в Италии или в Морфонтене благодаря нанятым нами датчанам или, наконец, в Нью-Йорке. Вы на редкость живучи, но игроки знают, что полоса везения, сколько бы она ни длилась, все равно когда-то закончится.

— Мы общались с вами лишь потому, что хотели выяснить ваши истинные цели, — прибавила Аврора. — Но вы оказались не слишком откровенным... Хотя я предоставила вам и удобную возможность, и обещание солидного вознаграждения, так что лишь из-за вашей скрытности вы дожили до сегодняшнего дня.

— Но вы умрете самой медленной и ужасной из вообразимых смертей, и об этом позаботятся Красный Мундир и его воины, — предсказал Сесил. — В любом случае вы расскажете нам все, что знаете, а уж мы постараемся осуществить ваши планы, и поскольку вы и так считали их бредовыми, то они и не принесут вам никакой пользы. Сначала вы заговорите, потом начнете умолять, потом орать, пока не сорвете голос, а в результате впадете в такую тоску, что едва сможете издать даже звук. Вы испытаете, как мне представляется, поистине дьявольские мучения. Герти хорошо научил меня. И самое замечательное, что после общения с нами у вас начнутся иные пытки. Эти туземцы — поразительные знатоки пыточного искусства. Они умеют растягивать мучения на много дней. Сотни раз они будут возвращать вас из блаженного беспамятства.

— Эти пытки страшат и одновременно развлекают дикарей, — небрежно добавила Аврора. — Страх перед таким же мучительным пленом придает им храбрости. А готовность к подобным пыткам приучает к стоической невосприимчивости боли.

— Давайте я расскажу вам все прямо сейчас, — разумно предложил я.

Если им хочется толпой валить на поиски мифических молотов и несуществующих слонов, то я совершенно не против. Я не трус, но перспектива подвергнуться многодневным испытаниям в лапах Красного Мундира и его поделщиков привела меня в дрожь, и, вообще, какое мне дело до того, что ищет Бладхаммер? Меня привлекли к этим поискам по чистой случайности.

— К сожалению, Итан, такого выбора уже не существует, — сообщил Сесил. — Во-первых, мы не поверим вам, поскольку вы обладаете определенной... изобретательностью. А во-вторых, больше всего, помимо процесса нашего с Авророй соития, нам нравится созерцать терзания наших врагов. Зрелища подлинных и постепенно возрастающих мучений щекочут нервы, заряжают — если можно так выразиться — неким электричеством. Обычно после лицемерия чужих страданий наша страсть достигает высочайшего накала.

— Простите, но у меня нет абсолютно никакого желания способствовать усилению вашей страсти.

— Как раз ваше нежелание и доставит нам полнейшее удовольствие! — воскликнула Аврора.

— Если вы не отпустите нас, я начну орать!

Аврора вытащила кляп.

— По крайней мере, пощадите Магнуса. Именно я настоял, чтобы мы связались с вами. Он всего лишь безвредный норвежский мечтатель.

— Пощадить человека, который стремится доказать, что его предки стали первооткрывателями Северной Америки? Неразумно. Кроме того, нам хочется услышать, какие вопли он умеет издавать. Вероятно, он начнет реветь, как бык.

— У меня есть письмо от президента и поддержка Бонапарта, к тому же и Мактавиш уже встретился со мной. Если вы убьете нас, то не останетесь безнаказанными!

— Напротив. Украд провизию и каноэ, вы сбежали, никому ничего не сказав. Мы организуем доблестный спасательный эскорт, случайно обнаружив то, что составляло истинный предмет ваших поисков. А потом отправим послание с соболезнованием Джефферсону, который, я уверен, на самом деле не ждал от вас слишком многого.

— Вы выпустите духов Рагнарёка, англичанин! — прохрипел прижатый к земле

Магнус.

— Я не верю в волшебные сказки, мужлан, — сказал Сесил, проткнув щеку норвежца кончиком рапиры. — И дух я выпущу только из вас.

Он повелительно махнул рукой, и его приспешники заткнули нам рты кляпами.

Глава 29

По крайней мере, нам не пришлось грести.

Связанных, как кабанов, нас бросили на дно разных каноэ, одно принадлежало Красному Мундиру, а другое мы с Магнусом еще недавно считали так удачно украденным у вояжеров. В третье каноэ загрузились Сомерсеты и часть индейских гребцов. В четвертом разместились Намида и Лягушечка. Обе индианки подавленно и уныло поглядывали в нашу сторону. Они знали, какая участь ждет пленников.

На рассвете наша маленькая флотилия отчалила от безмолвного форта, тишина которого нарушалась только петушиными да собачьими голосами, и вскоре Гранд-Портидж скрылся из вида. Нас, конечно, грубо связали и затащили в лодки, но после этого оставили в покое — видно, берегли для издевательств в их родном поселении. Я упорно пытался высвободить руки из сыромятных ремней, но преуспел лишь в том, что ободрал себе кожу. Индейцы оказались более опытными в связывании пленников, чем подосланные ко мне в Морфонтене убийцы.

Наши захватчики гребли без отдыха целый день и ночь, доставив нас на следующее утро к их родному поселению на западном берегу озера Верхнего. Наблюдая во время этого плавания за положением солнца и вспоминая карты этой местности, я сообразил, что мы изрядно продвинулись в нужном нам юго-западном направлении. Если это могло послужить хоть каким-то утешением, то мы невольно оказались на добрых сто миль ближе к заветному молоту, обозначенному на карте Бладхаммера.

Беспорядочная пальба и торжествующие возгласы свидетельствовали о приближении к цели нашего путешествия, и даже со дна каноэ я слышал злорадные крики высыпавших на берег соплеменников, несомненно обменивающихся воспоминаниями об изощренных пытках и заключающих пари на то, как долго новые жертвы продержатся до первого вопля, потери сознания или смерти. Почему-то нам стало еще страшнее оттого, что пока, никого не видя, мы безнадежно взирали в пустынную небесную высь. Потом весла с плеском вытащили из воды. Я был поднят множеством рук, как мешок с мукой, и в итоге доставлен на берег, где путы на моих ногах развязали и заставили дальше ковылять самому на онемевших ногах, в которых с болезненным покалыванием начинала вновь циркулировать кровь. Руки остались связанными. Бладхаммера точно так же выволокли на сушу и поставили на ноги.

Совершенно обалдевший от тревожного ожидания, я невольно прищурился. На нас с Магнусом уставилась орущая толпа, насчитывающая, вероятно, сотни две индейцев. Все без разбору, мужчины, женщины и дети, вооружились палками или дубинками и выглядели не менее возбужденными, чем сироты перед вручением рождественских подарков. В нас полетели камни, и пара штук причинила нам ощутимую боль, но шквального обстрела не последовало. Нельзя же раньше времени испортить трофеи.

Я пытался сохранять философское спокойствие. По светлым представлениям Магнуса, люди, живущие в девственной природе, обладают врожденным великодушием и сокровенным знанием. Однако, удалившись от цивилизации, я встречал лишь необузданных и совершенно оголтелых дикарей. Природа была к ним жестока, а не милосердна, и эта жестокость теперь грозила обернуться против нас.

— Прости, Магнус, — сказал я, взглянув на компаньона.

Что уж тут скажешь. Он взидал на своих будущих мучителей взглядом сурового викинга, который мог бы поколебать решимость даже грозного Тамерлана. В такой момент большинство людей могли бы сломаться и разразиться слезами, умоляя избавить их от

ужасных пыток, — я лично вполне мог бы сам дойти до такого унижения, если бы видел в нем хоть какой-то смысл, — но Магнус просто оценивающе обозревал врагов. Если бы ему удалось избавиться от пут, то он показал бы им, как сражался Самсон, избивая филистимлян.

Я начал оглядываться по сторонам. И сразу с досадой заметил, что Аврора завладела моей винтовкой, да еще взяла ее на изготовку, словно часовой в карауле. Какой-то раскрашенный туземец потрясал обоюдоострым топором Бладхаммера. Украденные нами запасы бесследно исчезли — вероятно, их слопали наши захватчики в перерывах между греблей, — и сам я уже испытывал сосущее чувство голода и мучительную жажду. Правда, очень скоро у меня пропал всяческий аппетит.

Красный Мундир, торжествующе водя нас по берегу, драматично жестикулировал и, громогласно разглагольствуя на своем тарабарском наречии, представлял нас соплеменникам. Наверняка он хвастался, какое проявил хитроумие, захватив нас в плен, или издевался над моей дурацкой попыткой освобождения Намиды. Эта девушка и Лягушечка стояли поодаль от нашей компании, испуганно съежившись при виде орущего племени, хотя им самим пока ничто не угрожало. Достигшие зрелости молодые женщины считались слишком ценными, чтобы безрассудно прикончить их. Явно наслаждаясь собственной догадливостью, обеспечившей нашу поимку, Сесил прохаживался с другой стороны от толпы, сжимая рукоятку рапиры. Я решил, что он должен умереть первым. А следом за ним его сводная сестрица, если эта сирена и правда приходится ему родней. Да, их ждет жестокая месть, надо только избавиться от общества двухсот возбужденных индейцев.

Я пытался строить планы спасения — устрашающая демонстрация электрических сил, древние заговоры, скрытое оружие, предсказание солнечного затмения, — но все они не выдерживали никакой критики. Голова вообще работает вяло, когда забита мыслями о предстоящих пытках.

Красный Мундир имел на сей счет свои планы. Уперев руки в бока, он гордо расхаживал перед нами, как владелец поместья, а потом вновь обратился к своим подданным с пламенной речью.

Индейцы восторженно завопили. А Сесил Сомерсет нахмурился, что, по моим смелым надеждам, являлось хорошим знаком. Намида, как я заметил, резко оглянулась в сторону берега, скрытого от взоров толпы, и вновь быстро перенесла все внимание на меня.

Рядом со мной на землю постелили высокобленную оленью шкуру. Красный Мундир, порывшись в одном из глубоких английских карманов, вытащил горсть какой-то мелочи, на первый взгляд похожей на округлую гальку. Когда он бросил ее на шкуру, я узнал индейские игральные кости, вырезанные из косточек дикой сливы. По традиции кости индейцев имели не квадратную, а овальную форму и только две значимые стороны: на одной были вырезаны разные черточки, кружки, символические изображения змей, воронов и оленей, а вторая оставалась нетронутой.

Индейцы начали приплясывать, разразившись восторженными криками. Они любили азартные игры.

Я тоже любил, и у меня невольно мелькнула крошечная надежда на удачу. На кожаное покрывало также выложили десять монет.

Красный Мундир отрывисто сказал что-то Сомерсету, а потом кивнул головой в мою сторону. Сесил, явно возражая ему, ответил что-то на языке этих индейцев, но вождя не смутил отказ. Он вновь что-то пролаял, отрицательно мотнув головой.

Наконец англичанин пожал плечами.

— Он хочет, чтобы вы сыграли с ним, Гейдж. Очевидно, вы успели снискать славу игрока.

— Я, видите ли, нынче не при деньгах, мне и ставить-то не на что, — нервно сглотнув, ответил я.

— Разумеется, ставкой будет ваша жизнь.

— А если я выиграю?

— Спасете свой скальп.

— А если проиграю?

— Тогда вас прогонят через строй, — усмехнулся он, — прежде чем привязать к столбу, что даст всем им лишний шанс поистязать вас.

— Какая чудная забава, — заметил я, опускаясь на колени на оленью шкуру со связанными за спиной руками. — Как же я должен играть?

— Это упрощенный вариант. Красный Мундир, положив кости в чашку, сам бросит их. Если больше выпадет пустых сторон, чем резных, то бросающий выигрывает монету. Если же, наоборот, больше выпадет резных, чем пустых, то монету выигрываете вы. Если перевес составит семь пустых к трем резным, то это стоит уже две монеты. Если выпадет восемь к двум, девять к одной или все десять пустые, то Красный Мундир забирает пять монет.

— А что же должен делать я?

— И наоборот, если большинство будет резных, то вы по тем же правилам будете получать монеты. Выиграет тот, кто первый наберет десять монет.

— Шансы тут равны, и игра может затянуться надолго, — заметил Магнус.

— Но в данной ситуации, приятель, по-моему, любое промедление кажется привлекательным, — ответил я.

— Точно подмечено, — согласился Сесил. — Хотя игра может закончиться и за два броска, если все кости выпадут пустыми или резными сторонами. Поэтому отсрочка может быть и очень короткой.

Индейцы столпились вокруг нас, азартно заключая пари на мою удачу. Красный Мундир собрал в горсть костяшки, положил их в чашку и, встряхнув ее несколько раз, выбросил содержимое на шкуру. Возбужденные крики снизились до приглушенного бормотания. Выпало пять пустых и пять резных сторон. Ничейный результат.

Он вновь собрал кости и повторил ход.

— Пойдите, разве теперь не моя очередь?

— В данных обстоятельствах, господин Гейдж, я думаю, безопаснее держать вас связанным.

Второй бросок Красного Мундира выдал шесть пустых и четыре резных. Толпа разразилась изъявлениями бурного восторга, словно они следили на лошадьми на бегах. Вождь взял себе одну монету.

Он бросил кости еще раз, и опять выпало шесть пустышек. Восторг зрителей достиг исступления. Барабанный бой перемежался восторженными возгласами.

— Помогите нам, отважный дух Пола Джонса,³⁰ ведь за нашу победу тут явно никто не болеет. Хоть ты, Магнус, порадуйся, если мы выиграем монету.

— Они попросту развлекаются, наблюдая за вашей игрой.

— Это все же лучше, чем иная альтернатива.

После очередного броска выпало семь резных сторон. Толпа разочарованно взвыла. Я получил две монеты, уравнив счет, а траурные причитания индейцев могли бы соперничать с вдохновенным хором греческой трагедии. В играх мне везет, поэтому я слегка воспрянул духом.

За следующие два броска каждый из нас получил по монете, а потом у Красного Мундира выпало семь пустышек, и у него оказалось шесть монет против моих трех. На кону осталась всего одна монета. Удача, похоже, перешла к этому шельмецу: напряжение зрителей приближалось к истерике.

— Очевидно, я проигрываю, — безропотно сказал я, глянув на Сесила.

— Пока нет. Игра продолжается до тех пор, пока вы не растратите все выигранные монеты.

³⁰ **Джон Пол Джонс** (1747–1792) — шотландец по происхождению, проживший бурную жизнь, в ходе которой прославился на разных поприщах: работоторговца, корсара, дипломата и писателя; благодаря военно-морской службе получил звания адмирала США и контр-адмирала русского флота, в коего был произведен Екатериной Великой под именем Павел Жонес.

И в следующий раз на кону ничего не осталось, мне действительно повезло, ко мне перешла четвертая монета, а после очередного броска к ней добавилась одна из монет Красного Мундира, вновь уравнивая наши шансы. Теперь среди индейцев стонали и роптали те, кто проиграл пари.

Хотя потом вождь отыграл у меня три монеты за два броска, после третьего я отыграл у него одну обратно, но в итоге у меня опять отыграли пару монет. Теперь у меня осталась одна монета, а у него скопились остальные девять. В предвкушении моего разгрома туземцы начали приплясывать и распевать с игривостью, достойной неаполитанского карнавала. Я не доставлял никому столько радости со времен Нажака с его франко-арабской бандой, которая подвесила меня вниз головой над ямой со змеями. Может, мне следовало избрать поприще шута.

Усмехнувшись, Красный Мундир собрал кости, проехав по шкуре рукавом своего потрепанного английского сюртука, и с победным кличем начал трясти чашку перед решающим броском. Соплеменники подвывали ему в радостном предвкушении.

Но я следил за этим коварным дьяволом взглядом опытного игрока. По какому-то наитию я вдруг приподнялся с колен, упал на спину и, вскинув ногу, выбил чашку из его руки, отчего все кости взметнулись в воздух. Под стелькой мокасин у меня лежал скромный мешочек с серебряными долларами, которые мне удалось спрятать от жадных до выпивки вояжеров, и я готов держать пари, что этот металл помог мне значительно утяжелить удар.

— Он жульничает! — воскликнул я. — Надо проверить кости!

Никакой уверенности в этом у меня не было, но мне показалось подозрительным, что, всякий раз сгребая кости, он не дает мне возможности проверить их. Зная по рассказам, как лихо он выиграл Намиду, я готов был поспорить, что во время игры он незаметно подменил пару костей, добавив в чашку двухсторонние пустышки. И мое подозрение оправдалось, я увидел одну сомнительную кость и перевернул ее носком мокаина, несмотря на то что рассерженный Красный Мундир пытался убрать ее.

Сесил выступил вперед и жестом велел мне сесть на место. Он поднял перевернутую мной костяшку. Разумеется, обе ее стороны оказались пустыми.

Толпа притихла.

— Умная догадка, господин Гейдж. Если бы вы поступили более цивилизованно, мы могли бы оспорить всю правомерность такой игры. — Он подбросил кость в воздух, поймал ее и опустил в свой карман. — Но вы грубо нарушили правила.

Красный Мундир выглядел убийственно.

— Освободите нас! Ведь он сжульничал!

— Наоборот, вы помешали финальному броску, не дав завершить его. Вследствие этого нам придется исходить из ситуации, сложившейся к моменту вашего грубого вмешательства. Счет был, как мне помнится, девять к одному.

— Только потому, что он подсунул в чашку пустышки!

— А вы грубо прервали игру, вместо того чтобы благопристойно заявить о необходимости проверки костей. Поэтому в приближении ваших дальнейших несчастий вы можете винить только собственные неучтивые манеры.

Он крикнул что-то собравшимся индейцам, и они загомонили с новым неистовством, узнав, что наконец смогут развлечься, поколотив нас.

Сесил вновь повернулся ко мне.

— Неужели вы не поняли, Итан, что в этой игре изначально были обречены на проигрыш? Не рассчитывали же вы в самом деле, что мы собираемся позволить франко-американскому шпиону спокойно рыскать по британской пушной территории?

— Бывшей испанской, а теперь французской территории.

— Не думаю, что нас волнуют формальные обстоятельства дела.

— Норвежской территории! — громогласно вставил Магнус.

— Как странно, — с улыбкой произнес Сомерсет, — что исторические исследования этой американской территории привели вас обоих к смерти.

Глава 30

Красный Мундир рывкнул какие-то приказы, и его соплеменники начали пятиться от берега в сторону ворот их окруженной частоколом деревни, выстраиваясь в две параллельные шеренги. Опережая мужчин, женщины стремительно бросились занимать места, они яростно потрясали палками и презрительно визжали, как обычно поступали уже успевшие познакомиться со мной особы. Я увидел оскаленные провалы ртов с белыми зубами и черные, безжалостные глаза. Мне пришлось собрать всю свою храбрость, чтобы решиться сделать первый шаг вперед.

Нам надлежало пробежать через этот строй к пыточному костру.

— Постарайтесь не упасть, — посоветовал Сесил, — иначе они будут бить вас, пока вы не лишитесь сознания, чтобы потом выяснить, много ли костей удалось им переломать. Тогда вы будете мучиться еще сильнее, когда вас будут привязывать к столбу.

— Может, покажете, как это делается?

— Совершенно излишне. Пробежка получится у вас сама собой, сработает инстинкт самосохранения, господин Гейдж, по крайней мере, так говорил мне Гerti. А вы же понимаете, что он опытный наставник в таких делах.

Кто-то пихнул меня в спину, и я, пошатнувшись, шагнул вперед, по-прежнему со связанными за спиной руками. Лучше, видимо, мне бежать как можно быстрее, пригибаясь и петляя, чтобы избежать самых опасных и сильных ударов, и стараться также не поднимать головы, чтобы не расквасили физиономию. Слыша полные радостного ожидания завывания моих мучителей, я впечатал ноги в прибрежную гальку и пригнулся, а потом, по мушкетному выстрелу, что есть мочи рванул вперед. Индейцы подняли оглушительный ор.

Они не ожидали от меня такой прыти, и первые несколько дубинок не достигли желанной цели, лишь ветер пока свистел в моих ушах. Но затем удары начали осыпаться мои плечи, спину и ноги. Кто-то выставил палку, чтобы я споткнулся, но у меня хватило ловкости подпрыгнуть и сломать ее, прижав к земле, что породило удивленные возгласы. Наткнувшись на грубый удар, я пошатнулся, но продолжил бег, слегка потеряв скорость. Один чертовски болезненный удар достался моему загривку, но прошившая меня острая боль даже помогла мне с новой силой рвануться вперед. Я помчался дальше, чувствуя, как дубинки барабанят по моему телу.

— Отличное представление, Гейдж! — комментируя, вскричал Сесил. — Вот оно, точное попадание, должно быть, изрядный будет синячище.

— В голову! Цельтесь в голову! — пронзительно заорала Аврора.

Слава богу, что она не побуждала их целиться в более интимные места.

Позади раздался страшный крик, и я, мельком глянув назад, увидел, что Магнус, как разъяренный бык, рванулся вперед, с ходу раскидав полдюжины своих противников, и начал возмущенно топтать их извивающиеся тела под визг и хохот остальных туземцев. Индейцы отвлеклись, и это позволило мне пробежать оставшиеся десять ярдов, получив всего лишь пару легких смазанных ударов. Влетев в ворота поселения, я попал в заградительный полукруг индейских воинов и без сил повалился на колени, слишком возбужденный, чтобы в полной мере осознать урон, нанесенный мне первым испытанием. Богатырские размеры Бладхаммера превратили его пытку в легкую забаву, строй разошелся в разные стороны, словно раздувшийся питон. Продвигаясь дальше, он увлекал за собой и индейцев, рыча после каждого удара или плевка, а когда разох его ноги подогнулись, он лишь на мгновение преклонил колени и вновь, задыхаясь, рванул вперед. Наконец норвежец тоже вырвался от мучителей и рухнул рядом со мной в грязь за воротами. Его грудь бурно вздымалась, а по виску текла струйка крови. Зато в глазу его полыхал воинственный огонь скандинавских предков.

— Ребра целы? — коротко спросил я.

— Они лишь запылили меня. А вот я ногой проломил кому-то нос. Слышал даже, как

он хрустнул. — Он усмехнулся, обнажив залитые кровью зубы.

— Да уж, будем пользоваться любой возможностью. Я предпочитаю умереть в бою, а не на костре.

Привратные охранники слетели с него, едва он повел могучими плечами, чуть не разорвав врезавшиеся в них ремни.

— Если я вырвусь на свободу, им трудно будет справиться с нами.

Учитывая сложившиеся обстоятельства, мне захотелось покаяться в некоторых грехах.

— Я не всегда трезво оцениваю достоинства женщин, — признался я.

— Мы еще отомстим ей, — буркнул он, сплюнув кровавую слюну.

— Но согласись, что жизнь в дикой природе не улучшает человеческую натуру, — продолжил я, выдвигая доводы Локка³¹ в противовес идеям Руссо,³² пропагандируемым Магнусом.

— Эту натуру испортили порохом и ромом, — возразил норвежец. — Здешние индейцы осознают, что стоят на грани вымирания, и именно это осознание сводит их с ума. — Он мрачно глянул на проходившего мимо воина, который вяло помахивал богатырской секирой. — В более девственных краях все еще может быть иначе.

— В еще более девственных?

— Мы ведь пока не побывали на Западе.

Индейцы затанули на наших шеях что-то вроде собачьих ошейников, а Сесил лениво продефилировал перед нами, уже успев вытащить из ножен рапиру, ее клинок теперь небрежно покачивался на его плече.

— Знаете, Гейдж, я ни разу не встречал шпиона, чьи действия было бы так просто предсказать.

— Я не шпион.

— После неудавшихся покушений в Нью-Йорке мы даже решили, что не стоит тащиться за вами в Вашингтон. Ваша миссия казалась настолько очевидной, что нам оставалось лишь преспокойненько дожждаться вас в Детройте. Я скептически отнесся к тому, что легкий флирт моей сестры побудит вас отказаться от защиты американского эскорта, но вас даже упрашивать не пришлось, вы сами все организовали. Да-да, Итан Гейдж, — сказал он, прищелкнув языком. — Вы пресмыкались перед ней, пока не высмотрели эту смазливую скво, подобно псу, учуявшему след новой добычи. А потом, подсмотрев за нами, вы прямоком бросились к этой манданской девице, в то самое единственное место, где мы и рассчитывали поймать вас. Я даже начал сомневаться, что такой глупец, как вы, и герой Акры — один и тот же человек. Может, вы самозванец?

— Я обнаружил вашу штаб-квартиру. — Я огляделся вокруг.

— В этой навозной куче? — со смехом произнес он. — В этом дикарском гнезде? Я использую туземцев, Итан. А на будущее мы присмотрели себе замок в Монреале, где и обоснуемся после того, как поможем индейцам отбросить вашу корыстолюбивую, бюрократическую нацию обратно на восток за Аппалачи и от ярости их мятежного натиска воды Мононгахелы и Миссисипи покраснеют от крови. Десять тысяч ваших лачуг будут сожжены, и десять тысяч осиротевших детей впрыснут свежую кровь в эти племена. К тому времени Текумсе превратит Понтиака в своеобразного наследника францисканских монахов, а у британцев хватит ружей на все его отряды. Да, Итан Гейдж, Америку необходимо

³¹ **Джон Локк** (1632–1704) — английский философ, основатель либерализма. В «Опыте о человеческом разуме» (1689) разработал эмпирическую теорию познания. Отвергая существование врожденных идей, утверждал: все человеческое знание проистекает из опыта. Развил учение о первичных и вторичных качествах и теорию образования общих идей.

³² **Жан Жак Руссо** (1712–1778) — французский писатель и философ, чьи идеи (в частности, культ природы и естественности, критика городской культуры и цивилизации, искажающих изначально непорочного человека) оказали влияние на общественную мысль и литературу многих стран.

держат в узде для ее собственного и всемирного блага. Я не позволю вашему ратующему за грязное равноправие и корыстную жадность народу осквернить европейскую цивилизацию! Америку нужно держать в черном теле, пока оно само не усохнет, впрочем, как и Францию. Поэтому, Итан Гейдж, сегодня вы отойдете в мир иной, а ваши потроха отошлют Джефферсону после того, как эти краснокожие псы вырвут их из вашего вспоротого брюха. Вы сможете понаблюдать, как мы закопим их для сохранения... о, да, здешние старухи знают, как поддерживать в вас жизнь и сознание во время процесса такого копчения! Если, конечно, вам не захочется рассказать нам, с какой именно целью вы потащились в пограничные земли, ради чего согласились покинуть карточные салоны и гостиные, где могли продолжать влачить блаженное существование бесполезного и вялого ничтожества. Поделитесь с нами планами, Гейдж, и по доброте своей я смогу даровать вам быструю кончину от одного точного удара томагавка по вашей глупой голове! Все равно ведь вы расскажете нам все, что угодно, когда эти скво засунут горячие угли в ваши уши и задницу и будут терзать кедровыми щепками ваши вялые члены.

Он напомнил мне лекаря, с излишне кровожадным удовольствием описывающего мучительное лечение. Сейчас он, безусловно, не походил на того великолепного аристократа, с которым я познакомился в доме Даффа. Мне следовало бы поинтересоваться рекомендациями.

— Даже в вялом состоянии он больше, чем то перышко, которым вы, жалкий извращенец, пытались пощекотать лоно своей сестры.

— Да вы отменный наглец! — залившись лающим смехом, воскликнул он.

— Сведения, полученные под пытками, не принесут вам никакой пользы.

— Тогда мы начнем с обезображивания вашей личности.

Он кивнул одному из индейцев, и тот так сильно дернул меня за ошейник, что моя голова резко откинулась назад. Я едва мог дышать. Другой приблизился ко мне с острой как бритва раковиной мидии.

— Мне нравится, что перед тем, как выдавить глаз, здесь сначала рассекают его, причиняя тем самым ужасные мучения. Ваша отвага не раз подвергнется этому жуткому испытанию, поскольку, как только глазная рана распухнет, ослепив вас, новый разрез выпустит гной — и все повторится сызнова. Я наблюдал, как они измывались подобным образом над одним пленным священником до тех пор, пока его глазницы не превратились в размытую черно-красную паутину сделанных острым краем раковины разрезов. Разумеется, тому священнику не в чем было признаваться, и он окончательно рехнулся уже на третий день пыток. Но мы получили изумительное развлечение.

— Я уже говорил Авроре, что нас отправили на поиски шерстистых слонов! — выкрикнул я, видя, как край раковины маячит перед моим носом.

Безумно вращая глазами, я вдруг мельком заметил, что Намида высматривает что-то на берегу. Судорожно дернувшись, я едва сам не напоролся на острие.

— Я готов поверить, что такое задание вы получили от Джефферсона. Но разве Бонапарт просил вас о том же? Нет, поэтому сейчас вы станете похожи на норвежского циклопа. Приступай.

— Погодите! — в подлинном ужасе заорал я.

Я понимаю, что мне полагалось быть стойким, как римлянину, перед лицом страшной пытки, но ради чего? Мы ведь гонялись за мифом, за сказочным оружием, и если я мог хоть на минуту отсрочить пытку... Две сотни индейцев собрались вокруг двух связанных пленников, и у нас не будет ни малейшего шанса выжить, если я не использую эту последнюю попытку.

— Мы ищем молот Тора!

— Что? — Сесил остановил жестом руку дикаря с раковиной, занесенной над моим глазом, потом снял рапиру с плеча и ткнул ее кончиком мне в шею. — Молот?

Он выглядел озадаченным.

— Молот древних скандинавских богов! Именно ради него притащился сюда Магнус!

Он считает, что викинги, или тамплиеры, или какие-то другие безрассудные смельчаки прибыли сюда до Колумба и спрятали магический молот, способный дать власть над миром! Меня такая власть не волнует, мне хотелось лишь выгодно сбавить его с рук.

— Итан! — воскликнул Магнус, всем своим видом изображая отчаяние и отвращение.

— Он таскает в чехле одну древнюю карту. По-моему, он безумен, но я отправился с ним, поскольку соблазнил сестру Наполеона и меня вынудили покинуть Францию!

Сесил прищурился, и его взгляд, словно в оцепенении, надолго застыл на моей физиономии. За ним, между вигвамами и лонгхаусами,³³ я разглядел почерневшие от огня столбы и кучи свежего топлива для костра. Мне вспомнились огненные ужасы битвы на Ниле, пожар в Тюильри, начавшийся в лаборатории графа Силано, и запах его поджаривающейся плоти. Огонь вызывал у меня смертельный страх.

— Он лжет! — крикнул Бладхаммер. — Начинайте ваши пытки! И вы сами все поймете!

— Он плохой лжец. — В поле моего зрения появилась Аврора, лениво направившая на меня дуло моей же винтовки. — Его вранье неправдоподобно, оно лишено маломальской убедительности. И слишком глупо, чтобы оказаться правдой.

Сесил переводил удивленный взгляд с меня на Магнуса и обратно, словно мы являлись представителями нового биологического вида. Потом он разразился смехом.

— Молот Тора?

— Он был вовсе не богом, а каким-то всемогущим древним предком и владел оружием, извергающим молниеносный огонь.

— Итан, прекрати! — взревел Бладхаммер.

— Не стоит отрубать мне голову, поскольку мы сможем показать вам, где...

— Итан!

Сесил отвел в сторону рапиру, а потом резко хлестнул уплощенным концом лезвия по моему лицу, и его удар не мог сравниться по обжигающей боли ни с одним палочным ударом, доставшимся мне при прохождении через строй индейцев. Из ранки брызнула кровь, и моя щека загорелась адским огнем.

— Вы считаете меня идиотом? — разъяренно спросил он.

Я резко сгорбился, с трудом подавив стон.

— Спросите Магнуса...

— Дурацкие мифы! Вы хотите убедить меня в том, что собирались искать в Луизиане скандинавских богов? Что ради языческих сказок вы преодолели шесть тысяч миль? Что одна из сестер Наполеона могла соблазниться таким идиотом, как вы?

— Эта любвеобильная дамочка просто затащила меня в свои объятия. Полина подобна нимфе, она успела прославиться своими романами задолго до того, как я...

— Молчать! — Он вновь хлестнул меня притуплённым краем рапиры.

— Дьявольская мука!

— Братец, он не настолько умен, чтобы выдумать такую абсурдную историю, — сказала Аврора.

— Да! Посмотрите на меня! Я же болван!

От боли и обиды на глаза у меня навернулись слезы, но ситуация казалась безвыходной. Я уже не смел взглянуть на разъяренного лорда.

— Молчать, я сказал!

И он в третий раз хлестнул меня рапирой. Едва не теряя сознание, я слепо прищурился. Ненавижу беспомощность.

— Хорошо бы нам взглянуть на его карту, — сказала Аврора.

— Я хочу спалить его, — взревел Сесил. — Он должен долго и мучительно

³³ **Длинный дом** — многосемейное прямоугольное жилище из жердей и коры с полукруглой двускатной крышей, используемое также для общественных нужд.

поджариваться на медленном огне за то, что овладел тобой.

— Терпение, любовь моя. Я знаю, мне пришлось распалить твою ревность, чтобы придать остроту любовным играм. Но нам нужно узнать все, что ему известно. Это только начало.

— Я хочу, чтобы его искололи раскаленными в костре лучинами. — Сесил облизнул губы. — Я хочу, чтобы эти женщины содрали кожу с его мужской плоти.

— Со временем, братец. Со временем. Но где же карта?

— Какой-то чехол валялся в каноэ.

Он отрывисто сказал пару слов Красному Мундиру, и тот послал молодого индейца на берег озера выполнять поручение.

— Позвольте мне быть вашим проводником. Ведь вы же говорили, что мы партнеры.

Вдруг Намида, о которой я и думать забыл, начала тараторить что-то Красному Мундиру. Он резко отвернулся от нее, но она залопотала еще более настойчиво и гневно, указывая на меня. Он что-то возразил, но тут Лягушечка тоже вступила в разговор. Что, интересно, они обсуждают? Индейцы начали спорить между собой, а на лицах Сомерсетов отразилась сильная тревога. Они резко выговаривали что-то Красному Мундиру, а вождь лишь огрызнулся в ответ.

— Что происходит? — спросил я Намиду по-французски.

— Мы заявили, что хотим взять вас в мужья.

— И что?

— Незамужние женщины могут спасти пленника, чтобы пополнить численность племени. У нас нет мужей, и они должны дать нам возможность иметь детей. Потом вы поднимете мятеж и сразитесь с Красным Мундиром.

— Присоединиться к его бандитам?

— Но вам надо жениться на нас.

В данный момент это казалось великолепной альтернативой.

— Магнус, у Лягушечки тоже есть своеобразное обаяние, — подбодрил я приятеля.

— Эти женщины рабыни, — прошипел Сесил. — Они не имеют прав на моих пленников. Красный Мундир не посмеет отказаться от обещанных нам пыток.

Намида помотала головой.

— Вы должны стать нашими мужьями. Эта банда истощена военными стычками Красного Мундира с другими племенами: и все они ненавидят его. А здешние женщины понимают, что их мужья начнут приставать ко мне, если у меня не будет мужа.

Что ж, в который раз я мог способствовать общественному согласию, как в переговорах в Морфонтене. А ночи с Намидой станут вполне приемлемой практикой для моих дипломатических талантов.

Я понял, что эта сообразительная девушка помогает нам оттянуть начало пыток.

Очень вовремя также прибежал с берега курьер с чехлом. Пока индейцы судачили о моей матримониальной пригодности, Сесил достал карту и развернул ее перед Авророй. Они изучили ее, а потом глянули на нас, отведя глаза от пергамента.

— Наверняка подделка.

— Это подлинный документ тамплиеров, будь прокляты твои глаза, — буркнул Магнус, очевидно решивший, что больше нет смысла скрывать бредовую теорию. — И вы знаете, что она подлинная.

— Вы оба окончательно спятили. Эти идеи еще более безумны, чем поиски слонов.

— Полностью с вами согласен, — вставил я.

— А что, если они не так уж безумны? — сказала Аврора, мрачно глянув на Магнуса. — Этот ваш молот. Что он может делать?

— Мне казалось, вы считаете его принадлежностью мифологии?

— Что, я спрашиваю, он может делать?

Норвежец пожал плечами.

— Никто не знает. Но если он существует, то средневековые мореходы считали его

достаточно важным, чтобы пересечь океан и доставить его в особое место — исключительно особое место.

— Можно с его помощью убивать людей? Массы людей?

— Его считали оружием Тора.

— Что, если они не выдумали все это? — сказала она, поворачиваясь к Сесилу.

— Ты, должно быть, шутишь.

— Разве стали бы они держать наготове карту с такой неправдоподобной историей? Да и сама карта выглядит, по-моему, как настоящая. У нее такой нелепый вид, что от нее так и пахнет правдой.

— Я не сомневаюсь, что Гейдж готов поверить в любую чепуху. Вопрос в том, должны ли мы уподобляться ему.

— Мы же всегда успеем убить их. Пусть они сначала проведут нас туда, — заявила она, ткнув пальцем в карту.

Я с готовностью кивнул.

— Нет, мне сейчас же нужно выяснить всю правду. И я хочу огнем и мечом выпытать ее у них без всяких проволочек.

— А если без их помощи мы не сумеем найти этот молот?

— Мы и так долго путешествовали с ними. Гейдж видит не дальше собственного носа, разве он способен хоть что-то найти? Если они не соврали и у нас в руках настоящая карта, то нам уже известно все то, что знают они.

— В нашей ложе говорили, что он проявил недюжинную находчивость в Египте и Палестине.

— Тогда надо привязать его к столбу, как мы и намеревались, и выпытать все полезные сведения, дав утолить кровожадную страсть этим индейцам, а потом самим тихо и спокойно отправиться на поиски. — Облизнув пересохшие губы, он продолжал мыслить вслух. — Если такой магический молот действительно существует, то с его помощью мы можем завладеть Северо-Западной компанией и ее связями с Монреалем и утереть нос всем нашим английским скромникам и лицемерам. Мы заживем достойной семьей, поженившись по нашему собственному закону. А его обвиним в исчезновении этой карты. — Он кивнул головой в мою сторону. — Дай нам часок, Аврора, за час на столбе мы узнаем от него все, что надо! — Он схватил обоюдоострый топор. — Просто поразительно, что могут рассказать люди ради того, чтобы спасти последние пальцы на руках или ногах.

— Тогда пусть Красный Мундир утихомирит этих пленных скво! — воскликнула Аврора.

Ее явно раздосадовало взволнованное выступление Намиды.

— К дьяволу, обойдемся без Красного Мундира, — заявил Сесил.

Он отдал приказ, и двое охранников, дернув нас за ошейники, заставили подняться на ноги и потащили к столбам, не обращая внимания на протестующие крики Намиды и Лягушечки. Споры в племени разгорелись со страшной силой. Красному Мундиру никак не удавалось достичь примирения спорщиков.

Сесил, Аврора и два охранника быстро утащили нас ярдов на двадцать от общей толпы визгливо спорящих индейцев. Понятно, что нас собирались привязать к столбам до того, как более светлые, ратующие за женитьбу головы достигнут численного превосходства. Но мы упускали лучший шанс, представившийся нам за целое утро, и я начал терять терпение. Когда же, когда? Аврора стояла, нацелив на меня винтовку, а на Магнуса наставил рапиру Сесил, топор он небрежно держал в другой руке, засунув карту за пояс. Лорд отдал лаконичную команду, и тащивший меня индеец разрезал веревки, стягивающие мои запястья, намереваясь вновь связать их после того, как прикрутит меня к вкопанному в землю столбу. Второй охранник схватил меня за ошейник, чтобы помочь совершить последние горькие шаги к месту будущей пытки. Мне, естественно, и в голову не пришло облегчить им эту задачу, дойдя туда своими ногами. Я начал поднимать руки, но Аврора тут же взвела курок моего ружья.

— Лучше не дергайся, — предупредила она. — Иначе я прострелю тебе колено и мучения твои начнутся еще до того, как тебя коснется огонь.

— Лучше прострели сердце, Аврора. Это меньшее, что ты можешь сделать в память о прошлом.

— Нет. Мне нравится слышать стоны моих любовников.

Остальные индейцы тоже начали подходить к нам, продолжая спорить, но уже менее возбужденно. Намида выглядела несчастной, что было недобрым знаком.

И вдруг голова воина, державшего меня за левую руку, разлетелась на куски.

На редкость своевременно!

Глава 31

Только что индеец тащил меня к костровому столбу, а через мгновение лобная часть его черепа раскололась и взлетела вместе с фонтаном крови и черными как смоль волосами, а сам он рухнул как подкошенный. Дождавшись этой, почти никем не предвиденной помощи, я словно оцепенел, правда лишь на мгновение. Потом, скорее инстинктивно, чем обдуманно, я развернулся так, чтобы второй стражник попал под прицел ружья Авроры.

Моя винтовка выстрелила как раз в тот момент, когда он оказался прямо перед ней, и его тело тоже осело на землю.

За третьим выстрелом последовал крик Красного Мундира, который завертелся, схватившись за руку. Остальных воинов словно парализовало. Обеими руками я ухватился за ствол моей разряженной винтовки и с поразившей меня самого свирепостью, никогда прежде не проявлявшейся по отношению к женщинам, оттеснил Аврору Сомерсет к лонгхаусу с такой силой, что она проломила спиной его крытую корой стену. Приклад ружья, ударивший ее в грудь, выбил из нее дух, и она потеряла сознание. Развернувшись, я успел отбить прикладом удар нацеленного на меня клинка Сесила. Острие его рапиры с силой воткнулось в деревянную ложу и застряло, аристократическое лицо исказилось бешеной яростью, смешанной со страхом, и я резко отвел винтовку в сторону, выбив оружие из его рук. Тем временем Лягушечка схватила брошенную лордом секиру Магнуса и освободила норвежца, разрезав связывающие его путы. Мы оказались между Сомерсетами и индейцами, и Сесил, спотыкаясь о кучи запасенного топлива и пытаясь вытащить пистолет из-за пояса, попытался к пыточным столбам. Я вырвал из винтовки кончик его сломанной рапиры.

Очередной выстрел свалил с ног бросившегося к нам индейца, а получивший свободу Магнус, взревев, как неистовый скандинавский берсеркер, начал яростно размахивать сокрушительным топором. Как вихрь набросился он на ошеломленных индейцев, орудуя со всей силой могучих бицепсов, бугрившихся под разорванной рубахой, уже окровавленным бердышом и сметая с пути пораженных ударами воинов. Не ожидая нападения, они не запаслись ни ружьями, ни луками, а его топор продолжал со свистом рассекать воздух. Помедлив мгновение, он подался вперед и с явным торжеством подхватил чехол от своей карты.

Почему его так волновало возвращение именно этого чехла, ведь карта по-прежнему торчала за поясом Сесила?

Подскочив к распростертой на земле Авроре, я сорвал с ее груди роговую пороховницу.

— Твоя шлюха мертва! — солгал я Сесилу, надеясь, что возмущение помешает ему сделать меткий выстрел, и отскочил в сторону, когда его пистолет полыхнул огнем.

Отлично! Удастся ли мне оглушить его прикладом винтовки или заколоть сломанной рапирой, прежде чем он перезарядит пистолет?

— Ко мне, друзья! Не теряйте времени, мои мушкеты разряжены!

Из-за частокола к нам долетел призывный голос Пьера Радиссона. Я, так же как и Намида, уже заметил его краем глаза.

— Хватайте их! — завопил Сесил обалдевшим индейцам, хотя сам продолжал отступать, заряжая пистолет.

На лице лорда застыла горестная маска, и взгляд его то и дело возвращался к распростертому телу бездыханной сестры.

Пора отступить! Я швырнул в Сесила обломок рапиры, заставив его пригнуться, и вместе с Магнусом, Намидой и Лягушечкой скрылся за лонгхаусом, в который загнал Аврору. Пьер маячил в низком проеме, прорубленном в хлипком частоколе из стволов тонких молодых деревьев, и мы, протиснувшись через него, дружно вытащили мощный торс Магнуса, слегка застрявшего в узком проломе.

— Хвала Одину, как ты оказался здесь? — спросил наш одноглазый богатырь.

— Надо же было спасать ослов! — Пьер сунул мне мушкет. — Держи, стрельнешь из него, пока твоя винтовка не заряжена. Норвежец, помоги-ка мне установить бочонок.

Опомнившиеся индейцы наконец начали отстреливаться, но частокол отчасти защищал нас от их пуль. Я пальнул в толпу, и очередной рухнувший воин заставил ее рассыпаться. Красный Мундир сидел на земле, баюкая раненую руку, и я пожалел, что истратил пулю не на него. Высеченная искра воспламенила подсоединенный к бочонку огнепроводный шнур.

— А теперь бежим, бежим так, будто за нами гонится сам дьявол, а уж так оно и есть, не сомневайтесь! — крикнул нам Пьер.

Разъяренные индейцы рванулись к мышинному лазу, через который мы только что проползли, поэтому мы, подгоняемые чувством опасности, во всю прыть помчались к берегу через низкорослый березняк. Сзади раздался грохот.

Я оглянулся на бегу. Запал сработал, и бочка с порохом взорвалась, превратив индейский частокол в сумеречную завесу разлетающихся обломков. Взметнувшиеся вверх колья, словно пики, летели обратно к земле. Пронзительные и беспорядочные вопли доносились из-под града обломков, обрушившихся на наших мучителей. Разумеется, часть воинов могли броситься к главным воротам и обойти нас с другой стороны, но мы уже опередили их на добрую сотню ярдов и приближались к спасительному озеру.

Частокол и лонгхаус лизали языки пламени.

Мы прибежали к оставленному Пьером на берегу каноэ и спустили его на воду, женщины забрались в него первыми, а за ними загрузился я.

— Магнус! Что ты задумал?

Норвежец стремительно удалялся от нас с топором в сторону деревни, но вскоре я понял, что он бежит к ближайшим лодкам индейцев. Пара взмахов его топора проделала в хрупких суденышках основательные пробоины. Дальше на берегу сушились и другие каноэ, но его вредительство уже завоевало нам дополнительное драгоценное время.

Вскинув руки и размахивая топором, Бладхаммер бросился обратно к нам. Взметнув фонтаны брызг, он влетел в воду и, уцепившись за борт каноэ, едва не перевернул его. Мы втащили норвежца внутрь и все вместе как сумасшедшие начали орудовать веслами, стремясь как можно быстрее увеличить расстояние между нами и гудевшей, словно растревоженный улей, деревней. Над нами начали свистеть пули.

Добежав до ближайших лодок, индейцы обнаружили проломы, и возмущенные крики стали еще громче. Они бросились назад по берегу, но тут увидели, что от их домов валит дым.

С отчаянным оптимизмом я надеялся, что они не станут преследовать нас, пребывая в крайнем ошеломлении от нашего разрушительного бегства.

Но нет, вскоре на озерной глади появилась флотилия из четырех каноэ, влажно поблескивали на солнце весла в руках заполнивших их воинов. Красного Мундира я среди них не заметил, зато на носу первой лодки стоял сбросивший сюртук Сесил, задавая гребцам бешеный ритм.

— Немного южнее из озера вытекает река, где мы сможем высадиться на сушу, — задыхаясь, прохрипел Пьер, — но для начала нужно оторваться от погони. Норвежец, ты давай гребь с одной стороны, а мы вдвоем подладимся под тебя с другого борта. А ты, Гейдж, заряди-ка лучше винтовку!

У меня имелся запас патронов. Отобранное у Авроры Сомерсет любимое ружье

вселило в меня согревающую душу надежду, расстраивало только то, что его вырезанный из акации приклад вновь получил повреждение, на сей раз от рапиры Сесила. Я подсыпал пороха из пороховницы, сорванной с груди Авроры. Потом, зарядив винтовку, оглянулся назад и увидел, что лорд Сомерсет, наверняка взбешенный моим обхождением с его сестрой, направил на меня пистолетный ствол, словно выпущенная из него пуля могла достать меня с такой дальней дистанции.

Нас разделяло около ста пятидесяти ярдов, слишком большое расстояние для обычного пистолета. Случайная стрельба из закупленных нашими преследователями мушкетов не причиняла нам никакого вреда. Но, зная, как точно стреляет моя винтовка, я решил прицелиться, несмотря на покачивание нашего неуклонно продвигающегося к югу каноэ. Белая рубашка Сесила маячила вдали крошечным пятном. Поймав на мушку силуэт моего врага, выделявшийся на фоне голубого неба, я затаил дыхание и плавно спустил курок.

Огниво ударило по полке ружейного замка: вспышка, резкая отдача в плечо и долгое мгновение ожидания, не позволявшее сразу оценить меткость выстрела.

Сесил Сомерсет дернулся и буквально опрокинулся через борт, с плеском погрузившись в озеро.

С дикими криками индейцы, машинально сделав пару гребков, остановились, обескураженные потерей лидера. Немного помедлив, они развернули каноэ и, направившись к месту его падения, попытались вытащить тело из воды. Внезапно раздался пронзительный женский вопль, сменившийся горестным завывающим стоном, и эхо, подобно полночным крикам летающей ведьмы, разнесло над водой отзвук этой жуткой печали, окрашенное острейшей смертельной ненавистью.

Значит, Аврора не умерла.

Я не сомневался, что если мне посчастливилось убить ее брата, то она будет гоняться за мной скорбной тенью до тех пор, пока не прикончит. Или пока я не покончу с ней. Теперь нас связали цепи гораздо более прочные, чем обычное вожеление. Нас соединила ненависть.

Отложив винтовку, я схватил весло и начал грести с безумной скоростью, словно от нее зависела моя жизнь. А она действительно от нее зависела.

Глава 32

Остаток дня растаял в изнурительном тумане. Мы пребывали в полном потрясении, измученные пленом, избиением, бегством и попытками оторваться от преследования индейцев. Нам удалось избежать обещанного ада благодаря на редкость своевременному и чудесному вмешательству Пьера, и поэтому все сейчас испытывали состояние, сравнимое с электрическим шоком, который получали люди в ходе моих опытов. Удар молнии не вызвал бы у нас большего потрясения.

— Как ты догадался, что нас похитили? — переведя дух, спросил я.

— Я заметил, как полуголые и встревоженные Сомерсеты пронеслись в кромешной ночной тьме к лагерю Красного Мундира, — ответил вояжер. — Меня это очень удивило, ведь обычно эти аристократы всячески заботились о производимом впечатлении, а тут вдруг разом сбросили свои высокомерные маски. Значит, скумекал я, произошло нечто весьма важное. Потом я увидел, как они отволокли вас к лодкам. Времени звать на помощь у меня не было, и я последовал за вами один, выбрав самое вместительное из попавшихся на глаза каноэ.

— Клянусь тонзурой святого Бернара, ты сотворил настоящее чудо!

— Чудо сотворили эти женщины. Заметив меня, Намида устроила бурные дебаты по поводу вашей участи, чтобы отвлечь индейцев. Благодаря ей я успел подготовить внезапное нападение. Так что, приятель, скажи спасибо почтению к супружеским связям!

Я оглянулся на нашу спасительницу, Намида продолжала упорно грести, на ее испачканных щеках белели не замеченные мною раньше полоски — их оставили ручейки

слез. Но она смущенно улыбнулась мне.

— Да и сам Гейдж молот языком, как торговка на базаре, — сообщил Бладхаммер. — Выболтал им все, что знал.

— Я тоже старался выиграть время для Пьера, — парировал я, слегка погрешив против правды.

Зато меня не успели лишить глаза. Конечно, я получил синяки и ссадины, но не рыдал кровавыми слезами. Я смогу постичь эту жизнь, если она перестанет подкидывать мне сюрпризы.

— Верно, благодаря его маневрам один из ваших охранников оказался прямо под моим прицелом. — Пьер подмигнул мне.

— Но теперь им известно, что мы ищем! — сердито огрызнулся Магнус.

— Значит, мы должны закончить поиски раньше их, — жизнерадостно сказал я.

— Тьфу! В следующий раз придумай более правдоподобную ложь.

— Моя откровенность беспредельна.

— Нам помогло и то, что я сообразил захватить лишний бочонок пороха, — продолжил Пьер, — но теперь он израсходован, и у нас остались лишь запасы в пороховницах. Два мушкета, одна винтовка и Магнус с бердышом.

— Я сомневаюсь, что ему нужно иное оружие, — сказал я, глянув на его залитый кровью топор. — Магнус, ты сражался как древние богатыри в восьмом столетии.

— Оттуда и пошел наш род, — ответил он.

— Похоже, одного меткого выстрела хватило, чтобы на время остановить преследователей, — заметил я, оглянувшись назад.

— Они просто уверены в том, что в итоге все равно догонят нас, — сказал Пьер. — У них теперь есть ваша карта. Когда же, интересно, ты собираешься применить колдовские силы для нашего спасения?

— Пьер, если бы я действительно умел колдовать, то не преминул бы воспользоваться этим! Но я ученый, а не волшебник. Мне необходимо особое оборудование, а у нас пока нет ничего для накопления электрической силы, к тому же найденная мной магическая книга сгорела в огне.

— Мало того что ты плохо поешь и гребешь, так у тебя в запасе, оказывается, нет никаких колдовских талантов? Mon dieu, похоже, связавшись с ослом, я заразился его глупостью.

— Я умею стрелять. И это умение, по-моему, уже принесло нам ощутимую пользу.

— Oui, выстрел был хорош... возможно, ты впервые сделал нечто достойное. Но это не остановит их. Конечно, им потребуется время для организации новой погони, но они наверняка рассчитывают, что ты приведешь их к сокровищам. Пока неизвестно, живы или мертвы Сомерсеты. А вот Красный Мундир, по-моему, только ранен, что чертовски плохо. Он не успокоится, пока не отомстит.

— Ничего страшного не произошло бы, если бы он отпустил нас.

— У него другой взгляд на такие вещи.

— И вообще, при чем тут сокровища?

— А ты думаешь, что вояжеры дураки? Вы двое не похожи ни на священников, ни на торговцев, и с тех пор, как мы встретились, вы не вели никаких ученых записей. Не проводили никаких разведок, не заносили данные на карты и не задавали вопросов о проторенных путях или тропах. Любые исследователи собирают разные сведения, вы же скрывали их. Единственным объяснением могло быть сокровище.

— Что ж, ты, разумеется, уже заслужил свою долю.

— Вы ищете золото индейцев, как в Мексике или Перу? — с усмешкой спросил он.

— Нет, не золото.

— Тогда, может, изумруды, как в лесах Колумбии?

— В здешних краях нет никаких самоцветов.

— Так что же тогда? Ради чего мы все рискуем нашими жизнями? — Он выглядел

жизнерадостным, как именинник.

— Ради молота.

— Что-о-о? — От удивления он перестал грести.

— Молота богов, обладающего особым могуществом. Верно, Магнус?

— Да, и проклятые Сомерсеты теперь тоже знают об этом. Но не только это, малыш. Я покажу тебе, где находится центр мироздания, пуп земли.

— Ты хочешь проникнуть в ее глубины?

— Бери выше. В райские кущи.

— Райские кущи? Но разве нас не изгнали оттуда?

— В Библии, наверное, написано о другом райском саде, а я говорю о священной земле, дарующей духовное могущество. Хотя, возможно, именно там и находился библейский рай.

— Ты думаешь найти рай в этих диких краях? После того как побывал в индейской деревне?

— Я думаю, что его нашли мои скандинавские предки. — Он похлопал по лишившемуся карты чехлу, который продолжал упорно таскать с собой. — И когда мы найдем указанное ими место, то обретем истинное спасение. Драгоценные камни не настолько ценны, малыш. Но поистине драгоценна сама жизнь.

— Но она у нас уже есть. Разве нет?

Магнус мрачно улыбнулся и приналег на весло.

* * *

В окрестностях райского сада, по моим наблюдениям, обитало великое множество комаров и мошек, готовых поселиться на наших порезах и ссадинах. Быстро пройдя на юго-запад по озеру Верхнему, мы свернули в болотистое устье реки, которую Пьер называл Сент-Луис, протекавшую в сотнях миль севернее одноименного города. В сгустившихся сумерках маленькие злодеи высосали из нас больше крови, чем взвод склонных к кровопусканию лекарей, но мы не смели снизить скорость нашего каноэ, несмотря на общий упадок сил. Под голодное урчание животов мы продолжали грести целый вечер, и наконец русло начало сужаться, а течение заметно усилилось.

— Пора искать укромное местечко, — решил Пьер.

Пройдя по болотистому берегу, мы временно затопили наше каноэ, нагрузив его камнями, и, как утки, угнездились в топких зарослях камыша. Никакой еды у нас не было, за исключением нескольких брикетов запасенного Пьером пеммикана — ужасная дрянь, но спасает от голодной смерти, а костер мы развести побоялись. Но мы все так вымотались, что холодная вязкая земля показалась нам пуховой периной. Я уснул, едва коснувшись головой травянистой кочки, продолжая во сне убежать от безымянных и ужасных врагов.

Пьер растолкал меня посреди ночи; над рекой висел туман, а с болотистых берегов доносилась переключка квакающих лягушек.

— Тихо, — прошептал вояжер. — Они на подходе.

Я осторожно поднял голову. В туманной мгле мерцал огонек, приближающийся к месту нашего укрытия. Факел! Съежившись, я застыл в топкой грязи. Мимо медленно проплывало каноэ, один индеец на носу держал факел, а за его спиной стоял на коленях другой, с длинным легким копьем. Время от времени он протыкал копьем заросли камыша. Я разглядел рукава Красного Мундира, один из них болтался пустой, видимо, раненую руку он держал на перевязи. Обнаженные мощные плечи остальных воинов поблескивали от густо намазанного медвежьего жира, когда они с хирургической точностью погружали весла в воду. Каноэ продвигалось вперед совершенно бесшумно, без единого всплеска. Индейцы безостановочно вертели головами в разные стороны, выискивая малейшие следы нашего пребывания.

Я откинулся на спину, углубившись в заросли, и в тот же момент с берега выпрыгнул какой-то зверек — похоже, норка — и с плеском нырнул в воду.

Красный Мундир напрягся, и я заметил, как его тело изогнулось назад, чтобы проверить источник подозрительного звука. Казалось, он обнюхивает сам воздух, пытаясь учуять мое присутствие. Гребцы мгновенно замерли, лодка покачивалась в тумане, пока ее обитатели осматривали берега. На всякий случай я закрыл глаза, подумав, что они могут отражать свет. Раздался слабый щелчок взведенного курка мушкета. Пьер затаил дыхание.

Повисла длинная безмолвная пауза. Наконец вождь что-то пробурчал, развернулся, и гребля возобновилась. Каное растворилось в туманной мгле, но за ним последовало еще несколько лодок. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем мимо нас друг за другом проплыли все пять лодок, укомплектованные тридцатью индейцами. Если бы хоть один из них заметил нас, то на этом бы все и закончилось... но нашего убежища никто не обнаружил.

Я скрипнул зубами, сознавая, что никогда в жизни не попадал в столь беспомощное положение. Сзади остались враждебно настроенные индейцы, но еще большее их количество поджидает нас впереди, а где-то далеко за ними грозное племя оджибве сменится куда более кровожадными дакотами, которых сами оджибве называли «сиу», что означало «гремучие змеи». Подобными культовому змею Апопу! Я понимал, как ничтожен шанс нашего возвращения в Гранд-Портидж до окончания летнего сбора, и он сводился на нет моим нынешним недоверием к дружелюбию британцев. Они поверят любой лжи, сказанной Сомерсетами, и вдобавок я понимал, что шотландец Мактавиш, скорее всего, одобрил бы план моего похищения. Как же еще проще всего избавиться от франко-американского чужака? Я чувствовал себя мухой на пиршестве пауков. И зачем только я соблазнился Полиной Бонапарт?! И Авророй. И Намидой...

Если я доживу до старческого бессилия и слабоумия, то буду в большей безопасности.

— Мы в ловушке! — в отчаянии прошептал я Пьеру. — Теперь они не только позади, но впереди нас!

— А с чего ты решил, что это плохо? Или тебе хотелось пригласить их к нашему завтраку? Теперь мы будем следить за ними, а не наоборот. Когда они повернут обратно, мы спрячемся, опять позволив им пройти мимо, и при удачном раскладе Красному Мундиру надоеет бессмысленная погоня и он отправится восвояси.

— Удачный расклад. — Горьковатая радость игрока. — На какую удачу ты рассчитываешь?

Впереди Красный Мундир может столкнуться с индейцами, которые, мягко говоря, недолюбливают его банду. Он принимает у себя всех изменников и негодяев, ведь оджибве считают, что он из племени дакота, а дакоты, наоборот, причисляют его к оджибве, но сам он, как шлюха, готов иметь дело с кем попало, преследуя лишь собственную выгоду. Нам остается пока надеяться на время и обстоятельства. Возможно, заплыв дальше на запад, он понесет потери в случайных стычках, а мы останемся без потерь, сохранив наши скальпы. Нам необходимо подкрепление, чтобы мы могли противостоять ему... надо найти много союзников или сокрушительное оружие.

— Магнус полагает, что вскоре найдет такое оружие.

— Ага, и заодно с ним райский сад. Будем надеяться, что у твоего циклопа не зашел ум за разум.

Наш дух могла бы подкрепить хорошая трапеза. Я нашел крепкий ствол молодой ольхи, вырезал копье, и на рассвете, высмотрев на мелководье сонного осетра, пронзил чешуйчатую броню этого речного монстра, чье сопротивление быстро ослабло, свидетельствуя о нанесенном мной смертельном ударе. Точно дикари, мы принялись жадно пожирать сырую плоть.

После пеммикана вкус осетра казался амброзией.

Мы рассказали нашим спутникам о проходе флотилии Красного Мундира, и Намида вмешалась в наш разговор.

— Но в той стороне живет и мое родное племя, — сказала она по-французски, показывая вверх по течению на запад, в ту сторону, куда направились каное Красного Мундира.

Мы поняли, что где-то далеко на западе жили родственные племена манданов и авакави.

— Вооружившись закупленными мушкетами, дакоты выгнали оджибве с их земель и загнали на юг племена фоксов и сауков, — пояснил Пьер, отображая свои познания в виде карты на речном песке. — С тех пор как началась торговля бобровыми шкурами и мушкетами, племена стали беспорядочно перемещаться по всем этим территориям. Манданы живут где-то дальше, между землями дакотов, а дакоты представляют самую большую опасность. Может, вы и ищете рай, но в выбранном вами направлении сейчас находится ад. Почему же нам нужно именно туда?

— Карту Магнуса, как он считает, сделали побывавшие здесь раньше Колумба древние скандинавы.

— Викинги? В центре Северной Америки?

— Тамплиеры.

— А это кто такие?

— Рыцари средневекового ордена, интересовавшиеся религиозными артефактами.

— Гмм... — Вояжер озадаченно глянул на Магнуса. — Послушай, приятель, от библейских земель нас отделяют бескрайние моря и океаны. Почему же ты думаешь, что Эдем где-то поблизости?

— Первая пара предков человечества бродила по первозданным садам, тогда они не делились ни на библейские, ни на какие другие земли, — сказал Магнус. — Эдем может быть где угодно. Но Писание гласит, что он находится в месте слияния четырех великих рек, а согласно моей карте, эти большие реки как раз начинаются в том месте, где изображен символ молота Тора. Если рыцари-храмовники обнаружили древние источники с такой географической картой, то это объясняет, почему они отправились за океан, стремясь избежать преследований в Готланде.

— На западе находится наша погребальная земля, — вставила Намида, следившая за разговором. — Духи уходят в небесный чертог, туда же заходит солнце.

— Вот. Теперь вы понимаете? — спросил Магнус.

— Так ты что, хочешь найти еще и путь на небеса? — удивился Пьер. — Если там живут ангелы, то не они ли затягивают к себе всех индейцев?

— Возможно, те места также считаются запретными. Или сокровенными.

— Вот как. Замечательно.

— Ни один индеец не захочет пойти на небеса белых людей, — добавила Намида. — Иначе он попадет в ад, а не в рай.

— Знаешь, циклоп, что я думаю, — сказал Пьер, глянув на Магнуса. — Эдем находится там, где ты сумеешь обрести его. Нас окружают сплошные райские кущи. — Он обвел широким жестом речную долину с болотистыми берегами, нежно серебрившимися в утреннем свете. — Но мы слепы, как слеп человек в кромешной темноте сокровищницы, наполненной самоцветами, которые он не способен разглядеть. Это проклятие белого человека. Испанцы плутали здесь в поисках Эльдорадо, хотя могли обрести счастье, вернувшись в Сеговию, к дружескому столу, теплему очагу и ласковым женушкам. Индейцы понимают твой рай лучше нас, поскольку им открыто утраченное нами понимание. Они знают, что любой камень, дерево или озеро оживлено духами незримого мира. Они говорят с ними во время духовных исканий. Деревья дают им плоды. Скалы приветствуют их поклонами. Звери говорят с ними. Но мы, белые пришельцы, бродим тут как слепцы, убиваем зверей, вырубаем деревья, заявляя, что ищем небесный рай, и не замечаем того, что он давно вокруг нас.

— Почему-то встретившиеся нам индейцы не показались мне ангельским воинством, — вяло пошутил я.

— Но разве наши спутницы не похожи на ангельских посланниц? По мне, так очень похожи. В каждом человеке добро смешано со злом, и они пребывают в постоянном противоборстве, причем повсюду, а не в каком-то тайном месте, до которого надо долго

грести. Тебе нужен Эдем, Магнус? Так найди его здесь, на этом топком островке.

Норвежец упрямо тряхнул головой.

— Нет, Пьер, тебе не удастся убедить меня в том, что съеденный нами сырой осетр выловлен в райских водах. И именно наша слепота требует, чтобы мы, белые люди, совершили это паломничество. Мы слишком отделились от древнего золотого века и во искупление грехов должны пройти тяжкий путь обновления. По-моему, на карте отмечено некое реальное место, своеобразное духовное Эльдорадо, в поисках которого мои предки пересекли океан.

— И там ты надеешься найти молоты, грозное оружие и вечную жизнь?

Вечная жизнь, навязчивая неизбывная мечта, хотя даже отпущенная нам короткая жизнь кажется мне чертовски сложной! Французы твердили о ней во время Египетской экспедиции. Тамплиеры, безусловно, сделали ее частью своих поисков. Алессандро Силано приблизился к разгадке ее тайны, но эти открытия исказили его черты. И всякий раз долговечность скрывалась в тумане, как конец радуги.

Я совсем не уверен, что мне хочется найти связь человека с небесами, но к чему сейчас рассуждать об этом. Все равно дорогу нам предопределила судьба.

Вояжер укоризненно глянул на Магнуса и повернулся ко мне.

— А ты что скажешь, Итан Гейдж? Каково твое Эльдорадо?

— Мне упорно твердили, — немного подумав, ответил я, — о славных минувших временах и давно утраченных тайных знаниях. Если мы узнаем, где наши корни, то, быть может, пойдем, в какую сторону идти дальше.

— А какая польза в том, что мы найдем новую дорогу?

— Мы сможем решить, хотим ли следовать по ней.

Глава 33

Не обнаружив никаких вражеских следов, мы вновь отправились в путь, надеясь, что не нарвемся на засаду. Вскоре река сузилась, ее берега стали более каменистыми, и местами нам приходилось переносить каноэ по суше через мелкие пороги. Кроны цеплявшихся за скалы деревьев почти сходились над нашими головами, а попадавшие боковые притоки изобиловали построенными бобрами плотинами. Половину этих девственных земель, в сущности, покрывала вода. Я заметил годовалого оленя, но не рискнул убить его, опасаясь выдать наше продвижение грохотом выстрела. Настороженно поглядывая по сторонам, мы продолжили плавание на голодный желудок.

Ближе к вечеру сидевшая сзади Намида вдруг коснулась моего плеча.

— Они рядом, — прошептала она.

— Откуда ты узнала? — спросил я, удивленно всматриваясь в тихие берега.

— Птицы растревожены. Впереди на реке кто-то есть.

Наши индианки, как я давно заметил, видели и слышали то, что ускользало от нашего внимания.

Я тревожно глянул на деревья, боясь, что птицы могут выдать наше приближение.

— Надо уходить с главного русла, — сказал Пьер. — Вот, свернем в эту протоку! Там мы сможем спрятаться и разведать обстановку.

Мы повернули в узкую протоку, зеленый туннель, образованный сомкнувшимися древесными кронами. В лесу стояла гробовая тишина, мои нервы натянулись до предела, но ничего страшного не произошло. Пройдя четверть мили, мы наткнулись на бобровую плотину с тихой заводью. Посреди запруды бобры соорудили заграждение из прутьев и веток, скрепив его илом.

Нам пришлось перетаскивать каноэ через эту преграду.

— Ни один пруттик не должен упасть с этой плотины, иначе индейцы сразу заметят наши следы, — предупредил вояжер. — Не вздумайте тронуть хоть листок или сломать ветку! Мы должны быть тихими, как ветер, и легкими, как бабочки!

Но, конечно, бобровое сооружение разлетелось под ногами Магнуса, точно хрупкий винный бокал. Он поскользнулся и, чертыхнувшись, свалился в грязную воду. В образовавшийся пролом тут же хлынул поток воды.

— Да уж, богатырская поступь, — вздохнул француз. — Давайте еще разведем костер, он тоже послужит сигнальным огнем, на тот случай если они не заметят этого пролома.

— Прости, я старался, — пробурчал норвежец.

— А может, нам лучше опять пройти вниз по течению? — спросил я.

Лягушечка отрицательно покачала головой и сказала что-то Намиде, которая кивнула подруге и повернулась к нам.

— Надо пройти по краю запруды и найти дальше хорошее укрытие, потом разрушить плотину и съесть бобра.

Лицо Пьера озарилось сияющей улыбкой.

— Ну конечно! Хвала неуклюжести! Мы воспользуемся бобровой запрудой и пройдем выше по течению, а потом разрушим плотину, чтобы остановить каноэ преследователей. Гейдж, отправляйся дальше с женщинами и найди укромное местечко для нашего каноэ. А мы с великаном потом разрушим остатки плотины и догоним вас.

— Мне казалось, что ее следует беречь, как хрустальный бокал.

— Мне тоже так казалось, пока я не вспомнил, что изрядно проголодался.

Проплыв около мили, мы с женщинами увидели травянистый берег, где, как мы понадеялись, преследователи не найдут нас, и затащили лодку в кусты. Там же мы залегли и сами в ожидании прихода наших спутников.

— Как мы узнаем, что индейцы не заметили наших следов?

— Узнаем, если останемся живы, — логично ответила Намида.

Уровень воды начал снижаться, очевидно, плотины больше не существовало. Приближался вечер, но мы не посмели развести костер. Окружающую тишину нарушало лишь кваканье лягушек. Я забылся тревожным сном, а на рассвете мы услышали шаги приближающихся мужчин, с трудом бредущих по чавкающей донной жиже бывшего широкого русла. Я взялся за винтовку.

Вскоре мы разглядели наших друзей. Каждый из них тащил по бобровой тушке.

— Мы покончили с плотиной, осушили ту болотистую заводь и вынудили бобровое семейство выйти из хатки, — поведал нам Пьер. — Хорошо, что богатырь оказался таким тяжеловесным, я очень соскучился по бобровым хвостам! Если мы найдем высохшее, самое бездымное топливо, то, по-моему, можно рискнуть развести костер, ведь мы отошли достаточно далеко от реки.

Отправившись вместе с Намидой и Лягушечкой в окрестный лес, я заметил, что в этих диких дебрях они чувствуют себя как в овощной лавке. Там, где я мог бы помереть с голода, они накопили множество целебных корней, насобирали листьев для чая, крупных ягод клюквы и черных слив для приправы к нашей бобрятине. Лягушечка проворно соорудила из березовой коры и хвойных корней подобие котелка для тушения мяса. Жирные хвосты стали настоящей находкой для наших усохших тел, а темно-красное нежное мясо бобров напоминало по вкусу отварную гусятину. После того как все мы насытились, Пьер посетовал, что из-за предстоящих нам сложностей путешествия ему не удастся захватить с собой шкуры для продажи.

— Но с другой стороны, зачем мне деньги? — продолжил он, рассуждая сам с собой. — У индейцев их сроду не бывало, а они живут себе припеваючи. Красота, здесь у нас есть все, что нужно для жизни, — жилье, пища, женщины — просто рай небесный. И все-таки мы тащимся черт-те куда за неведомыми сокровищами... впрочем, они тоже не помешают.

Я согласился с его рассуждениями. А кто бы возражал?

Спрятавшись в этом укромном местечке, мы лишились широты обзора и практически не представляли себе, что поделявает Красный Мундир. Поэтому почувствовали себя более уверенно, услышав отдаленные, как шум ветра, звуки выстрелов. Может, мы и не обратили бы на них внимания, если бы дело ограничилось парой выстрелов, но стрельба

продолжалась. Очевидно, происходило какое-то сражение. Пьер с обезьяньей гибкостью взобрался на дерево и уселся на ветку, с которой открывался хороший обзор. Проторчав там несколько минут, он быстро спустился.

— Дым, — сообщил он.

— И что это означает?

— Не знаю. Надеюсь, нам повезет... Надо последить за рекой. Пусть наш американец сходит на разведку... от него все равно пока мало толку.

Запруда вновь начала заполняться водой — уцелевшие бобры, должно быть, трудились над восстановлением плотины — и я медленно продвигался по илистому мелководью вдоль подтопленных деревьев, следуя вниз по течению к руслу главной реки и настороженно замирая при любом дуновении ветра и шелесте листьев. Никто не подстерегал меня, кроме кусачих насекомых.

Наконец впереди посветлело, и в месте слияния притока с более широкой рекой его берега разошлись. Я скрытно подобрался к самой воде и, прячась в прибрежных зарослях, окинул взглядом открывшийся мне участок реки. Никого. Выше по течению прозвучало еще несколько выстрелов, но перестрелка явно подошла к концу.

Прошел час, потом другой. Наконец я увидел лодки и получше закопался в землю. Если меня обнаружат, то моя винтовка сделает последний выстрел. В каноэ сидели воины Красного Мундира, но количество их заметно поубавилось. Некоторые индейцы не гребли и как-то странно скособочились, видимо получив ранения. Другие разжились окровавленными скальпами и гребли, оглядываясь через плечо, словно опасались погони. Наши преследователи сами превратились в преследуемых.

Несомненно, хорошая новость.

После прохождения этой маленькой флотилии река опустела. Спешно вернувшись назад, я обнаружил, что мои спутники лениво поедают лесные яблоки, чернику и очередного бобра.

— По-моему, там произошла какая-то стычка. Красный Мундир убрался обратно вниз по течению.

— Будем надеяться, что на этом они и успокоятся, — сказал Пьер. — Теперь мы пойдем впереди них.

Уровень воды постепенно повышался, мы стащили каноэ в мутноватый поток и погребли к новому сооружению бобров. Громко плеснув хвостами, уцелевшие водоплавающие нырнули на глубину, а мы аккуратно перенесли нашу лодку через восстановленную плотину. На сей раз Магнус не оступился. Далее, достигнув конца притока, мы дождались темноты и, пристально выглядывая вражеские следы, продолжили путь вверх по течению основного русла.

Мне мерещилось, что за каждой излучиной нас подстерегает засада, но Пьер считал, что состояние беспомощной неизвестности не менее опасно и нам надо быстрее двигаться вперед.

— Нужно выяснить, что там произошло, — сказал он. — Если враждебное племя затеяло перестрелку с отрядом Красного Мундира, то, может, у него отпало желание преследовать нас. Лучше бы, конечно, больше вовсе с ним не встречаться.

— А что, если часть его индейцев еще рыскают выше по течению?

— Там чужая территория. Красного Мундира боятся, но он не пользуется доверием у других племен. У него много, очень много врагов. Его людям опасно здесь задерживаться, зато его враги станут нашими друзьями. Поэтому мы пойдем по реке на северо-запад, пока она опять не повернет на восток, а там уж решим, что делать дальше. Насколько я понимаю, именно в той стороне произошла перестрелка.

По индейской традиции время мы определяли по звездам.

— По крайней мере, ночью гораздо меньше комаров, — сказал я, налегая на весло.

— Потому-то индейцы предпочитают путешествовать по ночам, — заметила Намида. — Если не бояться ночной тьмы, то можно обрести волчье зрение. Смотри. — Она

показала в небо вытащенным из воды веслом. — *Гице дананг*. Полярная звезда. Через месяц ее небесный свет принесет первые заморозки, и тогда комары исчезнут.

Тонкой, но сильной рукой она откинула назад длинные волосы, блестящие как шелковый занавес.

— А ты тоже считаешь эти места райскими, как сказал Пьер?

— В нашем мире нет таких мест, рай ждет нас в ином мире. Там никто не голодает. А здесь мы страдаем от зимних морозов, от болезней и плохих индейцев, таких как Красный Мундир.

— Тебе не доводилось слышать о том, что на Западе есть какое-нибудь странное место?

Не спеша с ответом, она сделала еще пару гребков.

— Слышала рассказы о великом древе.

Я заметил, как напрягся сидевший впереди Магнус.

— Что значит «великом»?

— Оно такое высокое, что крона его упирается в небо, по крайней мере, так говорят. Однако никто из отправившихся на его поиски воинов не вернулся назад. Его нелегко найти. Оно то появляется, то исчезает.

— Дерево посреди Эдема, — пробурчал Магнус себе под нос, — и индейцы с голубыми глазами.

— Мои соплеменники живут там, где заходит солнце, — сказала Намида. — Их совсем не интересует это дерево.

— А что там у вас за каменная плита?

— На ней высечены какие-то знаки, как в магических книгах торговцев. Она очень древняя, никто не знает, откуда она взялась. Наше племя захватило ее у дакотов, а они могли захватить ее у других. У нас плиту охраняют знахари, дожидаясь прихода людей, которые высекали знаки. В легенде рассказывается о том, что рыжеволосые люди нашли в земле металл и обещали вернуться.

— Вот и доказательство того, о чем я толковал тебе с самого Парижа, — просияв, заявил норвежец.

— Доказательство появится, если мы найдем плиту.

— А может, Намида сама придумала историю о письменах на камне? — спросил он, с улыбкой взглянув на женщину. — Ты явно умнее нашего колдуна.

— Может, она знает что-то о слонах... Ты случайно не видела мохнатых слонов? — поинтересовался я.

— Что такое слон?

— Ну, это животные больше лося. И даже больше буйвола.

— Нет, больше буйвола у нас никого не бывало, — ответила она, покачав головой.

* * *

На рассвете мы увидели дым.

— Слишком уж его много, — сказал Пьер.

Мы спрятали каноэ, на сей раз Магнус остался с женщинами, а мы с вояжером поползли на разведку.

Нашим глазам предстало зрелище жуткой резни. Сражение произошло на стоянке оджибве, их вигвамы сгорели дотла, дымились и разрубленные каноэ. Повсюду валялись разбитые вдребезги терракотовые горшки, опрокинутые сушильные стойки и втопанные в землю детские соломенные куклы. Хромая собака бродила среди останков двух дюжин изувеченных и оскальпированных людей, на которых уже пировали вороны.

Тела некоторых погибших были пронзены стрелами, и Пьер проверил знаки на оперенных древках.

— Тут постарались бандиты Красного Мундира.

— Эти убийцы искали нас, — произнес я, испытывая приступ дурноты.

— А не найдя нас, решили выместить злобу на охотниках, поубивав их всех без разбора. Может, они думали, что эти индейцы прячут нас. — Вояжер огляделся, изучая путаницу оставленных на земле отпечатков. — Они так быстро сбежали, чтобы другие оджибве не узнали о побоище и не смогли собрать воинов и отомстить убийцам. Должно быть, Красный Мундир обезумел от ярости, раз решился напасть на такое могущественное племя в этих северных краях. Да, Итан Гейдж, ты действительно растревожил осиное гнездо.

— Я лично хотел найти лишь мохнатых слонов.

Эта жестокость наглядно показала, в какое опаснейшее положение мы попали.

— Да уж, вот они райские сады твоего компаньона, — тоскливо заметил Пьер.

Согретые солнцем трупы уже начали раздуваться.

Мы сделали три сигнальных выстрела, призывая наших попутчиков, а потом спасли, что могли. Стоянка подверглась разграблению, но нам удалось найти немного пеммикана, несколько целых котелков и даже припрятанные пороховницы, не замеченные мародерами. У нас не было времени похоронить убитых. Ведь Красный Мундир мог скоро вернуться.

— Друзья, пора принять серьезное решение, — сказал Пьер. — Ваши истории занимательны, но сейчас мы столкнулись с реальностью нашего положения. Чем дольше мы будем блуждать, тем сильнее будет опасность. Река здесь поворачивает на северо-восток, и мы можем продолжить подъем по ней. Она приведет нас обратно в Гранд-Портидж. Улучив момент, мы сможем войти в форт, попросить защиты и даже вернуться по домам с пушными бригадами.

— Но мой дом в другой стороне, — возразила Намида, показав на запад.

— Там не только твой дом. Еще там живут дакоты, родственные по крови Красному Мундиру.

— Воины нашего племени защитят нас.

— Твое племя слишком далеко, и мы даже не знаем, как найти его.

— Надо идти к дереву и камню! — решительно заявил Магнус.

— А заодно и к медленной и жестокой смерти, циклоп. Твоя легенда заманчива, но... — Он повернулся ко мне. — А ты, Итан, что думаешь?

— Я ничему и никому не верю, — бросил я, с тоской взглянув на восток.

— Нет. — Намида рассерженно глянула на меня и сказала что-то Лягушечке. Обе женщины явно неодобрительно покачали головами. — Трусость вновь превратит нас в пленниц.

— Мы говорим не о трусости, а о здравом смысле, — возразил я.

— Мы выкупим вас в случае необходимости, — предложил Пьер, — а весной отправим домой. К тому времени эти два болвана уберутся восвояси и Красный Мундир обо всем забудет.

— Он никогда ничего не забывает.

— Но как мы доберемся отсюда на запад, если дальше нет реки!

Очевидно, он боялся сухопутных походов так же, как Красный Мундир.

— Сначала пешком. А потом найдем другие реки. — Она вновь махнула рукой на запад. — Француз, у нас на Западе много рек и озер.

— Попробуй убедить ее, что нам безопаснее вернуться в Гранд-Портидж, — проворчал он, обращаясь ко мне.

Но я также сомневался в его правоте. Тем временем наши индианки с Лягушечкой во главе уже собрали пожитки и молча направились в сторону, противоположную той, в которую призывал Пьер.

— По-моему, их невозможно переубедить.

Магнус посмотрел вслед уходящим в лес женщинам, взглянул на нас и наше каноэ и вновь повернул голову к лесу.

— Решайтесь, — взмолился Пьер. — Индейцы не тронут двух скво, в крайнем случае, опять захватят их в плен. Но Красный Мундир в любой момент может вернуться сюда. Давайте найдем дружелюбных индейцев, расскажем им, что произошло, и попросим у них

защиты. Они помогут нам добраться до Гранд-Портиджа.

— Отказаться от молота?

— Твой молот из сказочного мира, а Красный Мундир из реального.

— Нет, — возразил Магнус, упрямо тряхнув бородой. — Я не доверяю британцам, и уж раз зашел в такую даль, то не собираюсь останавливаться. Женщины правы. Наш путь лежит на запад.

— Но мы не сможем грести!

— Тогда научимся ходить ногами, малыш.

И Магнус тоже устремился за индианками.

— Прекрати называть меня малышом!

Да, проклятый выбор! Перед нами открылась великолепная разумная возможность — добраться до дома, сохранив в целости наши шевелюры, пока они еще растут у нас на головах, — а мой норвежец предпочел самоубийственный поход. Все, что я слышал о племени дакота, говорило о том, что с ним лучше не сталкиваться на тропе войны, к тому же Красный Мундир и Сомерсеты завладели нашей картой и легко могли догадаться, в какую сторону мы пойдем. Здешние влажные леса казались бесконечными, и, безусловно, они кишели злыми хищниками и чудовищными людоедами. Но женщины хотели домой, Магнус хотел молот, а чего же хотел я? Мне будет очень жаль, если не удастся хоть одним глазком взглянуть на сокровища. Я тяжело вздохнул.

— Прости, Пьер. Очевидно, мы остались в меньшинстве, двое против троих. По-моему, мне лучше пойти за ними, надо приглядеть за Магнусом. Мы же знаем, какой он безумец.

— Да и ты такой же, раз собрался в гости к дакотам!

— Ты наш спаситель, и я у тебя в долгу. Садись в каноэ и возвращайся в Гранд-Портидж, а если мы найдем что-нибудь стоящее, то я в любом случае поделюсь с тобой. Обещаю. Возвращайся к своим друзьям.

— Но вы теперь тоже мои друзья!

— Ну да, и твои друзья отправились в ту сторону. — Я махнул рукой вслед остальным.

— *Mon dieu*, вы не просто ослы, вы ослейшие ослы. Не вините же меня, когда дакоты захватят нас на этих равнинах.

— Во всем будут виноваты женщины, но в жизни мне встречались лишь чертовски своенравные дамы. — Я закинул за плечо винтовку. — Ты сделал все, что мог.

— *Merde* !³⁴ — простонал он. — Без меня вы же сдохнете с голода. Или утонете. Или вас сожрут москиты и затопчут лоси. Нет, придется Пьеру присмотреть за своими осликами. Ничего не поделаешь. Помоги мне затопить наше каноэ, надо спрятать его: отметки на нем показывают, что оно принадлежит Красному Мундиру. Будем молиться, чтобы он не обнаружил, каким путем мы пошли дальше. И будем надеяться на то, что нам встретится другая река, любезно забытое кем-то каноэ, родное племя этих женщин, Магнусова каменная плита и райские сады. Где-нибудь подальше от этой кровавой земли!

Как мы ни спешили, нам удалось догнать наших упрямцев только через пару миль.

— Далеко ли живет ваш знахарь с той каменной плитой? — спросил Пьер Намиду, которая восприняла наше появление как должное.

— Много дней пути. Нам надо дойти до тех мест, где кончаются эти леса.

— Ладно, друзья, что с вами поделаешь. — Пьер выглядел тоскливым. — Мы добрались до пустого места на твоей древней карте. Поэтому я и согласился отправиться с вами на эту охоту за химерами, чтобы посмотреть, как вы блуждаете по прерии в поисках молотов. Если вы ни черта не найдете, наш поход станет доброй историей для моих приятелей вояжеров, а если все-таки что-то найдете, то поделитесь с вашим верным другом Пьером. И тогда я стану богатым и несчастным, как буржуи.

— О да, мы найдем все, — заверил его Магнус.

³⁴ Черт возьми! (фр.)

- А зачем ты таскаешь с собой чехол, если в нем уже нет карты?
- Потому что в нем хранилась не только карта.
- Но что же именно, приятель? Что там у тебя за драгоценности?

Он смерил нас четверых долгим взглядом. Я тоже заинтересовался, конечно. Мне и раньше казалось, что в своих поисках он преследует еще какие-то особые цели, которыми не поделился со мной.

— Я несу кое-что для Иггдрасиля взамен того, что мы заберем у него, — сказал он. — Можете считать меня сумасшедшим.

- Мы давно считаем тебя сумасшедшим!
- Я предпочел бы не рассказывать пока об этом, ибо мои надежды могут оказаться тщетными. Могу лишь сказать, что если мы найдем молот Тора, то я обрету покой... ну если не покой, то по меньшей мере признание. Во мне течет королевская кровь, и я также храню предания о тех стародавних временах, когда на земле еще творились чудеса.
- Теперь еще и чудеса? — возмущенно воскликнул Пьер.
- Верь мне, француз, и запасись терпением.
- Я предпочел бы запастись каноем.

Глава 34

Мы долго блуждали по угрожающе диким лесам с непроходимыми чащобами, перемежающимися болотными топями. Ночи стали холоднее, но дни еще оставались долгими и комариными. Не видя никаких нахоженных троп, мы ориентировались по солнцу, стараясь идти точно на запад.

- Болота поубавят прыти у любых преследователей, — заметил Магнус.
- Хорошо бы, — подхватил Пьер. — Ведь с нашими бестолковыми блужданиями и обходами мы продвигаемся вперед с черепашьей скоростью.

И правда, за три дня, преодолевая заболоченные низины и следуя по лосиным следам через зловеще безмолвные холмистые леса, мы протопали не меньше сорока миль, но, по моим прикидкам, заветная цель стала ближе в лучшем случае миль на двадцать. Дважды я замечал извивающихся в низинах змей и вспоминал о жутком Апопе, египетском змеином боге. Мы подстрелили и разделали оленя, но торопливыми трапезами никогда толком не могли утолить почти постоянное чувство голода. Мне казалось, что от меня уже остались лишь кожа да кости.

Наконец мы вышли к ручью с извивающейся по течению канадской элодеей и осознали, что приближаемся к новой реке. Болота, видимо, отклонились к западу. Пройдя последний лесной пояс, мы вышли к большой реке, несущей свои воды на юг. Речное русло было слишком широким, чтобы легко переплыть на другую сторону, не порадовала нас и перспектива похода по густо заросшему кустарником берегу.

- Я и не подозревал, что суша бывает такой мокрой, — заметил я, выйдя из леса.
- Каноем по-прежнему остается единственным средством передвижения по этой местности, — с убежденностью произнес Пьер. — Если бы мы нашли березовую рощицу и некоторое количество еловых корней, то я мог бы построить лодку, хотя для сооружения самого простенького каноем понадобится неделя, а то и больше.
- Кору срезают весной, а не сейчас, — сказала Намида.
- Так что же мы будем делать — продираться через заросли? Или перебираться вплавь?

— Давайте разведем костер, приготовим вкусную еду и подождем, — предложила она. — Бледнолицые слишком торопливы. Приучайся делать всё как индейцы.

Я усомнился в том, стоит ли так открыто заявлять о нашем присутствии, но Намида высказала разумное предположение, что если бы Красный Мундир гнался за нами по болотам, то мы давно заметили бы признаки погони. Поэтому мы запекли на костре оленину, сварили дикий рис, и, почти как ожидалось, к нам подошел привлеченный вкусными

запахами охотничий отряд оджибве.

— Вот видите? Мы дождались помощи, — сказала Намида.

До сих пор я привык опасаться незнакомых краснокожих, но, оказав прибывшим индейцам обычное гостеприимство, мы не пожалели. Эти люди отличались от бандитов Красного Мундира, как владельцы отеля от тюремных зрителей: вежливые и любознательные гости приняли наше угощение в качестве обычного предложения помощи, ожидаемого в этих суровых землях от любых встречных путников. Именно беднота отличается особой щедростью. Охотничья группа из четырех человек путешествовала на двух вместительных каноэ, рассчитывая в будущем сложить в них отловленную дичь и пушнину. Поговорив с ними, женщины сообщили нам, что выше по течению эта река поворачивает на запад. Поэтому на четыре серебряных доллара, из тех остатков, что я спрятал под стельками мокасин, мы выменяли у них одну лодку. У Пьера нашлось стальное шило, и мы пробили в монетах дырочки, чтобы их можно было повесить на шею наподобие медальонов. Оджибве так обрадовались этим безделушкам, что вдобавок снабдили нас провизией и рассказали, что выше по течению эта река переходит в озера и протоки, где порой приходится переносить каноэ по берегу, но в итоге они приводят к другой реке, чьи воды текут на запад.

Итак, мы вновь пустились в плавание, с удовольствием — испытав тяготы сухопутного похода — взявшись за весла. Мы стали новообращенными вояжерами.

— Возможно, это верховье Миссисипи, хотя не уверен, — сказал Пьер. — Я еще не видывал местности с таким множеством соединяющихся рек и озер.

— Эти земли еще даже не нанесены на те карты, что я видел в Гранд-Портидже, — вспомнил я.

— Если я прав, Итан, то отсюда начинается твоя Луизиана, — сказал Пьер, показывая на западный берег. — Мы идем по границе новых владений Наполеона.

Поднимаясь по течению, мы упорно следовали в северо-западном направлении.

Здесь не попадалось никаких фортов, никто не предлагал нам карту местности, и мы пребывали в полной неопределенности. Если бы из прибрежного леса вдруг высунул голову мохнатый слон, то сейчас его вид едва ли удивил бы меня. Мы видели пришедших на водопой лосей, погрузивших в воду мощные длинные челюсти, и армады уток, покачивающихся на серебристой глади озер. В сущности, эти края действительно напоминали Эдем, где обитали дружелюбные животные, еще не пуганные ружьями охотников.

Мы проходили мимо поселений индейцев, на редкость миролюбивых по сравнению с воинственной бандой Красного Мундира. Наше каноэ еще плавно скользило к берегу, а резвые дети уже бежали нам навстречу, удивленно показывая пальцами на нашу белую кожу и рыжую бороду Магнуса. Любопытные женщины стекались к реке, чтобы взглянуть на нас, а мужчины, закинув за спину луки, смотрели настороженно, но не враждебно. Намида и Лягушечка обычно разговаривали с ними, а потом сообщали нам особенности дальнейшего пути, и на прощание нас всегда одаривали запасами пищи. В каждой деревне я оставлял по монете, пока мои запасы не исчерпались.

Когда мы останавливались на ночевку, наш норвежец иногда забирался на деревья и внимательно обзирал окрестности в надежде заметить следы пребывания древних скандинавов. Но повсюду до самого горизонта расстилались лишь нетронутые цивилизацией лесистые холмы и водоемы.

Мы начали смотреть на мир с меньшей тревогой, поскольку уже много дней не видели никаких признаков погони. Я почти не сомневался, что ранил или убил Сесила Сомерсета, и, возможно, этот жестокий удар охладил мстительный пыл Авроры, а Пьеру удалось обескрылить кровожадного индейского вождя. Может быть, эти раны их успокоят. Между тем благодаря нашим женщинам первозданная глушь стала для нас рогом изобилия, моя винтовка была без промаха, а наши дамы собирали дары природы. За время путешествия Магнус выстругал топором шампуры, обновил обшивку каноэ и соорудил много другой

полезной утвари. С помощью волокон внутреннего слоя коры американской липы мы сшивали березовую кору в удобные туески и короба. Разогретой сосновой смолой заклеивали течи. От наших спутниц мы узнали, как выгодно разбивать лагерь под обрывистыми, испещренными гнездами глинистыми берегами, поскольку обитающие в них прожорливые птицы поедали почти всех мошек и комаров.

Лягушечке пришлось отказаться от попыток сблизиться с Магнусом, он оставался непоколебимо равнодушен к женским чарам. Зато она быстро сошлась с Пьером, который привлек ее внимание не только как наш спаситель, но и как верный спутник. Он не пытался изображать из себя влюбленного, но с ходу начал налаживать те легкие и свободные интимные отношения, что считались очень удобными среди торговцев пушниной.

Без всяких просьб и уговоров Намида сама проявила инициативу к нашему сближению, хотя, возможно, учитывая простоту индейских обычаев, уже считала себя моей невестой. Я понимал, какая пропасть веков разделяет нас, но надеялся, что мы перекинули через нее мостик. Темы наших разговоров были весьма ограничены — она понятия не имела о существовании городов или королей, но начала приобщать меня к науке выживания в ее мире, показывая, как находить съедобные корни или сооружать незатейливые укрытия.

Что до любовных отношений, то сначала она обращалась со мной с дружеской сдержанностью, но в итоге, очевидно, приняла иное решение, и однажды вечером, когда небосклон окрасился заревом заката, она вдруг подошла к бревну, где я сидел, начищая винтовку.

— Пойдем со мной собирать хворост, — предложила она.

Брови Пьера удивленно взлетели. Однажды он рассказывал мне, что собирание хвороста было излюбленным предлогом для молодых парочек, которые стремились ускользнуть в лес и заняться любовью, скрывшись от неодобрительных родительских взглядов.

— Точно, — поддержал он. — Давай-ка, Итан, отправляйся за топливом.

— Отличная мысль. А то что-то становится холодновато!

Легкая как лань, она быстро провела меня по тропе. Намида слегка косолапила, как все индейцы — обычно при ходьбе они ставили ногу прямо или слегка развернув носок внутрь, похоже, это обеспечивало бесшумность и быстроту передвижения, — и чувствовала себя в лесу так же уверенно, как филадельфийская матрона на рыночной площади. Разумеется, никто из нас не поднял с земли даже ветку для костра, и я следовал за моей проводницей, питая самые радужные надежды.

В уютной, покрытой мягким мхом расселине она вдруг обернулась и, улыбнувшись, обвила руками мою шею. Я прижал ее к себе, восхитившись гладкостью женских щек, потрясающей синевой глаз и медным отливом волос. Из-за умопомрачительного расового смешения она походила на какую-то чужеземную богиню. Наконец мы поцеловались, сначала легко, едва соприкоснувшись носами, а потом более страстно.

— Ты спасла меня, — ласково пробормотал я, когда мы разъединились. — Вы поступили очень смело, потребовав нас в мужья. Благодаря вам Пьер успел незаметно подготовить наше спасение.

— Ты же пришел, чтобы спасти меня, — сказала она, — и теперь ведешь меня домой.

— Насколько мне известно, Намида, некоторые женщины верят в судьбу. А индейцы верят?

— Я не знаю такого слова.

— Маниту или божественная высшая сила захотела, чтобы мы встретились и помогли друг другу. То есть нашему союзу суждено было случиться.

— А что в этом хорошего? — Она помотала головой. — Тогда наш личный выбор ничего не значит. Нет, я сама выбрала тебя. Я решила, что ты добрый и хороший человек.

— И почему же ты так решила?

Сам-то я, конечно, именно таким себя и считал, но кому же не хочется лишний раз услышать похвальные слова в свой адрес.

— Ты никому не подчиняешься. Никого не боишься.

Не всякую красотку соблазнит образ своенравного храбреца, но Намиду, очевидно, он устроил.

— В общем-то, я приятный в общении человек, — добавил я и вновь поцеловал ее.

Ее губы откликнулись, сначала робко, потом более страстно. Прижавшись ко мне, она обвила мое тело руками и ногами, и мы плавно опустились на ложе, усталое мягким душистым мхом, прогретым теплом дневного солнца. Я помог ей снять рубашку через голову, обнажив изумительное тело медового оттенка, и она, приподняв бедра, подложила под себя замшевую одежду. Если мы направлялись в Эдем, то ей, безусловно, принадлежала роль Евы. Приподнявшись, она развязала шнурки на моей рубашке и панталонах. Мое желание уже достигло апогея.

— Пьер сказал, что ты приворожила меня, — сообщил ей. — Что ты угостила меня особым приворотным снадобьем.

— Неужели ты думаешь, что мне нужны такие снадобья? — спросила она, сгибая ноги в коленях.

— Нет, конечно.

— Но он прав, я могу колдовать. Женщины должны уметь пробудить в мужчине чувства. Теперь мы поделимся друг с другом сокровенными дарами.

Она улыбнулась, ее голубые глаза озарились волшебным сиянием, и меня вдруг так потрясла ее очаровательная мягкая непосредственность, что я невольно затаил дыхание.

Поделимся! Настолько далеки от таких даров были жадные объятия Полины или Авроры. Несмотря на все мои заблуждения, я вдруг нашел женщину, которая воспринимала меня как равного. Я был готов влюбиться.

И мы сплелись в нежных объятиях, совершенно забыв о том, что друзья тщетно ждут собранного нами топлива.

К тому времени, когда мы вернулись, они уже сами все собрали.

Глава 35

Наше каноэ неуклонно придерживалось западного направления, реки выносили нас на просторы озер, вновь сменявшиеся новыми протоками, окруженными лесными равнинами, неизменными в своей первозданной красоте. По утрам над зарослями тростника клубилась туманная дымка, пока солнечные лучи не превращали ее в испаряющиеся бриллианты росы, дневное тепло приятно согревало наши уставшие от гребли мышцы. Поблескивающие небесной синевой прозрачные озера дарили нам чистейшую питьевую воду, и рыба в зримом изобилии играла у самого берега. Спасаясь от насекомых, мы намазывались жиром убитой дичи, а из ее шкур делали заплатки для прохудившейся одежды. Челнок наш был тесноватым, но порой, скользя по течению и отдыхая от гребли, мы устраивались поудобнее, Намида приваливалась ко мне, а Лягушечка к Пьеру. Вместо перекуров мы предпочитали вылезти на зеленые островки и поваляться на травке под лениво плывущими облаками. Поторапливал нас только Магнус. Дни становились короче.

Когда река сузилась до размера ручья, ее русло повернуло на юг, и Пьер счел, что пора нам брать прямой курс на запад. Мы встретили еще один охотничий отряд оджибве — эти гибкие и уверенные в себе индейцы отличались от тех бедолаг, которых мы видели в Огайо и Детройте, так же как заимодавцы от поработанных ими должников, и вновь они проявили дружелюбие, совершенно не вязавшееся с враждебностью банды Красного Мундира. Великолепно чувствуя себя в диких краях, эти побронзовевшие под жарким солнцем, мускулистые люди обладали завидным естественным благодушием, причину которого я поначалу не мог понять. Почему они так разительно отличались от подавляющего большинства цивилизованных людей?

Но потом я осознал присущую им особенность: они были свободными. Нет, конечно, они соотносили свою жизнь со сменой времен года, с восходами и закатами нашего земного

светила, но не строили никаких ограничивающих свободу планов, не вынашивали честолюбивых замыслов, не ведали ни о каких лидерах, церковных догмах или судебных тяжбах. Они просто радовались жизни. Их храмами были небеса и леса, они хранили верность роду и племени, их удел определялся лишь капризами погоды, а их науку наполняли магические знания. Их волновало только одно: независимость, возможность свободно жить там, куда влекли их желания или нужды. Конечно, они порой голодали, мерзли и болели, но как же я сейчас завидовал их умению жить сегодняшним днем, жить в мире, не обремененном историческими реалиями прошлого и тревожным ожиданием будущего! Однако я не мог овладеть такой свободой, поскольку был рожден в другом мире; даже находясь в раю этой первозданной природы, я не мог полностью забыть о существовании грешного Вашингтона и Парижа, о далеких армиях и честолюбивых генералах, о богатом будущем с Зебулоном Генри и его сложными процентами. Почему вообще мне хотелось вернуться в тот цивилизованный мир?

Потому что здешний мир во многом страшил меня: безграничные просторы, томительное безмолвие, жизнь без надежды на материальные блага, в состоянии приятного усыпляющего бездействия. В конце концов, я не мог изменить собственную натуру. Индейцы в Детройте и Гранд-Портидже приобщились к порочной жизни, но я понял, что их развратило. Мои соплеменники променяли свободу на безопасность, дикую животную простоту и непритязательность на предсказуемые блага цивилизации. Я отказался от рая, но мне посулили сложные проценты. Меня манила необузданная свобода, но она же и пугала меня. Конечно, хорошо бы присоединить к нашим владениям Луизиану, но только если ее можно будет приручить. Сейчас там царила совершенно неизведанная и не укрощенная дикость. Порой по ночам я слышал, как по лесу перемещаются духи. А днем ориентировался практически только по рекам. В любой момент из-за кустов мог выскочить одержимый дикарь или свирепый хищник.

Я не смел признаться в своих страхах Пьеру.

Последовав совету индейцев, мы целый день тащили наше каноэ до очередной реки, на сей раз текущей на запад. Окружающая нас местность теперь напоминала саванну с перелесками и степями, бескрайними, изобилующими дичью просторами. Через два дня мы увидели первых бизонов. С медлительным спокойствием они брели вдоль берега, могучие горбатые спины этих быков переходили книзу в узкий спринтерский круп, казалось, природа подшутила над ними, соединив в одном творении половины двух разных животных. Их голову, покрытую густой спутанной гривой волнистых волос, увенчивали страшного вида рога, большие и темные бычьи глаза настороженно поглядывали на наше проплывающее мимо каноэ, а дрожащий воздух доносил до нас их сильный мускусный запах.

— Территория дакотов, — объявил Пьер.

При виде этих могучих быков я уже почти представил, что за следующей излучиной увижу мохнатых слонов. Порой, топчась на зеленой траве высокого берега, я представлял, что перенесся в Африку. В вышине, словно большие фрегаты, плыли массивные скопления белых облаков, сливающихся на горизонте с буровато-зелеными безлесыми просторами, в траве стрекотали насекомые, и стоило нам вытянуть ноги, как стайки саранчи, взлетев, пронеслись над нашими головами, точно косяки летучих рыб.

Погода преподносила нам совершенно неожиданные сюрпризы. Много дней над нами сияла чистейшая небесная синева, но случалось, что темные, словно дым, тучи вдруг вздымались на горизонте, пряча солнце за своим полуночным занавесом. При усилении ветра температура могла резко понизиться, степная трава бурыми волнами начинала резко клониться к земле, а оглушающий ветер дул с ураганной силой. Иногда нас настигала гроза, грохотал гром, сверкали молнии, и тогда Магнус и Пьер выжидательно смотрели на меня.

— У меня нет инструментов! — кричал я. — Научные эксперименты связаны с инструментами и механизмами.

Им хотелось колдовства.

Потом вдруг начинал хлестать дождь или град, и мы покорно ежились, как дикари,

пока над нашими головами бушевала стихия, окрашивая мир в серые, зеленые и пурпурные тона. Однажды мы увидели, как из тучи спустился черный столб и, подобно зловещему персту коснувшись земли, образовал странную, похожую на гигантский бараний рог, вихревую воронку. Но эти грозы и ураганы порой проносились над нами в считанные минуты, оставляя за собой лишь приглушенное грозное ворчание. А когда вновь выглянувшее солнце быстро высушивало травы, то на наши распаренные тела с новой силой накидывались тучи насекомых.

В общем, мы то мокли, то сохли, истекали потом и страдали от голода, наедались до отвала пресным мясом, чтобы оно не испортилось, и, вымотанные греблей, засыпали беспокойным сном на жесткой земле. Иногда по ночам под бочок ко мне подкатывалась Намида, чтобы согреться, а когда мы, незаметно уединившись, занимались любовью, ее бурная страсть достигала поразительного иступления и она подолгу не хотела прекращать наши игры.

Но в глубине души я всегда понимал, что наши отношения кратковременны.

Намида и Лягушечка воодушевились, увидев знакомые им с детства родные степные земли, а Магнус, наоборот, расстроился.

— Здесь совсем нет больших деревьев. Нам нужно найти лесной массив.

— Сначала ты должен прочитать древние слова, — упорствовала Намида, — Те, что вы называете тайнописью. Да, да, мы должны найти нашу родную деревню и тот плоский камень!

* * *

Первое напоминание о том, что наши неприятности не закончились, появилось после того, как мы пересекли Северную Ред-Ривер. Пьер узнал ее по красноватой воде, поскольку название говорило само за себя.³⁵ Обрамленные трехгранными тополями речные берега заросли травой, поднимавшейся выше человеческого роста.

— Так это та река, что бежит к Гудзонову заливу? — спросил Магнус.

— Да, в конечном итоге. Уж раз твои скандинавы пришли туда по морю, то сюда они могли доплыть водным путем, если решили исследовать южные земли. Ред-Ривер течет к озеру Виннипег, а вытекающая из него река Нельсон впадает в Гудзонов залив. Мы сейчас находимся в центре Северной Америки, а доплыть отсюда можно аж до самой Европы.

Магнус повернулся к югу.

— Значит, наш молот надо искать выше по течению?

— Трудно сказать. Для начала надо найти тот камень с письменами.

— И далеко еще до него? — спросил Магнус Намиду.

— Может, дней семь пути, — пожав плечами, сказала она.

— А по реке мы туда доберемся? — спросил Пьер.

— Наша деревня стоит на берегу реки, но я не знаю, в какую сторону она течет. — Намида махнула рукой в юго-восточную сторону. — Если мы пойдем туда, я сумею найти ее.

— Опять пешком?! — возмутился Пьер. — Меня не радует перспектива блужданий в этих лугах, там мы как пить дать попадем в ловушку!

— Но именно в ту сторону нам нужно идти, — сказал Магнус.

— Чтобы завершить спасение наших прекрасных девиц, — добавил я.

— Девиц! Слава богу, они уже женщины!

Мы переправились через Ред-Ривер, разгрузили наши скудные пожитки и покинули лодку.

— У меня такое ощущение, будто я потерпел кораблекрушение, — пожаловался Пьер.

³⁵ **Red** — красный (англ.).

— Ничего, эти степи обширны, как морские просторы, там ты тоже сможешь проявить свои лоцманские навыки, — утешил я его и глянул на Намиду. — Надеюсь, в ее племени нас ждет тихая гавань.

В речной пойме росли деревья, но за ними поднимались обрывистые голые скалы. Внизу с юга на север извилисто змеились рыжие воды Ред-Ривер. На запад простирались безбрежные холмистые степи с сухой травой и в основном увядшими полевыми цветами.

Дров теперь раздобыть было негде, и Лягушечка показала нам, как использовать в качестве топлива сухой бизоний навоз. Он горел жарко и бездымно.

Изо дня в день Пьер продолжал сетовать на унижительную жизнь в сухопутных маршрутах по унылым пустынным землям, где ничто не могло порадовать его морскую душу. За время похода я успел привыкнуть к однообразному степному пейзажу и как раз лениво поглядывал на собирающуюся на западе очередную грозу, от которой нам негде будет укрыться, когда Намида — она шла в хвосте нашей компании, поднимающейся по пологому, как раскатистая океанская волна, склону холма — внезапно пригнулась, призывая нас последовать ее примеру. Лягушечка и Пьер мгновенно распластались на земле, увлекая за собой Магнуса и меня.

— Дакоты!

Я поднял голову. Позади нас в узкой долине появился конный отряд из дюжины дакотских воинов. Все мы впервые видели всадников среди индейцев — со своими обнаженными торсами они смотрелись на лошадях как кентавры, невзирая на ремennую упряжь и боевую раскраску. Вооружены они были копьями и луками, и только у двоих я заметил ружья. Если они настроены враждебно, то я смогу обезвредить их стрелков из моей винтовки, прежде чем они окажутся на расстоянии, доступном для мушкетов. На паре копий покачивались скальпы. Всадники пока не видели нас.

— Может, они просто едут мимо? — предположил я.

— Тогда почему они движутся прямо в нашем направлении? — парировал Магнус.

— Они увидели наши следы и поняли, как мы беспомощны, — сказал Пьер. — Что мы тащимся как черепахи без лошадей.

— Стоит ли нам затеять перестрелку, или лучше попробовать договориться?

— Для перестрелки их многовато. — Он повернулся к Намиде. — Ты сумеешь с ними договориться?

Она отрицательно покачала головой.

— Они враждуют с манданами.

Словно решив отдохнуть, всадники остановились более чем в миле от нас, один из них развернулся и издал призывный клич. Вдали появились их соплеменники, и на мгновение у меня возникла надежда, что новый отряд уведет за собой первый. Они поехали навстречу друг другу. Но вдруг Пьер тихо выругался, и я упал духом. Даже издали мы четко разглядели алое пятно красного мундира. Нас разыскали не дружелюбные оджибве, а конный отряд дакотов. Должно быть, прибыв на запад, Красный Мундир пополнил ряды своих приспешников.

— Они нашли наше каноэ и отправились дальше по нашим следам, — догадался Пьер.

Я оглянулся на запад. Небо там вновь грозно почернело. Как же трудно найти хоть какое-то укрытие в этих безбрежных холмистых прериях!

И чего ради Красный Мундир притащился за нами в такую даль? Из-за молота? Неужели Сомерсеты выжили и едут с ним? Но их я пока не видел.

— Каков твой план, колдун?

— Может, если я пристрелю Красного Мундира, то остальные в замешательстве повернут назад?

— Дакоты никогда не отступают.

По прерии прокатился первый громовой раскат. Я вновь глянул на приближающуюся грозу.

— Тогда мне придется призвать на помощь молнию. Смотрите!

Широкий фиолетовый грозовой фронт надвигался на нас, как грозная заряженная крепость, верхние края ее башен сверкали белизной, а нижние выглядели чернильно-черными. Под ними туманилась призрачная завеса проливного дождя с градом. В противоположной стороне пока сияла чистая небесная синева: казалось, день и ночь вдруг предстали на небосводе одновременно.

— Нам не успеть спрятаться от этой грозы! — воскликнула Намида.

— Но она настигнет не только нас. Видите, как быстро она приближается.

Действительно, скорость надвигающейся стихии была пугающей. В такую грозу мы еще не попадали.

— Это воинство Тора спешит нам на помощь, — пробормотал Магнус.

— Нет, оно убьет нас! Смотрите!

И вновь под тучами сформировался странный дымовой столб. Он спустился с небес, как грозный карающий перст, коснулся земли и, взметнувшись вихрем, устремился в нашу сторону, поднимая в воздух пласты вырванных с корнем трав и вывороченных камней; колдовская сила несла их вперед, как срезанные с бревна стружки. Потом вдруг воронкообразное облако поднялось вверх и исчезло.

— Что это было?

— Убийственный ветер, ужасный, как пожирающий людей Вендиго! Надо бежать от него!

Я взглянул на дакотов. Они заметили нас, но теперь тоже уставились на грозовой фронт, их лошади тревожно ржали и пятились назад. Ветер разошелся не на шутку, травы гнулись к самой земле, и небеса стремительно мрачнели. На востоке еще оставался голубой клин, и я увидел, что поднимающийся по склону отряд из сорока воинственных всадников остановился, их фигуры темнели на светлом фоне, и они явно не решались приблизиться к нам.

— Нет. Нам надо двигаться в сторону фронта!

— Ты спятил? — спросил Пьер.

— Я же колдун. Вперед, Магнус! Поспешим навстречу Тору!

Схватив за руки наших женщин, мы побежали, увлекая их к грозовой стене. С сомнительным ликованием дакоты отметили наше бесстрашие и начали вяло нахлестывать испуганных лошадей, побуждая их скакать за нами.

Мы упорно мчались навстречу завывающему ветру, швырявшему в нас ледяную крупу и жирные, хлесткие дождевые капли. Начался холодный и оглушающий ливень. Второй, а за ним и третий черный столб спустились с небес. Прогрохотал гром, и на мгновение степь озарилась серебряным светом. В одно мгновение сюда собралась грозовая мощь всего мира. Нас обстреливало ледяными пулями, вызывающими жгучую боль, а свист ветра сменился жутким воем. Оглянувшись назад, я едва различил за серебристой завесой фигуру Красного Мундира, оживленной жестикующей побуждающего индейцев продолжать погоню. Ряды наших преследователей распались, и некоторые уже поворотили коней.

Прямо перед нами сформировалась новая темная воронка. Более страшного явления мне еще не приходилось видеть. Взметнувшийся к небу грязевой вихрь наваливался на нас, как напившийся исполин. К адскому вою добавились пронзительное скрежетание. Намида и Лягушечка испуганно всхлипывали.

— Мы все тут погибнем!

Но я думал только о том, что стихия напугает и остановит Красного Мундира.

— Нам нужно прорваться через этот смерч, чтобы он отрезал нас от индейцев!

— Осел, он же утащит нас в преисподнюю!

Но у нас не было другого выбора. Я увлек нашу компанию к неглубокому степному оврагу, уже заполнявшемуся ледяными градинами и дождевыми ручьями, и мы, соскальзывая и разбрызгивая воду, скатились на его дно по глинистому берегу.

— Спрячемся здесь!

Я глянул наверх. Ураганный столб уже, казалось, доставал до звезд, толстый, ревущий

всепоглощающий монстр, порожденный черными тучами — божественная мощь заявила о себе с устрашающей полнотой. Мы прижались друг к другу в нашей глинистой расщелине, слыша, как в вихревой воронке запели сирены.

Эта черная бездна словно засасывала в себя даже воздух. Я едва мог дышать, уши уже заложило от оглушительного рева и грохота. Вихревой ураганный ветер порождал адскую скрежещущую музыку.

— Прижмитесь к земле! Держитесь изо всех сил! Закройте глаза! Гнев Тора минует нас!

И вдруг мне показалось, что за этой зловещей черной воронкой, прямо над линией горизонта, там, где с неба сыпались электрические стрелы, я увидел силуэт гигантского слона.

Не знаю, возможно, он мне пригрезился. Даже воспоминания у меня остались весьма смутные. И все-таки я четко видел и даже слышал, как громадное животное, появившись на миг на горизонте, задрало к небу мощный хобот и, издав трубный звук, блеснуло изогнутыми бивнями. Этот чудовищный исполин возвышался как огромная мохнатая гора, как степной патриарх, гроза всех земных тварей, хранящий память о величии древних эпох. На мгновение я четко увидел, как сверкнули белизной гигантские бивни. На короткое мгновение! Но его сразу скрыла дождевая завеса, а меня прижал к земле очередной дикий порыв разыгравшейся стихии, в которую я сам так стремился попасть.

Мы держались друг за друга, весь мир растворился в грязевом вихре, кружащемся со скоростью, недоступной никакому хитроумному механизму. Я почувствовал, как он втягивает нас в себя, поднимая за ноги, и мы, отчаянно барахтаясь в глинистом месиве, изо всех сил цеплялись за корни трав, чтобы удержаться на земле. Рискнув повернуть голову, я глянул вверх. Там — над гребнем вихревой черной стены — вдруг блеснула запредельная голубая синь или, может, небесный чертог Валгаллы?

Но вот, полыхая молниями, грозная воронка унеслась дальше, оставив за собой шелестящие воды потопа, в котором начали таять ледяные градины. Наш овраг наполовину заполнился водой. Задыхаясь, мы начали карабкаться по склону и наконец осмелились поднять головы и глянуть вслед сокрушительному вихрю.

Он исчез. Ночной мрак дня разбавили серые тона. На востоке, где стояли индейцы, повсюду полыхали вспышки разветвленных молний.

Обессиленные, мы просто лежали на земле, прижавшись друг к другу. Постепенно сумрак рассеялся и день наполнился обычным светом, а вскоре на западе даже появилось солнце, озарив своими лучами чернильный мрак, теперь накрывший восточный горизонт.

Куда же делись индейцы с кровожадным Красным Мундиром? От них не осталось и следа.

— Они удрали, Итан, — с удивлением произнес Пьер. — Они знали, что ты знаток электрической магии, и сбежали, спасая свои трусливые шкуры.

В данном случае я предпочел бы, чтобы Франклин приобщил меня к какой-то менее опасной сфере знаний.

Глава 36

Мы забрели в те края, куда никогда еще не ступала нога белого человека, за исключением, возможно, средневековых седых скандинавов. После долины реки Огайо с ее гигантскими деревьями эти западные равнины поразили нас безграничностью просторов и горизонтов. Сейчас ощущение бесконечности и пустоты этих незатейливых степей стало полным, мир здесь сузился до своих простейших элементов — земли и небес. За изогнутую линию далекого горизонта дружно ныряли стайки облаков. Казалось, сотворив нашу планету, Господь еще не успел вырастить на ней райский сад. Редкие встречаемые нами деревья теснились в расщелинах, прячась от постоянных ветров, а луговые травы вздымались океанскими волнами. Однако чем более растерянными становились в нашей

компании трое бледнолицых мужчин, тем более уверенности обретали Намида и Лягушечка. Должно быть, они чувствовали, что приближаются к родному дому.

Они смотрели в будущее с надеждой, а я с сомнением. Расстилавшиеся перед нами земли Америки выглядели нереально пустыми, и их однообразная пустота терялась в бескрайней дали.

Что, интересно, собирался здесь делать Наполеон? Я ковырнул ногой черную почву, уходившую, казалось, к центру земли. Может, фермеры Джефферсона и сумеют вырастить на ней что-то, но для французских имперских замашек она будет подобна пустынным пескам Египта. Здесь не разживешься даже пушиной.

Я не увидел здесь никаких слонов, не обнаружил соляных гор и дымящихся вулканов, как, впрочем, и никаких следов наших дакотских преследователей. Степной ковер выглядел чисто выметенным. По ночам лишь тлеющие угольки нашего костра тускло освещали эти голые равнины. Истинное освещение сияло над головами, бриллиантовые россыпи звезд серебрились в холодной вышине. Прежде мы спали парами — я с Намидой, а Пьер с Лягушечкой, — но, заметив разок-другой тоскливо-завистливые взгляды Магнуса, теперь по молчаливому согласию засыпали, сбившись в кучу, как овцы. Не хотелось бы мне застрять здесь до тех пор, когда начнутся снегопады.

— Долго ли еще до зимы? — спросил я Пьера.

— Да надо бы поторапливаться. Вопрос в том, хватит ли у нас времени вернуться в желанные края. Какие у тебя мысли по этому поводу, колдун?

— Магнусу надо в Норвегию. А мне в Вашингтон и Париж.

— А бедному Пьеру? Я в тысячах миль от моих славных гребцов, заблудший пилигрим, не ведающий, где ему придется зимовать.

— Ты можешь вернуться с нами.

— Могу ли? А что будет с Намидой? И Лягушечкой? Трудно жить между двух миров.

* * *

Наш пеший поход продолжался еще несколько дней, мы устало тащились по безлесым равнинам, и я как раз размышлял о быстром скакуне, когда, проснувшись утром, мы не обнаружили под боком нашего вояжера.

В предрассветном затишье мы не сразу сообразили, что Пьер действительно исчез. Лягушечка сказала что-то на своем языке Намиде, и женщины с нарастающей тревогой начали бегать взад-вперед по склонам балки, в которой мы устроились на ночлег.

Мы с Магнусом тоже забеспокоились. Наш компаньон мог отойти, чтобы облегчиться после сна, или, может, заметив дичь, отправился добывать завтрак. Но все три наших ружья лежали на обычном месте, и там же остался его бурдючок с водой.

Перед нами простиралась обширная равнина, но нигде не было видно никаких его следов.

— Пьер!

Наши крики быстро поглощались необъятной далью прерий.

Молчание.

— Пье-е-е-е-ер!

Отвечал нам только равнодушный свист ветра.

— Наверное, он отправился обратно искать свое каноэ, — неуверенно произнес Магнус. — Ему ведь давно осточертел этот пеший поход.

— Не взяв даже ружья? И не сказав ни слова?

Все вчетвером мы разошлись в разные стороны и, не теряя друг друга из вида, обошли всю округу.

Наши призывы таяли в степном безмолвии.

Опять сойдясь к стоянке, мы проглотили холодный завтрак. Лягушечка выглядела несчастной.

— Может, он отправился вперед на разведку? — вновь предположил Магнус.

Все озадаченно помолчали.

— Ведь вечером он лег спать вместе с нами. А теперь ни с того ни с сего взял да исчез?

Я начал более пристально осматривать окрестности нашей стоянки. У меня нет особых способностей следопытов или первооткрывателей, да к тому же мы сами уже истоптали весь наш холмик, собирая сухой бычий навоз для костра и таская воду из ближайшей котловины. И тем не менее в траве я заметил несколько следов, оставленных теми, кто хотел незаметно подкрасться к нам. Несколько примятых извилистых полос в высокой траве могли означать, что на нашу стоянку приползали чужаки.

Я поежился. Мне стало ясно, что на стоянке побывали какие-то люди — люди с ножами для снятия скальпов, индейские воины, которых оджибве окрестили ползучими змеями, — и совершенно беззвучно и незаметно утащили одного из нас. У меня перехватило дыхание. Почему же мы сами еще живы? Почему они не перерезали всех нас?

— Кто-то утащил его, — заключил я. — Может, дакоты?

— Если бы нас обнаружили дакоты, то наверняка не оставили бы никого в живых, — сказала Намида с испуганным видом. — Но почему же они изменили своим привычкам? Вдруг их подослала та отвратительная английская парочка... Если англичане выжили, то могли поручить дакотам забрать только одного из нас.

— Но почему? Почему они не захватили или не убили всех нас?

— Потому что им хочется проследить, куда мы пойдём, — мрачно проворчал Магнус. — Они постараются выпытать у Пьера какие-то сведения, а потом используют его в качестве обменного товара, чтобы забрать найденный нами молот. Подобно змеям, они хотят заползти в наш райский сад. А что, если они придут туда, Итан, если овладеют тайной моих предков? Вот тогда, приятель, начнется Рагнарёк.

— Что такое Рагнарёк?

— Последняя битва богов с людьми, — пояснил Магнус. — Конец света.

Степной ветер дохнул холодом.

— Пь-е-е-е-ер!

Мы собрали пожитки и быстро двинулись в путь, так тревожно озираясь, как будто из-за каждой травинки за нами могли следить глаза наших тайных врагов.

* * *

Раю всегда предшествовало чистилище. А Валгалле, небесному чертогу избранных павших героев, — подземное царство мертвых Нифльхейм.³⁶

Такие мысли посетили меня, когда мы, вопреки всем ожиданиям, нашли родное племя Намиды и Лягушечки — потомков индейцев аваксави, чья деревня примостилась в излучине безымянной реки, лениво несущей свои воды по этим западным прериям. Мы оказались так далеко от всех очевидных ориентиров или следов цивилизации, что мне понадобился бы секстант и хронометр, дабы зафиксировать наше местоположение на этой земле, если бы я, конечно, умел ими пользоваться. Но Намида с ходу узнавала какие-то особые степные тропки и холмики, незаметные для моих глаз, а когда впереди заблестела река, ее волнение достигло крайней степени.

— Смотрите! — вскричала она. — Вот он, тот самый овражек. Видите? Вот проросли тополя! Слышите? Это кричат наши речные птицы!

С обрывистого берега поселение выглядело скорее средневековой европейской, чем современной индейской деревней. Утоптанная дорога вела к сухому рву под частоколом, за которым темнели дерновые крыши куполообразных домиков. Эта долина казалась чудесным оазисом с колосющимися полями зерновых и бобовых культур, которые перемежались

³⁶ **Нифльхейм** — в скандинавской мифологии олицетворение первозданного хаоса, мир мрака и холода.

прибрежными рошицами. Но наше приближение было встречено полным молчанием, не лаяли даже собаки. А когда из ворот так никто и не вышел, радостное возбуждение Намиды и Лягушечки сменилось смутным беспокойством.

— Что-то случилось, — прошептала Намида.

У ворот лежал распростертый мужчина.

Мы осторожно спустились вниз и, остановившись на безопасном расстоянии, попытались получше разглядеть лежащего. Его кожу покрывали красные гнойные нарывы, а живот сильно раздулся. Заплывшие глаза безжизненно смотрели в небо, а открытый рот исказила мучительная гримаса.

— Оспа, — пробормотал Магнус.

Женщины разразились слезами.

Мы заметили, что кроме этой первой жертвы за стеной палисада в самой деревне имелись и другие, они лежали под открытым небом на плотно утрамбованной земле. В одной стороне лежала умершая кормящая мать с обнаженной, обезображенной нарывами грудью, к которой припал истощенный малыш, не дождавшийся молока. Неподалеку от них сидел старик с зажмуренными глазами, словно не мог видеть этого ужаса. В другой стороне скорчился в неестественной позе мертвый воин.

Оспа наводила страх на всю Европу, унося без разбора и королей, и простоллюдинов, но для племен Америки она стала полнейшим бедствием.

— Значит, манданы умирают, — мрачно произнес я.

Сначала в лесах мы попали на стоянку, чье население Красный Мундир уничтожил во время погони. И вот теперь новая трагедия. Раса краснокожих индейцев, казалось, исчезала прямо на наших глазах.

Подавляя рыдания, Намида и Лягушечка взирали полными боли и страха глазами на обреченных на смерть родственников. Женщины, казалось, вросли в землю, словно какая то незримая сила мешала им броситься в родную деревню, и это было хорошо. Там их самих ждала неминуемая смерть.

— Магнус, держи женщин подальше. Эта зараза может убить их в считанные часы или дни. А я пойду гляну, остался ли там кто-то в живых, или поищу ту плиту.

— Нет, я затеял эти поиски, — сказал он с посеревшим лицом. — И я возьму на себя этот риск.

— Даже не пытайся, пойду я, мне же сделали прививку.

— Что сделали?

— Я прошел специальную вакцинацию и после нее перенес легкую форму этой болезни, так что теперь мне не страшна зараза. — Я махнул рукой в сторону покойного привратника. — Один англичанин по имени Дженнер очень успешно привил людям коровью оспу, и его метод вакцинации дошел до Франции в том году, когда я путешествовал по Святой земле. Видя, сколько жизней унесла оспа в Египте и Италии, в прошлом году после кампании Маренго я решил испытать такой метод на себе. И теперь, после прививки, я стал невосприимчив к ее возбудителям.

— Что значит прививка?

— Жидкая вакцина, ее вводят под кожу. — Я стащил с плеча обносившуюся рубаху. — Видишь вот этот бугорок?

— Тебе все-таки удалось проявить колдовские способности.

Норвежец сделал какой-то странный жест над моим рубцом и удалился к дороге, забрав с собой женщин.

Я был не совсем уверен в защитных свойствах такой прививки, но прежде мне приходилось сталкиваться с больными оспой, и ее зараза ко мне не пристала. Если индейцы Красного Мундира по-прежнему гоняются за нами, а родное племя наших женщин вымерло, то нам больше не от кого ждать помощи. Сейчас необходимо как можно скорее завершить нашу миссию, то есть прежде всего найти ту каменную плиту. Также нам нужно найти либо путь к молоту Тора, либо оправдание отказа от поисков.

Вход в манданскую деревню вызывал суеверный страх. Оспа поражает индейцев очень быстро, люди буквально падают замертво на ходу. Упавшие женщины лежали возле коптилен и на рамах ткацких станков. Двое мужчин привалились к частоколу, словно они из последних сил пытались перелезть на стену, надеясь найти за ней спасение. Возле потерявшей сознание девочки валялись черепки разбитого кувшина с водой. Все вокруг источало зловоние экскрементов и гниения, приторную вонь торжествующей смерти. Вдруг я услышал странный шум и не сразу сообразил, что громкое жужжание издавали прожорливые мухи.

Внутри жилищ свет попадал только через дверные проемы и дымоходы, но его было достаточно, чтобы подтвердить здешний апокалипсис. Трупы жались по углам, словно старались избежать мучительных лучей света. Тела всех покойников с открытыми незрячими глазами и скрюченными в предсмертной агонии пальцами покрывали ужасные нарывы, их рты исказили гримасы последнего вздоха.

Пройдя по деревне, я нигде не заметил, однако, каменной плиты. Методично осматривая дом за домом, я переворачивал одежду и покрывала, заглядывал в подземные склады зерна, но так ничего и не нашел. Мое сердце тревожно колотилось. Я весь вспотел, но не от жары, а от страха.

Я уже был готов отказаться от жутких поисков, когда услышал хриплый кашель из самого дальнего от ворот земляного дома. Неужели кто-то выжил? Вновь зайдя в сумрачное помещение, я осознал, что привалившийся к спинке скамьи старик, которого я принял за мертвеца, на самом деле еще дышал. Он походил на обтянутый кожей скелет, весь покрытый пустулами, но я разглядел странные светлые глаза, длинные седые волосы и — самое удивительное — редкую бороду. Он выглядел как вождь или старейшина, и пока он бормотал что-то на своем языке, я быстро провел второй осмотр его жилища. Но опять не обнаружил никакой каменной плиты или вообще хоть чего-то необычного. И все-таки, возможно, именно он был упомянутым Намидой знахарем? Смогут ли женщины расспросить его? От прикосновения к гниющей коже у меня по спине побежали мурашки, но я решительно положил стонущего больного на кожаное покрывало и безжалостно вытащил его на солнечный свет. Старец зажмурил щелочки глаз и захныкал, как ребенок, но у меня не было иного выбора. Я протащил его по грязному двору деревни и мимо мертвого стража за ворота, крикнув своим спутникам:

— Намида! Я нашел живого человека!

Она бросилась ко мне, но я удержал ее.

— Помни, что он может заразить тебя.

— Это Желтая Луна, — горестно сказала она, роняя слезы. — Он очень стар, и я думала, что болезнь унесет его первым. А вместо этого он пережил всех. Он знает лекарственные травы.

— Спроси его, что тут произошло.

Разговор получился прерывистым, старик еле дышал, но Намида переводила нам все, что он говорил.

— Группа людей из деревни отправилась к Миссури, чтобы обменять заготовленные меха. Когда они вернулись с одеялами, все заболели.

— А у него еще сохранилась та плита с письменами? — встрял Магнус.

— Торговая группа умерла первой. Он пытался сделать лекарство, но...

— Плита!

Руки норвежца вцепились в древко бердыша. Намида задала очередной вопрос.

Слова знахаря стали неразборчивыми. Он терял последние силы. Я сам чувствовал себя инквизитором, допрашивающим умирающего под мучительным для него ярким солнечным светом.

— Когда все начали умирать, он перетащил камень в пещеру у реки. Кто-то или что-то охраняет его там. — Она стала наклоняться ближе, стараясь расслышать шепот, но я удержал ее, опасаясь, что возбудители болезни могут как-то перенестись на нее. — Неподалеку

видели дакотских всадников. И человека в красном мундире.

Я мысленно чертыхнулся.

— А какая пещера?

— Он говорит, что ты обладаешь силой духов, потому что не побоялся войти в больную деревню.

— Спроси, не видел ли он Пьера? Не было ли его с Красным Мундиром?

Но старик умер. Я содрогнулся, чувствуя себя зачумленным и проклятым. Холмистые равнины вокруг нас внезапно показались зловеще побуревшими, а река обмелевшей. Лето подходило к концу, и исчезновение Пьера сильно расстраивало меня. Оно напомнило мне о Тальма, исчезнувшем в Египте, и о последующей доставке кувшина с его головой.

Судьба упорно подсовывала нам дьявольские сюрпризы.

Глава 37

— О какой пещере он толковал?

С некоторых пор я с безотчетным ужасом относился к подземным тайникам, которые, похоже, неизменно сопровождали поиску любых сокровищ.

— Они встречаются на берегах нашей реки, — сказала Намида. — Птицы и животные устраивают в них гнезда и норы, а дети играют.

Мы направились вдоль реки, медленно несущей свои воды обратно на восток. Ниже по течению, за стайкой старых тополей этот поток сужался из-за обвалившейся почвы, а обрывистый берег, сложенный из спрессованных слоев глины и гальки, изобилует небольшими провалами. На отвесном склоне темнело множество дыр и гротов, некоторые размером с ласточкино гнездо, а иные достаточно большие, чтобы устроить в них привальную стоянку. Наш покойный информатор не сказал, каким именно укрытием он воспользовался, но за исключением полудюжины пещер все остальные были либо слишком малы, чтобы в них мог заползти человек, либо слишком велики и открыты, чтобы служить местом для тайника.

Я с настороженностью глянул на темный провал одного из наиболее вероятных гротов.

— А змеи у вас тут водятся? — спросил я Намиду.

— Да.

— Я не люблю змей.

Не люблю я также пыток огнем, перестрелок, кулачных драк, сражений на рапирах, мстительных женщин и вдобавок чрезмерно амбициозных особ, но не имело смысла сейчас оглашать весь список. Смысл моего высказывания был вполне ясен.

— Клады эльфов охранялись драконами, — любезно сообщил Магнус.

— Меня радует глубина ваших знаний, господин Бладхаммер. Учитывая, что в здешних краях не водятся драконы, я не понимаю, почему наш покойный знахарь выбрал для тайника столь очевидное место, как эти пещеры.

— Он умирал. Вряд ли у него было из чего выбирать.

— Что такое дракон? — спросила Намида.

— Большая змея.

— Мы возьмем палку и проверим.

Срезав и обстругав длинную ветку, мы начали проверять каждый вероятный вход и действительно обнаружили одно гнездо гремучей змеи, которая, к счастью, ничего не охраняла.

Однако длины нашего пробного прута не хватило, чтобы проверить всю глубину последнего темного провала. Вход в пещеру имел бочкообразную форму, а ведущие в нее следы свидетельствовали о том, что в нее что-то затаскивали.

— Наверное, это именно то, что нам нужно, — догадался я.

Пещера выглядела достаточно глубокой и совершенно темной. Я в нерешительности помедлил.

— Давайте я сама проверю ее, — предложила Намида. — В детстве мы часто играли в этих пещерах.

— Но ведь твой старик говорил что-то о страже?

— Это моя плита, — заявил Магнус. — Отойдите-ка в сторонку. Если там действительно спрятана стела с письменами, то у меня хватит сил, чтобы вытащить ее.

— Может, захватишь на всякий случай мою винтовку?

— Нет, спасибо. Алебарду мне не придется перезаряжать.

Покачиваясь из стороны в сторону, он двинулся в темноту, словно слепой, выставив перед собой вместо палки гигантский топор.

— Дальше она расширяется! — глухо произнес он, его мокасины мелькнули пару раз и исчезли под пещерным сводом, поглотившим и все звуки.

Намида, вдруг присев на корточки, принялась старательно разглядывать что-то перед входом в эту глинистую пещеру.

— Какая отвратительная вонь, — донесся до нас приглушенный голос Магнуса, — но вроде тут что-то есть.

— Оно шипит?

— Нет, это плита, тяжеленная, — прохрипел он. — Похоже, мне нужна помощь!

подавив страх, я направился ко входу.

— Медвежий помет, — сказала Намида мне вслед.

И в тот же миг раздался рев.

Мне доводилось слышать пугающие звуки, но глухая гортанная яростная мощь этого рыка прозвучала во всей своей первозданной животной дикости. Я не представлял, какая тварь обладает таким ужасным голосом. Из пещеры раздался оглушительный рев животного и человеческий вопль, а потом, после глухого удара, послышалось какое-то утробное ворчание.

— Магнус! — Я взвел курок винтовки.

Пещерный свод начал обваливаться.

Первым оттуда кубарем выкатился Магнус, словно им выстрелили из катапульты. Утрамбованная земля и галька вокруг входа разлеталась, как шрапнель, пока он катился по каменистой осыпи к реке, обхватив руками что-то массивное и крайне тяжелое. Его топор просвистел по воздуху с легкостью клубка шерсти.

Следом появился вставший на дыбы медведь невиданных еще мной громадных размеров, я даже не представлял, что в природе существуют такие гиганты. Это великолепное, с отливающей золотом шкурой животное было потрясающе огромным, его спина вздыбилась горою мышц, скребущие по каменистой земле лапы с когтями, подобными арабским кинжалам, выбивали искры. Как ни странно, его шею охватывал крепкий кожаный арапник. Так вот кого выбрали в охранники! Женщины завизжали, я заорал и выстрелил, едва успев нацелить винтовку.

Покрытые мехом мускулы дернулись там, куда попала моя пуля, и зверь устремился ко мне, разинув слюнявую пасть.

Что ж, теперь понятно, почему эта пещера стала тайником. Старый знахарь устроил его в логове гризли. Ему удалось как-то заманить медведя внутрь, и тот спокойно сидел на привязи, пока его не потревожил Магнус Бладхаммер. Сейчас плетеная кожаная веревка толщиной с мой большой палец была разорвана, как тонкая нитка.

Монстр набросился на меня, обдав отвратительным дыханием, и я в отчаянии сунул дуло винтовки в звериную пасть. Боль отвлекла его, и поднятая лапища хлестнула по воздуху, никому не причинив вреда. Он подавился моим оружием, озадаченно помотал башкой, а потом выбил его из моих рук и отбросил в сторону. Я схватился за томагавк и всадил его в медвежий бок, однако мой удар оказался не сильнее пчелиного укуса. Упав духом, я приготовился к смерти. Мой мир сузился до пылевой завесы, вобравшей в себя меховую шкуру, мускусный запах и жуткий рев, грозивший разрушить мои барабанные перепонки. Этот громадный медведь, конечно, во много раз превосходил меня силой.

Но вдруг зверь взревел еще громче и поднялся на задние лапы.

Схватив топор Магнуса, Намида с размаху всадила его лезвие в мохнатую медвежью спину.

Ворча и вертясь, гризли пытался дотянуться до торчащего из спины топорщица, но его лапы лишь беспомощно молотили воздух. Кровь брызнула фонтаном.

Рыдающая Лягушечка в ярости бросалась камнями, не причинявшими никому особого вреда.

Медведь опустил на четыре конечности, начисто забыв о моем скорчившемся на земле теле. Я умудрился собрать остатки храбрости и пополз к винтовке, прикидывая, как бы успеть зарядить ее.

Тут пришедший в себя Магнус, издав боевой клич древних викингов, бросился к зверюге, держа над головой какую-то массивную глыбу. Он крикнул, поднатужился и со всего размаху швырнул каменную плиту на медвежью голову. Раздался громкий треск ломающегося черепа, и гризли буквально рухнул, хотя продолжал рычать и сопеть, ошеломленный ударом, который мог бы попросту размозжить череп любого другого большого зверя. Схватив винтовку, я вскочил на ноги и снял шомпол, чтобы зарядить ее.

В этот момент Намида с беличьей ловкостью выдернула топор из медвежьей спины и кинула его Магнусу. Лицо богатыря пламенело от яростного жара; с ликующим криком поймав топор, он взмахнул им, прицелился и метнул в намеченную цель. Мне еще не приходилось видеть более великолепного в своей точности и мощи удара, лезвие топора полностью погрузилось в медвежью спину, разрубив могучий хребет. Массивные задние лапы медведя дернулись и замерли, и сам он, похоже мгновенно издохнув, рухнул на брюхо, глянув на меня недоумевающим печальным взглядом.

Трясущимися руками я продолжил на всякий случай заряжать ружье. Из пасти медведя вырвался предсмертный хрип, и наконец огонь в его глазах померк навсегда. Медвежью голову придавила к земле каменная плита, а из меховой спины торчало древко Бладхаммерова топора.

— Черт возьми, ты мог бы свернуть в бараний рог самого минотавра, — просипел я. — Почему же ты не выпотрошил его прямо в пещере?

— Я схватил плиту до того, как он проснулся, и потому не смог отразить его первый удар. А он тут же разорвал путы и вышвырнул меня из пещеры. Силищи у него хватило бы на десятерых, Итан. А уж силой духа он мог бы поспорить с самим Тором!

— Да, но мы едва не стали обеденным пиршеством для этого духовного двойника Тора. Хорошо, что твоя треклятая плита спасла нам жизнь, — заметил я, смерив взглядом массивный камень, лежавший на медвежьей голове как своеобразное надгробие. — Давайте хоть посмотрим, что же мы нашли.

Магнус стащил плиту и перевернул ее.

— Вот они, магические знаки! — воскликнула Намида.

Я мысленно дал себе обещание добавить когти этого медведя к ее ожерелью. Как говаривал мне старина Бен: «Важно уметь в самой плохой ситуации находить что-то хорошее», — а ведь женщины любят хорошие украшения.

Магнус тем временем ощупывал высеченные строки, что-то бормоча себе под нос, а потом торжествующе вскинул голову.

— Скандинавские руны! — восторженно пробасил он, одарив меня счастливым взглядом.

Глава 38

Воспользовавшись винтовкой как измерительным прибором, я прикинул, что найденная плита достигала тридцати одного дюйма в длину, шестнадцати дюймов в ширину и полфута в толщину. Она весила по меньшей мере пару сотен фунтов. Неудивительно, что ее тяжесть укротила дух медведя! Гладкую половину одной ее стороны покрывали странного

вида буквы, которых мне еще не приходилось видеть: они отличались от латинского алфавита, египетских иероглифов и даже от древней тайнописи Книги Тота. Не слишком глубокие бороздки соединялись в грубо высеченные буквы и слова. Если бы я увидел этот артефакт на коровьем пастбище, то прошел бы мимо, не удостоив его особого внимания.

— Что ты имеешь в виду под скандинавскими руинами? — спросил я.

— Руны составляют скандинавский алфавит, — поправив меня, начал объяснять Магнус. — Начиная с викингов, средневековые скандинавы пользовались рунической письменностью. Это так называемый рунический камень. Викинги и многие другие средневековые племена вырезали подобные надписи, чтобы увековечить памятные события, славные подвиги, религиозные каноны, в этих каменных летописях также могли содержаться сведения о брачных союзах, рождении наследников или о важных морских путешествиях и походах. В Скандинавии их найдено великое множество. Раз у здешних индейцев оказался подобный памятник, то он доказывает, что мой народ побывал здесь. — Он с важным видом окинул взглядом речные берега. — И вся эта земля принадлежит Норвегии!

— Ладно, можешь владеть ею, — сказал я, глянув на убитого медведя. — А там, случайно, не сказано, куда нам идти дальше?

— Наверное, сказано, если надписи на ней вырезали именно те, кто прибыл сюда с молотом Тора. Мне нужно время, чтобы перевести их.

Женщины уже приступили к разделке медвежьей туши, предпочитая воспринимать наше спасение из лап голодного хищника как удачный повод для пиршества. Насколько я знаю, индейцы на редкость здравомыслящий и практичный народ.

— Не забудьте сохранить когти, — сказал я Намиде. — Они несут в себе бесподобное очарование.

— Гляди-ка, тут и сбоку есть какие-то надписи, — сказал Магнус.

— По-моему, твоим предкам пришлось изрядно потрудиться, если они наносили эти знаки с помощью простого зубила.

— Для искусного каменщика, привыкшего высекать руны, этот процесс не так уж трудоемок, а порой ведь людям хочется увековечить что-то в камне.

Вооружившись палочкой, он записал какой-то текст на глинистом берегу. Немного подумав, Магнус озвучил переведенные письма.

— *«Из Винланда в завоевательный поход на далекий запад вышло восемь готландцев и двадцать два норвежца»*, — прочел он и, помедлив, пояснил: — «Винланд» означает «Виноградная страна», она находится на северо-восточном побережье Канады, где они и высадились, то есть эта надпись сообщает нам, что оттуда они пришли сюда, на далекий запад.

— Подобно нам. Переводи дальше.

— *«Мы встали лагерем вблизи двух скалистых островов, в одном дне пути к северу от сего камня. Однажды мы ушли порыбачить. Когда вернулись, обнаружили десять умерших, красных от крови. АVM спаси от зла...»*

— А при чем тут латинские АVM? — удивился я.

— Возможно, имеется в виду «Аве Мария»... Богородица. Не забывай, что среди них уже могли быть и христиане. Средневековые католики. Тогда наши древние руны использовались наряду с новой латинской письменностью.

— Ладно, только почему-то в этих степях мы не видели никаких скалистых островов. Очевидно, камень перетаскивали сюда из его исходного места. Намида говорила, что его захватили у дакотов, которые, в свою очередь, вообще неизвестно где нашли его.

— Вероятно, они сообщают о каких-то островах на озере, — согласился Магнус, — но совершенно не понятно, в какой стороне он находится. А вот что высечено на боковой стороне: *«В четырнадцати днях пути от сего острова оставлен отряд из десяти воинов сторожить наши корабли у моря. Год тысяча триста шестьдесят второй»*.

— Год тысяча триста шестьдесят второй? Уж не этим ли годом датировалась твоя тамплиерская карта?

— Ну что, Итан, теперь ты веришь мне?

Одно дело отправиться на поиски легендарных сокровищ, но совершенно другое — вдруг осознать, что у тебя появился реальный шанс найти их. Я разволновался.

— Но ради чего они затеяли такое путешествие?

— Я уже говорил тебе, — терпеливо пояснил он. — Ради молота Тора. Кузнечное мастерство наших карликов восходит ко временам утраченного золотого века.

— Каких карликов?

— Братьев-цвергов, Эйтри и Брокка, они выковали для Тора молот в горнах подземелий, его единственный недостаток заключался в коротковатой рукоятке, получившейся из-за того, что Локи, превратившись в муху, мешал Брокку, кусая его веки.

Я пожалел, что спросил.

— Ладно, так как же мы собираемся найти его?

Утомленный схваткой с медведем, он тяжело опустился на землю.

— Не знаю. Если этот камень перетаскивали с места на место, то указание о четырнадцатидневном походе от моря мало что значит.

— Не просто мало, а ничтожно мало. Ведь мы добирались сюда месяцы. Четырнадцать дней от моря указывают, наверное, на какое-то место на востоке или на севере, которое мы чертовски давно прошли. И если эту надпись высекли те самые скандинавы, то отсюда до твоего молота очень неблизкий путь.

— Или до Эдема.

Вид у него вдруг стал таким печальным, что мне стало жалко его, а еще больше самого себя. Мгновение назад меня окрыляла надежда на трофеи викингов. Но почти так же мгновенно она разбилась о неизвестные скалистые острова.

— Мы попытались, Магнус.

Он промолчал.

— Сомерсетсы, если они и правда выжили, тоже гоняются за призрачным сокровищем.

Он вновь грустно посмотрел на рунический камень.

— Увы.

Итак, каково же наше положение? Вокруг неведомая, не нанесенная ни на одну карту степь, перед нами поверженный медведь, а рядом опустошенная оспой деревня; нас, вероятно, преследует отряд краснокожих дикарей, возглавляемый мстительной парочкой английских извращенцев, а мы торчим в лишенной признаков цивилизации местности, имея лишь скудные запасы пищи, одежды, оружия, пороха и еще более скудные представления о нужном нам направлении движения. Наши единственные манданские союзницы, совершенно забыв об осторожности, увлеченно жарят медвежьи потроха. А наша единственная находка с невразумительными надписями весит две сотни фунтов.

Иными словами, я опять вляпался в обычную для меня бессмысленную авантюру, связавшись, как обычно, с сомнительной компанией. Решив умыться, я спустился к реке, мечтая раздобыть в этой уединенной деревне прирученную лошадь, чтобы ускакать отсюда к чертовой матери. Увы, манданы были оседлыми фермерами. Мне отчаянно захотелось увидеть вулканы и соляные горы или хоть что-то удивительное, о чем я смог бы рассказать по возвращении любознательному Тому Джефферсону.

И вдруг мои унылые размышления прервал вопль Магнуса.

Я бросился назад, схватив винтовку, но он торжествующе показал на камень.

— Я понял, понял, я все понял! — выкрикивал он, кружась в каком-то диком танце, который, видимо, представлял собой норвежский вариант огненной джиги. Впрочем, никто пока не заявлял о существовании у викингов балетного искусства.

— Не тяни, во имя Юпитера, что же ты понял?

— Это шифр, Итан, тайнопись, как ты и говорил! — Он показал пальцами на какие-то, казалось, наугад выбранные символы. — Часть из этих рун имеет особые дополнительные пометки типа точек или черточек. Сначала я не понял, зачем они сделаны. Но если взять первые семь букв, помеченных таким образом, то можно узнать, что они тут зашифровали.

— Магнус, я вовсе не умею читать руны.

— *Gral thar!*

Его ликующий крик мог бы разрушить вавилонскую башню. Если банда Красного Мундира находилась в пределах лиги, то почти наверняка приняла его ликование к сведению.

— Да не ори ты! — Я настороженно глянул на обрывистый берег. — Это может как-то помочь нам?

— Тайнопись говорит о Граале! А следующие цистерцианские символы обозначают мудрость и Святой Дух. И, соединив все вместе, мы получим следующее: «*Тот Грааль, мудрость и Святой Дух*».

Теперь я вновь затрепетал. Прежде в Египте и Святой земле мне приходилось слышать слово «Грааль», его отголоски, подобно святому Бернару, упорно сопровождали меня по жизни. И вот след Грааля обнаружился на древнем камне посреди дакотских владений! Чем дольше я живу, тем более странной представляется мне жизнь, знаки и знамения постоянно вторгаются в нее, разрушая убаюкивающее туманное спокойствие бесцельного бытия.

— Но что именно ты из этого понял?

— Что эти странники спрятали или нашли Грааль, исполнив священную миссию. И если верна привезенная мной из Готланда карта, то Граалем является тот самый молот, что они доставили туда, откуда расходятся четыре реки в разных направлениях — северном, южном, восточном и западном.

Я пригляделся к бурому осыпающемуся берегу.

— Магнус, мы еще не нашли райский сад.

— Да он же не здесь, а там, откуда притащили изначально эту плиту. Там они спрятали молот и, вероятно, попытались основать поселение. Но демоны уже поразили эти края, из-за их адских происков остались десять убитых, красных от крови воинов. Или они погибли от страшной болезни типа той, с которой мы столкнулись в манданской деревне. Либо что-то осквернило райский сад. Может быть, в том райском саду появился ползучий змей.

— Магнус, ты полагаешь, что эта весьма таинственная плита сообщает о какой-то дьявольской интриге?

— Говоря о море, они не имели в виду океан, — упрямо гнул свою линию мой компаньон. — Никто из индейцев не стал бы тащить эту каменную глыбу в такую даль, кроме того, это не согласуется с местом изображения молота на моей карте. Нет, цель наших поисков близка, четырнадцать дней от тех двух «морей», вблизи которых мы уже находимся.

— Каких морей? — простонал я, считая, что мой приятель окончательно рехнулся.

— Одно из них озеро Верхнее. Намида! — окликнул он склонившуюся над костром женщину. — Что находится в двух неделях пути к западу от озера Верхнего, где нас захватили в плен?

— Это зависит от выбранного пути и скорости каноэ, — пожав плечами, сказала она. — Но отсюда явно на восток. — Она махнула рукой в ту сторону, откуда мы пришли.

— Так! — Сверкнув глазом, Магнус глянул на меня. — И две недели пути также нужно пройти на юг от озера Виннипег, того самого большого озера на севере, в которое втекает Ред-Ривер. И такое место тоже находится к востоку отсюда. Нам пришлось зайти так далеко на запад, чтобы отыскать эту плиту, Итан, но держу пари, что изначально ее обнаружили в тех лесистых долинах, что изобилуют озерами, и именно там на моей средневековой карте находится белое пятно с символом молота Тора. Если провести линию двухнедельного пути на запад от озера Верхнего или на юг от озера Виннипег, то мы получим место, обозначенное на карте молотом... И именно там мы найдем его!

— Грааль?

— Грааль, иными словами, означает тайное сокровище тамплиеров: тот самый молот. — Он кивнул. — Там мы найдем указующий знак, поскольку нам предназначено отыскать оружие Тора, точно так же, как суждено было найти эту плиту. Иначе почему же нам до сих пор сопутствует удача?

— Удача? — изумился я.

Ну, видывал ли кто подобных непробиваемых оптимистов? Но, по крайней мере, утешало то, что он хотел повернуть обратно на восток.

— После исчезновения Пьера я испугался, что боги покинули нас. Но сюда они вели нас неотвратно и уверенно, как вели Моисея к огненному столпу.

— Магнус, по-моему, никто из нас не обладает достоинствами Моисея. И я не думаю, что ему пришлось сражаться с прожорливыми медведями.

— Это было всего лишь испытание. А теперь нам предстоит найти наш собственный огненный столп, Итан. И там мы увидим знак, указующий на молот Тора.

* * *

Магнус настоял, чтобы мы взяли с собой древнюю каменную глыбу.

— Да она тяжелей нашей Лягушечки!

— Может быть, в ее тайнописи есть еще секреты. Ведь ты сам, говорят, нашел и расшифровал древнюю книгу благодаря подсказкам, высеченным на каменной плите! Так что ты первым должен признать ее особую ценность.

Он имел в виду Книгу Тота, которую я расшифровал с помощью базальтовой плиты из Розетты, но истинное озарение меня посетило, когда я взорвал ее важнейшую верхнюю часть. Со временем она оказалась необходимой.

— Я не таскал за собой ту плиту, — возразил я. — А скопировал ее надписи на голую спину моей подруги.

Задумчиво глянув на Намиду, я представил, как будут выглядеть на ее теле рунические надписи. Весь тот эпизод с Астизой пробуждал весьма эротические чувства.

— Ладно, это еще и надежное каменное свидетельство того, что скандинавы побывали здесь раньше испанцев, французов или британцев, поэтому нам не надо никаких копий. Нам суждено показать сие оригинальное доказательство всему миру, как только мы обнаружим благодаря ему молот Тора. Мы станем такими же первооткрывателями, как Колумб. Норвегия заявит права на Северную Америку и заслуженно станет одной из великих мировых держав.

Я сильно сомневался в этом. Люди не любят, когда кто-то пытается опровергнуть их поспешно сделанные заявления, и никто не станет почитать того, кто попытается разрушить давние убеждения. Если вы хотите добиться успеха, то лучше подтвердите людям то, во что они верят. Революционеров ждет распятие или еще того хуже.

— Магнус, мы не сможем всю дорогу тащить эту тяжесть на своем горбу.

— А мы возьмем ее на буксир, — оживленно произнес он с новым деловым видом. — Эта река, видимо, течет на юго-восток, именно такого направления нам и надо придерживаться. Возле манданской деревни я видел выдолбленный из тополиного ствола челн, он достаточно большой, чтобы вместить всех нас, а для этой плиты мы соорудим простенькую лодку. Мы разыщем молот, спустимся вниз по Миссисипи, а потом торжественно представим наши находки в Осло.

— А нельзя ли взять курс на более теплые места типа Парижа или Неаполя?

Но Магнус, уже ничего не слыша, раздавал указания. Лягушечка принялась скоблить медвежью шкуру, Намида отправилась за ивовыми прутьями, а сам норвежец начал расплетать кожаный арапник, которым был привязан медведь.

— А ты, — велел он мне, — приволоки от деревни челнок.

Я нашел замеченную им лодку и в очередной раз с печалью оглядел вымершее поселение на высоком берегу. Мне вдруг пришло в голову, что эта эпидемия странно совпала с нашей миссией и что Сомерсеты, скорее всего, подозревали о нашем приходе в родную деревню Намиды. Не могли ли они послать зараженного агента к берегам Миссури, куда здешние индейцы обычно отправлялись с заготовленными мехами, чтобы заразить манданов в ходе обмена и помешать нам найти помощь? Неужели мы поневоле стали виновниками их

истребления?

Я окинул беглым взглядом окрестности, и вновь у меня появилось ощущение, что за нами следят, но с виду вокруг было так же пустынно, как в пабе в Мекке. Спустив челнок на воду, я начал грести в сторону нашей временной стоянки.

Медвежью шкуру, отчистив от крови, уже набросили на круглый каркас, сплетенный из ивовых прутьев. В результате получилось зловонное мохнатое корытце с промазанными медвежьим жиром швами, оно достигало в поперечнике четырех футов и сильно смахивало на вогнутый щит.

— Ваше корыто напоминает мне ту обтянутую кожей посудину, на которой я выбрался с огненного островка в Морфонтене.

— Точно, — сказал Магнус. — Она похожа на валлийские лодки, самые простые и легкие из всех способных держаться на воде посудин, к тому же они очень быстро делаются. Странно, правда, откуда здешние туземки знают способы изготовления лодок, используемые еще в средневековой Европе?

— Ты намекаешь на то, что их научили этому побывавшие здесь валлийцы?

— Я знаю только, что мы здесь не первые бледнолицые. Мы нашли наших далеких предков, Итан Гейдж, и вскоре найдем то самое место, ради которого они сюда стремились.

— Твой пресловутый Эдем.

— Пуп земли, священный центр, ядро мира. Рай для одних, чистилище для других. Он принимает обличье, ожидаемое искателем.

— Обманчивое, как конец радуги.

— Где зарыт горшок с золотом.

Он подмигнул мне своим здоровым глазом, и на какое-то мгновение я вдруг узрел в нем того самого неугомонного Одина, который блуждал по миру, ища мудрости и приключений на свою божественную рыжую голову.

Медвежья лодка покачивалась на волнах, как раздутый пузырь, пока мы не придавили ее руническим камнем, и тогда она поплыла шустро, как фрегат. Из остатков арапника Магнус сплел буксирный трос, и мы отправились в новое плавание, оставив позади печальную деревню и огромную тушу разделанного медведя, слыша, как степной ветер шелестит листвой прибрежных тополей. Течение несло нас на юго-восток.

Я впустил в душу слабый лучик надежды.

Мы шли по прихотливо изменчивой реке — как сообщила нам Намида, трапперы называли ее Шайенн, — ее русло извивалось по низинам, где заполняемые паводками островки и болотистые поймы соседствовали с участками, поросшими строевым лесом. На окрестных холмах зеленели травы. Я опасался Красного Мундира, но степные земли выглядели совершенно необитаемыми. Наше путешествие казалось мне все менее и менее реальным, словно мы действительно попали в легендарные времена, над речной долиной сияли бездонные голубые небеса, а опадающая листва золотилась в воде, как розовые лепестки в цветниках Морфонтена. Большие стаи гусей, выстроившись клином, с протяжным гоготом пролетали над нашими головами. Я уже потерял счет дням и даже месяцам, и мне действительно казалось, что мы снялись с якоря времени. На Востоке, по крайней мере, по пути встречались пыльные руины, но здешний мир выглядел новорожденным, не ведающим пока ни о каких календарных или временных условностях.

Глава 39

На третье утро, вскоре после рассвета, мы столкнулись с первым серьезным препятствием — с преградившим нам путь живым потоком. И поток этот состоял из мигрирующих бизонов.

На фоне долины темнела бесконечная колонна бредущих на юг лохматых животных, и путь их проходил через нашу реку, поэтому перед нами встала мощная стена из горбатых загривков, увенчанных рогами. Восходящее солнце подсвечивало этих величавых быков,

которые, подобно лунным приливам, могучим и непоколебимым потоком медленно пересекали речной брод. Поглядывая на них издалека, мы отдались на волю течения, раздумывая, как лучше обогнуть их.

— Они могут тащиться тут несколько дней, — сказала Намида. — В таких стадах бизонов больше, чем звезд на небе.

— Если мы вклинимся в их колонну, то они затопчут нас, — сказал я.

— Но медлить нельзя, — вставил Магнус.

И тут, словно для ускорения наших раздумий, из кустов на северном берегу вылетела стрела, просвистела в воздухе и задрожала мелкой дрожью, впившись наконечником в борт нашего выдолбленного челнока.

Засада!

Наши враги отлично продумали бычью ловушку. Судя по всему, конный отряд давно тайно следил за нами, наблюдая за тем, как мы нашли рунический камень и отправились дальше в том направлении, где проходит миграционная тропа огромного поголовья бизонов, и тогда дакоты решили напасть на нас в том самом месте, где мы будем вынуждены сделать остановку. Хитро — значит, нам придется перехитрить их.

И вот, заметив, что из тростника появился индейский лучник, самонадеянный, как испанский гранд, я взял винтовку и, пристрелив его, толкнул Магнуса в спину.

— Гребь быстрее! — крикнул я. — Прямо к бизонам!

— Нашу лодку перевернут, и мы утонем, — предостерегла Намида.

— А в ином случае нас либо перестреляют, либо будут долго пытаться! Вперед!

Оба берега взорвались возмущенными криками и воинственными кличами индейцев, высыпавших из береговых зарослей. В нашу сторону полетел град стрел, и они не понаделали в нас дырок только благодаря мощным гребкам Магнуса, продвигавшего вперед наш челн. Несколько металлических наконечников с лязгом выбили осколки с каменной плиты, еще пара воткнулась в лодочную корму, а остальные со свистом ныряли в воду. Мушкетные выстрелы взбивали вокруг нас фонтаны брызг, и Лягушечка, вскрикнув и схватившись за плечо, выронила весло.

Ее слегка поцарапало, и кровь лишь слегка сочилась из раны, поэтому я передал ей свое весло.

— Продолжай грести!

Я выстрелил из наших двух мушкетов, и еще два индейца упали, вскрикнув от боли. Благодаря усиленной гребле Магнуса и женщин мы оказались на мелководе и быстро приближались к бизоньему стаду, словно нам не терпелось вклиниться в его гущу. Наш стремительный рывок застал дакотов врасплох, они сильно отстали, и их выстрелы уже не могли повредить нам. Выскочив из береговых зарослей, они побежали к окрестным холмам, где, несомненно, привязали своих лошадей. Возможно, они хотели теперь напугать бизонов, чтобы те в панике затоптали нас.

— Итан, мы не сможем прорваться! — протестовал Магнус. — Только в пределах видимости никак не меньше десяти тысяч быков, а за ними идет огромное множество.

— Передай-ка мне твой топор.

— Что? Зачем?

— Воспользуюсь магией!

Я оглянулся. Дакотские всадники, низко пригнувшись к своим малорослым лошадам, скакали к бизоньему потоку. Животные, уже встревоженные мушкетной стрельбой, представляли для нас и серьезнейшую опасность, и единственную надежду. Перезарядив ружья, я положил их на дно на случай крайней необходимости и взял топор Магнуса.

— Что ты задумал? — спросила Намида, со страхом поглядывая на движущуюся поперек течения стену темной шерсти, усаженную грозными рогами.

Бизоны соскальзывали с берега, их массивные туши вламывались в реку, порождая мощные фонтаны брызг и расходящиеся волны. Середина речного брода ошетилилась сотнями рогов, словно сторожевой кордон. Вращая темными глазищами, быки следили за

нашим приближением, не зная, что предпочесть — паническое бегство или нападение.

— Гребите быстрее!

— Итан!

— Быстрее!

Возобновилась стрельба, пули жужжали как шершни. Я уложил еще одного всадника, чтобы поубавить прыть преследователей.

Потом, прищурившись, глянул вперед. Мы плыли прямо навстречу утреннему солнцу; по ближнему к нам краю стада, пригнув рогатые головы, шли старые быки, взбивая воду копытами и угрюмо поглядывая в нашу сторону, а за их спинами резво проносились испуганные коровы и телята.

— Похоже, они собираются нас атаковать.

— Продолжайте грести!

До нас уже доносилось возмущенное фыркание, а воздух пропитался отвратительными резкими запахами.

— Итан! — испуганно воскликнула Намида.

Я поднял топор.

Как я уже говорил, Магнус обычно уделял топору больше внимания, чем большинство мужчин своим лошадям или женам; он так отполировал его лезвие, что оно могло сойти за старинную серебряную драгоценность. И даже после схватки с медведем он бережно вымыл и досуха вытер его, как китайский фарфор.

А сейчас лезвие прекрасно отражало солнечные лучи.

Когда я направил плоскость лезвия на наше яркое утреннее светило, отраженные солнечные зайчики ослепили глаза множеству нерешительно медлящих бизонов. Это было подобно мощной вспышке, словно наша лодка вдруг сама превратилась в сияющий и пульсирующий огненный шар. Животные попятись, замычали и обратились в бегство. В одно мгновение живая стена раскололась и, сотрясая землю ударами копыт тысячетонной плоти, отступила в разные стороны к травянистым холмам, освобождая нам речной проход. Оказавшиеся в реке бизоны испуганно устремились к берегам, уворачиваясь от спящих бликов, а мы тем временем победоносно, как сияющие мечами валькирии, неслись дальше по течению. Река вскипала от молотивших ее воды копыт. Я продолжал пускать солнечных зайчиков, и Магнусов бердыш сверкал, как ожерелье Марии Антуанетты. Нам удалось проскочить через этот бычий брод, разделив стадо.

Я оглянулся назад. Приведенные в замешательство бизоны, подталкиваемые множеством спускающихся с холмов и ничего не ведающих собратьев, повернули обратно к реке. Вот тогда-то бизоны столкнулись с преследующими нас индейцами. Продолжая палить из ружей, дакоты пытались испугать животных и направить их на нас, но вместо этого, посеяв панику, навлекли опасность на самих себя. Бизоны понеслись куда глаза глядят, затаптывая лошадей и их всадников. Над степью поднялись столбы пыли. Лошади испуганно ржали, сбрасывая седоков, покалеченных бычьими рогами.

Нашим гребцам тем временем приходилось искусно лавировать между испуганными бизонами, уплывающими или разбредаящимися с лодочного курса. Массивные рогатые головы маячили рядом с нами, этих животных, похоже, привела в недоумение наша дерзость и странная медвежья посуда с руническим камнем. Один бык, только что спустившийся с берега, устремился к нам по мелководью с явно угрожающими намерениями, поэтому мне пришлось отбросить топор и пристрелить его из мушкета. Бизон споткнулся и рухнул в воду, остановив, однако, приближение его агрессивных задних собратьев. Мы проплыли дальше, оставив позади ручеек смешивающейся с водой крови.

Благодаря заслону, образованному между нами и нашими преследователями стадом испуганных бизонов, мы выигрывали время. Животные разбегались в разные стороны, сметая со своего пути растерянных дакотов. Я вновь поднял топор, продолжая ослеплять отраженными солнечными лучами глаза бизонам, пока мы не миновали последний ряд бредущего по реке стада. Сзади, скрывая нас из вида, клубилась взбитая копытами пыль. Мы

упорно гребли дальше, пока позади не осталось уже никаких признаков ни бизоньего стада, ни вражеской погони. Наконец мы решились пристать к берегу; рунический камень по-прежнему тащился за нами как широкий мохнатый хвост.

— При чем тут магия? — отдуваясь, сказал Магнус. — Ты попросту воспользовался моим топором.

— Магия заключалась в том, как я использовал твой топор. Волшебными бывают даже сами идеи.

* * *

Извилистый поток в итоге привел нас к реке Ред-Ривер, текущей на север к озеру Виннипег. Припомнив весьма неопределенную карту Магнуса, мы повернули на юг и шли вверх по течению, пока не попали в приток, ведущий в восточном направлении. Мы упорно приближались к тому заветному месту, куда, по предположениям Магнуса, могли прийти средневековые скандинавы и готландцы. Учитывая, что реки извивались и переплетались, как итальянские макароны, я опасался, что мы глупо ходим по кругу, не говоря уже о веских сомнениях по поводу того, что нам удастся отыскать особое место, отмеченное на отобранной у нас средневековой карте странным символом.

Очередная речушка с заболоченными берегами вяло несла вперед свои бурые воды, и когда мы продвинулись по ней дальше на восток, то гулкие пустынные равнины уступили место более знакомым лесным пейзажам, перемежавшимся лугами и водоемами. Леса и луга жили в привольной гармонии, а речное русло периодически расширялось, образуя небольшие озера.

Вот тогда-то мы и увидели наш библейский столп, наши врата в райские сады.

Поначалу мне показалось, что на нас просто надвигается очередная шквалистая гроза, раскидывая свои черные языки по безупречной синеве осеннего неба. Но, наблюдая за ними, я осознал, что этот грозовой фронт никуда не движется, хотя сильный ветер пригибал к земле луговые травы речной долины. Вернее, он двигался, как мы поняли, приблизившись, но медленно кружа вокруг некой центральной оси, подобно вязкому вращению водоворота. Его кружение напомнило мне те жуткие воронкообразные облачные столбы, от которых мы бежали в степи, поскольку выглядел он таким же темным и наводил на мысль о скрытой в нем сокрушительной мощи. Хотя здешний черный столб был гораздо шире и, лениво разворачиваясь, дрейфовал в противоположную от нас сторону. Порой облачный мрак прорезали огненные вспышки и слышались громоподобные удары, глухо предостерегая нас от опрометчивого приближения.

Мы встревоженно изучали это странное явление.

— Я слышала о таком месте, — сказала Намида. — Это неиссякаемый грозовой источник. Никто не ходит туда. А те, кто осмелился, так и не вернулись.

— Но у нас же есть колдун, — сказал Магнус.

— Никто и не догадывался, что искомый тобой рай будет похож на ад, — заметил я.

— Как раз такое местечко и может быть прародиной Тора.

— Я хотеть домой, — сказала Лягушка на ломаном французском. Ее раненое плечо болело, и саму ее начало лихорадить. — Идти манданам.

— Нет, тут нас ждет другой дом, колыбель, давшая жизнь человеческому роду. — Взор норвежца полыхнул огнем. — Эта земная колыбель породила царей, героев и сирен, дала толчок вечной мирской жизни. Там ты сразу выздоровеешь, Лягушечка!

Вечная жизнь? Почему-то она выглядела как губительная и грозная, хотя и прекрасная стихия. Вспышки огня окрашивали темные тучи сияющими зеленоватыми и пурпурными оттенками. Облачные клубы вздымались и опускались, кружа, словно планеты вокруг незримого внутреннего светила. Казалось, само нырнувшее за западный горизонт солнце воспламенило эту грозу, и над ней вдруг появилась радуга, яркая и четкая, как дуговое перекрытие моста.

— Бифрост! — взревел Магнус. — Огненный мост, он связывает небесную крепость Асгард с Мидгардом, обитаемым миром людей! Вот они, наши желанные врата!

— Магнус, это обычная радуга. Радужная спутница дождя.

— Держу пари, что эта радуга укажет нам, где зарыто сокровище! Пойдемте туда и проверим, если вы не доверяете мне.

Могли ли мы теперь повернуть обратно? Держа курс на это природное чудо, мы постарались подобраться к нему как можно ближе, продолжая плыть по живописной мозаике озер и протоков, хотя трижды нам пришлось перетаскивать наш челн на короткие расстояния до нового водоема, волоча по болотистым землям рунический камень, а потом вновь браться за весла. Либо источник этой таинственной неиссякаемой грозы был дальше, чем казалось, либо он отступал, заманивая нас в свой эпицентр. Мы продвигались с черепашьей скоростью. Вскоре наш ручей превратился в сплошное болото, и мы, осознав невозможность дальнейшей гребли, в последний раз вынесли манданский челн на берег, вытянули туда же медвежью лодчонку и выгрузили рунический камень.

— Я не собираюсь бросать его тут на радость другим искателям, — заявил Магнус.

— И как же ты собираешься тащить его дальше?

— Можно соорудить волокушу, — предложила Намида. — Наши охотники пользуются ими, перетаскивая добычу по равнинам. У дакотов их таскают лошади, а мы используем собак.

— Но у нас нет даже собаки.

— У нас есть норвежский богатырь.

Мы нарезали жердей и связали их в треугольную раму, поместив в ее середину обтянутую шкурой посудину с руническим камнем. В отсутствие колес это было лучшее из возможного.

Потом, когда заходящее солнце озарило облачный столб оранжевым заревом, мы остановились на ночлег. Задул холодный ветер. Лягушечка испуганно таращила глаза, следя за пульсирующим огнем. Проснувшись посреди ночи, я увидел, что она по-прежнему бодрствует, с отрешенно покорным выражением глядя на пламя.

— *La mort*, — прошептала она, когда я коснулся ее.

Она успела хорошо запомнить французское слово «Смерть».

Глава 40

Следующее утро встретило нас молочно-туманной тишиной. Мы уже не видели ничего, даже таинственного облака. Мгла окутала место нашей стоянки, туманный полог сочился каплями, отмеряя мгновения времени, словно установленная в низине клепсидра. Смолкли даже птичьи голоса. Ветер тоже совсем утомился. Такое гробовое спокойствие вселяло жуткий страх: наверное, подумалось мне, так чувствуют себя умершие на том свете. Лягушечку наконец сморил сон, и она никак не могла вырваться из горячего бредового забытья.

— Почему вдруг стало так тихо? — спросила Намида.

Мы все посмотрели на Магнуса.

— Откуда я знаю?

Но я знал или с опаской предполагал, что знаю. В лесу природа порой затихает, даже животные стараются затаиться, словно боясь вошедшего охотника и выжидающе наблюдая за его действиями. Обычно мы слышали утренний щебет птиц, но сегодня они молчали.

— По-моему, за нами по-прежнему следят. Красный Мундир не отказался от преследования, и его индейцы где-то неподалеку.

И действительно, внезапно с болота до нас донесся одинокий птичий крик, и ему тут же ответила вторая птица с дальней речной протоки. Женщины насторожились. Индейские сигналы.

— Это добрый знак, — попытался успокоить нас Магнус. — Они решили не убивать

нас, а проследить за нами и выяснить, к каким сокровищам мы их приведем.

— А что будет потом?

— Мы первыми найдем молот, и тогда все изменится. — Соорудив из буксировочного троса упряжь для своей волокуши, Магнус накинул ее себе на плечи и прибавил: — Так пошли поживей и найдем то, к чему так стремятся эти мерзавцы.

Бодрой рысцей он начал петлять между деревьями, сразу став похожим на привидение, окутанное саваном тумана. Вскоре он вышел на топкую луговину, примяв напоенную влагой осеннюю траву, по которой протянулись параллельные следы его волокуши, и устремился дальше с такой недоступной мне уверенностью, словно точно знал, в какой стороне находится вожаемый молот. Мы мелкой трусцей следовали за ним, стараясь не слишком отставать.

— Магнус, а не удобнее пока просто припрятать эту плиту?

— Это же доказательство того, что первооткрывателями Америки были норвежцы.

— А что же произошло с твоими норвежцами, если они сумели овладеть древним могуществом?

— Кто знает? Что может означать высеченная на камне запись о десяти умерших, покрасневших от крови? Может, они заболели. Или сразились с индейцами. А может, поубивали друг друга. Или же им удалось совершить нечто такое, с чем они не сумели совладать, к примеру, выпустить на волю какую-то всепоглощающую силу.

— Вендиго, — сказала Намида.

— Либо они попросту выполнили то, ради чего прибыли сюда, — не обращая внимания на ее замечание, продолжил Магнус. — По крайней мере, кто-то из них вернулся в Скандинавию, раз там обнаружилась карта. А часть из них могла остаться жить с индейцами. — Он остановился и, повернувшись к Намиде, спросил: — Тебе известно о том, что среди ваших предков были тамплиеры?

— Кто такие тамплиеры?

Решив, что отвечать бессмысленно, он покачал головой, и мы потащились дальше.

— Откуда ты сам узнал все это? — настойчиво спросил я.

— Во мне самом есть часть тамплиерской крови. Мои предки принадлежали к обедневшему королевскому роду, лишившемуся власти много поколений тому назад. Меня еще в детстве посвятили в нашу историю, и я узнал о том, как мои предки потеряли власть. Но эта история воспринималась мной просто как легенда до тех пор, пока я не нашел ту средневековую карту. Потом до меня дошли вести о новых открытиях в Египте и Святой земле в ходе французской экспедиции и о некоем ученом американце, который объявился при новом революционном дворе Наполеона. Я распознал руку Одина! Средневековая карта призывала меня в дикие пустыни Америки, и вдруг мне сообщают о том, что поблизости живет вполне уместный в качестве компаньона ученый американец. Признаюсь, что как герой ты совсем не оправдал моих ожиданий, Итан Гейдж, однако ты обладаешь определенной настойчивостью и живучестью. Даже твоя страсть к этой индианке оказалась полезной... она привела нас к руническому камню. Воля богов определяет нашу долю.

— Ты что, всегда прибегаешь к языческим поговоркам, когда дела принимают плохой оборот?

— Пока ничего плохого не произошло.

— Нас едва не покалечили, пытались пристрелить, сжечь и, наконец, растоптать.

— Все это не важно, раз мы живы. А теперь мы почти у цели.

— Но они же не были подлинными богами, Магнус. Не были сверхъестественными существами. Все это мифы.

— А как ты определяешь сверхъестественность? Представь, что твой Бенджамин Франклин попал во дворец царя Соломона и продемонстрировал там свои электрические опыты. Разве не восприняли бы их евреи как божественное чудо? Мы, христиане, создали своеобразную пропасть — между убогим человеком и исключительным Богом с безграничным могуществом, — но что, если разрыв этот не так велик, как нам кажется? Или

разве между этими двумя крайностями не могут существовать иные реальности? Что, если история древнее, чем мы полагаем, и скрыта от нас гораздо более плотной завесой, чем этот земной туман, и что, если миф в своем собственном мире является фактом? — Он оглянулся на рунический камень. — Какое еще доказательство тебе требуется? Свидетельство пребывания здесь скандинавов так же реально, как шкура убитого медведя, на которой оно покоится.

— Но это противоречит всем общеизвестным историческим фактам!

— Вот это верно. — Норвежец остановился, потянулся и хлопнул меня по плечу. — Именно поэтому мы с тобой здесь, на пороге воскрешения в безлюдной дикости.

— Воскрешения?

— Я не все еще рассказал тебе. Пока не время.

— Что ж, нам *понадобится* воскрешение, если нас догонит Красный Мундир. Он перебьет нас всех.

— Нет, если мы завладеем молотом.

Вокруг неожиданно ощутимо похолодало, и я заметил, что мы вышли на ковер из хрустких градин, наверное, выпавших из вчерашнего таинственного грозового облака. Эти льдинки еще не растаяли, скрывая землю под своим белым покровом. Наше дыхание туманными облачками растворялось в морозном воздухе.

Мы нерешительно остановились, словно раздумывая, не повернуть ли назад.

Первым пришел в себя Магнус, он шумно вздохнул и медленно потащился с тяжелой волокушей вверх по пологому склону, призывая нас последовать за ним. У меня возникло ощущение, что мы прорвались сквозь некую незримую стену, тонкую и прозрачную, как бумага. Воздух мгновенно вновь потеплел. Мы оказались в белоствольной березовой рощице, украсившейся к концу года лиственным золотом. Туман начал рассеиваться.

Нас встречала беспорядочная колоннада объемистых деревьев. Град здесь уже растаял, а первые упавшие листочки поблескивали, как золотые монетки. Поляна поздних цветов укрыла землю пурпурным ковром, словно устилающим пол белоствольного храма, который проступал сквозь дымчатую вязь тумана. Позеленевшие от мха каменные глыбы поднимались из земли подобно виденным мной в Европе менгирам. Потрясенные красотой природы, мы замерли в молчании, даже шорох жердей волокуши звучал кошунственно. По мере подъема на пологий склон вокруг становилось все светлее, словно день обретал новую силу. Повсюду блестели капельки росы.

Вскоре мы поднялись на вершину небольшого гранитного массива, и поскольку солнце уже прорвало туман, отступивший в лес, то перед нами наконец открылся прекрасный вид.

Я затаил дыхание.

Панорама выглядела очень живописно. В луговой долине серебрилась гладь озера, луга сменились березовыми и осиновыми рощицами, и вся эта окруженная степной полосой роскошная низина казалась скрытой от остального мира. Но не только ее роскошь приковала наше внимание. Посреди лесистой лощины на небольшом всхолмлении росло гигантское дерево, я даже не представлял, что такие вообще существуют. Мы потрясенно взирали на этого лиственного гиганта.

Дерево было таким высоченным, что, даже сильно закинув назад головы, мы не смогли разглядеть его вершины. Зеленовато-бурая крона похожего на башню ясеня скрывалась в туманной дымке, и рядом с ним карликами казались все деревья, причем не только в этом лесу, но и на всей нашей планете. Трудно сказать, насколько вымахал этот древесный патриарх, но меня больше удивило то, почему мы не увидели его издалека. Должно быть, нам помешали облачность или туман. Это дерево поднялось гораздо выше любого кафедрального собора, на его ветвях могли бы, наверное, разместиться самые длинные городские улицы, ни один художник не в силах зарисовать, допустить или даже вообразить размеры такого исполина... кроме, возможно, древнего скандинава. Нижняя часть ствола превосходила в обхвате самую большую крепостную башню, а в тени его ветвей могла бы разместиться целая армия. Нас можно было сравнить с муравьями, подползшими к

огромному накачанному воздушному шару.

— Иггдрасиль, — пробормотал Магнус.

Невероятно! Неужели это то самое мифологическое скандинавское древо, что содержало девять миров, включая срединный Мидгард, мир людей! Нет, даже эта громадина была не настолько велика. И однако ясень выглядел сверхъестественно высоким, он возвышался над обычными деревьями так, как они сами возвышаются над пнями. Что же позволило ему вымахать до таких ненормальных размеров? Ясень считается очень ценным деревом, его древесина податлива и крепка, из нее обычно делают луки и стрелы, трости и рукоятки для топоров — но любые, самые крупные, экземпляры никогда не достигали такой поднебесной высоты. И все-таки мы воочию видели громадную статью этого колосса.

— Его древесины хватило бы на постройку целой флотилии, — сказал я, — однако он не в состоянии вместить целый мир. Никакой это не Иггдрасиль.

— Но он достаточно заметен, чтобы обозначить место хранения молота Тора, — ответил Магнус. — И он вполне может служить воротами могущества. Ты все еще не веришь мне, Итан?

— Ты считаешь, что в нем спрятан твой молот?

— А разве тут есть более подходящее место? Что еще тебе бросается в глаза?

— Почему это дерево так велико? — тихо спросила Намида.

— Разве вы не понимаете, что это божественная тайна? — спросил он, сверкнув здоровым глазом.

— А вот это что такое?

Я показал на небольшой камень поблизости. Меня заинтересовало то, что в нем имелось отверстие достаточного диаметра для установки флагштока.

— Ага! Еще одно свидетельство! Причальный камень!

— Какой-какой?

— На ночь викинги обычно привязывали свои корабли к колу, забитому в такие вот просверленные отверстия. В Норвегии полно таких камней.

— Но мы же не на берегу моря, Магнус.

— Верно, так для чего же, ты думаешь, его приволокли сюда? Я подозреваю, что он служит знаком для нахождения молота Тора на тот случай, если дерево почему-то не заметили. Держу пари, что с другой стороны от этого дерева мы обнаружим еще несколько причальных камней. И, проведя между ними линии, найдем в месте их пересечения то, что ищем.

— Умно.

— Это просто очевидно.

Таща за собой рунический камень, он устремился вперед по краю утеса в поисках удобного спуска. Мы последовали за ним и в итоге, сойдя в долину по травянистому склону, оказались под сенью зеленого голиафа.

По любым меркам это древо имело весьма почтенный возраст. Не знаю, росли ли когда-либо на нашей планете подобные гиганты, но знаю точно, что, обходя его комель, я насчитал сотню шагов. Огромные корни расходились от его основания как низкие стены. В складках и бороздках его коры вполне мог спрятаться взрослый человек, а выросшие на стволе капы достигали размера бочонка. По трещинам в коре можно было вскарабкаться на первую развилку, как по ущельям, ведущим на вершину утеса. Зеленовато-желтая листва возвещала о близком конце года, а вершина терялась в путанице многочисленных ярусов ветвей.

— Такой исполин произведет переворот в ботаническом мире, — сказал я. — Ни одно нормальное дерево не достигало еще таких размеров.

— Возможно, в Эпоху Героев такими были все деревья, — мечтательно произнес Магнус. — Все тогда достигало величия, даже доисторические животные, упомянутые Джефферсоном. Это последний представитель мира древнейшей флоры.

— Если даже ты прав, как твои северные тамплиеры узнали, что оно растет именно

здесь?

— Я не знаю.

— И где же твой молот?

— Тоже пока не знаю. Может быть, где-то наверху. — Он махнул рукой в верхние, густо сплетенные ветви. — Или внутри. Как гласят предания, когда наступит Рагнарёк, то женщина и мужчина — Лив и Ливтрасир — спрячутся внутри Иггдрасиля, переживут потоп конца мира и возродят жизнь на земле.

— Что ж, звучит обнадеживающе.

Можно ли забраться на этого колосса? Лавируя между разветвляющимися ходами лабиринта, образованного древесными корнями, я удалился от дерева, чтобы получше рассмотреть его. Хотя солнце рассеяло туманную завесу, странный облачный ореол затемнял его крону, словно ясень непонятным образом притягивал непогоду. Именно это явление, осознал я, служило своеобразным щитом, не позволявшим увидеть дерево издали. Интересно, может ли повториться виденная нами вчера таинственная гроза?

Я также заметил, что вершина дерева кажется странно усеченной, как бы аккуратно подрезанной. Хотя сама вершина скрывалась в тумане и полностью разглядеть ее не удавалось, в вышине просматривался темный толстый обрубок, словно верхний конец ствола обуглился после удара молнии. Ну конечно! Вымахав выше всех в этой округе, ясень мог стать своеобразным природным молниеотводом. Однако, учитывая беспрестанные здешние грозы, странно, что дерево не подверглось гораздо более суровым атакам. Вчерашних грозовых ударов было достаточно, чтобы спалить его дотла. А главное, вообще непонятно, как ему удалось вырасти здесь до таких размеров.

Совершенно не понятно.

Я вернулся к остальным.

— Есть тут одна странность. Это дерево вроде бы притягивает грозовые тучи, и, однако, его до сих пор не спалили удары молний.

— Не нравится мне здесь, — сказала Лягушечка. — Намида права. В этой долине живет сам Вендиго, пожиратель человеческой плоти.

— Чепуха, — отрезал Магнус. — Это священное место.

— Вендиго хватает людей именно в таких местах.

— На самом деле не существует никакого Вендиго.

— А твои мифы, значит, существуют на *самом* деле! — парировала Намида. — Лягушечка права. В этом месте обитают какие-то разрушительные духи.

— Ну так мы найдем молот и уберемся отсюда, — сказал я. — Да побыстрее, чтобы Красный Мундир не настиг нас. Ладно, я полез наверх.

Цепляясь руками за бугристые выступы древнего ствола и находя уступы для ног, я умудрился добраться до первой развилки и прошелся по толстенной ветви. Она была широкой, как парашют, и я храбро помахал стоявшей внизу троице, хотя храбрости мне как раз не хватало. Даже с этого скромного стартового этапа падение представлялось пугающе долгим.

Лучше не думать об этом и продолжить подъем. Так я и сделал.

В некоторых местах подъем проходил довольно легко, я просто подтягивался и перебирался с ветки на ветку. Но иногда приходилось карабкаться, как пауку, по стволу до очередной развилки, используя складчатую структуру коры. Ее раздробленная и извилистая поверхность с множеством наростов предоставляла большой выбор для опор и захватов; я казался себе мелким эльфом. Или белкой Рататоск, несущей по Иггдрасилю бранные слова от дракона Нидхёгга священному орлу на верхние ветви. Все выше и выше, земля уже скрылась за хаотичным переплетением ветвей, но небес я также не видел. Меня окружал лиственный кокон, своего рода уютный и надежный древесный дом. Местами встречались развилки и трещины, а когда я попал на обломанную ветку, меня поразили годовичные кольца на ее сломе. Ширина каждого кольца доходила до дюйма, свидетельствуя о том, что этот гигант рос невероятно быстро.

Вскоре быстрота моего подъема заметно снизилась, но я продолжал ползти вверх, преодолевая усталость напряженных мышц. В сотнях футов от земли ствол и ветви оставались еще толстыми и крепкими, но чем больше голубых лоскутков просвечивало через кружевную крону, тем обширнее становился открывающийся передо мной вид, и я наконец осознал, на какую головокружительную высоту забрался. Окрестные леса выглядели как степные луга. Мои спутники давно исчезли из вида, и где-то подо мной парили птицы. Облачный слой вокруг дерева сгустился, напомнив виденные нами вчера клубящиеся облака, и их плотная масса, точно грозовой фронт, уходила в незримую высоту. Ветер набирал силу, и ясеневая крепость начала раскачиваться. Меня затошнило, словно на борту попавшего в качку корабля.

Увеличив силу захватов, я продолжил подъем.

Наконец в сплошном и плотном лиственном шатре образовалась брешь, и я увидел вершину, взметнувшуюся на несусветную, головокружительную высоту. Через разрывы в облаках смутно маячили дальние холмы и бесконечная панорама лесных и луговых массивов с серебристой гладью озер, но из-за сгустившихся туч дневной свет заметно посерел. Вероятно, издавек Иггдрасиль совсем не видно.

Однако мое внимание привлекло какое-то движение. В нашу сторону двигалась группа всадников, и один из них в ярко-красной одежде выглядел как живая капля крови, бегущая по луговой зелени.

Ствол дерева сузился до размера, который я смог обхватить руками. Тем не менее, здесь наверху не обнаружилось пока никаких молотов. Хотя я уже видел, что вершина действительно оказалась срезанной. Только непонятно зачем.

Преодолев последние двадцать футов, я наконец забрался на искореженную вершину толщиной не больше майского столба. Опять глянув вниз, я заметил, что отряд Красного Мундира скрыли облака. Плотная стена облаков, образуя объемистый туманный цилиндр, медленно кружила вокруг гигантского древа. Его вершина горела на солнце сверкающим серебром, но нижние облака над ней уже потемнели. Я услышал глухой рокот грома. Надо торопиться! Вершина поблескивала ярким огнем, словно в нее вставили золотой провод, порождающий многообещающие вспышки.

Самую верхушку этого гиганта, очевидно, срезал удар молнии, обычно поражающей как раз самые высокие объекты. Но почему, интересно, это дерево не сгорело или не рухнуло во время гроз, изобилием которых славятся эти края?

Я забрался на одну из самых верхних веток, опасаясь, что она может обломиться или очередной удар электричества спалит меня вместе с насестом. Ветер раскачивал дерево вместе со мной с амплитудой в добрые двадцать футов.

И тогда я получил ответ на то, чем озадачился еще на земле. Замеченный мной только что золотой провод оказался на самом деле переплетением нескольких толстых металлических проволок, и конец этого жгута торчал из центра срезанной вершины. Судя по виду, это был какой-то сплав из меди, серебра и железа. Жгут завершался раскаленной докрасна развилкой.

Если бы Франклин не ознакомил меня со свойствами электрических сил, я мог бы сказать, что эта странная проволока светится не слишком ярко. Но я и сам овладел силой молнии. И это сооружение почти наверняка служило средневековым молниеотводом. Бладхаммеровы тамплиеры или скандинавские утописты внедрили в это дерево проволоку. Металл притягивал удары молний, и если эта проволока была достаточно длинной, то она могла отводить заряды в землю. То есть, возможно, проволока тянется вниз до самой земли.

Очевидно, что-то спрятано под корнями этой громадины.

Я ощутил странное покалывание, в воздухе возникло тревожное напряжение, темные облака приобрели свинцовый оттенок. Скорее инстинктивно, чем осознанно, я спустился с вершины на первую развилку и прижался к стволу, как мартышка. Задрал голову, я прищурился и глянул на проволочный обрубок, вдруг озарившийся яркой вспышкой. Через мгновение прогремел громовой раскат. Едва не ослепнув, я невольно зажмурился.

Молния ударила в проволочную развилку, и дерево содрогнулось, похоже, до самого основания. Меня сильно тряхнуло, но основная сила заряда молнии пришлась на внутреннюю часть ствола. Потрясенный таким ударом, я на мгновение потерял способность дышать, но умудрился не свалиться.

Потом звон в ушах прошел, проволока зашипела.

Сверху начали падать крупные и холодные дождевые капли.

Надо быстро слезать с этого дерева.

Глава 41

Я старался спускаться как можно быстрее, но неверный шаг мог стать причиной фатального падения, поэтому я осторожно выбирал надежный путь. Казалось, целую вечность я сползал до той развилки, откуда мои спутники могли уже слышать мой голос.

— Эй, Магнус, что-то должно быть под самым деревом!

— Что?

— Металлическая проволока тянется с вершины по стволу! Она притягивает молнии! И по-моему, там внизу должно быть какое-то мощное устройство. Нам необходимо срочно найти его, потому что Красный Мундир уже близко.

К тому времени, когда я добрался до нижних ветвей, повис на руках и спрыгнул на мягкий лиственный ковер, укрывший землю, Магнус успел дважды обойти вокруг дерева.

— Основание Иггдрасиля непоколебимо, как скалы Гибралтара, — заявил он.

— С тех пор как твои скандинавы побывали здесь, прошло около четырехсот пятидесяти лет. — Заметьте, я уже не сказал «возможно» или «вероятно», признав как установленный факт то, что давно забытые тамплиеры побывали в этих краях. — А это дерево вымахало необычайно быстро до таких огромных размеров, вероятно, благодаря влиянию тех самых электрических сил, научные исследования которых проводил француз Пьер Бертолон.³⁷ По мере роста этот ясень тащил с собой вверх металлический провод, использованный в качестве молниеотвода. Я думаю, длина проволоки уже иссякла, ограничив тем самым дальнейший рост дерева. А начинаться она должна где-то внизу.

— Я не вижу здесь никакой проволоки, — окинув пристальным взглядом ствол, ответил Магнус.

— Она проходит по внутренней центральной части ствола и тянется до самой земли. Скорее всего, этот провод подсоединен к какому-то важному устройству, иначе вся затея не имела бы смысла. А если оно важное, то, значит, нужно его найти. В общем, где-то здесь мог быть прокопан подземный ход к их тайнику. — Помня о приближении индейцев, я тревожно оглянулся и добавил, показывая на мощные отростки: — Ход мог начинаться где-то между этих корней. Допустим, само дерево посадили над этим туннелем. Я понимаю, что дерево выглядит монолитным, как скала, но...

— Значит, нам надо вновь прорубить дверь, — заключил Магнус, задумчиво поглядев на древесную кору. — Прости меня, Иггдрасиль. — Взяв топор, он подошел к вогнутой впадине, начинавшейся от одного из громадных корней. — Странно, как это здесь вырос такой искривленный корень. И кора тут почему-то сильно изрезана. — Он прицелился и взмахнул топором. Раздался треск, и дерево застонало. — Если там находится подземный ход, то нам понадобятся факелы.

— Мы с Лягушечкой соберем палок, — быстро сказала Намида.

— А как твои скандинавские тамплиеры догадались, что надо прийти именно в эту

³⁷ Одним из активных исследователей биологической роли электричества во второй половине XVIII века был французский медик и физик **Пьер Бертолон**. Он первым использовал статическое и атмосферное электричество в лечебных целях. В своей книге «Об электричестве здорового и больного человеческого тела» (Париж, 1780) он утверждал, что воздействие на человека электризованного воздуха может быть очень эффективным. Он полагал, что человек впитывает из воздуха электрическую субстанцию всеми порами кожи.

долину, она же находилась посреди обширного неисследованного континента? — спросил я, слушая ритмичные удары топора моего компаньона.

— А им не пришлось ни о чем догадываться, — ответил Магнус. — О существовании этого континента они узнали от древних викингов, а после Черной пятницы тысяча триста девятого года сами пустились в бегство, спасая свои жизни, но не забыли прихватить с собой важные артефакты.

Его топор упорно углублял и расширял место вырубki, а сам Магнус, тяжело дыша, высказывал свои идеи.

— Наверное, от индейцев они слышали о богатых промысловых землях, расположенных вокруг места слияния четырех рек, расходящихся на север, юг, запад и восток... Не в таком ли месте находился древний райский сад? Оставив всех преследователей за океаном, они поселились среди индейцев и начали налаживать быт, используя известные им научные знания. В отличие от туземцев они умели делать металлы. Они мечтали создать идеальное государство, благополучие которого могло поддерживаться магической силой привезенного ими артефакта.

Щепки разлетались во все стороны.

— Молота Тора?

— Вероятно, с его помощью они сражались с индейцами, — кивнув, сказал он, вновь взмахнув своим огромным топором. — Наверное, им пришлось опять спрятать его, когда стало очевидно, что их отряд слишком мал для победы над здешними племенами. И, не имея времени на строительство пирамиды, башни или другого приметного сооружения для обозначения места тайника, который потом они сами смогли бы быстро отыскать, они воспользовались тайными знаниями древних, чтобы устроить его под особым живым деревом, способным отпугнуть всех местных индейцев, но вырасти до колоссальных размеров и стать подобным маяку для будущих тамплиеров.

— Маяку, скрытому в облаках привлекаемых им гроз.

— Верно, и сами грозы являются своеобразным маяком. То есть даже если это дерево не Иггдрасиль, то в нем сокрыт механизм защиты того, что мы пришли забрать.

— И как же работает тот защитный механизм?

Он задрал голову к небу.

Тучи все больше закрывали синеву, дневной свет заметно потемнел, и я опять услышал громохание грома. Внутренняя тайная сила этого древесного гиганта, казалось, ежедневно, когда солнце восходило к зениту, порождала собственные грозы, а на ночь навлекала на окрестности зимний холод. В вышине над нами сверкнула молния, словно созданная божественным молотом Тора. Или, наоборот, возможно, сила молнии подпитывала мощь этого оружия.

— Индейцы уже близко! — испуганно напомнила Намида.

И действительно, за деревьями на вершине сумрачного склона, с которого мы спустились, мелькали какие-то тени. Красного Мундира и его дакотов, так же как и нас, должен поразить этот ботанический исполин с его грозовым колоколом. По моим предположениям, они сначала помедлят в нерешительности, а потом рискнут спуститься поближе к нему, скрываясь в высокой луговой траве, чтобы выяснить причины странного явления. Пара моих выстрелов замедлит их спуск. Я взял на изготовку винтовку.

— Скорей же! — взмолилась Лягушечка.

Удары топора норвежца раздавались с идеальной частотой и попадали в цель с неизменной точностью, щепки разлетались как конфетти, а старая листва, подобно золотистому снегу, засыпала землю. По сравнению с таким раблезианским деревом тяжеленный массивный топор казался булавкой, и, однако, этот лесной царь содрогался от каждого удара Магнуса, словно с трудом выдерживал такое — наносимое ему впервые за многовековую жизнь — оскорбление. Кто же мог осмелиться атаковать его? Идея туннеля в массивном стволе казалась бредовой, хотя по мере рубки качество древесины начало изменяться.

— За корой и внешним слоем древесины начинается гнилье, — отдуваясь и продолжая рубку, пропыхтел Магнус. — Теперь оно легко распадается на куски. С виду этот ясень выглядит гораздо крепче.

Очередное небесное гроыхание вызвало то же странное покалывание, которое запомнилось мне во время грозы в Городе Призраков, расположенном к югу от Иерусалима. Сам воздух вдруг начал ощутимо потрескивать.

Луговые травы раскачивались и волновались, выдавая приближение подлых приспешников Красного Мундира. Я прицелился в головную часть этой волны, выстрелил, и движение замерло.

Присев за корнем, я вновь зарядил винтовку.

— Руби быстрее, Магнус!

Над травой взвились пороховые облачка, раздался грохот ответных выстрелов, и свистящие пули врезались в могучий ствол, не причинив нам вреда. Бладхаммер выругался, отмахнувшись от пуль, как от назойливых пчел. Женщины, притащив охапки веток, наскоро сплели из них факелы и с помощью кремня и огнива развели небольшой костерок из сухих опавших листьев. Я продолжал прикрывать нашу компанию ружейным огнем, вынуждая вражеский отряд держаться подальше. Наши упорные преследователи залегли в траву и затаились.

— Вот она, дыра! — вскричал Магнус.

Мы обернулись. Под массивным корнем обнаружилась дыра, размерами превосходящая бочкообразный вход в медвежью пещеру. Значит, дерево действительно выросло над подземным ходом.

— Забирай женщин и отправляйтесь на разведку, — велел я. — А я задержу пока банду Красного Мундира.

Прицелившись, я спустил курок и после очередной внушительной отдачи в плечо принялся к запаху сгоревшего пороха. Стрельба придавала мне спокойную уверенность. Знакомые движения курка, затвора, шомпола, патрона, благодаря которым я удерживал наших мучителей на расстоянии, не позволяющем им вести прицельную стрельбу. Пули летели в ответ, но мушкетный дым лишь показывал мне те места, где прятались преследователи. Они оказались достаточно сообразительными, чтобы продолжать ползти к нам в промежутках между выстрелами.

— Нам нужен знаток электричества! — донесся наконец до меня крик Магнуса.

— Тогда иди постреливай в них вместо меня!

Магнус вылез из дыры, трясая одной рукой, словно обжегся, и взял у меня винтовку.

— Очень странно, — буркнул он, смахивая грязь с лица.

Я нырнул в подземный ход. Сначала я подумал, что земляной свод поддерживают корни, но потом разглядел, что свод образован материалом совсем иной природы: слоновой костью. Скандинавы укрепили туннель бивнями древних мастодонтов. Неужели они нашли этих слонов? Или нашли свалку костей этих животных? Или сами прикончили последних мамонтов?

В подземелье оказалось неожиданно сухо, а из глубины доносился стойкий запах гари. Я на ощупь продвигался на свет факелов в сторону дожидавшихся меня женщин. Намида и Лягушечка сидели на корточках в каком-то склепе, не позволявшем даже встать в полный рост, и в самой его середине, как раз под центральной частью ствола, находилось странное устройство. Расходящиеся от основания ствола жесткие ребра корней уходили в землю, образуя своеобразную клетку размером с большой дорожный сундук. Над этой клеткой поблескивал толстый, как стержень пера большой птицы, провод, который спускался из центра ствола по своду туннеля к деревянному цилиндру размером с бочонок. На этом цилиндре остался лишь один виток проволоки, поэтому я догадался, что когда-то на этот барабан была намотана очень длинная драгоценная проволока, и она разматывалась в течение столетий по мере роста дерева. Когда раскрутится последний виток проволоки и ее прибавления больше не будет, рост дерева прекратится, сдерживаемый длиной

молниеотвода.

Но потрясение женщин вызвало нечто другое.

Сделав последний виток по цилиндру, проволока спускалась к массивному бруску, насаженному на рукоятку...

Под ней стоял массивный металлический молот.

Это орудие превосходило размером киянку, но недотягивало до кузнечной кувалды, а длина его толстой короткой рукоятки равнялась примерно длине моего предплечья. Массивную и тупую насадку выковали из какой-то серебристой светящейся руды, и весила она на вид никак не меньше пятнадцати фунтов. В паутину корней вплелись и другие проволоки, а сам молот слегка покачивался на основании металлической рукоятки, но не падал, удерживаемый, видимо, электрическими силами.

— Молот Тора, — недоверчиво произнес я.

Чей бы ни был этот молот, ясно одно — его подсоединили к молниеотводному проводу этого чудовищно громадного дерева, подобно тому как я соединил лейденские банки в накопительную зарядную батарею во время осады Акры в Израиле. Точно зачарованный, я потянулся к нему, но Намида схватила меня за руку.

— Нет! Смотри, что сейчас будет.

Внезапно склеп озарила ослепительная вспышка, и искры полетели в разные стороны, как во время фейерверка в Морфонтене. Своды подземелья содрогнулись, и послышался глухой отдаленный гул, отголосок громового удара. Искры быстро погасли, а сам молот вспылал электрическим огнем, переданным ему по проволоке. При этом от него исходило странное гудение. Но постепенно свечение его начало ослабевать.

— Молнии кормят его небесным огнем, — прошептала Намида. — И по-моему, им питается и само дерево. Магнус попробовал дотронуться до молота и обжегся.

Значит, молот был заряжен и постоянно подпитывался электричеством, примерно так же, как во время осады Акры я зарядил электричеством саблю для поединка с Большим Недом. Да, такова основополагающая сила, способная оживить природу! Молот стал своеобразным оружием, но как воспользоваться его грозной силой, не повредив себе? Я пытался сообразить, что в данном случае мог бы предложить старина Бен, но мне мешала сосредоточиться доносившаяся снаружи стрельба.

— Надо пойти помочь Магнусу, — сказал я женщинам.

Мы выползли обратно.

Магнус прятался за огромным корнем, и мы втроем присоединились к нему.

— Ты забрал молот?

— Я пока не придумал, как можно безопасно взять его.

Наши противники подобрались ближе и прятались уже менее старательно.

— Он нам нужен!

— Магнус, мы же не боги.

Я забрал у него винтовку, отдав взамен мушкет. После моего выстрела раздался чей-то вопль, и наступление вновь приостановилось, а потом до меня донесся странный гнусавый вариант голоса Сесила.

— У нас в плену Пьер!

Значит, вояжер еще жив!

А также жив и мой смертельный враг.

— Приостановите стрельбу! — крикнул я, заряжая ружье.

Английский аристократ медленно поднялся из травы, вытащив вместе с собой француза. Спасший нас вояжер, очевидно, претерпел жестокие побои, под глазами его темнели большие круги, ему разорвали рубаху, и штаны его превратились в лохмотья. Такое впечатление, что его волокли по степи, не давая встать на ноги. Руки его были связаны.

Лягушечка сдавленно охнула, в ее темных глазах заблестели слезы, и она в отчаянии оглянулась на наш туннель.

Но не вид Пьера потряс меня.

Меня потряс вид самого Сесила Сомерсета. Гордое лицо этого красавца изуродовал выстрел моей винтовки, который я сделал с борта каноэ, когда мы бежали из деревни Красного Мундира. Пуля разнесла ему щеку, оставив на ней уродливый кратер. Часть его зубов вместе с верхней челюстью тоже отсутствовала, а выше зияла пустая глазница. Воспаленная красно-желтая рана сочилась гноем, а другой глаз он мучительно прищурил, защищаясь от гудящих над головой насекомых, которые кормились его гниющей плотью. Бравый щеголеватый аристократ превратился в ужасного монстра. Как же этот англичанин умудрился так долго прожить со столь тяжелой раной? Должно быть, он поддерживал в себе жизнь силой воли, уповая на то, что найдет под этим деревом целительное зелье. Его сломанная рапира торчала из-за пояса.

Из травы поднялась и еще одна персона. Аврора! Несмотря на полное отсутствие косметики, давно не мытые волосы и грязную, потрепанную в долгой скачке одежду, она, однако, смотрелась потрясающе красиво, словно загорелая амазонка, вооруженная, правда, не луком, а охотничьим ружьем. Черты ее лица и точеная фигура по-прежнему удивляли изысканной красотой, и вопреки разумному отвращению я опять невольно вздрогнул, на мгновение поддавшись ее обаянию. Чтобы подчеркнуть разделяющую нас пропасть, она подняла ружье и решительно нацелила его на меня.

Чуть позже появился и Красный Мундир с томагавком в здоровой руке и болтающимся пустым вторым рукавом, его английский сюртук изрядно порвался, но по-прежнему ярко алел в причудливом грозовом свете. Его взгляд излучал чистейшую ненависть. При первой же возможности он с удовольствием вырвал бы мое сердце. Смешанная банда из дакотов и изменников оджибве тоже поднялась с земли, кучка этих оборванных мстителей походила скорее на пиратов, чем на могущественных обитателей прерий. Они выглядели жутко грязными и не имели, казалось, ничего общего с теми гордыми воинами, которые помогли нам в путешествии на каноэ.

— Ну надо же! Какая замечательная встреча!

— Мы хотим твоей смерти, Гейдж! — прохрипел Сесил искаженным от боли и ран голосом. — Мы хотим, чтобы ты сдох мучительной смертью! Я привел с собой два десятка лучших в мире воинов, твоя казнь неотвратима! Но мы сохраним жизнь всем вам — Бладхаммеру, женщинам, даже малышу Пьеру — в обмен на найденный вами артефакт. — Запрокинув голову, он смерил взглядом исполинский ствол ясеня. — Должен признать, что *такого* не ожидала даже наша ложа.

Очередную вспышку, которая подсветила облака, окружавшие верхнюю часть кроны, сопровождал раскат грома. В этих грозовых отблесках искалеченное лицо лорда стало поистине жутким.

— Откуда же члены ложи египетского обряда узнали, что мы ищем?

— Они знают, что Итан Гейдж вечно *что-то* ищет!

Если Сесил вел себя с отчаянной дерзостью человека, лишившегося половины лица, то поведение индейцев, как я заметил, выдавало явную тревогу. Они тоже не ожидали увидеть такое огромное дерево, порождающее зловещие грозы и жуткий мрак. Безусловно, они также опасались Вендиго.

— С чего это тебе вздумалось окрестить меня малышом Пьером? — протестующе просипел Пьер. — Никто из людей не смеет называть так удальца Пьера Радиссона!

— Молчать!

Сесил взмахнул ременной плетью и начал хлестать несчастного пленника так, словно хотел выместить на нем собственные мучения и досаду. Лягушечка вскрикнула и заплакала. Я задрожал от ненависти. Мне пришлось призвать на помощь всю свою выдержку, чтобы не пристрелить Сомерсета тут же — ведь если я убью это чудовище, то его приспешники могут расправиться с Пьером и наброситься на нас до того, как я успею вновь зарядить винтовку. Вояжер покачнулся, но устоял на ногах и лишь зажмурил глаза от этих ударов.

Магнус передал мушкеты Намиде и Лягушечке, а сам взял свой топор, изготовившись к яростной схватке, достойной древнего берсеркера.

— Не спеши, — предостерег я его.

Наконец, задохнувшись от бессильной злобы, англичанин перестал хлестать нашего друга, чье лицо исказила гримаса острейшей боли. Единственный глаз Сесила, сверкая ужасным безумием, излучал ярость мучителя, совершенно отличную от праведной ярости Магнуса Бладхаммера.

— Мое терпение на исходе, Итан Гейдж, — прошипел Сесил. — Ложе египетского обряда известно, что именно стремились собрать тамплиеры, а вы об этом даже понятия не имеете. Отказавшись от ваших находок, вы поможете нашему миру стать лучше. И тогда сможете забрать этого сопливого лягушатника и даже стать владельцами всех этих чертовых прерий. Я оставлю в покое и вас, и этих дикарей! Отдайте находки нам, и мы вновь станем друзьями.

Он попытался улыбнуться, но уродливые шрамы превратили его улыбку в отвратительную гримасу.

— Может быть, я даже отдам тебе свою *сестру*.

— Не верь ему, — прошептал Магнус.

— Конечно, не верю. Эта банда мухлюет, даже играя в кости, — прошептал я в ответ и крикнул англичанину: — Мы скорее договоримся, если твоя сестра перестанет целиться в меня!

— Тогда и ты, Гейдж, опусти винтовку. Ты же хочешь спасти твоего приятеля. Пора вспомнить, что мы цивилизованные люди. Что было, то прошло. — И вновь жуткая усмешка.

— Отпустите к нам Пьера, и я опущу винтовку.

— Опустите ее, и мы отпустим Пьера.

Аврора отвела в сторону дуло своего ружья. Я опустил свое. После пинка Сесила Пьер с трудом побрел в нашу сторону. Потом вояжер остановился.

— Они уже убили меня, — прохрипел он. — Итан, я готов к переходу в иной мир. Не отдавайте им то, что вы нашли. Эти злостные грешники могут лишь все испортить.

Его слова повисли в воздухе, и все мы застыли, пораженные его промедлением.

И вдруг события завертелись с головокружительной быстротой.

Взревев от досады, Аврора вскинула ружье и выстрелила в спину француза. Он рухнул на колени, а Лягушечка, отчаянно вскрикнув, пальнула в англичанку, но промахнулась и вместо того, чтобы вновь зарядить мушкет, отбросила его и метнулась в обнаруженную нами нору. Выстрел Намиды, однако, свалил одного из индейцев.

Очень вовремя я распластался на земле, избежав залпа индейских пуль и стрел, врезающихся в древесного титана, а Магнус покачнулся и взвыл от боли, очевидно, раненный как минимум одним выстрелом. Намида тоже припала к земле и заряжала мушкет. Потом, когда лорд Сомерсет, обнажив рапиру, бросился за Пьером, намереваясь снять с него скальп, я приподнялся на локте и всадил пулю прямо в грудь этого монстра, подозревая, что он почти желал этого смертельного выстрела. Сесил повалился в траву, выронив сломанную рапиру.

Раздался пронзительный вопль Авроры, исполненный новой ярости.

Не обращая внимания на рану, Магнус молча побежал к ней с поднятым топором.

И тут земля под нами задрожала.

Какая-то мощная волна ударила в дерево, и земля под ним зашаталась. Над нашими головами засверкало множество молний, чья мощь достигла невообразимой силы; они мгновенно воспламенили листву и ветви, и сквозь грохот этого чудовищного залпа до меня донесся леденящий душу мучительный крик. Я узнал голос Лягушечки. Перепуганная Намида прижалась к ближайшему корню, схватившись за него как за борт корабля, но и сам этот дьявольски громадный яшень — возможно, даже мифический Иггдрасиль — покачнулся и зашатался, с жутким треском и кряхтением выдирая из земли корни, словно причмокивающий живой исполин. Неужели началось землетрясение? Воздушная волна вынудила Магнуса рухнуть на колени, а Аврора, разрядив ружье, в отчаянии уползала обратно в траву.

Все индейцы, за исключением Красного Мундира, с криками бросились назад.

Тут наша Лягушечка выскочила из подземного хода в дымящейся одежде и устремилась мимо меня к Магнусу, выкрикивая что-то на своем языке.

Она держала раскаленный молот!

Ее распухшие, обожженные руки покрылись кровавыми волдырями, а стремительная походка становилась все более шаткой. Решив ужасной ценой отомстить за своего любимого Пьера, она вернулась в опутанное проволокой и корнями подземелье и завладела этим оружием, чем вызвала дрожь древесного гиганта. Совсем обессилив, она упала и покатилась по траве, ее руки раскинулись, выпустив молот. Индейцы замерли, глядя на странное оружие, которое пылало так, словно его раскалили в кузнечном горне. Зная, что мы разрядили ружья, Красный Мундир бросился к нам с томагавком. И я, не медля, вытащил свой топорик. Пора покончить с ним, как следовало бы сделать во время летнего сбора, когда он неожиданно напал на меня.

Молот Тора упал далеко от меня, но Магнус уже подхватил его и, прошитый мощным зарядом, взревел от боли. Казалось, он сам вдруг стал еще выше и мощнее, электрическая сила взметнула в разные стороны его бороду и волосы, а сжимающая орудие рука почернела от ожога. С неослабевающим ревом он поднял над головой пылающий молот и начал раскручивать его, описывая в воздухе феерические круги.

Небо раскололи огненные взрывы. Беснующиеся молнии образовали арочный свод над вершиной дерева и извергали яростные удары, поражая огненными стрелами не только ствол и ветви могучего Иггдрасиля, но и его корни. Свист усилившегося ветра превратился в жуткий вой, а тучи, казавшиеся прежде просто угрожающими, начали клубиться и кипеть. Индейцы бросились врассыпную, и только Красный Мундир, подскочив к Лягушечке, со свирепой жестокостью дьявольски точно всадил томагавк ей в висок. Она умерла мгновенно, испустив последний вздох. Я припал к земле, готовый атаковать индейца. В этот момент Магнус швырнул молот, и все молнии устремились в нашу сторону.

Нас с Намидой отбросило к ясеню и вдавило в складки его коры, да и сам Магнус тоже отшатнулся назад. Но лобовой удар сокрушительной силы достался на долю Красного Мундира, он замер на бегу, словно влетел в незримую стену, его самого увенчала огненная корона, и все тело начала сотрясать смертельная дрожь. Одежда на нем мгновенно загорелась. Вскипевшие глаза индейца вылезли из орбит, распухший, как ломоть хлеба, язык вывалился изо рта, а самого его вместе с разлетевшимися в разные стороны мокасами отбросило далеко назад.

Молот Тора оправдал свое название.

Мистическое орудие прилетело обратно в руки Магнуса, словно между этим грозным оружием и его владельцем возникла таинственная сила притяжения. С мучительным воплем норвежец вновь обхватил его рукоятку. Бладхаммер в своей дымящейся одежде, казалось, зарядился электрической силой, подпитываемой молотом, деревом и самими небесами; с дикими завываниями он вращался вместе с потрескивающим оружием, рассыпая сокрушительные огненные стрелы и воспламеняя траву. Вокруг дерева уже поднялась круговая огненная стена; уцелевшие после сокрушительных ударов молний индейцы бросились бежать, надеясь спасти свои жизни. По-прежнему извергая жуткие стоны, Магнус изогнулся и напоследок швырнул раскаленный молот с такой силой, что вращающееся оружие, взлетев вверх, со свистом скрылось в путанице древесных ветвей.

Воздух сотрясли мощные взрывы.

Со всех сторон к молоту слетались стрелы молний, порождая при столкновении чудовищный грохот. Взрывная волна моментально оглушила меня, и все вокруг побелело и померкло вновь, молот начал падать обратно в сторону Магнуса и, обогнув его, врезался в землю и заплескал по ее поверхности, поскольку никто из нас не посмел больше притронуться к нему. От него продолжало исходить сияние, словно это оружие было порождением самого солнца. Вскоре, однако, его энергия иссякла и злое шипение прекратилось. Раненый и обожженный Магнус, терзаясь дикой болью, ошеломленно припал спиной к стволу дерева,

вскинув руки и пытаюсь защитить лицо от устроенной им же самим огненной завесы.

Небеса потемнели, лишь трава озарялась пожирившим ближайшие луга пожаром, распространявшимся как в нашу сторону, так и в сторону спасавшихся бегством дакотов. В мерцающем жарком и дымном мареве я разглядел Аврору. Охваченная паникой, вызванной подобравшимся к ней пламенем, она выскочила из травы, размахивая пустым ружьем и, видимо, проклиная все на свете. Слух постепенно вернулся ко мне, и я услышал, как, выкрикнув мое имя, она пообещала организовать нашу встречу в аду. Вскоре дымовая завеса уплотнилась, огонь достиг нижних ветвей Иггдрасиля, и мне подумалось, что мы обречены на гибель в огне.

Наши поиски привели к Рагнарёку, мы стали виновниками конца этого мира.

Глава 42

— Спрячемся под деревом, — прохрипел Магнус, борода которого продолжала дымиться. — В подземелье мы спасемся!

Мы спустились в укрепленный бивнями туннель и вернулись в склеп с опустевшей проволочно-корневой клетью, лишившейся укрепленного в ней молота. Теперь от проволоки исходил дым, древесные основы над нашими головами содрогались от мощных внешних ударов, а Магнус выглядел страшно обгоревшим.

— Значит, Лягушечка вырвала его из клетки, чтобы отомстить за Пьера, — потрясенно произнесла Намида.

— И, сделав это, практически убила себя, — добавил я.

Дым начал проникать к нам через туннель. Воздух накалялся.

— Нам не удалось найти рай, Магнус, мы нашли ад, — проворчал я, машинально начиная заряжать зажатую в руке винтовку.

Как часто она спасала мне жизнь!

— Нет-нет, это и есть истинный парадиз, я уверен! — задыхаясь, воскликнул Магнус. — Молот был тем самым яблоком, которое нам не следовало трогать! Но божественные силы по-прежнему здесь... Этот провод связывает нас с небесами! На все воля небес, Итан, всеблагая воля богов!

— И какие же блага ты тут нашел?

Мне показалось, что наш великан стал еще безумнее, чем прежде.

— Небесные силы помогут мне возродить Сигни!

— Что?

— Это же древо жизни, Итан, именно его искали тамплиеры! Они искали следы Эдема и той вечной молодости, что еще сохранилась в этом мире! Молот вобрал в себя небесную мощь, и теперь дерево оснащено механизмом омоложения и восстановления! Они не успели воспользоваться им, поскольку на них напали индейцы, но за четыре с половиной столетия он обрел могучую силу. Так что, Итан, я смогу вернуть ее!

— Вернуть твою покойную жену?

— Да, вместе с моим ребенком в ее чреве!

С торжествующим видом он потряс чехлом от карты.

— Неужели тебя не удивляло, почему я таскал по степям этот лишенный карты чехол?

Морщась от боли, он открыл его прокопченными, обгоревшими пальцами.

— Конечно, древние тексты допускают разные толкования, но я думаю, что в них говорится о возрождении... либо о спасительном забвении. Я никогда никого не любил, Итан, больше Сигни! — Сверкнув глазом, он погрузил свою руку в чашу с серым порошком. — Ее пепел! Разве я не говорил тебе, что здесь хранится величайшее сокровище на земле?

— Нет! Что ты собираешься сделать?

— Отойдите, отойдите подальше, вы оба! Я зайду в эту клетку с ее пеплом и схвачусь за проволоку, но на сей раз, я полагаю, небесная сила исцелит ее и меня! Так обещают

древние тексты!

— Магнус, это безумие!

— Небесное электричество возродит ее из пепла! Иначе зачем же тамплиеры создали это устройство?

— Сесил сказал, что оно предназначено для какой-то неведомой нам цели!

— Сомерсеты слепы, они не способны узреть сверкание истинных драгоценностей в темном подземелье. — Он улыбнулся. — Мы с Сигни наконец будем вместе так или иначе. Я стану проводником света. Смогу прикоснуться к божественному персту! Отойдите к стене на тот случай, если механизм не сработает.

— Магнус, Сигни невозможно воскресить!

— А ты думаешь, что жизнь без нее имеет для меня смысл?

И он как безумец направился к паутине, сплетенной из корней и проволоки, чтобы забраться в клеть и ухватиться за конец провода, тянущегося к вершине дерева. Впервые с тех пор, как я познакомился с ним, он выглядел совершенно умиротворенным. Этот одноглазый Один наконец нашел то, ради чего отправился странствовать по миру.

Я решил, что пора бежать.

Увлекая Намиду обратно по дымному туннелю, я увидел, как он потянулся к проводу, как Адам тянулся к Всемогущему.

— Вернись ко мне, потерянная любовь! — воскликнул он, сжав в кулаке чашу с пеплом и ухватившись за конец провода.

В то же мгновение раздалось оглушительное грохотание взорвавшегося мира, не сравнимое ни с какими громовыми раскатами, и я полагаю, что мы окончательно не оглохли только потому, что этот взрыв обрушил на нас с Намидой земляной свод туннеля вместе с укрепляющими его бивнями. И виновником этого апокалипсиса стал Магнус, наш смертельно раненный мир, казалось, издал свой последний вздох. Мы лежали в туннеле похороненными заживо, а земля над нами тряслась, как мокрая собака.

Связавшись с голубоглазой индианкой, я притаился в этот ад и сейчас проклинал сам себя за то, что не послушался собственной интуиции, предостерегавшей меня от участия в безумной аванюре норвежца. Теперь мне суждено быть погребенным в безымянных прериях, и никто так и не узнает о шерстистых слонах, кознях британцев, а также о неотразимом обаянии туземных девушек.

Но внезапно, как и обещал Магнус, началось воскрешение.

Не в библейском смысле. Скорее, сама земля извергла нас вместе с огромным комом земли и корней гигантского ясеня, на месте которого образовался котлован, где легко могла бы разместиться целая деревня. В первый момент я испытал ощущение полнейшего ужаса, удушающая чернота рухнувшего свода сменилась светом подобного взрыву возрождения и скрежетом выворачиваемых из земли камней и деревьев, в воздух хаотично взлетали корни и фонтанирующая мощными черными гейзерами земля. Я смутно слышал и ощущал сотрясающие основы земли удары, вызванные титаническим крушением тысячетонных деревьев. Потом начался огненный ливень воспламенившейся листвы, она летела с грозового неба подобно свечкам, озаряя насыщенный пылевыми облаками воздух. Выплюнув набившуюся в рот землю, я судорожно вздохнул.

Наконец все успокоилось, остались лишь тихий шелест и шипение очищающего дождя. Или у меня просто звенело в ушах?

Продолжая дрожать всем телом, я осторожно приподнял голову. Почерневшие от земляной пыли, мы с Намидой, отплеываясь и откашливаясь, прочистили уши и глаза. Моя винтовка грязным колом торчала из развороченной стены туннеля. Мы оказались в воронке, вполне способной вместить воды приличного озера. Гигантский яшень, наш современный Иггдрасиль, благодаря безрассудному эксперименту Магнуса взлетел в небо как огненная торпеда и рухнул обратно на землю. Его ствол протянулся по долине на четверть мили, освещая и воспламеняя ее горящими падающими ветвями. От его вывороченных корней осталась гигантская впадина. Пласт мощной корневой системы поднялся к небу огромным

диском, отдельные его корешки покачивались на высоте двух сотен футов над землей, а тяжеленный ствол дерева, пробив при падении поверхность земли, уgomонился в глубоком ущелье. Его края покрылись разветвленной сетью глубоких трещин.

Рухнуло громаднейшее из деревьев, выращенное на поверхности нашей планеты.

От Магнуса не осталось и следа. Взрыв и обвалы, конечно, уничтожили подземелье, а также и клеть, сплетенную из корней и проволоки, пепел Сигни и самого норвежца. Он присоединился к обитателям Валгаллы, покинув земной мир.

Возможно, эта супружеская чета нашла общую могилу в глубине кратера, оставленного Иггдрасилем. Возможно, их распылила та сила, с которой они соединились. А может, оба они возродились в лучшем мире.

А что же будет со мной? Как обычно, мне суждено продолжать жить на нашей ожесточенной земле.

Настоящим раем Бладхаммера, как я понял, являлось забвение, утрата печальных воспоминаний. Ему хотелось так или иначе покончить со своими земными страданиями — и он покончил. Судьба Норвегии, королевского рода, поиски сокровищ... Все это в итоге не имело для него никакого значения. Магнус нашел весьма относительную категорию райского бытия.

Мы с Намидой с трудом подползли к краю котлована. Я захватил свою в очередной раз побитую винтовку и, вытряхнув землю из ствола, поднялся на ноги, опираясь на нее, как на посох. Потом я помог подняться индианке.

Вся трава и прочее топливо вокруг упавшего дерева сгорели дотла, оставив после себя лишь дымящийся черный круг. По периферии тут и там вспыхивали яркие огоньки, но быстро гасли с шипением под каплями сеющего дождя. Мы нашли тела Лягушечки, Пьера и Сесила на голой земле под деревом, куда не добрался огонь, и дымящиеся обугленные останки Красного Мундира. Еще несколько почерневших трупов лежало на выжженном лугу. От остальных дакотов и Авроры Сомерсет не осталось никаких следов.

Я нашел и молот. Потеряв заряд, он как-то странно измельчал. Большая его часть, видимо, сгорела или испарилась во время произошедшего апокалипсиса. Оставшееся орудие, уже совершенно охладевшее, приобрело тускло-серый металлический цвет. Грозной силы его лишило наше своевольное использование.

— Он называл его молотом Тора, — сказала Намида, удивленно взглянув на это орудие.

— Теперь это просто кусок старого металла.

— Некоторые вещи людям нельзя находить, — грустно заметила она и заплакала, вспомнив своих погибших друзей.

Я глянул в небо. Грозовые тучи растянулись до горизонта, покрыв все сумрачной серой пеленой, и вскоре они разродились настоящим ливнем.

Глава 43

Ствол упавшего ясеня походил бы на мощную стену, такую же высокую и длинную, как легендарные стены Константинополя, но падение и пожар раскололи эту аномально быстро выросшую колонну на множество искореженных обломков. В их зияющих провалах скопилась дождевая вода. По моим предположениям, этот гигант быстро перегниет, и трудно сказать, появится ли когда-нибудь вместо него нечто столь же грандиозное. Ведь у новой поросли уже не будет особого влияния электричества и накапливающего заряд молота. Корневой котлован может стать озером, само дерево удобрит почву, и сгоревшие луга вновь покроются цветущими травами. И тогда не останется и следа от своеобразного Эдема Бладхаммера. Или то, что случилось, можно назвать Рагнарёком? По случайной ли прихоти произошло такое светопреставление в здешнем раю?

Рунический камень уцелел, во время этого страшного катаклизма все про него забыли. Бушевавший вокруг пожар не причинил ему вреда. Через пару поколений, когда

исполинское дерево превратится в прах, он, возможно, останется единственным доказательством правдивости моей истории.

Не пострадал и бердыш моего норвежского друга. Намида взялась за его рукоятку и в странном оцепенении потащила топор за собой, словно забытую детскую куклу.

Едва не падая от изнеможения, мы брели вдоль поверженного дерева и вдруг заметили нечто странное, слегка прикрытое еще вывороченными из земли и спутанными корнями Иггдрасиля.

Рухнувший гигант извлек из глубин не только свою корневую систему с изрядным пластом земли и гранитные валуны размером с повозку сена, смотревшиеся в его толще как орехи в тесте. По корневому пласту уже струилась дождевая вода, и в итоге эти камни тоже обвалялись. Но помимо них мы увидели то, что заставило нас содрогнуться и задуматься, не нависло ли над этим местом божественное проклятие.

Кроме бивней древних мастодонтов с паутиной корней сплелись человеческие останки, бурые кости почти не отличались по цвету от окружавших их древесных. Плоть и волосы давно истлели, но погребенные доспехи свидетельствовали о том, что те люди не были индейцами. Четко выделялись порыжевшие от ржавчины щиты. В круге поднятой почвы также просматривались остатки древних кирас, мечей, кольчуг и шлемов. Мы обнаружили скандинавских первооткрывателей! Некоторых из них, очевидно, похоронили в полукруге около посаженного четыреста пятьдесят лет тому назад молодого саженца, подсоединенного к электрическому устройству в подземном склепе.

— Останки воинов, — сказал я Намиде.

— Рыжеволосых чужеземцев, — откликнулась она, разглядывая уцелевшее оружие.

— Да. Таких же бледнолицых, как я.

— Так далеко от родной земли.

— Магнус, наверное, сказал бы, что истинную родину они рассчитывали обрести здесь.

— Как странно, почему белый человек вечно странствует в поисках заветных земель? Жить ведь можно в любом месте этого мира. Райский сад будет там, где ты его посадишь. Почему белые люди отправляются в такие дальние путешествия, почему они так неистово стремятся завладеть новыми землями?

— Чтобы обрести мир и счастье.

— Белым людям надо создавать счастливый мир там, где они родились.

— Тамплиеры были воинами. Таковыми же, как викинги. Таковыми же, как племена оджибве и дакота. Таковыми они были, есть и, наверное, будут. Именно воинственностью мужчины отличаются от женщин.

Но, в сущности, я не старался ничего объяснять, а с нарастающим волнением разглядывал запутавшиеся в корнях скелеты и ржавые доспехи. Не спрятано ли с ними богатство?

Ведь в далеком и пустынном Городе Призраков я нашел золотой цилиндр в останках рыцаря Монбара, так почему бы ему не быть и здесь? Мое сердце учащенно забилося, и я почувствовал прилив сил.

— Белым людям следует искать дом там, где они родились.

— По-моему, мы нашли сокровище.

И прежде чем Намида успела остановить меня, я ухватился за корни и начал карабкаться вверх по земляному диску, подбираясь к скелету, за которым поблескивал желтый металл. Возможно, грешно тревожить древний прах усопших, но разве им уже не все равно? Удастся ли мне в итоге получить хоть какое-то вознаграждение за это путешествие? Но зачем захоранивать драгоценности? Неужели беглые тамплиеры привезли в Америку золото? Или они нашли его здесь, подобно таинственным медным рудникам на острове Айл-Ройал? Может, их привлекли сюда как раз поиски этого драгоценного металла, а не утраченного рая?

— За этими костями что-то спрятано, — крикнул я вниз.

Намида протестующе помотала головой.

— Именно из-за этих останков в долине поселились злые духи!

— Просто это место священо, как любое кладбище.

— Нет, это гибельная долина! — застав, возразила она. — Погляди, какие разрушения наделал тот страшный молот. Оставь в покое старые погребения, Итан. Нам надо как можно скорее уходить отсюда. Тут обитают злые духи.

— Надо же хоть что-то спасти от разрушения.

— Нельзя, нам надо уходить, у меня дурное предчувствие!

— Скоро уйдем, обещаю. Я почти у цели!

Я уже подобрался к нужным останкам, их череп оскалился навещающей страх улыбкой смерти — похоже, я начал привыкать к жутким аспектам поиска сокровищ. Смахнув налипшую на доспехи землю, я заметил, что вместе с ней отвалилась и крупца золота.

Я помедлил. Неужели сокровище столь хрупкое? Осторожно счистив грязь, я действительно увидел обширную золотую поверхность, хотя она оказалась неожиданно тонкой. Золотой диск диаметром примерно с длину руки — от кисти до плеча, — был не толще чем бумага.

В общем, материал этот действительно напоминал бумагу.

Ее размер и форма соответствовали круглому щиту.

И на этом металлическом листе просматривались вытисненные буквы. Не рунического, а латинского алфавита.

Хитрость тамплиеров напомнила мне о том, как я сам во время плавания по Нилу спрятал свиток Книги Тота на самом виду, пришив его к полотнищу паруса египетской фелюги. А в данном случае окованный железом деревянный средневековый щит стал хранилищем золотого листа не толще обычной фольги, а оставили его здесь, видимо, потому, что золото не подвержено разрушению. То есть при погребении спрятали золотой лист с какими-то письменами.

Зачем?

По моим предположениям, кому-то хотелось сохранить текст в тайне, пока за ним не явится достойный искатель.

Сомнительно, конечно, что сия тайна дожидалась именно меня.

Я присмотрелся повнимательнее. Все верно, на золоте был вытиснен латинский текст, однако читать его нужно было в зеркальном отображении: поверхность с письменами оказалась обращенной к небу, а я находился под щитом. Отломив кусок корня, я начал откапывать его рассыпающиеся в труху края, высвобождая верхнее золотое покрытие, хрупкое, как высохший осенний листок.

— Итан, скорее!

— Я нашел таинственный документ типа книги.

— Что такое книга?

— Книга хранит знания, чтобы через много столетий даже на другом конце света ее мог прочитать любознательный человек и открыть для себя нечто новое.

Безусловно, книги совершенно не интересовали ее, и я сразу вспомнил о пропасти, разделявшей обительницу дикой прерии и завсегдатай игровых салонов. Что же нам делать дальше? Следует ли мне отправить Намиду обратно к индейцам? Или лучше взять ее с собой и представить в особняке президента и при дворе Наполеона как новоявленную Покахонтас?³⁸ Или все же ей нужно отправиться на поиски родственных мандамам племен?

³⁸ **Покахонтас (1595–1617)** — дочь вождя Поухатана, спасшая жизнь первому виргинскому колонисту капитану Джону Смит. Попав в плен к англичанам, приняла христианство и была наречена Ребеккой. Вышла замуж за колониста Джона Рольфа, помогла предотвратить назревавший конфликт с поселенцами. Побывала с мужем в Англии, где ее приняли с почестями и представили королевской чете. Собираясь вернуться в Америку, заболела оспой и умерла; от ее сына Томаса Рольфа ведут свое начало некоторые известные виргинские семьи, среди его потомков — вторая жена президента В. Вильсона.

Наконец я освободил от земли большую часть сгнившего щита, чертыхаясь всякий раз, как вместе с ней отрывались крупички золота, и осторожно спустился вниз, держа в руке потрепанный, как старая газета, лист. Оказавшись на дне котлована, я аккуратно смахнул последние крошки трухлявого дерева и попытался прочесть текст.

Меня не назовешь книжным червем; учась в Гарварде, я вел беспорядочную жизнь, предпочитая изучать в окно формы гуляющих кембриджских³⁹ девиц, а не портить глаза, постигая жизнь цезарей. В лучшем случае я мог бы сносно объяснить по-латыни ньютоновские «Начала».⁴⁰ Но кое-какие слова на золотом листе показались мне знакомыми. К примеру, *Poseidon* и *Atlantic*, то есть Посейдон и Атлантида. Нет, минутку. Я пригляделся повнимательнее, какая же буква на конце второго слова: «s» или «c»? То есть о чем тут говорилось — об Атлантиде или Атлантике? А следом шла пара слов, на вид мне странно знакомых, хотя я не мог сейчас вспомнить, где именно слышал их: *Thira* и *hasta*. В памяти всплыли древние стихи. Не означает ли последнее латинское слово копье или жезл? Мне вспомнилось, как Силано обнаружил средневековое латинское двустишие, которое помогло найти путь к Книге Тота. Может, прибывшие в эти далекие края скандинавские тамплиеры оставили здесь очередную латинскую подсказку, открывающую путь к сокровищам или могуществу? Но почему они спрятали ее под клетью с молотом? Глупо прятать такую подсказку там, где находится само сокровище. В тексте также встречались странные буквосочетания типа *Og*.

О чем же, черт возьми, тут говорится?

Совершенно не понятно. Если только молот Тора являлся не подлинным сокровищем, по крайней мере, он мог быть второстепенным раритетом. Возможно, и само грандиозное дерево служило всего лишь указателем.

Я вспомнил рассказы Магнуса. Преследуемые тамплиеры разбежались по миру, унося с собой все собранные ими артефакты, сокровища или книги тайного могущества. Одно из их сокровищ я обнаружил в пустыне к юго-востоку от Иерусалима, отыскав в Городе Призраков спрятанный в подземелье саркофаг с Книгой Тота. Ради другого — молота Тора — мне пришлось пересечь почти полмира. Раз уж тамплиеры спрятали эти сокровища, то вполне могли спрятать и что-то еще. И если где-то действительно находится очередной тайник, то логично для этих рассеянных тамплиеров было бы спрятать подсказку с указанием места захоронения новых сокровищ там, куда, по всей видимости, они намеревались вернуться: к легендарному гигантскому дереву Иггдрасиллю, заряженному электричеством.

Я мысленно застонал, вдруг поняв, что поиски далеко не закончены.

Если уж ты призван к некой миссии, то будешь вечно попадать в связанные с ней неприятности.

Вдруг раздался выстрел, и пуля, просвистев мимо меня, пробила проржавевший щит. Хрупкое золотое покрытие разорвалось, как папирусная бумага.

— Не надо! — крикнул я.

Но зеленые глаза Авроры Сомерсет сверкали безумием горестной утраты. Как одержимая, с оскаленными зубами и развевающимися по ветру волосами, она мчалась в нашу сторону. Потрясая индейским копьем, она с удвоенной силой сдвинула ногами бока низкорослой индейской лошади и, отбросив в сторону опустевший мушкет, выхватила из-за пояса сломанную рапиру брата. Зазубренный кончик этого клинка сверкал, как осколок разбитой пивной бутылки. Эта дьяволица жаждала мести!

Я бросил взгляд на свою винтовку. Она стояла довольно далеко на краю вздыбившегося корневища. Я бросился за ней в тот момент, когда лошадь с всадницей спустилась в наш котлован.

³⁹ Гарвардский университет находится в городе Кембридж, штат Массачусетс.

⁴⁰ Фундаментальный труд Ньютона по основам физики.

Внезапно мою ногу пронзила резкая боль. Упав на землю, я пополз дальше.

Кремневый наконечник брошенного копья вонзился мне в голень.

Практически я попал в капкан, торчащее из ноги копье резко снизило скорость моего передвижения.

Но Аврора скакала не ко мне. Явно нацелившись на золотой пергамент, она свесилась на сторону, как лихой казак, намереваясь на ходу подхватить его. Неужели она знала о его существовании?

Однако в тот момент, когда она уже протянула к нему руку, лошадь вдруг с диким ржанием рухнула на передние ноги и Аврора по инерции кубарем перелетела через шею животного. И лошадь, и наездница врезались в обнаруженный мной артефакт, взбив фонтан жидкой грязи, а драгоценный текст рассыпался золотым конфетти. Аврора с яростным воплем прокатилась по обломкам щита, а его древняя труха и хлопья разорванных знаний золотым дождем оседали на землю. Корчась в агонии, лошадь лежала на спине, и на ее копытах поблескивали кусочки прилипшего золота. Намида подскочила к несчастному животному с другой стороны и вонзила в его шею топор Магнуса.

Она воспользовалась этим забытым оружием, чтобы прервать мучения лошади.

С пронзительным криком Аврора поднялась на четвереньки и метнулась к индианке, по-прежнему размахивая сломанной рапирой. Клинок хлестнул Намиду по руке, задев также рукоятку топора, ее хватка ослабла, и оба оружия полетели в грязь.

Моя винтовка!

Взревев от боли, я выдернул из голени кремневый наконечник и пополз по рыхлой песчаной почве к моему ружью. Сцепившиеся женщины катались по земле, стараясь дотянуться до упавшей рапиры.

— Намида! — заорал я. — Отцепись от нее, дай мне выстрелить!

Индианка обхватила Аврору за плечи и, застонав от натуги, отбросила в сторону леди Сомерсет вместе с ее рапирой, а сама отклонилась в другую сторону, освободив для меня линию огня. С трудом приподнявшись на локтях, я пристроил винтовку и прицелился. У меня в запасе имелся всего один выстрел, и Аврора, чтобы усложнить мне задачу, тоже распласталась на земле. Так, спокойно! Упор в плечо, прицел, не дышать, курок...

Винтовка выстрелила.

И в тот же момент что-то заслонило точку моего прицела. Пуля со звоном ударилась в металлическую преграду и отскочила, не причинив никому вреда.

В отчаянии Аврора Сомерсет выставила перед собой как щит окровавленное лезвие топора Магнуса, и, по дьявольскому несчастью, я попал именно в него. Лицо аристократки озарилось улыбкой дикого торжества.

Не дав никому опомниться, она вновь, как тигрица, набросилась на индианку, схватила Намиду за волосы и приставила кончик рапиры к ее груди.

— Нет!

Мой крик выразил полнейшую безысходность. Раненая нога не позволит мне вовремя добежать до них, на перезарядку винтовки уйдет целая тягостная минута, а копье с такого расстояния мне не добросить. Я не мог ничему помешать, и моя противница знала это.

— Тебе придется испытать всю горечь моей утраты, — прошипела Аврора. — Ты будешь помнить твою милую скво, как я помню бедного Сесила.

С душераздирающим воплем настоящей банши⁴¹ она торжествующе надавила на обломок клинка, пронзив им девичью грудь.

На мою долю выпало немало ужасных потерь, но Аврора оказалась права: эта утрата обожгла мне душу. Глаза Намиды округлились, точно у испуганной лани, холодная сталь проникла в ее сердце, а хлынувшая кровь заструилась по рукам Авроры, делая ее похожей на

⁴¹ **Банши** — привидение-плакальщица, героиня шотландского и ирландского фольклора; опекая семью, она предвещает душераздирающими воплями смерть кого-либо из ее членов.

чудовищную леди Макбет. После этого удара пронзительный крик Намиды резко оборвался, ее рот открылся, на лице застыла удивленная маска, кровь сбегала на землю по ее одеянию из оленьей кожи, глаза закатились, и взгляд застыл.

Мне вспомнились ее первые слова: «*Спаси меня*».

Мое сердце разрывалось от горя.

— Ты чудовище! — заорал я.

Схватив копье, я пополз к этой ведьме, на время околдовавшей меня, к этой порочной мегере, по вине которой я потерял всех друзей. Магнус оказался прав, душевные терзания бывают страшнее смерти, и сейчас я страстно хотел убить Аврору либо быть убитым ею.

— Ну что, теперь осталось прикончить меня! Давай сразу сведем все счета!

Она вскочила на ноги, отбросив в сторону тело умершей Намиды, как мешок картошки, и ее губы искривила дьявольская ухмылка.

— Что ты успел прочесть?

— Что?

Совершенно не ожидая такого вопроса, я на мгновение застыл, перестав ползти к ней, за мной алой змейкой тянулся извилистый кровавый ручеек. Пульсирующая рана прошивала ногу стреляющей болью.

— Много ли ты успел понять?

Тут я осознал, что она говорит о золотом диске и его содержимом. Как она догадалась, что он мог быть в погребениях тамплиеров, или она давно знала о тайном тексте?

— Ты... *знала* ?

— Что там было написано, Итан? — опять спросила она, покачивая обломанной рапирой, с которой капала кровь моей любовницы. — Что ты узнал, прочтя золотой диск?

— Неужели ты рассчитываешь, что я расскажу тебе?

Она расхохоталась безумным смехом, отпихнув ногой обрывки листа, разрушенного ее упавшей лошадью.

— Тебе придется. Ты расскажешь мне все, потому что я буду неотступно преследовать тебя.

И с новой лукавой усмешкой, приглушив сверкающую в глазах ненависть, смешанную с какой-то потаенной, непостижимой для меня страстью, она взмахнула на прощание обломком рапиры и, развернувшись, начала медленно удаляться.

— Подожди! Вернись, черт побери! Давай покончим с этим делом!

— Ах, Итан, — опять рассмеявшись, сказала она, — наши дела только начинаются. Едва мы увидели вашу карту, как сразу исполнились смысла наши древние тексты. Те самые, что мы обсуждали на тайных собраниях логи египетского обряда.

— Аврора!

Пристроив на плечо клинок рапиры, она вертела ее рукоятку, словно поигрывала зонтиком.

Я метнул ей вслед копье. Оно воткнулось в землю точно на полпути между нами, и она могла бы вернуться и пронзить меня до того, как я вновь доползу до него. Она могла бы пытаться меня, как раненого быка, нанося рану за раной, истощив до предела все мои силы, чтобы я испустил последний вздох на этой взорванной земле, обильно полив ее своей кровью.

Но у нее были другие планы. Больше она не произнесла ни слова, даже не оглянулась. Покачивая бедрами, она продолжала удаляться от рухнувшего дерева и его кратера так спокойно, словно приняла наконец какое-то удовлетворившее ее решение. Меня бы даже не удивило, если бы она начала весело насвистывать.

Она хотела оставить меня в живых.

Ей хотелось выяснить, что я прочитал.

А когда я дополз до винтовки и зарядил ее, Аврора Соме сет уже скрылась в рощице.

Глава 44

Последующие несколько часов я помню смутно. Я пребывал в полнейшем шоке от горя, потери крови, усугубившейся электрическим разрядом, оспой, опустошившей индейскую деревню, и не мог поверить, что мы все-таки нашли древний молот Тора. Что я расскажу, если вернусь в цивилизованный мир? Что видел латинскую тайнопись, уничтоженную копытами умирающей лошади. О чем там говорилось? Я не имел ни малейшего понятия. Почему Аврора решила, что я мог что-то узнать? Об этом я имел еще меньшее представление. Куда она теперь направилась? Словно призрачное видение, леди Сомерсет растворилась в роще...

Я был совершенно один. Вокруг не осталось ни души, ни индейцев, ни бизонов, даже последние завитки дыма уже исчезли, погашенные разразившимся ливнем.

Перевязав как можно лучше раненую ногу, я глотнул грязной воды из глубокой лужи. Дождь все еще не прекратился.

Используя топор Магнуса в качестве своеобразной мотыги, я начал рыть три ямы, чтобы похоронить Пьера, Лягушечку и Намиду. Копая землю, я отметил, что земледельцы порадовались бы такой хорошей почве. Отличная земля для мелких фермеров, о которых говорил Джефферсон. И вполне подходящее место для жизни простых смертных.

Какую цену заплатили мы с друзьями за эти географические сведения!

А что может заинтересовать Наполеона? В этих краях могут затеряться целые армии.

По-моему, у меня созрела одна идея относительно того, чем могла бы стать Луизиана.

Вот так, в блаженном тумане, блуждали мои мысли. Изрядно выдохшись, я закончил земляные работы, выкопав рядом три ямы. Сначала я закрыл глаза Намиде и как можно мягче опустил ее в землю. Следующей настал черед отважной обгоревшей Лягушечки, которая завладела божественным огнем, чтобы отомстить за Пьера. И напоследок сам Пьер, его одежда тоже слегка обгорела, тяжелый хлыст треклятого Сесила Сомерсета оставил на его теле кровавые раны. Мне не удалось защитить никого из них.

Дождь начал ослабевать, я уже засыпал первые две могилы и, подойдя к третьей, набрал полные пригоршни земли, чтобы бросить их на тело Пьера.

Вдруг Пьер кашлянул и начал отплевываться.

— Что ты задумал, осел?

Я отшатнулся от его могилы, словно со мной заговорил сам дьявол. Клянусь молнией Франклина! Француз прищурился, зажмурив глаза от падающих ему на лицо дождевых капель, и поморщился.

— Почему я лежу в какой-то яме?

— Потому что ты умер! Аврора застрелила тебя!

Неужели начали сбываться мечты Магнуса о воскрешении?

Произошло ли с ним какое-то загадочное волшебство?

Вояжер медленно поднялся из той могилы, где я хотел похоронить его, и с хмурым неверием окинул пристальным взглядом кратер, зарубленную индейскую лошадь, вывороченный пласт переплетенных корней и протянувшийся по лугу раблезианский ствол Иггдрасиля.

— *Mon dieu*, американец, какую катастрофу ты здесь учинил?

Я не смел дотронуться до него, боясь, что моя рука пройдет сквозь его призрачную грудь. Может, у меня начались галлюцинации?

— Она же выстрелила тебе в спину! И мне показалось, что не промахнулась.

Он завертел головой, словно пытался лично убедиться в том, есть ли у него на спине зияющая рана, но бросил попытки, поморщившись и застонав от боли.

— По-моему, она не промахнулась, приятель, и от ее выстрела я лишился сознания.

— Как же не промахнулась?

— Да, удар был дьявольски точным.

И тогда, по-прежнему сидя в грязной яме, он осторожно закинул назад руку, запустил ее под свою разодранную рубаху и, мучительно скривившись, вытащил веревку со странной

подвеской...

Из ее продавленной середины торчала пуля.

— Я снял эту вещицу с этого болвана Сесила однажды ночью, после того как он попытался положить меня на обе лопатки; одноглазый маньяк тогда ослеп от ярости и на здоровый глаз, и в отместку я стащил его украшеньице и спрятал на спине под рубашкой. Ты не представляешь, как он буйствовал, обнаружив пропажу, но его страдания поддерживали во мне силы, когда он пытал меня. Кто же знал, что это может мне пригодиться? Я получил чертовски сильный удар, но зато пуля не пробила меня насквозь.

И он взял в руку сильно помятую масонскую подвеску, которую я заметил на шее Сомерсета, подглядывая за его совокуплением с сестрой. Обвитая змеей пирамида слегка расплющилась и погнулась, приняв форму чашки, и обхватывала теперь свинцовую пулю, выпущенную из ружья Авророй.

— Похоже, эта штукавина принесла удачу мне, а не ему! Да и тебе тоже повезло, ведь удалец Пьер присмотрит за тобой, чтобы ты не заплутал окончательно в этих диких краях.

Он кашлянул и скривился от боли.

И тогда, смеясь и плача одновременно и даже не замечая текущих по щекам слез, я прыгнул в яму, чтобы не просто коснуться, а заключить его в объятия. Живой!

— Погоди, а где Лягушечка?

Тогда я рассказал, как ее отвага помогла спасти ему жизнь.

* * *

Предоставив Пьеру возможность спокойно оплакать смерть наших спутниц и научиться дышать заново — его спина сильно пострадала, — сам я принялся за другие похороны.

Нет, я не собирался предавать земле останки Сесила или Красного Мундира. Мне вдруг подумалось, что Аврора, при всей ее извращенной любви к брату, даже не подумала задержаться и похоронить его. Эта дамочка явно не отличалась сентиментальностью. Я решил оставить их на съедение койотам и воронам.

Мне не хотелось, однако, чтобы осталось непогребенным кое-что другое.

Во-первых, каменная плита. Она слишком тяжела, чтобы таскать ее за собой. Не знаю почему, но я счел нужным припрятать этот рунический камень, возможно предположив, что Аврору могла заинтересовать не только латинская тайнопись золотого диска, но и высеченные на плите скандинавские руны. Я сомневался, конечно, знала ли она вообще о такой находке. Поэтому, погрузив рунический камень на слегка обгоревшую волокушу, я проковылял с ним милую, а то и больше, чтобы его новое местоположение было не слишком заметно. Опасаясь, что она еще может следить за мной, я настороженно огляделся, а потом, вооружившись большим топором, аккуратно выкопал небольшое углубление на травянистом склоне и, опустив туда камень, заложил его дерном и оставил в покое. Может, когда-нибудь над ним вырастет новое удивительное дерево.

Потом я вернулся за теми просверленными камнями, что скандинавы поместили вокруг дерева, и также оттащил их на волокуше в мое новое тайное место, где установил с двух сторон от места погребения рунического камня. Это было лучшее, что я смог придумать на тот случай, если появится причина опять отыскать его.

Покончив с делами, я забросил бердыш подальше в пруд. Это орудие часто выручало нас, но поскольку Аврора использовала его как щит против моей пули, на лезвии появилась вмятина, а мне не хотелось видеть никаких напоминаний о том неудачном выстреле. Лучше уж пусть этот топор спокойно ржавеет на дне.

Остался еще молот Тора. Он выглядел теперь совершенно бесполезным, оплавленным и застывшим куском шлака, и, на мой взгляд, наш мир мог вполне обойтись без него. Не хотелось мне также, чтобы он мог каким-то чудом обрести новую жизнь от случайного удара молнии. Найдя на лугу гранитный валун, я выкопал под ним нужного размера канавку и

заложил в нее молот. Вокруг лежало много других подобных валунов, но я не стал высекать никаких опознавательных знаков. Пусть древнее орудие покоится с миром до настоящего Рагнарёка.

Мне удалось собрать довольно много золотых ошметков, на которых проглядывали лишь неразборчивые буквы, и свернуть их в шарик, размером с виноградину. Пусть это станет моей первой ставкой, когда я окажусь за цивилизованным карточным столом.

Потом, помолившись на прощание, мы взяли курс на восток. Приладив к винтовке ремень, я закинул ее за плечо и похромал за Пьером, опираясь на костыль, в качестве которого использовал копье. Вояжер горбился и с трудом передвигал ноги, как старик, все его тело покрывали синяки и ссадины. В наш первый день мы сумели пройти всего мили три, но испытали удивительное облегчение, покинув сомнительный Эдем Магнуса Бладхаммера. После крушения гигантского ясеня исчезли вихревые гроззовые облака, зато остались дурные предчувствия и ощущение утраты.

Мне показалось, будто за нами захлопнулись райские врата. Обернувшись разок, я увидел лишь чистые небеса, простиравшиеся до западного горизонта.

— Чертовски жаль, что я не сразил Сесиля наповал первым выстрелом, когда он преследовал нас в каноэ, — сказал я Пьеру. — Вечно я чуть-чуть промахиваюсь.

— Нет, как раз лучше, что по своему милосердию ты наказал его не слишком сурово, — мрачно заметил француз. — Зато сильно уязвил его самолюбие и наполнил чувством мести. То, что случилось под этим деревом, Итан, должно было случиться. Мы довели дело до логического конца.

На второй день я начал охотиться и сначала подстрелил енота, а потом и оленя. Женщины научили нас находить подножный корм, и мы собирали все, что находили из съедобных осенних ягод и корешков. Утренники стали морозными, и деревья быстро теряли свой лиственный наряд. На четвертый день мы уже тащились под ранним снегопадом.

Я захватил с собой снятую с оленя шкуру, и когда мы вышли к реке, то соорудили новую валлийскую лодку типа той, что позаимствовали у манданов. Это занятие отняло у нас целый день, и если бы Пьер оказался хоть немного тяжелее, наше суденышко наверняка пошло бы ко дну, но оно отлично понесло нас по спокойному течению широкой реки. Плавание дало передышку моей раненой ноге, мы попросту дрейфовали, используя в качестве руля приклад моей винтовки. Если печаль еще разъедала мою душу, то телесные раны начали затягиваться.

Пьер вырезал себе весло и начал поговаривать о строительстве каноэ.

Следит ли за нами Аврора? Пока я не заметил ее следов. Может, она сошла с ума и погибла, заблудившись в прериях?

Проходя через озера, река становилась все более широкой и полноводной. На третий день мы поняли, что именно по этой реке мы раньше поднимались на нашем втором каноэ. Тогда мы более уверенно продолжили плавание в юго-восточном направлении, и в итоге течение принесло нас к индейской деревне, где, к нашему изумлению, весело играли дети, мирно ловили рыбу мужчины, а женщины готовили пищу и чинили одежду. Несмотря на пережитые нами злоключения, мир остался неизменным. Многие поселения продолжали жить обычной и счастливой жизнью. Здесь, в этих новых западных землях, бледнолицые и краснокожие не вели истребительные войны.

Почему бы мне просто не остаться у них? По-моему, они живут в настоящем раю...

Но нет, ведь я ученик Франклина и как исследователь должен сообщить о моих научных открытиях. Кроме того, я считал себя предприимчивым посланцем Наполеона и натуралистом Джефферсона, а также заблудшим агентом сэра Сиднея Смита и знатоком электричества. Меня чествовали как героя в Морфонтене! И меня любили Намида и Астиза, первая погибла, а вторая вновь затерялась в Египте, хотя, возможно, не безвозвратно. Да и по натуре мне больше нравится вращаться в обществе, посещать королевские дворцы и президентские особняки, чем бродить по прериям и жить в вигвамах. К тому же, по предположениям Авроры Сомерсет, я могу еще найти где-то нечто более важное, чем молот

Тора.

И я заставлю ее сказать, *что именно*, если она попадется на моем пути.

По щедрой традиции бедняков, живущих в суровом мире дикой природы, индейцы подарили нам старое каноэ, и мы продолжили плавание, время от времени перетаскивая нашу лодку через порожистые участки.

Через две недели после того, как мы, едва волоча ноги, покинули долину Иггдрасиля, на нашем пути встретился лагерь четырех французских трапперов, они направлялись в Сент-Луис, чтобы провести зиму в теплых, уютных домах. Они сообщили нам, что набиравшая силу река, по которой мы плыли, на самом деле была новорожденной Миссисипи. Мы приветствовали их по-французски, и я рассказал об исследовательских заданиях, полученных мной от Джефферсона и Наполеона.

— На этом берегу реки, приятель, ты можешь провести разведку для Наполеона, — сказал один из вояжеров. — Над Сент-Луисом пока развеивается испанский флаг, но ходят слухи, что скоро его сменит триколор. А вот на другой стороне, — он показал на восточный берег, — ты можешь вести разведку для Джефферсона. По этой реке проходит граница между двумя империями.

— На самом деле он осел и колдун, — сообщил им Пьер.

— Колдун? Какой же тут прок от колдовства? Но осел... ах, как же нам порой их не хватает в этих диких степях!

Мы ничего не сказали им о скандинавских молотах, но порадовали рассказами о нашем путешествии в верховьях Миссисипи и об изобилии в тех местах разнообразной дичи. Хотя в том районе также полно дакотов, предостерег я, и при упоминании об этих свирепых воинах трапперы, казалось, сразу потеряли интерес к услышанному.

Пьер сказал, что ему уже явно не успеть до морозов добраться до своих северян, и мы, опережая зиму, продолжили плыть на юг. Тринадцатого октября — в очередную годовщину Черной пятницы рыцарей тамплиеров — мы подошли к пологой набережной Сент-Луиса, где причаливали для разгрузки товаров речные суда, перед тем как вновь отчалить от этого каменистого «берега». Сотню лет назад французы основали здесь поселение, подобное Детройту, но в отличие от Детройта оно не захирело, а расцвело. Французские беженцы из разросшихся владений Британии и Соединенных Штатов оседали здесь, желая начать новую жизнь в империи Наполеона. Этот городок находится всего в нескольких милях к югу от слияния Миссисипи с ее притоком Миссури, и едва ли можно вообразить более удобное расположение со стратегической точки зрения. Если Бонапарту нужна Луизиана, то ему достаточно взять под контроль Сент-Луис и Новый Орлеан. А если Джефферсон хочет выйти к Тихому океану, то его Мериветеру Льюису придется пройти через Сент-Луис.

На этом я завершил мое западное путешествие. Истощенный, удрученный и нищий, я не нашел никаких свидетельств того, что Джефферсоновы слоны еще бродят по западным степям — и не мог, в сущности, никому рассказать о наших действительных находках, поскольку подозревал, что они способны оказаться выгодными лично для меня, закоренелого искателя сокровищ. *Thira? Og ?* Как обычно, в этих таинственных словах я не увидел никакого смысла. Но зато впервые за многие месяцы наконец принял горячую ванну, с наслаждением отведал белого, пушистого, как облако, хлеба и уснул не на жесткой земле, а на нормальной кровати.

Новые башмаки с непривычки натерли мне ноги.

Пьер заявил, что он никогда больше не пустит в свое каноэ безумных ослов. Став большими друзьями, несколько дней мы испытывали некоторую неловкость, поскольку он понимал, что я мечтаю вернуться к городской жизни, а я знал, как он тоскует по свободной жизни вояжера. Оба мы, испытывая чувство вины, молча горевали о наших погибших спутниках, но мужчинам всегда трудно откровенничать на подобные темы. Я размышлял, не следует ли мне убедить этого французского крепыша вернуться со мной в Париж. Но однажды утром, не сказав ни слова, он просто исчез. На сей раз не было никакого похищения, а единственным свидетельством его добровольного ухода послужила

продавленная пулей подвеска в форме пирамиды, оставленная возле моей кровати.

Суждено ли нам еще встретиться?

В Сент-Луисе я познакомился с путешественником, прибывшим из Луисвилла, землевладельцем Уильямом Кларком, младшим братом знаменитого героя нашей Войны за независимость, Джорджа Роджерса Кларка. А сам этот младший Кларк после участия в войнах с индейцами перенес тяжелую болезнь и принял решение начать оседлую жизнь в Кентукки; впрочем, он выглядел крепким, приятным в общении человеком и разыскал меня, как только услышал, что я путешествовал по северным районам территории Луизианы.

— Я потрясен, сэр, честно говоря, совершенно потрясен, — заявил Кларк, пожимая мне руку с таким восторгом, словно я был президентом. — Но вероятно, герою Акры и Морфонтена не привыкать к таким трудностям.

— Едва ли герою, господин Кларк, — скромно ответил я, потягивая благословенное французское вино и уносясь мыслями в блаженное парижское прошлое. — Половина моих славных находок превратилась в пепел.

— Но разве вы не считаете, что такие испытания выпадают на долю настоящих мужчин? — спросил Кларк. — Я убежден, что разница между успешным человеком и неудачником заключается в том, что первого неудачи не останавливают. Вы согласны со мной?

— Видимо, вам присуща мудрость моего наставника Франклина.

— Вы знали Франклина? Вот это был человек! Титан мысли, сэр, Соломон! А что, интересно, Франклин мог бы сказать о Луизиане?

— Что ему уютнее в родной Филадельфии.

— Безусловно, я готов держать пари! Филадельфия, несомненно, также уютнее, чем Кентукки, но ах... Кентукки! Какая там красотища! И какие возможности!

— В Луизиане, на мой взгляд, всего этого тоже хватает.

— Но не думаете ли вы, что это способны понять только американцы? Поглядите на здешних французов. Они славные парни, но их волнует пушная торговля, а не фермерство. Они бродяжничают, как индейцы. Осваивать берега Огайо каждую неделю отправляется американцев больше, чем общее число французов, осевших в Сент-Луисе. Да, американцы быстро освоятся на этих восточных берегах, очень быстро!

— Вы так полагаете? Я доложу о вашем мнении Джефферсону и Наполеону.

— И неизбежно окажетесь правы. — Он сделал глоток вина. — А скажите-ка мне, вам понравилось на Западе?

Подумав немного, я решил сказать правду.

— Он напугал меня.

— О, как интересно. Хотелось бы мне пойти по вашим стопам, Итан Гейдж. Я слышал об увлечениях нового президента и знаком с его секретарем, капитаном Льюисом. Было бы здорово вновь отведать романтики приключений, хотя я уже обзавелся семьей и расстройством пищеварения. Не знаю. Даже не знаю. — Его пальцы выбили на столе бодрую дробь, а мечтательный взгляд устремился на запад, в какие-то недоступные мне уже заманчивые дали. — А что вы собираетесь доложить Наполеону?

Для начала мне нужно выяснить, что такое «*Og*», подумал я, но не сказал.

— Доложу, что Луизиана открывает перед ним новые возможности, хотя и отличные от тех, на которые он рассчитывал. Полагаю, я подскажу ему, как можно разбогатеть. — Я уже мысленно составил этот доклад. — И думаю, я подскажу Томасу Джефферсону, как организовать одну выгодную сделку.

Исторический комментарий

Восьмого ноября 1898 года в окрестностях деревни Кенсингтон в Миннесоте переселившийся туда фермер Олаф Охман занимался расчисткой земельного

участка и обнаружил под корнями тополя камень, похожий на надгробную плиту. Осмотрев находку, он заметил вырезанные на плите письма или скандинавские руны, в итоге переведенные следующим образом:

«Из Винланда в завоевательный поход на далекий запад вышло восемь готландцев и двадцать два норвежца. Мы встали лагерем вблизи двух скалистых островов, в одном дне пути к северу от сего камня. Однажды мы ушли порыбачить. Когда вернулись, обнаружили десять умерших, красных от крови. АУМ спаси от зла».

А на боковой стороне:

«В четырнадцати днях пути от сего острова оставлен отряд из десяти воинов сторожить наши корабли у моря. Год 1362».

О подлинности кенсингтонского рунического камня, после представления его в небольшом музее в Александрии, штат Миннесота, горячо спорили более ста лет. Действительно ли скандинавские мореплаватели побывали на Среднем Западе, опередив Колумба почти на сто тридцать лет? Находчивый фермер не получил никакой выгоды от своей находки и настаивал до самой своей кончины, что не имеет отношения к высеченным на камне буквам. Допустим, плиту подделали, но тогда подделали и закопали задолго до его прибытия, поскольку над ней успело вырасти дерево. А несколько десятилетий тому назад никаких белых поселенцев там еще не было и в помине. Допустим, плита подлинная, тогда непонятно, обнаружена ли она на том самом месте, где ее изначально оставили. Как могли средневековые скандинавы без всяких карт и описаний добраться до западной Миннесоты?

Ученые, насмехавшиеся когда-то над вероятностью любых доколумбовых связей между Европой, Азией и Америкой, в последние десятилетия получили изобилие фрагментарных свидетельств и оригинальных теорий, в которых предполагалось, что на самом деле древние мореплаватели пересекали не только Атлантический, но и Тихий океан. Самой убедительной находкой, подтверждающей то, что древние викинги побывали в Северной Америке, является обнаруженное в 1960 году в низине Ньюфаундленда индейско-норвежское поселение. Рунические камни между тем обнаружили также в Мэне, Оклахоме, Айове, Дакоте и Миннесоте. Обнаружили и фрагменты средневекового европейского вооружения. Также в Северной Америке найдено порядка двух сотен валунов с просверленными отверстиями, весьма схожих со средневековыми скандинавскими камнями, которые использовались для привязывания кораблей.

Как показано в данном романе, во времена Джефферсона и даже ранее начали появляться теории, в которых предполагалось, что до Колумба в Америке побывали другие европейские — или даже еврейские — мореплаватели. Более светлую кожу некоторых индейцев племени манданов и то, что их сельскохозяйственные поселения больше напоминали средневековую европейскую деревню, чем типичное поселение индейцев, живших на Великих равнинах, отмечали: в 1733 году французский исследователь Пьер де ла Верандри и в 1832 году художник Джордж Катлин. Манданские женщины считались самыми красивыми на континенте и пользовались большой популярностью — в связи с чем отправившиеся в экспедицию Льюис и Кларк решили провести у них зимний сезон. Все это подпитывало предположения о том, что каким-то образом скандинавские или валлийские гены как минимум попали в воды реки Миссури. К сожалению, манданы и родственные им племена аваксави были полностью уничтожены эпидемиями оспы и набегами дакотов уже к 1840-м годам, до того как успели провести серьезные научные исследования.

Существуют легенды о том, что в 1170 году принц Уэльский Мэдок отправился в Новый Свет во главе флотилии из десяти кораблей, а еще раньше, в 512 году, святой Брендан отправился на запад из Ирландии к островам Блаженных. Споры также разгорелись по поводу того, что объем доисторических рудников на островах Великих озер слишком велик, чтобы приписать их освоение аборигенам.

Антропологи тоже выдвинули обоснованные доводы в пользу того, что изначально Америка могла быть заселена не только азиатами, перешедшими в нее

в ледниковую эпоху по перешейку в Беринговом море, но и предками европейцев, которые пересекли Северную Атлантику, передвигаясь от острова к острову. Между тем с каждой новой археологической находкой дата заселения Западного полушария человеком отодвигается все дальше и дальше.

Сама система североамериканских рек доказывает возможность того, что скандинавы (или валлийцы) по меньшей мере могли добраться водным путем в центральную часть континента. Кенсингтон находится между речной системой Ред-Ривер и Нельсон, которые текут на север к Гудзонову заливу, и речным бассейном Миссисипи, которая доносит свои воды до Мексиканского залива. Система Великих озер, связанная с рекой Святого Лаврентия, обеспечивает другой путь к Атлантике с короткими пешими переходами, которые позволяют осуществить плавание по Миннесоте, как и описано в данном романе. Возможность, разумеется, еще не доказательство, однако исследовательские теории Магнуса Бладхаммера представляются в итоге не такими фантастичными, какими могли показаться на первый взгляд. Среди представителей коренного населения Америки — от Перу до Канады — широкоизвестны легенды о белокожих пришельцах из далекого прошлого, а во всем мире также популярны легенды об утраченном золотом веке, во время которого мифические персонажи передали знания человечеству. Может, в мифах и легендах содержится зерно исторической правды?

Идеи о том, что в Миннесоте могли искать спасения бежавшие из Скандинавии тамплиеры — возможное толкование своеобразного шифра странно помеченных рун на камне, — я почерпнул в трудах исследователей кенсингтонского рунического камня геолога Скотта Уолтера, его жены Жанны Уолтер и инженера Ричарда Нильсена. В труде «Кенсингтонский рунический камень: убедительное новое свидетельство» дан анализ геологических, рунических и исторических особенностей найденного камня. Они провели серьезные исследования на острове Готланд, стараясь установить подлинность особой рунической надписи, обнаруженной Олафом Охманом. Более краткое и уравновешенное введение для дискуссии дает Алиса Бек Кехо в «Кенсингтонских каменных рунах».

Захватывающие взаимосвязи между франкмасонством, происхождением Соединенных Штатов и проектом столичного Вашингтона обсуждались и исследовались в большом числе книг и документальных фильмов. Интерес Джефферсона к истории шерстистых слонов, вулканам Миссури и соляным горам является историческим фактом.

Во время странствий Итана Гейджа президентский особняк еще не называли Белым домом, такое название он получил после того, как британцы подожгли его в 1812 году, а затем покрасили восстановленные стены в соответствующий цвет.

Ссылки на скандинавские мифы и легенды взяты из реальных письменных источников. Но как насчет ботанического чуда, обнаруженного Магнусом и Итаном? Проводилось множество экспериментов по изучению «электрической природы» и влияния электрических полей на рост растений, включая опытный механизм Бертолона, созданный в 1783 году. Как сообщают более поздние эксперименты, растущие в воде корни способны проводить электрический ток, а семена быстрее развиваются в электрическом поле. Мой «электрический» Иггдрасиль, несомненно, является творческим вымыслом, но, учитывая, что высота деревьев ограничивается законами гравитации и сложностью подъема влаги и питательных веществ по стволу, я позабылся, представив «подпитываемое молниями» дерево, способное накопить мощную энергию для преодоления такого ограничения.

И наконец, хотя многие индейцы в этой истории в соответствии с обстановкой того времени показаны жестокими и свирепыми, я должен заметить, что современные рассказы о коренных американцах показывают, что они неизменно остаются разнообразными и сложными, как все люди со своими добродетелями и пороками, как и описывают их европейцы. Бледнолицые пленные изображают первозданный мир поразительной свободы, радости и щедрости,

сочетаемый с постоянной угрозой голодной смерти, вредоносными влияниями внешней среды, войн и пыток. Мы имеем лишь отрывочные представления о «первозданном» состоянии общества коренного населения, поскольку оно слишком быстро попало под влияние и заразилось пороками, порожденными европейским вторжением. Обманчивое безлюдье западных земель явилось результатом эпидемий, уничтоживших индейское население до того, как до них успело добраться большинство исследователей. Огнестрельное оружие произвело коренной переворот в межплеменных войнах, и многие племена снялись с насиженных мест, отступив на запад от наступления европейцев. Дакоты (или сиу) стали всадниками высокогорных равнин только после того, как их вытеснили из восточных лесов другие племена, такие как оджибве (или чиппева), которые первыми получили ружья. Лошадей завезли испанцы. Западное путешествие Итана Гейджа в район Миссисипи произошло на три года раньше экспедиции Льюиса и Кларка, но даже увиденный им первобытный Запад значительно изменился по сравнению с доколумбовыми временами. Если и существовал некогда в тех американских землях райский сад, то его врата закрылись за три столетия до того, как туда направился Итан Гейдж.

Или, возможно, как полагали Пьер и Намида, рай может быть в любом месте, где мы сумеем создать его.